

Библиотека Российской академии наук

В.П. ЛЕОНОВ

ИЗБРАННОЕ

Санкт-Петербург

2021

УДК 02
ББК Ч73я44+Ч75я44+Ч23я44
Л47

Леонов В.П.

Л47 Избранное / В.П. Леонов ; Библиотека РАН. – Санкт-Петербург : БАН, 2021. – 568 с.

ISBN 978-5-336-00284-3

В издании собраны статьи, интервью и выступления, опубликованные в специальных журналах и сборниках в 1972–2020 гг. Они отражают динамику развития научных интересов автора к книге, библиотековедению, библиографии и информатике за время работы в Ленинградском институте культуры и в Библиотеке РАН.

Книга состоит из восьми тематических разделов. Отдельный раздел посвящен памяти учителей, коллег и друзей В.П. Леонова. В эпилоге представлены некоторые страницы его биографии.

Издание адресовано специалистам гуманитарного профиля, а также всем, кто изучает отечественную науку и культуру.

*Издание осуществлено
за счет финансовых средств автора*

ISBN 978-5-336-00284-3

© Леонов В. П., 2021
© Библиотека Российской
академии наук, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Часть первая. Книговедение: новые аспекты теории	9
1.1. Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе	9
1.2. Книга как врожденная программа человека	34
1.3. О гравитации печатной и электронной книги	44
1.4. Мелодии необитаемого острова: послесловие к еще ненаписанной книге	57
1.5. Почему «Bésame mucho»?: (о новой книге-надежде)	70
Часть вторая. Библиотековедение как фундаментальная наука	84
2.1. О методах библиотекведческих исследований в США	84
2.2. Выступление на годичном общем собрании АН СССР, 22 марта 1990 г., МГУ	93
2.3. О новой парадигме библиотекведения: (из стенографического отчета СПб НЦ РАН): заседание Президиума 19 мая 1994 г.	98
2.4. Будущее библиотеки как предмет изучения.....	118
Часть третья. Библиографическая информация и проблемы ее свертывания	142
3.1. Некоторые аспекты проблемы информативности... ..	142
3.2. О методах автоматического реферирования (США, 1958–1974 гг.)	157
3.3. Концепция автоматической энциклопедии	173
3.4. Где заканчивается «о чем» и начинается «что»? (о критерии различия аннотаций и рефератов).....	192

Часть четвертая. Библиотечно-библиографические процессы как социальный феномен	202
4.1. Библиографический процесс и время (к постановке вопроса)	202
4.2. Библиотеки и библиотечное дело в эпоху компьютеризации: возможности и перспективы	213
4.3. «Черный квадрат» и мобильная библиотека: опыт прочтения	231
Часть пятая. Библиография: в поисках новой парадигмы	243
5.1. Библиографоведение – наука фундаментальная: (круглый стол «СБ» на тему «Современная библиографоведческая парадигма»)	243
5.2. О журнале «Советская библиография» и указателе к нему	247
5.3. «Голландская болезнь» российской библиографии	253
5.4. Библиографическое мышление как процесс	265
Часть шестая. Концепция точного библиографоведения	275
6.1. Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения	275
6.2. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения	288
6.3. Точное библиографоведение и стратегия «дальнего чтения»	300
6.4. О создании Межведомственной библиографической лаборатории для исследования дальнего чтения	311
Часть седьмая. Библиотека Академии наук: опыт биографии	318
7.1. «Бывают странные сближения»: (Александровская библиотека и Петербургская БАН) ...	318

7.2. Западноевропейцы о первой русской библиотеке в Петербурге XVIII в.	329
7.3. Иоганн Даниэль Шумахер: между Библиотекой, Академией и Двором.....	338
7.4. Международное значение Библиотеки Академии наук СССР.....	361
7.5. В экстремальных условиях	377
7.6. Сохранение знаний в библиотеках: уроки БАН	386
7.7. В окружении искажений: (как изучать историю Библиотеки РАН?).....	398
7.8. «Академическое дело» 1929–1931 гг.....	403
7.9. «...the University of Maryland gets into your soul»: Интервью с В.П. Леоновым о поездке (2013 г.).....	418
7.10. Академик Ж.И. Алфёров и Библиотека Российской Академии наук (к 90-летию со дня рождения)	435
Часть восьмая. Международная ассоциация библиофилов и Библиотека Российской Академии наук.....	444
8.1. Международная ассоциация библиофилов (AIB) как центр изучения мировой книжной культуры: опыт Библиотеки Академии наук	444
8.2. Библиотечный Кейптаун: (по материалам коллоквиума Международной ассоциации библиофилов).....	449
8.3. Серендипность: О британском библиофиле К. ФранкLINE	460
«Из третьей эпохи воспоминаний...»	464
Памяти Владимира Александровича Филова (1930–2006).....	464
Три принца из Серендипа: памяти В.В. Худолея.....	468
Питер Уотерс и Библиотека Академии наук: вспоминая февральский пожар 1988 г.	478

О библиофильской деятельности Энтони Хобсона.....	507
Вспоминая Юджина Гарфилда: по материалам публикаций и личной встречи	514
Благодарная память: к 100-летию со дня рождения И.В. Гудовщиковой	519
Вместо эпилога	528
Именной указатель.....	545

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем издании собраны статьи, интервью и выступления, которые опубликованы в специальных журналах и сборниках в 1972–2020 гг. Они отражают динамику развития моих научных интересов к книге, библиотековедению, библиографии и информатике, которые формировались во время работы в Ленинградском институте культуры и в Библиотеке Российской академии наук.

Материал сгруппирован по комплексным проблемам. Вопросы и гипотезы, рассмотренные в публикациях, возможно, не всегда бесспорны, тем не менее, они остаются актуальными для нашего времени.

В структуре книги выделены восемь тематических разделов:

1. Книговедение: новые аспекты теории.
2. Библиотековедение как фундаментальная наука.
3. Библиографическая информация и проблемы ее свертывания.
4. Библиотечно-библиографические процессы как социальный феномен.
5. Библиография: в поисках новой парадигмы.
6. Концепция точного библиографоведения.
7. Библиотека Академии наук: опыт биографии.
8. Международная ассоциация библиофилов и Библиотека Российской академии наук.

Каждый раздел многоаспектно раскрывает обозначенные проблемы, полномасштабное освещение которых может составить содержание не одной книги или коллективного труда. Мною сделаны лишь попытки их определить, выделить, сфор-

мулировать, частично исследовать, а затем и апробировать отдельные новые подходы на конкретном материале.

Последний раздел «Из третьей эпохи воспоминаний...» посвящен памяти моих учителей, коллег и друзей. Заключают книгу в качестве эпилога некоторые страницы моей биографии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КНИГОВЕДЕНИЕ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ

1.1. Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе

*...Я не могу представить себе
Вселенную и человеческую жизнь без
какого-то осмысляющего их начала,
без источника духовной «теплоты»,
лежащего вне материи и ее законов.*

А.Д. Сахаров. «Воспоминания»¹

В сентябре 2005 года в Швейцарии проходил XXIV коллоквиум Международной ассоциации библиофилов. В культурную программу коллоквиума входило, в частности, посещение Музея искусств в Базеле. Там и состоялась моя первая встреча с иллюстрациями Апокалипсиса в станковой гравюрной серии Альбрехта Дюрера (1471–1528). Одна из них, выполненная в 1498 году, буквально поразила меня. На гравюре А. Дюрер изобразил святого Иоанна Богослова, поедаящего книгу.

Уже в БАН научный сотрудник Отдела рукописей В.Г. Подковырова показала мне книгу Апокалипсиса с толкованиями Андрея Кесарийского². По синодальному изданию Библии этот текст приведен в книге Нового Завета (разд. «Откровения Святого Иоанна Богослова», гл. 10, строфы 8–11). Привожу его:

«8. И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною и сказал: пойдя, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле.

9. И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед.

10. И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало в чреве моем³;

11. И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих».

Есть над чем задуматься, правда, читатель, особенно, если, глядя на гравюру А. Дюрера, читаешь толкование ее, а сам думаешь и пишешь о книге как космическом субъекте?

После творения А. Дюрера все другое смотреть невозможно. Хочется вглядываться бесконечно долго и растворить гравюру в себе. Назову еще одну картину с монограммой «АД» – «Христос среди книжников», написанную мастером всего за пять (!) дней. Прекрасный юноша зажат толпою злобных старых уродов с толстыми фолиантами в руках. Переплеты книг словно отталкивают от себя этих страшных владельцев, а

юноша глядится в одну из раскрытых книг, как в зеркало, и она освещает его лицо. Это апология Книге как символу добра и разума, как воплощению правды...

Последние лет пятнадцать я постоянно обращаюсь к проблеме, которая меня волнует и которую до сих пор я не решался ставить публично. Были на то разные причины. Суть ее такова.

Книга ... Мы рассуждаем о ней, имея в виду некую данность, созданную давным-давно человеком. Мы говорим: человек без книги жить не может. Мы изучаем ее формы, функции, назначение на разных этапах развития общества⁴. Мы исследуем ее влияние на формирование человека, его поведение. Нас тревожит будущее книги в эпоху электронных коммуникаций, тревожит будущее библиотек. Сколько было выдвинуто гипотез, теорий относительно книги, ее сущности и секретов воздействия! Все это так и все это очень важно. Однако главная тема не потеряла, по крайней мере, для меня, своей актуальности. Попытаюсь ее сформулировать.

Книга. Что это? Это случайность в мире или необходимый элемент универсума? Возникла ли она, как и человек, «случайно» или у человека и книги есть специальное предназначение, предусмотренное законами Вселенной? Если положительно ответить на первую часть вопроса, т.е. «случайно», то и человек, и его постоянный спутник книга являются только пассивными наблюдателями внешнего мира. Тогда судьба книги непредсказуема, ее легко повернуть в любую сторону и человек примет это как неизбежное.

А если нет? Если человек и книга – неотъемлемая часть Вселенной? Тогда это должно означать, что они порождены ею, как и все другое на Земле. Значит, они могут и обязаны влиять на процессы, протекающие во Вселенной? Человек и книга, как это странно не прозвучит, представляют собой космические субъекты. *Книга как космический субъект!* Следовательно, она бессмертна!

Не скрою, что подобные мысли возникли у меня после изучения работ Владимира Лефевра⁵.

Сделаем паузу. Остановимся на некоторое время и обратимся к литературе.

Есть у Владимира Набокова (1899–1977) один необычный рассказ – «*Ultima Thule*», написанный по-русски в Париже в 1939 году⁶. Набоков изобразил в нем человека по имени Адам Ильич Фальтер, который каким-то непостижимым образом получил знание истины извне, из внешнего мира. Другими словами, это знание, которое существует объективно, но получено Фальтером индивидуально и случайно. Организм Фальтера оказывается не в состоянии удержать его в себе, и он погибает от избытка знания (крайний предел!). Рассказ стоит того, чтобы привести некоторые отрывки.

«Когда мне надоедает уверять себя, – вспоминает герой рассказа художник Синеусов, – что он полоумный, я вижу в нем человека, который... который... потому что его не убила бомба истины, разорвавшаяся в нем... вышел в боги!.. он то вне нас...»

...Я с завистью думаю, что, обладай я крепостью его нервов, упругостью души, сгущенностью воли, он бы теперь мне передал сущность нечеловеческого открытия, сделанного недавно им, то есть не боялся бы, что его сообщение меня раздавит; я же со своей стороны был бы достаточно упорен, чтобы заставить его все сказать до конца...

...Видите ли, – отвечал Фальтер, ... Я выжил; может быть, выжил бы и другой на моем месте... Удивление же, доведенное до потрясающих, невообразимых размеров, – продолжал Фальтер, – может подействовать крайне болезненно, и все же оно ничто в сравнении с самим ударом истины... Она меня не убила случайно – столь же случайно, как грянула в меня... Что же вы скажете об истине, которая заключает в себе объяснение и доказательство всех возможных мысленных утверждений?.. Я получил ключ решительно ко всем дверям и шкатулкам в мире... Я только говорю, что знаю все, что мог бы узнать. То же может

сказать всякий, просмотрев энциклопедию, не правда ли, но только энциклопедия, точное заглавие которой я узнал (вот, кстати, даю вам более изящный термин: я знаю заглавие вещей), действительно всеобъемлющая, – и вот в этом разница между мною и самым сведущим человеком... итак, то главное во мне, что соответствует главному в мире, не подлежит телесному трепету, который меня так разбил. Вместе с тем возможное знание всех вещей, вытекающее из знания главной, не располагает во мне достаточно прочным аппаратом. Я усилием воли приучаю себя не выходить из клетки, держаться правил вашего мышления...

...В первое время мне казалось, что можно попробовать... поделиться. Взрослый человек, если только он не такой бык, как я, не выдерживает, допустим, но, думалось мне, нельзя ли воспитать новое поколение знающих, то есть не обратиться ли к детям... Но на самом деле что же бы получилось?.. Если тайна моя не всегда бьет матерого сапиенса, то никакого юноши она, конечно, не пощадит... словом, довериться мне некому.

...Вчера... я (Синеусов) получил от него (Фальтера) самого записку – из госпиталя: четко пишет, что во вторник умрет... И что на прощание решается мне сообщить, что – тут следуют две строчки, старательно и как бы иронически вымаранные...».

Вот такой удивительный рассказ. Где же выход и есть ли он? Можно ли удержать знание и сохранить жизнь человека? В рассказе В. Набокова выхода нет. Следовательно, и нет ответа. Мир истинного знания помещен автором внутрь конкретного субъекта. Его психика не в состоянии вместить весь объем знания, и человек обречен на неизбежную гибель. А может ли такое знание существовать автономно, вне субъекта? Замечу, что знание Фальтера не есть знание обо всем одновременно. По структуре своей оно представляет гигантскую энциклопедию или словарь, где содержатся правильные

ответы на правильно поставленные вопросы. Таким образом, *знание*, у Набокова, *есть ответ на незадаанный вопрос*. Фальтер не знает их все наизусть и заранее, но при правильном вопросе мгновенно находит нужный ответ⁷.

Выход, несмотря на трагический конец рассказа, есть. Набоков вплотную подвел читателя к заключению, что вместилищем автономного мирового знания может быть другой носитель, постоянный спутник человека. Таковым является книга, множество книг, библиотеки. Только общаясь с книгой, субъект в состоянии познавать себя и окружающий мир. Его физическому существованию не угрожает увеличивающийся объем мирового знания, более того, благодаря книге общение со знанием дает возможность субъекту делать каждый раз новые открытия.

Значит, человек есть единственное существо на Земле, которое изобрело общественные хранилища информации, аккумулируемые вне его мозга, – книги и библиотеки, – преодолев тем самым ограниченные антропометрические параметры собственного индивидуального сознания.

Обратимся к книге американского физика Карла Сагана (1934–1996) «Космос»:

«Когда наши гены, – пишет он, – не смогли вместить всю информацию, необходимую для выживания, мы постепенно обрели мозг. Но потом – предположительно около десяти тысяч лет назад – пришло время, когда нам понадобилось знать больше, чем мог без труда вместить наш разум. Поэтому мы научились запасать огромное количество информации вне нашего тела»⁸.

С появлением книги К. Саган связывает решение проблемы сохранения и передачи знания во времени и пространстве:

«Один взгляд на них (книги. – В.Л.) – и вы слышите голос другого человека, возможно, умершего тысячи лет назад. Через тысячелетия речь автора, отчетливая и безмолвная, возникает в нашей голове, обращенная лично к нам... Книги разбивают кандалы времени, доказывая, что люди способны на волшебство... Книги позволяют

нам путешествовать во времени, сохраняя мудрость предков. Библиотека связывает нас с догадками и знаниями, которые когда-то в муках отвоевали у природы величайшие умы человечества, с лучшими учителями за всю историю нашей планеты...»⁹.

Позволю себе нетривиальное предположение: я допускаю, что в психику человека изначально заложена некая схема книги, в которой уже отражены законы природы. Для доказательства обратимся к литературе. Так, в исследованиях отечественного психолога Н.И. Жинкина (1893–1979) приведено описание особого языка интеллекта, названного им универсальным предметным кодом. Код этот имеет принципиально невербальную природу и представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отображения действительности в сознании человека. Он интернационален и универсален, так как не зависит от знания языка и оперирует только смыслами. Вместе с тем, он является несловесным коммуникативным образованием, способным служить импульсом к общению. Движение от мысли к слову начинается с работы этого несловесного коммуникативного образования¹⁰.

Удивительно и то, что идея «предметной» коммуникации, задолго до Н.И. Жинкина, описана Дж. Свифтом (1667–1745) в фантастическом *«Путешествии Гулливера в Лапуту»*¹¹. Свифт рассказывает об удивительных людях, которые решили обходиться без языка и вели беседу не с помощью слов, а с помощью самих предметов:

«...Мы пошли в школу языкознания, где заседали три профессора на совещании, посвященном вопросу об усовершенствовании родного языка. Первый проект предлагал сократить разговорную речь путем сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного упразднения всех слов; автор этого проекта ссылаясь главным образом на его пользу для здоровья и сбережение

времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием легких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни. А так как слова суть только названия вещей, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний. Это изобретение благодаря его большим удобствам и пользе для здоровья, по всей вероятности, получило бы широкое распространение, если бы женщины, войдя в стачку с невежественной чернью, не пригрозили поднять восстание, требуя, чтобы языку их была предоставлена полная воля, согласно старому дедовскому обычаю: так простой народ постоянно оказывается непримиримым врагом науки! Тем не менее, многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим новым способом выражения своих мыслей при помощи вещей. Единственным его неудобством является то обстоятельство, что, в случае необходимости вести пространный разговор на разнообразные темы, собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух дюжих парней. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа; затем складывали свою утварь, помогали друг другу взваливать груз на плечи, прощались и расходились.

Впрочем, для коротких и несложных разговоров можно носить все необходимое в кармане или под мышкой, а разговор, происходящий в домашней обстановке, не вызывает никаких затруднений. Поэтому комнаты, где собираются лица, применяющие этот метод, наполнены всевозможными предметами, пригодными служить материалом для таких искусственных разговоров.

Другим великим преимуществом этого изобретения является то, что им можно пользоваться как всемирным языком, понятным для всех цивилизованных наций, ибо мебель и домашняя утварь всюду одинакова или очень похожа, так что ее употребление легко может быть понято. Таким образом, посланники без труда могут говорить с иностранными королями или министрами, язык которых им совершенно не известен»¹².

Субъективный внутренний мир человека недоступен непосредственному наблюдению. Если ментальная среда объективно ненаблюдаема, то как, каким образом, можно получить о ней объективную информацию? Ответ только один: посредством прочтения (расшифровки) генетического кода человека, то есть прочтения, кроме биологической, психологической информации, изначально заложенной в его сознании. В этом смысле в изучении человека «книговедческие» пути отличаются от путей, которыми следуют биологические науки.

Будем исходить из того, что книжный мир существует вне меня, и я могу только с той или иной достоверностью подключиться к нему. Следовательно, книжник должен уметь почувствовать книгу, интуитивно ее угадать. В процессе такой умственной работы может появиться новый тип библиографа или библиотекаря, который по своей идеологии, по эстетическим и научным критериям будет похож на ученого-теоретика.

Задача книговедения – выделить в процессе эволюции книги то, что объединяет разные народы и культуры, их взаимосвязь. Разгадка может быть в происхождении книги от общего корня, общих предков. То, что я имею в виду, есть некий аналог теории вакуума в физике. Вакуум, как известно, сложная вещь; это другой мир со сложной структурой, однако для многих он – пустота.

*В закрытьи глаз, в покое рук –
Тайник движенья непочатый.*

(О. Мандельштам «Автопортрет», 1914)

На уровне «вакуума» все главное, видимо, и происходит, но еще не принимается во внимание исследователями. Например, для издателя, выпускающего книги, мира вакуума просто нет. Что есть «вакуум» в изучении книги? Это знание, неотчужденное от человека, невербальное или личностное, «живое» знание; книга представляет собой форму закрепления и представления личностного знания. Это напоминает, если обратиться к примерам, воздействие последнего кадра из фильма Андрея Тарковского (1932–1986) «Солярис»: отлет камеры от очень крупного плана до самого общего, когда изображение (читай – книгу) видишь как малую часть общего мира, когда испытываешь чувство выхода из обжитой ситуации в *д р у з о* е пространство¹³.

...Итак, если книга есть космический субъект, то какова ее миссия во Вселенной? Думаю, что влиять на сознание человека, способствовать дальнейшему развитию его мышления. Тогда зачем, с какой целью? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории изучения человека, то есть к антропогенезу. Источники свидетельствуют, что еще в начале XIX в. определились три подхода к человеку: 1) как к биологическому виду; 2) как к носителю мирового разума; 3) как к субъекту социальных отношений¹⁴.

Среди этих трех подходов одним из наиболее популярных в науке считается подход, согласно которому человек является носителем разума во Вселенной и смысл его существования состоит в *рационализации материи*. Ее можно представить и в виде человеческого мозга, и в виде лемовского Соляриса – «мыслящего океана», и в виде упорядоченных электронных библиотек, интернетовских сайтов и т.п.

Первый шаг в изучении человека как носителя мирового разума связан с именем Карла Бэра (1792–1876), выдающегося естествоиспытателя и директора иностранного отделения Библиотеки Академии наук (1835–1862). Еще, будучи в Кенигсберге, в январе 1834 года в Физико-экономическом обществе он сделал доклад «*Всеобщий закон природы, проявляющийся во*

всяком развитии»¹⁵. Развитие неживой и живой природы, человека и общества было включено Бэром в единый процесс космической истории. Человек интересовал его, прежде всего, как носитель разума. Возникновение последнего Бэр считал закономерным в ходе космической эволюции материи:

«..Душевная жизнь человека начинает проявлять свою мощь, покорять материю, господствовать над стихиями, превращать все живое в своих рабов, ... с изобретением книгопечатания, она собирает все духовное достояние в одно единое целое. Таким образом, вся земля является только пашней, на которой произрастает духовное начало человека, и вся история природы является только историей, идущей вперед победы духа над материей» (с. 120)¹⁶.

Среди других выдающихся ученых – сторонников такого подхода к роли человека, назову имена В.И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Н.Н. Моисеева. Так, В.И. Вернадский (1863–1945) развивал идею о космической роли человечества. В его трудах возникновение сознания было представлено как закономерный результат прогрессивной эволюции, а появление человека как важнейшее событие в геологической истории Земли. Заселив всю планету, человек постепенно изменил ее живое вещество в соответствии со своими целями. Одновременно с теорией живой материи Вернадский разрабатывал учение о ноосфере – сфере разума, геологическую роль человека в которой он считал ведущей¹⁷. Он был убежден в том, что понимание мира зависит от понимания природы человека:

«Напрасно стал бы человек пытаться научно строить мир, отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от его природы понимание мира. Эта задача ему не по силам; она является и по существу иллюзией и может быть сравнена с классическими примерами таких иллюзий, как искание perpetuum mobile, философского камня, квадратуры круга. Наука не существует помимо человека и есть его создание, как

его созданием является слово, без которого не может быть науки. Находя правильности и законности в окружающем его мире, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и к своему разуму. В научно выраженной истине всегда есть отражение – может быть, чрезвычайно большое – духовной личности человека, его разума.

Натуралист-эмпирик всегда должен с этим считаться; для него, с его методами искания истины, другой мир, не связанный с отражением человеческого разума, если даже он существует, недоступен. В философии в связи с этим натуралист неизбежно является реалистом, для него его научная картина мира есть нечто реально существующее.

Он может допускать возможность того, что такое отражение человеческого разума, а, следовательно, и человеческой личности, в научно строяемом мире вообще не является случайностью; и уже неизбежно не является случайностью большая доступность для его научного творчества более близких к источнику разума природных явлений, каковыми являются все явления, связанные с жизнью человека. Всегда науки о человеке ближе к нему придвинуты; человеческая личность может в них проникать глубже, чем в научные дисциплины, изучающие Космос.

Изменение, происходящее в этой части картины мира, поэтому еще глубже и сильнее отражается на человеческой жизни»¹⁸.

Следующая концепция, в которой человек является неотъемлемой частью космологической эволюции, была разработана французским теологом и антропологом П. Тейяром де Шарденом (1881–1955). Согласно его суждениям, Вселенная в начальном состоянии состоит из особых частиц, каждая из которых обладает как материальным, так и духовным аспектами. Эволюция Вселенной рассматривается как направленное усложнение исходной структуры. При объединении частиц происходит соединение их духовных аспектов, в результате чего возникает психика и появляется человек. Дальнейшее разви-

тие мира связано с интеграцией отдельных индивидуумов, и как следствие появляется новая, более совершенная, чем отдельный человек, единица, которая осознает сам принцип эволюции. После этого эволюция управляется сверхчеловеческим сознанием и завершается в точке «Омега», где Вселенная превращается в единое гуманное и разумное существо. В нем когда-нибудь соединятся отделившиеся от Земли души умерших людей¹⁹.

Концепция В.И. Вернадского получила развитие в трудах Н.Н. Моисеева (1917–2000). *«Я представляю себе – пишет Н.Н. Моисеев, – сколь ограничены наши знания, и всякий раз, когда это необходимо, подчеркиваю границы неведомого. Больше всего мне хотелось бы добиться того, чтобы ... читатель почувствовал, что все в Природе – и неживое вещество (косная материя, по терминологии В.И. Вернадского), и мир живого, и общество – являются элементами некой единой системы и в своем развитии подчиняются некой общей логике, которую я однажды назвал универсальным эволюционизмом!»*²⁰

В результате такого развития возникает новая форма самоорганизации материи – человеческое общество. Согласно Моисееву, Вселенную также можно рассматривать как гигантскую самоорганизующуюся систему, высшей стадией эволюции которой является возникновение Разума. Благодаря последнему, Вселенная обретает способность познавать себя и направлять свое развитие, ослабляя дестабилизирующие факторы. В этом Моисеев видит космическую роль человечества.

Теперь предоставляю слово Владимиру Лефевру, его цитата заведомо интереснее пересказа.

«Достаточно вспомнить, – пишет автор, – потрясающую по своей поэтической силе космологическую концепцию Н.Ф. Федорова (1829–1903). Будучи глубоко верующим христианином, он соединил в своей схеме мира веру в неминуемое воскрешение мертвых с технологическим прогрессом. С его точки зрения, задача воскресить мертвых

возложена Богом на человека, а технология – это тот инструмент, с помощью которого человечество обязано реализовать свое предназначение. В этом состоит высший смысл познания природы, и только это оправдывает неудержимое индустриальное развитие. Однако решение проблемы воскрешения мертвых с неизбежностью требует космической экспансии, поскольку на Земле не хватает места для всех когда-либо существовавших людей.

Н.Ф. Федоров призывал приступить к решению этой задачи немедленно. Его идеи оказали глубокое влияние на русскую интеллигенцию рубежа XIX и XX веков. Но наиболее существенным оказалось влияние Федорова на К.Э. Циолковского (1857–1935). Идеи Федорова были воплощены Циолковским в конкретные инженерные решения, которые, в свою очередь, легли в основу советской космической программы. Мы видим, таким образом, что идеи мудреца-мистика оказались исходным детонатором, приведшим к сегодняшнему освоению космоса. Концепция Федорова, видимо, связана с глубокими архетипическими пластами нашего сознания»²¹.

Добавлю к сказанному В.А. Лефевром, что Николай Федорович Федоров более 20 лет работал библиотекарем Румянцевского музея (ныне – Российская государственная библиотека). Среди его постоянных собеседников, помимо К.Э. Циолковского, были Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.О. Пастернак и многие другие. О Н.Ф. Федорове сейчас много читают и пишут. (И едва ли не каждый автор упоминает В. Маяковского как поэтического выразителя его главной философской идеи²².) Книга, служению которой он себя посвятил, была для него соединяющим звеном между бывшим и настоящим. В статье «Уважал или презирал книгу 19 век?» он писал:

«Книга как выражение слова, мысли и знания занимает высшее место среди памятников прошедшего; должна она занимать его и в будущем, которое призвано стать делом возвращения прошедших поколений к жизни, и лишь

тогда книга с этого первого места снизойдет на последнюю, когда то, что было лишь в книге, то есть только в мысли и голове, станет живым делом человечества»²³.

Итак, если мы хотим включить книгу в процессы мироздания, надо стремиться к построению таких концепций, в которых и человек, и книга выступала бы как проявления некоторой единой конструкции. Другими словами, Универсум в такой конструкции должен быть похож на тот мир, который **МЫ** наблюдаем. В нем необходимо предусмотреть место, чтобы содержать в себе возможность существования двух субъектов – человека и книги. Тогда мы сможем объяснить и предсказать события, проявляющие себя в конкретном существовании, поскольку, полагает В. Лефевр, «сегодня единственные известные нам космические субъекты – это мы сами». И далее заключает: «Если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение – это борьба с тепловой смертью»²⁴.

В качестве возможных подходов к построению конструкции мира, который мы наблюдаем, я предлагаю воспользоваться уже известной читателю концепцией Карла Поппера (1902–1994) «Объективное знание», т.е. идеей мира, где сосредоточены знания без субъекта знания²⁵.

Мир объективного знания дает нам возможность открыть новые проблемы, которые там были до того, как мы их открыли, и до того, как они были нами осознаны, т.е. до того, как что-либо соответствующее им появилось в нашем сознании. Этот тезис К. Поппера представляется мне ключевым. Он в разных вариантах уже получил отражение в литературе²⁶. В статье философа М.А. Розова есть такое признание:

«...Современный человек – это продукт книгопечатания, продукт особой книжной культуры. Типография не только издает фолиант за фолиантом, она формирует и современного человека. Только благодаря книге мы несем в себе множество других жизней, только благодаря ей наша духовная биография теряет связь с конкретными датами рождения и смерти. Но это накладывает на нас

и дополнительную ответственность, ответственность перед людьми, которые вложили в нас свои «души». Они должны стать частью нашей собственной «души», мы должны относиться к ним столь же бережно, как к фактам и перипетиям собственной судьбы»²⁷.

Я привел лишь некоторые аргументы в пользу актуальности темы «человек и книга как космические субъекты». Можно соглашаться или не соглашаться с В.И. Вернадским, П. Тейяром де Шарденом, Н.Н. Моисеевым, В.А. Лефевром, К. Поппером, но игнорировать их концепции уже нельзя. Я бы к перечню имен этих ученых добавил и Чарльза Дарвина (1809–1882), размышлявшего в своих работах о возможности естественного отбора через искусственный²⁸.

За пределами книжного мира («третьего мира», по К. Попперу), где обитают знания без субъекта знания, мы получим не абсолютно пустое пространство – мы получим Хаос. Значит, книги – это какая-то сила? Значит книги своим воздействием, своим присутствием создают Вселенную знания.

В «третьем мире» встречаются пустынные места. Они отделяют нас друг от друга. Но это пустыня, которая может быть покрыта знаниями, не Хаос. Как это ни покажется странным, но края у мира знаний нет, в том смысле, в котором мы привыкли представлять себе край. Мир знаний, Универсум знаний, Вселенная знаний, следуя законам физики, постепенно и непрерывно расширяется. Космос есть порядок. Хаос – беспорядок. Создавая в Космосе равновесие и гармонию, книги противостоят Хаосу! Конечно, одних только книг для понимания себя не может быть достаточно. Надо ощутить себя необходимой частью мира и увидеть себя в нем через других людей. Но стремление в Космос непреодолимо, и психологически оно порождается желанием увидеть себя другими глазами. Человечество стремится обнаружить Иной Разум. Оно родилось, говоря словами К. Маркса, **«без зеркала в руках»²⁹**. И всегда будет его искать.

Итак, что же такое книга? Драгоценный дар природы, дар Вселенной или книга возникла из практической необходимости

запечатлеть сделанное или открытое человеком? И как, с какой целью этот дар Вселенной может быть использован человеком? Во благо его развития и выполнения предписанной ему космической миссии или вопреки? Очень непростой вопрос.

Например, в книге французского писателя Жака Бержье «Проклятые книги» описана драматическая судьба ряда рукописей и книг с древнейших времен до наших дней, в частности, «Книги Тота», «Стансов Цзяна», «Экскалибура», рукописи русского ученого М.М. Филиппова (1858–1903) и некоторых других³⁰. Все эти творения человеческого разума тем или иным способом уничтожались. И причина такого явления, к которому автор относит и уничтожение Александрийской библиотеки, видится ему в одном: содержание этих книг угрожало существованию человеческой цивилизации.

«Мне кажется, – пишет в эпилоге Жак Бержье, – что если до нашей цивилизации существовали другие и их погубило злоупотребление наукой и техникой, воспоминание об этих цивилизациях и об их гибели вполне может вдохновить на организацию заговора с целью помешать повторению подобных катастроф»³¹.

...Я полагаю, что книга есть субъект, сотворенный человеком, его «вторая природа». Перефразируя В.И. Вернадского, можно сказать, что книга «...выявляет нам космос, проходящий через сознание живого существа», она есть «воспроизведение основных черт сущего – космоса»³². Проходя через сознание, через космос живого существа, знание объективируется в книге, то есть уже в отчужденном (другом) космическом субъекте.

Книга как космический субъект – это книжное подтверждение учения К. Бэра, В.И. Вернадского и других об эволюции происхождения человека. Один космический субъект сотворил другого. В основе этого сотворения и заложен постоянный конфликт, противоречие между знаниями познающего субъекта и субъекта, содержащего отраженные знания. Вечный конфликт!³³ В поисках путей его разрешения мы обращаемся к творчеству выдающихся профессионалов.

Современное книговедение утверждает, что книга помимо человека существовать не может, и оно утверждает это потому, что до сих пор никто не обнаружил в природе других явлений (кроме социальных) книжной структуры. Понять, познать сущность книги нельзя, не поняв человека, работающего с ней.

Работа библиографа, например, сродни работе философа. Библиограф размышляет над проблемами, которые не имеют однозначного решения. Он вытягивает из знания, воплощенного в книге, все новые и новые нити для *своего* ковра, заведомо зная, что их никогда не будет достаточно. Странное, на непосвященный взгляд, занятие... Но, вплетая нити в ковер мира знаний, библиограф сохраняет и расширяет его, не давая ему быть поглощенным Хаосом, царящим за его пределами. Он без устали заботится о том, чтобы пространство мира знаний было доступным, проходимым и обитаемым, выступая в роли проводника и посредника.

Оценивая богатства библиотек, К. Саган приводит следующие доказательства:

«Крупнейшие библиотеки мира содержат миллионы томов, что соответствует 10^{14} битам информации, заключенной в словах, и примерно 10^{15} битам – в иллюстрациях. Это в десять тысяч раз больше той информации, что содержится в наших генах, и примерно в десять раз больше объема информации, хранимой в нашем мозгу. Если я буду читать по одной книге в неделю, то за всю жизнь смогу осилить лишь несколько тысяч томов – десятую долю процента содержимого величайших библиотек нашего времени. Фокус в том, чтобы знать, с какими книгами стоит познакомиться. Книжная информация не запрограммирована от рождения, но постоянно изменяется, отслеживая события и адаптируясь к происходящему в мире»³⁴.

Книжник, таким образом, должен обладать особым талантом, особым искусством выбора нужных книг. Но таланта и ис-

кусства оказывается недостаточно. Нужна еще основательная книговедческая подготовка. И здесь наука у искусства в долгу.

Одна из причин отсутствия в последнее время конструктивных книговедческих и библиографических теорий видится мне в следующем. Современные исследователи работают не с библиографическими и книговедческими *идеями*, а с научными понятиями и терминами (такими как, система, деятельность, моделирование, документ и т.д.). По этому пути в направлениях поиска соответствующих теорий движется большинство ученых. В результате создаются понятийные концепции науки. В библиографии, например, их уже около четырехсот. Такой подход построения научной теории изначально обречен на неудачу. Я убежден, что книговедение может успешно развиваться в том случае, если опирается на книговедческие теории и книговедческие понятия. Теория не может строиться только на основе научных терминов, хотя и обязана их использовать. К понятийному аппарату нельзя относиться так, как будто он существует реально. Другими словами, исследуя научные понятия, даже если они и описывают книговедческие или библиографические явления, невозможно продвинуться к построению конструктивной теории.

Приведу в качестве иллюстрации такой пример. Давайте сравним книговедение, библиографоведение, библиотекведение с деревом. За молодым деревом, как известно, нужно ухаживать и бережно к нему относиться, хотя еще и не знаешь, будет ли оно приносить плоды или нет. Но если за деревом книговедения и библиографоведения на понятийном уровне ухаживают уже более тридцати лет, а плодов реальных еще нет, то следует честно сказать, что посаженное исследователями дерево – декоративное и растет исключительно для экзотики...

Подведем итоги и сформулируем некоторые основные *идеи* «теории книжного мира»:

1. Книга есть космический субъект.
2. Мир книг (знаний) существует объективно в пространстве и во времени; он постоянно пополняется.

3. Книжному миру противостоит Хаос (книжный мир окружен Хаосом).

4. Библиография представляет собой путеводитель по миру знаний.

5. Библиографическое разыскание и отбор – основные методы получения нового (свернутого) знания в книжном мире.

После сказанного мой главный тезис становится похожим на тривиальное суждение: книга как космический субъект осуществляет коммуникацию; благодаря библиографии передается информация тем, кто участвует в процессе коммуникации. Следовательно, задача книговедения как науки состоит в том, чтобы предложить процедуру, с помощью которой библиограф и библиотекарь, владеющие необходимыми знаниями, могут приступить к разысканию и отбору информации, содержащейся в книжном мире. Но не будем спешить с такими выводами и вот почему.

Предлагая новые идеи построения теории, мы пытаемся глубже уяснить процесс, посредством которого люди передают друг другу информацию в виде системы кодированных средств. Здесь нет мелочей. Любая мелкая деталь имеет значение. Полученная из разных источников информация воспринимается нами как *единое* сообщение. Это сообщение, на передачу которого требуется время, обладает единством. С одной стороны, конец подразумевается началом, а с другой – начало предполагает конец. По этой причине книга и библиография для читателя выступают инструментом уничтожения времени, прошлое сжато до точки, существует только настоящее.

Далее, книга как космический субъект представляет собой акт коммуникации с человеком, присутствие которого отложено. Следовательно, она не только предмет и средство коммуникации, но и *мировоззрение*. В мировоззрении книга предстает как рефлексивная пауза и показывает недостаточность нашего представления о человеке в каждый конкретный момент.

Мне думается, что такая интерпретация побуждает исследователя к новым методологическим поискам. Тема «книга как космический субъект» имеет больше общего с романом, нежели с научным трудом. Как книжники мы вынуждены примириться с уже признанным фактом, что в романе персонажи воспроизводят те или иные аспекты личности автора. Стремясь к объективности, аналогичным способом, «по-своему» действует и библиограф. Да и как может быть иначе?³⁵

Примечания

¹ Сахаров А.Д. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990. С. 13.

² Андрей, архиеп. Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. М.: [П.Н. Шарапов], 1884.

³ Забегая вперед, скажу, что мотив поедания книги оказался живучим, причем в прямом смысле слова. В частности, у представителей русского авангарда. Так, в 20-е годы прошлого столетия конструктивист Алексей Чичерин напечатал поэму «Во веки веков» в виде пряника «тиражом» пятнадцать экземпляров. Поэма-пряник была съедена теми, кто ее купил. Подр. см.: Старкина С.В. Велимир Хлебников – король времени: биография. СПб.: Вита Нова, 2005. С. 145–146.

⁴ См., напр., об этом: Борухович В.Г. В мире античных свитков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 223 с. Содержание этой увлекательной книги выходит далеко за пределы научно-популярного очерка, заявленного в издательской аннотации.

⁵ См., напр.: Лефевр В.А. От психофизики к моделированию души // *Вопр. философии*. 1990. № 7. С. 25–31; Он же. Космический субъект. М.: Ин-кварти, 1996. См. также об этом: Лефевр В.А. «Непостижимая» эффективность математики в исследованиях человеческой рефлексии: интервью / беседу вела Н.И. Кузнецова // *Вопр. философии*. 1990. № 7. С. 51–58.

⁶ Опубликован в ленинградском журнале «Аврора» (1988, № 6). «*Ultima Thule*» (лат.) переводится как «дальняя Фула», мифическая страна на севере Европы. В переносном смыс-

ле – «крайний предел». В смысле «крайний предел» мне заглавие рассказа представляется наиболее точно отвечающим содержанию.

⁷ См. также об этом: Пятигорский А.М. Философия литературы // Пятигорский А.М. Избр. тр. М., 1996. С. 232–236.

⁸ Саган К. Космос: эволюция Вселенной, жизни и цивилизации / [пер. с англ. А. Сергеева]. СПб.: Амфора, 2005. С. 409–410.

⁹ Там же. С. 410, 412.

¹⁰ См.: Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982; Полонников Р.И. Основные концепции общей теории информации / отв. ред. Р.М Юсупов; РАН, С.-Петербург. ин-т информатики и автоматизации. СПб.: Наука, 2006. С. 3–12.

¹¹ Свифт Дж. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюзля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей / (пер. А. Франковского). СПб.: ТОО «Инапресс»: Новое лит. обозрение, 1993. 661 с.

¹² Там же. С. 374–376.

¹³ Воспоминания о фильме «*Солярис*» вернули меня в начало 80-х годов прошлого века, когда я еще работал в Ленинградском институте культуры им. Н.К. Крупской. В июне 1980 года в переполненном актовом зале проходила встреча с отцом и сыном – Арсением и Андреем Тарковскими. Слушать обоих было чрезвычайно интересно. После прочтения «*Первых свиданий*» и других стихотворений, Арсений Александрович много говорил о поэзии, ее „волновых“ зонах. Запомнилось: существуют какие-то ритмы времени, и чем они определяются, неизвестно; есть время для поэзии, есть время для прозы. Нам хочется нового Пушкина, но гений приходит, чтобы затворить ворота эпохи, вобрав в свое творчество все, что создали его предшественники.

Андрей Арсеньевич, в отличие от отца, скупко отвечал на вопросы – о фильме «*Зеркало*» и особенно о финале «*Сталкера*», вышедшем в 1979 г. Что это за комната, какой в ней смысл, почему герои не хотят войти в нее и испытать влияние таинственных сил? – спрашивали его. Комната, как комната,

говорил Андрей, а герои, добравшись до нее, просто устали. Лишь в конце, когда ему подарили на память копию экзаменационного билета с вопросом «*Творчество Андрея Тарковского*», искренне удивился: неужели такой вопрос действительно был на экзаменах?

¹⁴ Козлова М.С. Концептуальные подходы к эволюции человека. М.: МАКС Пресс, 2001. 51 с.

¹⁵ Бэр К.Э. Всеобщий закон природы, проявляющийся во всяком развитии // Избр. работы / пер., предисл. и примеч. Ю.А. Филипченко. Л., 1924. С. 91–122.

¹⁶ Там же. С. 120.

¹⁷ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М.: Наука, 1977. Кн. 2. 191 с.

¹⁸ Вернадский В.И. Мысли о современном значении истории знаний: докл., прочитанный в I заседании Комис. по истории знаний, 14.XI.26. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 13 (Тр. Комис. по истории знаний; Вып. 1).

¹⁹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Устойчивый мир, 2001. 232 с.

²⁰ Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. С. 12.

²¹ Лефевр В.А. Космический субъект. М.: Ин-квартио, 1996. 183 с.

²² Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского. М., 1990. С. 154–159.

²³ Семенова С.Г. «Человек изумительный, редкий, исключительный»: Н.Ф. Федоров (1829–1903); Федоров Н.Ф. Библиография: знание популярное, энциклопедическое, мнимое, и знание действительное; переход от мнимого знания к знанию действительному; Труды Н.Ф. Федорова и литература о нем / сост. Л.М. Кулаева // Сов. библиогр. 1990. № 6. С. 59–68.

²⁴ Лефевр В.А. Космический субъект. М.: Ин-квартио, 1996. С. 19, 155.

²⁵ Поплер К.Р. Объективное знание: эволюц. подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М.: УРСС, 2002. 381 с.

²⁶ См., напр.: Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб., 1997. С. 44.

²⁷ Розов М.А. Книга и этика // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. С. 210.

²⁸ Как показывают материалы к «Происхождению видов», Дарвин в течение долгих лет обдумывал возможность перехода от искусственного отбора, осуществляющегося через деятельность человека, к естественному. Так, в «Очерке 1842 года» (§ 2. Об изменении в естественном состоянии и об естественных способах отбора) есть такие мысли: «...Мы можем ожидать, что время от времени дикая форма будет изменяться; возможно, это является причиной того, что некоторые виды изменяются более других». И далее читаем: «...Если существо, бесконечно более прозорливое, чем человек (но не всезнающий творец), в течение тысяч и тысяч лет стало бы отбирать все изменения, которые ведут к определенной цели..., то чего могло бы достичь всевидящее существо в течение тысячелетий (если бы творцу это было угодно) либо непосредственным своим предвидением, либо посредствующими способами, заменяющими (?) творца этой вселенной?.. Это согласуется с тем, что нам известно о законе, вложенном в материю творцом, что создание и вымирание форм, подобно рождению и смерти особей, должно быть результатом вторичных (законов) причин... Существование этих законов должно возвышать наше представление о могуществе всеведущего творца» (с. 83, 84, 110–111). (См.: Дарвин Ч.Р. Очерк 1842 года // Дарвин Ч.Р. Происхождение видов путем естественного отбора / под ред. проф. А.Д. Некрасова. М.; Л., 1939. С. 81–111).

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 62. Прим.

³⁰ Бержье Жак. Проклятые книги = Les livres maudits / пер. с фр. А. Васильковой. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 143 с.

³¹ Там же. С. 137.

³² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни // Вернадский В.И. Избр. соч.: в 6 т. М., 1960. Т. 5. С. 121.

³³ Нечто подобное я обнаружил в воспоминаниях Святослава Рихтера: *«Человек и рояль – неразрешимый конфликт. Шекспировский!.. Адская машина с акульми челюстями! Эта крышка напоминает мне обезглавленную птицу. А в ней отражается твоя физиономия или, что еще хуже, какой-нибудь любитель музыки. Сюда очень подходит пушкинское выражение: «и всех вас гроб, зевая, ждет». Зевающий гроб – это про рояль, когда я не хочу на нем заниматься. Струны – это вынутые человеческие жилы. А ножки? Кажется, что сейчас отвалятся и придавят вам колено... Это «двойной портрет» – человек и рояль. По другую сторону – ранимая человеческая душа»* (Борисов Ю.А. По направлению к Рихтеру. 2-е изд., испр. М., 2003. С. 32–33).

³⁴ Саган К. Космос: эволюция Вселенной, жизни и цивилизации / [пер. с англ. А. Сергеева]. СПб.: Амфора, 2005. С. 411.

³⁵ Вторая встреча с Апокалипсисом А. Дюрера состоялась в мае 2006 года уже в Санкт-Петербурге на Невском книжном форуме. На стенде издательства «Альфарет» я увидел факсимильный альбом гравюр, где под номером девять вновь предстал святой Иоанн Богослов, поедаящий книгу... Остается повторить вслед за А.С. Пушкиным: *«Бывают странные сближения»*.

Опубликовано: *Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе / В.П. Леонов // Грани книжной культуры: сб. науч. тр. к юбилею Науч. центра исслед. истории кн. культуры. М., 2007. С. 143–160.*

1.2. Книга как врожденная программа человека

Книга – продукт человеческой психики и природа ее психическая.

М.Н. Куфаев¹

В современном книговедении традиционно сложилось представление о том, что сущность книги может быть объяснена через эволюцию – путем выяснения ее происхождения. Суть эволюционной точки зрения (каково происхождение книги?) – в предположении, что происхождение объясняет все и составляет основу любой мыслительной деятельности ученого-книговеда. Нестандартные вопросы, например: «*зачем человеку нужна книга?*», «*какова ее природа?*», «*сохранится ли книга как идея*», как правило, остаются на периферии². Понимание происхождения книги неизбежно ведет в глубину, к проблеме изучения роли человека как субъекта познания. Чтобы человек смог выполнять свое назначение в этом мире, ему нужна *адекватная среда обитания*. С моей точки зрения, дальнейшим развитием темы «книга как космический субъект» может быть проблема «**книга как врожденная программа человека**»³. Начальные аспекты ее таковы:

1. Современный человек появился уже с *речью*. Это чудо, которое до сих пор непонятно. Как возникла речь? Когда возникла речь, обучение пошло стремительно. Началась небиологическая эволюция. «Человек разумный» остановил естественный отбор. Раньше, видимо, у кого гены были лучше, тот и побеждал. А теперь ситуация изменилась: у кого знания лучше, тот и побеждает. Знание же не передается генетическим путем. Узнать и понять человек должен сам.

2. *Появление письменности* как запись речи – тоже очередная загадка человека. Для того чтобы создать письмен-

ность, необходимо понимать, что она представляет собой и для чего она нужна. Текст являет слово, а не конкретный мир, который он отражает. Говоря иначе, он обращен не к видимому, а к слышимому. Написанное закрепляет звук, а не форму. Текст, таким образом, становится зеркалом, может и кривым, но единственным, поскольку выражает мысль автора. Это свидетельствует о том, что письменность создавалась, когда уже было понятно кому-то, для чего она может служить, то есть уже сформировалось понимание ценности информации – не просто любой устной информации, а именно записанной кем-то и на каком-то материале, который может быть сохранен длительное время⁴.

Я разделяю точку зрения исследователей, которые считают, что идея изобретения письменности не принадлежит человеку. Письменность, неважно какая, иероглифическая или буквенная, была изобретена кем-то и показана человеку. Чтобы письменность вошла в культуру как необходимая и важная ее составляющая, нужно было объяснить, каким образом можно с помощью знаков записывать речь говорящего человека и собственные мысли. Другими словами, *чтобы обучать, вначале надо показать*. Важно было также объяснить, что записи не меняют своего содержания, в отличие от памяти человека, и способны хранить любую информацию, которую можно отобразить в виде письма. Письменность (когда она уже изобретена и существует) в случае необходимости легко может быть заимствована любыми группами людей, с ней не знакомыми. Дух, выраженный в тексте, освобождается буквой. Он «обрушивает» все опасности свободы на неграмотную, только начинающуюся учиться мыслить группу людей. Ведь дети обучаются читать и писать во всем мире одинаково легко, вне зависимости от того, к какой культуре они принадлежат – к письменной или бесписьменной. Этот факт также вызывает вопрос.

Не ясно, почему народы, у которых никогда не было письменности, обучаются ей так же, как и те народы, которые по-

следние несколько тысяч лет владеют письменностью? А может, существовал некогда *один центр*, владевший письменностью, но ее не изобретавший, и от него произошли все современные языки и виды письменности? Но тогда также непонятно, почему большинство народов так никогда и не открыли для себя письменность, которой некогда, в далеком прошлом, владели их предки, и при этом продолжают легко обучаться, когда с ней сталкиваются (речь идет о детях).

3. Возникновение книги как врожденной программы человека, по моему мнению, предусмотрено природой. Прислушаемся к К. Юнгу:

«Неродившееся произведение в душе художника – это стихийная сила, которая прокладывает себе путь либо тиранически и насильственно, либо с той неподражаемой хитростью, с какой умеет достигать своих целей природа, не заботясь о личном благе или горе человека – носителя творческого начала. Творчество живет и процветает в человеке, как дерево в почве, из которого оно забирает нужные ему соки. Нам поэтому неплохо было бы представлять себе процесс творческого созидания наподобие некоего произрастающего в душе человека живого существа»⁵.

Книга в человеке представляет собой носитель вненаучного (живого) знания⁶. Видимо, так понимал ее природу и Н.А. Рубакин (1862–1946) – основоположник библиопсихологии, – определявший библиопсихологию как *«психологию книжного дела, изучаемого по реакциям, т.е. внешним проявлениям»*. *«Некоторые явления в области психологии книжного дела, – утверждал он, – могут быть поняты не иначе, как путем психологического изучения музыки...»⁷.*

«Живая» книга ближе к душе. Особенность ее восприятия проявляется в том, что психологического эффекта она достигает непсихологическими методами. Однако анализ классических психологических трудов отечественных ученых (Л.С. Выготский, Б.М. Теплов), по мнению А.Н. Леонтьева, позволяет

сделать вывод, что до настоящего времени вопрос о психологическом эффекте непсихологических методов не получил достаточного освещения⁸.

Новые теоретические построения обладают волшебной силой. Они или захватывают целиком, или раздражают. Такими мне представляются работы В.П. Зинченко⁹. Автор стимулирует в них новые поиски сущности книги как объекта психологической науки. *Например:*

– в сознании исследователя должна открываться как новое знание только та реальность, которая сознанию заранее известна;

– накопив опыт подтверждения своих догадок (путем постижения «живого» знания) сознание строит свой собственный мир и конструирует смыслы, по своим заранее выработанным критериям; причем, сам процесс обоснования оказывается важнее, чем никогда не достижимая обоснованность;

– «живое» знание – это некий текст, которому приписывается авторский смысл.

Одна из задач книговедения состоит в том, чтобы прочесть и постигнуть смысл происходящего и представить «живое» знание (новый текст) как книгу.

4. Формулировка концепции книги как космического субъекта, где предполагается обращение к современным достижениям психологии, представляет собой сверхзадачу, которую пока можно решать скорее при помощи иллюстративных примеров, чем путем приведения убедительных доказательств. *Поскольку сходство «книги как врожденной программы человека» и отчужденной от человека книги **ненаглядно***, его нужно устанавливать. Как и с помощью чего? Прежде всего, искусства и науки. Искусство представляет книгу как целостный образ:

*Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.*

О.Э. Мандельштам «К немецкой речи» (1932)

Наука представляет книгу как модель (кодекс), как результат действия. Получается, что один и тот же предмет описывается с помощью разных языков, которые не просто переводятся с одного на другой. Отправной точкой является книга как внешняя форма, родившаяся внутри. Для сравнения:

*Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!*

О.Э. Мандельштам «Silenium» (1910)

Над всем этим имеет смысл подумать, чтобы лучше понимать психологические аспекты взаимоотношений науки и искусства. В частности, в статье Стивена Уилсона «Искусство и наука как культурные действия» сделана попытка выделить различия между ними и определить общие черты. Приведу логику его рассуждений¹⁰.

Различия между искусством и наукой:

Искусство	Наука
Цель – эстетическое переживание	Цель – знание и понимание
Эмоции и интуиция	Рассудок
Визуальная или звуковая коммуникация	Повествовательная текстовая коммуникация
Вызывает ассоциации	Объясняет
Уникальность	Нормативность
Ценностью является отрыв от традиции	Ценностью является систематическое продолжение традиции и соответствие стандартам

Общие черты искусства и науки:

– Ценностью для обоих является внимательное наблюдение за своей средой и сбор информации, доступной чувствам

- Ценностью для обоих является творчество
- Предполагают изменение, инновации, улучшение существующего
- Используют абстрактные модели постижения окружающего мира
- Стремятся создавать произведения, имеющие универсальное значение

Вывод С. Уилсона о перспективах взаимоотношений искусства и науки не внушает оптимизма: *«Стремительная поступь науки в промышленный век, – пишет он, – есть часть того движения, что убивает надежды на бессмертие искусства. Раньше считалось, что время и пространство не властны над шедевром. В наше время эта традиция постепенно уходит в прошлое... С продвижением науки вперед они могут утратить свою значительность и степень воздействия...»*. «Вместе с тем, – подчеркивает автор, – ... сегодняшний день – чрезвычайно интересное время для искусства. Связь искусства и новых исследований может ускорить процесс переосмысления идей «бессмертного» искусства. Возможно, нам понадобится наделить слово «шедевр» новым значением... Как у научных вех, как у Галилеева но в его образа Вселенной, бессмертие этих произведений – в их дерзости, пусть даже новые горизонты, которые они открывают, со временем станут банальностью»¹¹.

5. Из всего сказанного следует вывод, что в современном книговедении представляет интерес взгляд на эволюцию книги, при котором главную роль играет не происхождение, а *функциональное взаимодействие* в среде обитания. Новое должно вписываться в старое как в среду обитания. Поэтому сохранение старого есть условие существования нового¹². Человеку как космическому субъекту нужна адекватная среда обитания. Книга трансформировала среду человека, и человек приспособился к ней. Отсюда то, что будет потом, не может определять прошлое: *«...ибо нельзя последующее*

знать на основании предшествующего, для которого нет первичного...»¹³.

6. Следующий важный аспект проблемы «книга как врожденная программа человека» связан с понятием **книжности**¹⁴. Я понимаю книжность двояко: 1) как совокупность способностей человека, необходимых для занятий книжной деятельностью и 2) как единство эмоциональной и интеллектуальной отзывчивости на книгу и чтение.

По аналогии с *музыкальностью*¹⁵ книжность определяется врожденными индивидуальными задатками, но эти задатки есть результат развития, воспитания и обучения. Книжные способности «отыскиваются» в ходе психологического анализа чтения, поскольку книжность свойственна всем людям, но в различной степени.

С учетом этого различия в профессиональном плане условно можно выделить *книжность библиографическую* и *книжность библиофильскую*. Основной признак, объединяющий их, – переживание книги как выражение некоторого содержания. Библиограф за описаниями книг видит реальные издания, представляет их смысл, стиль, форму, связи. Для окружающих он – «живой» каталог, в котором происходит дифференцированное восприятие книжного текста. Такое впечатление, по воспоминаниям современников, производили флорентийский библиотечарь А. Мальябекки (1633–1714), библиотечарь Румянцевского музея Н.Ф. Федоров. Такого человека изобразил С. Цвейг в новелле «Мендель-букинист»¹⁶.

Таким образом, понятие книжности есть проблема качественная, а не количественная. Следовательно, это и проблема психологическая, включающая в себя способность эстетически переживать наслаждение книгой. Тогда при изучении феномена книжности того или иного человека уже научный интерес представляет вопрос о том, какова его книжность и каковы должны быть пути ее развития. За поисками возможных ответов необходимо обратиться к опыту изучения книжности

библиофильской. С этой целью я отобрал для читателя наиболее интересные, с моей точки зрения, издания¹⁷.

Пересказать их невозможно, надо прочитать самому. Общую идею, проходящую лейтмотивом, через все эти удивительно интересные и непохожие друг на друга рассуждения, можно сформулировать следующим образом: *книга и чтение меняют строй души человека. Книжность выступает как хранительница высших смыслов мировой культуры, постижение которых является искусством.*

Примечания

¹ Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения / [сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. А.А. Гречихин]. М.: Наука, 2004. С. 65. (Книжная культура в мировом социуме: теория, история, практика / РАН, Науч. совет "История мировой культуры", Комис. по истории кн. культуры и комплекс. изучению кн. [и др.]).

² Один из исчерпывающих ответов на нестандартные вопросы о книге принадлежит М.Н. Куфаеву (1888–1948): «Идея книги – в воле человека, владеющего словом, к проявлению себя в соборном человечестве, в стремлении личности к легкому и свободному, полному и прочному выявлению себя в обществе, в «окрылении» слова...» (курсив автора) (Куфаев, М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М., 2004. С. 68).

³ Подр. см. об этом: Леонов В.П. Книга как космический субъект: постановка проблемы // Библиоковедение. 2006. № 6. С. 18–21; Леонов В.П. Книгата като космически субект: постановка на проблема // Трудове на Специализираното висше училище по библиотекознание и информационни технологии. 2006. Т. 5. С. 295–302; Леонов В.П. Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе // Грани книжной культуры: Сб. науч. трудов к юбилею Науч. центра истории книжной культуры. М., 2007. С. 143–160.

⁴ *«Явление письма не есть подчинение духа букве, но замена буквы почвой. Дух свободен в букве, но прикован к корню»* [Levinas E. *Difficile liberte: essais sur le judaisme*. 3 ed. rev. et corrig. Paris: Albin Michel, 1976. P. 183].

⁵ Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К.Г. Собр. соч. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. С. 108.

⁶ Зинченко В.П. Знание живое // Большой психологический словарь. СПб.; М., 2003. С. 177–178.

⁷ Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Акад. проект: Трикста, 2006. С. 42, 49.

⁸ *«Психологи до сих пор не имеют архитектурного проекта для строительства своих сооружений, хотя и собрали груды первоклассного строительного материала»* (Леонтьев А.Н. Понятие отражения и его значение для психологии: президентская речь, произнесенная при открытии XVIII Международн. психол. Конгресса, Москва, 4 авг. 1966 г. // *Вопр. философии*. 1966. № 12. С. 48–56).

⁹ Зинченко В.П. Проблемы психологии развития: (читая Мандельштама) // *Вопр. психологии*. 1991. № 4; № 5; № 6; 1992. № 3/4; № 5/6; Он же. Возможна ли поэтическая антропология? / *Рос. открытый ун-т*. М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1994; Он же. Работа понимания // *Психол. наука и образование*. 1997. № 3. С. 42–52; Он же. Знание живое // *Большой психологический словарь*. СПб.; М., 2003. С. 177–178.

¹⁰ Уилсон С. Искусство и наука как культурные действия // *Логос*. 2006. № 4 (55). С. 112–126.

¹¹ Там же. С. 126.

¹² Подр. см.: Заварзин Г.А. Составляет ли эволюция смысл биологии? // *Вестн. РАН*. 2006. Т. 76, № 6. С. 522–534.

¹³ Аристотель. Аналитики первая и вторая: пер. с греч. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 184.

¹⁴ См. также об этом материалы «круглого стола» *«Книжность как феномен культуры»*, опубликованные в журнале *«Вопросы философии»* (1994. № 7/8. С. 3–36).

¹⁵ См.: Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей // Избр. тр.: В 2-х т. Т. 1. М., 1985. С. 53–63.

¹⁶ Подр. см.: Моргенштерн И.Г. Занимательная библиография / И.Г. Моргенштерн, Б.Т. Уткин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 62–65; Леонов В.П. Библиография как профессия. М., 2005. С. 77–79; Цвейг С. Мендель-букинист // Цвейг С. Новеллы: пер. с нем. Челябинск, 1978. С. 402–403.

¹⁷ См., напр.: Дибдин Т.Ф. Библиомания / пер. с англ., предисл. и примеч. Л.Г. Климанова // Книга: Исслед. и материалы: сб. М., 1980. Т. 41. С. 161–196; Климанов Л.Г. Феномен библиофильства / Л.Г. Климанов, М.Т. Петров // Книга: Исслед. и материалы: сб. М., 1983. Т. 46. С. 155–169; Barker N. Sir Paul Getty: portrait of a Bibliophile. London: Maggs Bros. Ltd., 2003. 32 p.; Gerits A. Books, Friends and Bibliophilia: reminiscences of Antiquarian Booksellers. New Castle, Delaware: Oak Knoll Press, 2004. 402 p.; Jackson H. The Anatomy of Bibliomania. London: Faber and Faber Ltd., 1950. 668 p.; Kraus H.P. A Rare Book Saga: the autobiography of H.P. Kraus. New York: G.P. Putnam's Sons, 1978. 386 p.; Markham S. A Book of Booksellers: conversations with the Antiquarian Book Trade, 1991–2003. London: S. Markham Rare Books, 2004. 323 p.; Stoddard R.E. A Library – keeper's Business / sel. and ed. by C.Z. Rothkopf; pref. by S. Wissmann. New Castle, Delaware: Oak Knoll Press, 2002. 480 p.

Опубликовано: Книга как врожденная программа человека / В.П. Леонов // Книга : исслед. и материалы / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук, Науч. совет «История мировой культуры», Науч. центр исслед. истории кн. культуры при НПО «Изд-во «Наука»»; [редкол.: Б.В. Ленский (гл. ред.) и др.]. М., 2008. Сб. 88, ч. 1. С. 77–83.

1.3. О гравитации печатной и электронной книги

Начнем с важной для понимания смысла дальнейшего изложения цитаты: *«Некоторое время архидьякон молча созерцал огромное здание, затем со вздохом простер правую руку к лежавшей на столе раскрытой печатной книге, а левую – к Собору богоматери, и, переведя свой печальный взгляд с книги на собор, он произнес: – Увы! Вот это убьет то»*¹. Знаменитая фраза из романа В. Гюго посвящена соотношению печатной книги и архитектуры (зодчества) *«Вот это убьет то. Книга убьет здание»*. Смысл загадочных слов архидьякона лучше всего передал сам автор, посвятив объяснению целую главу (с. 177–192). Она заслуживает особого восхищения.

Напомню читателю, что в «Соборе Парижской богоматери» перед нами проходит пятнадцатый век. Только недавно появилось книгопечатание. До этого существовали рукописные тексты, предназначенные для малочисленной части общества. Обучение масс содержанию Библии, житиям Христа и святых, моральным принципам, истории – всю эту работу выполняли образы: статуи и фрески в соборах. Средневековый собор представлял собой универсальный путеводитель, энциклопедию для повседневной и загробной жизни.

В словах архидьякона *«... выражалось предчувствие того, что человеческое мышление, изменив форму, изменит со временем и средства ее выражения; что господствующая идея каждого поколения будет начертана уже иным способом, на ином материале; что столь прочная и долговечная каменная книга уступит место еще более прочной и долговечной книге – бумажной. В этом заключался второй смысл неопределенного выражения архидьякона. Это означало, что одно искусство будет вытеснено другим; иными словами, – книгопечатание убьет зодчество»*.

И далее:

«Не следует заблуждаться: зодчество умерло, умерло безвозвратно. Оно убито печатной книгой; убито, ибо оно менее прочно; убито, ибо обходится дороже. Каждый собор – это миллиард. <...> А книга создается так быстро, она так дешево стоит, и ее так легко распространить! Не удивительно, что всякая человеческая мысль устремляется по этому склону!.. Великая поэма, великое здание, великое творение человечества уже не будет строиться: оно будет печататься. <...> Поистине печать – это тоже сооружение, растущее и взбирающееся ввысь бесконечными спиралями; в ней такое же смешение языков, непрерывная деятельность, неотомимый труд, яростное соревнование всего человечества; в ней – обетованное убежище для мысли на случай нового всемирного потопа, нового нашествия варваров. Это вторая Вавилонская башня рода человеческого».

Итак, появление печатной книги разрушало цельность соборного восприятия, побуждало к вольному толкованию Писания, возбуждало интерес к дальнейшему познанию. Книга становилась основным средством передачи научных сведений, фактов современной истории, служила базой для обучения. Так наступала первая часть развязки истории с убийствами: **«Вот это убьет то»**, что означало: книгой убьется собор, а буквами убьются образы.

Спустя несколько столетий появились контуры ее второй части: **«То убьет это...»**

20 февраля 1909 года в газете «Фигаро» был опубликован первый манифест футуризма, написанный итальянцем Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944). Привожу небезыңтересные некоторые его фрагменты:

«1. Да здравствует риск, дерзость и неукротимая энергия!

3. Старая литература воспевала леность мысли, восторги и бездействие. А вот мы воспеваем наглый

напор, горячечный бред, строевой шаг, опасный прыжок, оплеуху и мордобой.

10. Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки. Долой мораль, трусливых соглашателей и подлых обывателей!

Не где-нибудь, а в Италии провозглашаем мы этот манифест. Он перевернет и спалит весь мир. Сегодня этим манифестом мы закладываем основы футуризма. Пора избавить Италию от всей этой заразы – историков, археологов, искусствоведов, антикваров.

Слишком долго Италия была свалкой всякого старья. Надо расчистить ее от бесчисленного музейного хлама – он превращает страну в одно огромное кладбище.

Музеи и кладбища! Их не отличить друг от друга – мрачные скопища никому не известных и неразличимых трупов. Это общественные ночлежки, где в одну кучу свалены мерзкие и неизвестные твари. Художники и скульпторы вкладывают всю свою ненависть друг к другу в линии и краски самого музея.

Сходить в музей раз в год, как ходят на могилку к родным, – это еще можно понять!.. Даже принести букетик цветов Джоконде – и это еще куда ни шло!.. Но таскаться туда каждый день со всеми нашими горестями, слабостями, печальями – это ни в какие ворота не лезет!..

К чему это: ежедневное хождение по музеям, библиотекам, академиям, где похоронены неосуществленные замыслы, распяты лучшие мечты, расписаны по графам разбитые надежды?! А нам все то ни к чему! Мы молоды, сильны, живем в полную силу, мы, футуристы!

А ну-ка, где там славные поджигатели с обожженными руками? Давайте-ка сюда! Давайте! Тащите огня к библиотечным полкам! Направьте воду из каналов в музейные склепы и затопите их!.. И пусть течение уносит великие полотна! Хватайте кирки и лопаты! Крушите древние города!

Большинству из нас нет и тридцати. Работы же у нас не меньше, чем на добрый десяток лет. Нам стукнет сорок, и тогда молодые и сильные пусть выбросят нас на свалку как ненужную рухлядь!.. Они прискачат со всего света, из самых дальних закутков под легкий ритм своих первых стихов. Они будут царапать воздух своими скрюченными пальцами и обнюхивать двери академий. Они вдохнут вонь наших насквозь прогнивших идей, которым место в катакомбах библиотек»².

... Такое вот предсказание футуролога. С тех пор, со времени публикации Манифеста Ф.Т. Маринетти, прошло более 100 лет, однако библиотеки, музеи, архивы, которым предвещали уход в небытие, существуют, работают, хотя и продолжают переживать очередной нелегкий переходный период.

Известно, что ветер перемен переходного периода может валить и деревья с мощными корнями. Сегодня все чаще нас уверяют, что новые технологии вытеснят книги, что в будущем книги уже не понадобятся. Даже если правда, что в наше время новые средства коммуникации берут верх над традиционными, я убежден, что проблему следует ставить иначе. Не надо их противопоставлять, надо совершенствовать и те, и другие. Новые и традиционные средства должны **сосуществовать**, а не действовать по правилу «**То убьет это**».

То, что возникает буквально на наших глазах, есть промежуточное описание ситуаций двух противоположных картин – печатной книги и книги электронной. В промежуточном описании заложены новые формы познаваемости. Надо искать выход из тупика и прокладывать узкую тропинку, избегающую драматического противопоставления. Промежуточное описание ставит не только новые вопросы, но и открывает новые горизонты, новые перспективы.

Одной из новых форм познаваемости книги может стать изучение такого ее свойства, как г р а в и т а ц и я или притяжение. Это свойство, видимо, в силу своей очевидности, еще не рассматривалось как предмет специального изучения. Мне

же оно показалось интересным, по крайней мере, чтобы привлечь внимание книговедов, библиографов, библиотековедов, издателей.

Сделаю небольшое отступление на тему, как я вышел на проблему гравитации книги.

...Воскресенье. Полдень. Я сижу за своим письменным столом и разбираю накопившиеся заметки, выписки, статьи из интернета. Рядом со мной как всегда лежит книга А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Обыкновенное небольшого формата издание массой около 200 граммов в мягкой обложке. В задумчивости я смотрю на эту книгу и думаю о той громадной энергии, которой она обладает. Согласно Эйнштейну, эта энергия $E=mc^2$, где m – масса тела (0,2 кг), c – скорость света (3×10^8 м/сек)³.

Однако используя формулу Эйнштейна, замечает член-корреспондент РАН С.В. Богданов, мы не очень-то задумываемся над тем, а что же такое – энергия? И что такое масса? Вроде бы привычные понятия. Действительно, согласно определению, энергия – это способность тела производить работу. Другими словами, энергия – не материальная субстанция, а способность, свойство. Казалось бы, все ясно и просто. И все же далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Последуем логике его рассуждений.

Энергия бывает двух типов: явная, связанная с движением тела, – кинетическая, и скрытая, возможная в принципе – потенциальная энергия. Энергия в формуле Эйнштейна потенциальная. Для ее перехода в кинетическую, то есть для ее реализации, нужны определенные условия и специальные устройства.

Обратимся к понятию «масса». Физики различают два вида массы. Первая – гравитационная, т.е. мера силы притяжения двух тел друг к другу. Вторая же масса получила название инерциальной. Она представляет собой свойство, способность тела сохранять свое первоначальное состояние – движения или покоя. Таким образом, у массы и энергии есть нечто

общее: и то, и другое не является материальной субстанцией, а есть лишь свойства. И свойства эти разные: масса обладает энергией, а энергия обладает массой. Получается, что одно свойство влечет за собой другое...

Итак, безусловно, каждая книга обладает гравитационной и инерциальной массой. В этой массе заложена (скрыта) потенциальная энергия, позволяющая человеку ощутить силу ее притяжения и заглянуть вглубь себя. Чтобы потенциальную энергию превратить в кинетическую и почувствовать гравитацию книги, нужно ее прочитать, нужно провести интеллектуальную работу и понять заложенный в ней смысл. Смысл – это то, что человек извлекает для себя, таково предназначение и задача книги.

В библиотеке книжный фонд представляет собой инерциальную массу, книги сохраняют первоначальное состояние – покоя. Движение начинается по запросам читателей. При этом надо помнить о том, что в пространстве каждой библиотеки действуют свои силы притяжения, обусловленные ее особенностями, ее задачами, функциями и составом читателей. Притяжения – это взаимоотношения, коммуникации книги с человеком. Почему при встрече что-то не состоялось, не получилось? Видимо, не было соответствия по каким-то причинам и притяжения не состоялись. Потери здесь неизбежны.

Что же заложено в гравитационной массе книги? Посредством притяжения к ней ее читателя, последний, заглянув в себя, смог бы сделать шаг вперед, смог бы обогнать время, отпущенное ему природой для жизни. Как делается шаг вперед? Путем обнаружения в книге описания опыта, похожего на его собственный. Заглянув в свою душу, человек делает (благодаря книге) выбор и тем самым выступает против человеческой ограниченности...

Книгу можно рассматривать как зеркало авторского послания, как зеркало автокоммуникации. В ней автор выражает себя без обращения к конкретной личности. Автор создает свое поле гравитации. Чтобы его почувствовать, необходимо

его принять. Оно достигается путем поиска родственной души, а это очень непросто. Принятие каждой новой книги другими всегда проблематично, это поиски «своего» автора, поиски своего притяжения.

Для создания талантливого произведения, обладающего сильным притяжением, автору необходимо преодолеть огромное сопротивление уже имеющегося «материала». Несмотря на все старания, мы никогда не найдем ответа на вопрос: как же все это получилось? Книги отвечают нам не на те вопросы, которые задавал себе автор, а на те, которые в состоянии задать себе мы, а это разные вещи. Книги окружают нас как зеркала, в которых мы видим только собственное отражение. Если оно не всюду одинаково, то это происходит потому, что все зеркала кривые, каждое по-своему. Библиография занимается строением этих зеркал – не изображениями, а материалом их и формой по правилам, которые приняты в ней, что позволяет библиографам представить и автора книги, и ее читателя.

Итак, «судьба» книги имеет свою гравитацию, определяющую ее силу притяжения в мире книг. Или иначе – это путь, прожитый и реально пройденный книгой во времени. Его нужно вынести на поверхность, извлечь из опыта смысл, описать его и тем самым возвыситься над судьбой. Но при этом никто, даже признанный обществом писатель или ученый, не застрахован от неудачи. *«Помню, – вспоминает выдающийся английский математик Г.Г. Харди, – как Бертран Рассел рассказывал мне о своем страшном сне. Ему снится, что он находится на верхнем этаже университетской библиотеки в году эдак 2100-м. Помощник библиотекаря обходит книжные полки с огромной корзиной. Он берет с полки одну за другой книги, смотрит их названия и либо ставит обратно на полку, либо швыряет в корзину. Наконец, очередь доходит до трехтомного издания, в котором Рассел узнает последний сохранившийся экземпляр «Principia mathematica»⁴. Он снимает с полки один из томов, перелистывает несколько страниц, явно озадаченный стран-*

ными символами, захлопывает том, прикидывает его на руке и отстанапливается в нерешительности...»⁵.

Совершенной коммуникации в процессе чтения, в процессе общения читателя с книгой не существует. Исключение составляют, как подчеркивал американский библиотековед Джесс Шира, любовные письма. Из такого письма адресат стремится «выжать каждую каплю смысла». Правда, возможно, что он получает из текста и такие значения, которых в нем нет⁶.

На основе опыта можно только предполагать о том, как мы используем книги и как книги влияют на нас, наметить некоторые направления, которые должны быть изучены. Если книга в руках читателя вызывает отклик, желание идти дальше по предложенному в ней пути, она устанавливает уровень притяжения у читателя между настоящим и будущим. По мере проникновения в глубину содержания текста книга становится воплощением его души. Нам необходимо новое понимание, новое познание ее роли и значения в том виде и в той форме, в которой она существует сегодня – в условиях переходного периода. Познание предполагает возможность воздействия мира как печатной, так и электронной книги на нас.

Значительный отрезок времени мы будем жить в двух мирах. Но чтобы жить в них, надо серьезно переосмыслить роль библиотекаря в обществе, иначе другие категории специалистов вытеснят нашу профессию. Пока неизвестно, сможем ли мы контролировать внедрение технических средств в совершенствование библиотечного дела, книгоиздания и библиографии. Напомню, что еще в 1960-е годы Дж. Шира подчеркивал, что общепринятая точка зрения в то время состояла в том, что инженеры могут сделать все: *«Они могут заставить Библиотеку конгресса парить в воздухе (это, может быть, не такая уж плохая идея). Правда, им нужно для этого некоторое количество времени, но, возможно, они смогут найти способ реализации этой идеи. Но проблема выбора заключается в том, хотим ли мы, чтобы они делали это? То ли это, что нужно сделать? Лучше ли это для общества?»⁷.*

Как ни удивительно, но это те вопросы, с которыми библиотекари уже встретились.

В течение многих лет, работая в БАН с крупными библиотеками и издательствами России и мира, я пришел к выводу, что именно библиотекарям – в гораздо большей степени, чем всем остальным действующим лицам – необходимо изменить концепцию библиотечного образования, пересмотреть его роль и характер деятельности...

Размышляя о будущем книги, мы, как правило, акцентируем внимание на отрицательных тенденциях ее развития, которые приносят инновации, на тех изменениях, которые необходимы для ее сохранения. В стороне остаются положительные моменты, следующие за внедрением новых средств. Их надо учитывать, на них надо рассчитывать, планируя развитие книги в перспективе по желаемому пути.

Вернемся к свойству гравитации. Это свойство, как я пытался показать, является универсальным, оно присуще как печатной, так и электронной книге. Следовательно, изучать проявление гравитации можно через процессы чтения. Именно чтение определяет уровень притяжения печатного или электронного текста к человеку.

О чтении существует обширная литература⁸. Я не буду касаться всех его аспектов, выделю главное. В истории чтения исследователи выделяют три «революции»⁹. Первая получила название **«от свитка к кодексу»**, в ней сформировалось так называемое «интенсивное» чтение, превратившее книгу в объект и инструмент интеллектуальной деятельности. Как пишут Г. Кавалло и Р. Шартье, «интенсивный» читатель имеет дело с ограниченным количеством книг, которые читает и перечитывает, запоминает, выучивает наизусть и передает из поколения в поколение (с. 38). Чтение вслух «дарит книге душу», она вступает в отношения с читателем (с. 22).

Вторая «революция» – **«от кодекса к экрану»** знаменует переход от «интенсивного» чтения к «экстенсивному», где читатель уже другой. Он поглощает разнообразные тексты – од-

нодневки, читает быстро и жадно, на все смотрит критическим взглядом и подвергает сомнению прочитанное. Уважительное отношение к тексту уступает место непринужденному свободному чтению (с. 38).

Третья «революция» порождена электронной передачей текстов (основные параметры книги не изменились), где преобладает **«анархическое»** чтение. Это раздробленный, разнообразный процесс, полностью лишенный каких-либо правил (с. 472). Читателю, а не писателю или издателю, дается право членить текст, разбивать его на части и самостоятельно решать, в каком виде он будет выведен на экран. Читатель имеет возможность не только производить с электронными текстами различные операции (индексировать, аннотировать, копировать, перемещать, менять структуру), но и стать соавтором. Таким образом, различия между письмом и чтением, между автором текста и его читателем стираются.

Перечисленные три «революции» чтения тем не менее связаны со свойством гравитации. Но они не дают ответа на главный вопрос: как почувствовать ее проявление? Другими словами, каким видам чтения надо обучать читателя, чтобы определить уровень его притяжения к печатной или электронной книге? Мне представляется, что в этой ситуации библиотекари и библиографы имеют преимущество. Их профессиональная деятельность тесно связана с процессами свертывания информации: индексированием, предметизацией, аннотированием, реферированием, составлением обзоров¹⁰.

Практика обучения чтению литературы показывает, что среди многих видов чтения выделяются три основных: *ознакомительное, изучающее и реферативное*. Под *ознакомительным* чтением (его иначе называют еще поисковым) понимают общее ознакомление с содержащейся в тексте информацией без специальной установки на ее последующее запоминание или воспроизведение. *Изучающий* вид чтения предполагает вдумчивое, интенсивное чтение, в процессе которого происхо-

дит запоминание содержания текста и тех языковых средств, которыми оно выражается.

Реферативное чтение заключается в умении читателя обобщать прочитанное и на этой основе извлечь наиболее существенную информацию в сжатом виде. Это творческий вид чтения. Обучение сводится к выработке навыков нахождения и запоминания информации путем выполнения специальных упражнений, характерных для книжного вида чтения. Из всех видов чтения реферативное является самым сложным. При изложении содержания прочитанного текста используются приемы цитирования, перифразирования (пересказа) или смешанных форм.

Именно реферативное, творческое чтение определяет уровни притяжения авторского текста к индивидуальному читателю. Оно может быть: 1) *нейтральным*, когда акт общения автора с читателем через написанный и прочитанный текст не состоялся; 2) *слабым*, когда содержание прочитанного не вполне соответствует тому, что читатель хотел бы получить из текста и 3) *сильным* – сочинение автора содержит не только ответы на вопросы, которые задает тексту читатель, но и предлагают возможные направления развития его интересов. Благодаря такому чтению, человек как бы заглядывает в себя самого и таким образом происходит «своего» автора на длительное время. Он уже не одинок.

Изучение реакции (впечатлений) от чтения – следующее направление в изучении гравитации книги. Здесь большое поле совместной деятельности библиографов, библиотековедов, психологов и социологов. Оценка гравитации, без сомнения, должна быть дифференцированной, начиная от интуитивной, основанной на понятии здравого смысла, и заканчивая набором специальных методик, которыми так богата литература упомянутых научных дисциплин.

Что можно ожидать от таких реакций? С одной стороны, они будут способствовать пониманию проблемы «анархического» чтения и помогут ученым разработать набор рекомендаций по

его упорядочиванию. С другой – наличие разнообразных читательских оценок предоставит возможность исследователям внести в изучение электронного чтения литературные навыки пристального (реферативного) чтения.

Сейчас электронные тексты мы читаем поверхностно, «диагональным» способом, исходя из повседневного чтения в интернете. Задача состоит в том, чтобы учиться новым способам чтения, которые ломали бы эти привычки и способствовали обретению навыков критического чтения цифровой литературы, ее оценке. Она уже реальность.

Предложенная тема о гравитации печатной и электронной книги многоаспектна. Ее изучение требует коллективных усилий специалистов разных дисциплин (я попытался начать с физики). Проявление свойства гравитации многообразно, в нем каждый читатель сможет найти свое место и внести свой вклад.

* * *

На памятнике Шарля Фурье в Париже его ученики поместили изречение, которое в их глазах подытожило всю его жизнь и его учение:

**«Les Attractions sont proportionnelles aux Destinées»
(«Притяжения пропорциональны судьбам»)¹¹**

Примечания

¹ Гюго В. Собор Парижской Богоматери: роман / пер. с фр. Н. Коган. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. С. 175.

Обращаю внимание читателя на важную деталь в приведенной цитате: левая рука архидьякона, обращенная к собору, символизирует олицетворение истины человеческого знания. Правая – указывает на раскрытую печатную книгу. Это означает, что познание истины еще впереди, нужно приложить немало усилий на пути к ее постижению.

² Маринетти Ф.Т. Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами: Прог. выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. М.: Прогресс, 1986. С. 158–162.

³ Подр. см. об этом: Богданов С.В. Энергия – масса // Вестн. РАН. 2012. № 4. С. 348–352.

⁴ Имеется в виду издание: Russel B. The principles of mathematics. 2nd edition. London: George Allen & Unwin, 1937.

⁵ Харди Г.Г. Апология математика. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. С. 56.

⁶ Шира Дж.Х. Социологические основы библиотечного дела. М.: ВИНТИ, 1973. С. 8.

⁷ Там же. С. 42–43.

⁸ Мангуэль А. История чтения / пер. с англ. М. Юнгер. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 384 с.

⁹ История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М.А. Руновой, Н.Н. Зубкова, Т.А. Надашковской. М.: «Изд-во ФАИР», 2008. 544 с. Ниже я буду ссылаться на обширное введение (52 стр.) этой книги, написанное Г. Кавалло и Р. Шартье.

¹⁰ Подр. об этом см.: Леонов В.П. Реферирование и аннотирование научно-технической литературы. Новосибирск: Наука, 1986. 176 с.

¹¹ Фурье Ш. (1772–1837) – французский утопический социалист. Автор книги «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808). Похоронен на Монмартрском кладбище (участок 23, погребение 3).

Опубликовано: О гравитации печатной и электронной книги / В.П. Леонов // Книга: исслед. и материалы. М., 2013. Сб. 100. С. 61–69.

1.4. Мелодии необитаемого острова: послесловие к еще ненаписанной книге

*Кто перестал путешествовать –
тот приехал...*

Томас Мертон¹

Книги и музыкальные произведения похожи на дирижеров оркестров, а читатели становятся молчаливыми исполнителями. Ненаписанная книга, как и музыка, спрятана в душе человека. Музыка открывает нам нас самих и дает возможность соприкоснуться с другим миром.

В сборнике эссе выдающегося английского физика современности Стивена Хокинга «Черные дыры и молодые вселенные» последний очерк — интервью с автором на тему «Диски необитаемого острова»².

Пока книга пишется, все сюжетные линии, хитросплетения судеб ее героев находятся в руках у автора. Но вот поставлена последняя точка, и мир, созданный авторским воображением, начинает жить своей независимой жизнью. Автор же отходит в сторону и может описать свои чувства и дать комментарии лишь в послесловии. Валерий Павлович Леонов сейчас работает над созданием биографии БАН – библиотеки с уникальной и весьма поучительной судьбой. Мне подумалось, что читателям будущей книги было бы интересно узнать, какие мелодии звучат в его душе в этом увлекательном путешествии во времени, когда он соприкасается со страницами истории, далекими создателями и обитателями библиотеки, ее загадками и тайнами. То есть попытаться написать своеобразный постскрипtum к неоконченной книге, назвав его «Мелодии необитаемого острова».

Валерий Павлович предложил сделать интервью с ним в формате, который возник на Би-би-си почти семьдесят лет назад. «Би-би-си начала транслировать передачу „Диски не-

обитаемого острова“ в 1942 году, и эта программа установила на радио рекорд долговечности. К настоящему времени она стала чем-то вроде национального достояния. За все эти годы программа приняла огромное количество гостей. В ней брали интервью у писателей, артистов, музыкантов, киноактеров и кинорежиссеров, деятелей спорта, комиков, поваров, садовников, учителей, танцоров, политиков, членов королевской семьи, мультипликаторов и ученых. Гостей (к ним всегда обращались как к потерпевшим кораблекрушение) просили выбрать восемь аудиозаписей, которые они взяли бы с собой, если бы им пришлось остаться в одиночестве на необитаемом острове. Их также просили назвать предмет роскоши и книгу (предполагалось, что соответствующий религиозный текст – Библия, Коран – уже есть на острове, так же как и сочинения Шекспира). Наличие средств воспроизведения считалось само собой разумеющимся. Рекламуя программу, обычно объявляли: „Предполагается, что у вас есть граммофон и множество илг к нему“. Сегодня предполагается, что для прослушивания записей есть заряжающийся от солнечного света CD-плеер.

Программа выходила в эфир каждую неделю, и в ходе интервью, продолжавшихся, как правило, сорок минут, проигрывали записи по выбору гостей»³.

– Валерий Павлович, ваш корабль терпит крушение, и вы оказываетесь на необитаемом острове, отрезанным от нормальной жизни и лишенным привычных средств общения. Есть время подытожить то, что прожил. Насколько вы удовлетворены тем, что удалось сделать?

Библиотечное дело, библиография, книговедение, информатика – это мой выбор. Я нашел свою тему и занимаюсь тем, что считаю нужным. Мне повезло. Мои начальные, книжные (и потому во многом абстрактные) знания о зарубежном опыте с начала 1970-х годов стали соприкасаться с частью реального библиотечного пейзажа, увиденного в странах Европы, Америки, Азии и Африки.

Работая в БАН, я пытался достигнуть более свободного и широкого уровня понимания профессии библиотекаря в обществе. Речь идет о том, что существуют вершины, на которые я так и не смог подняться. Может быть, в силу личных качеств, недостатка знаний, недостатка опыта борьбы за отстаивание своих интересов. На памяти моего поколения стрелка библиотечного компаса качнулась несколько раз, обозначив радиус отклонения от нормального положения, – и очень далеко. Сколько времени ей понадобится, чтобы вернуться в нормальное положение? Затрудняюсь ответить. Повторю вслед за С. Лемом: *«Каждый должен делать свое, и баста»*⁴. О полученных мной результатах судить будут другие, те, кто придет нам на смену.

– *Когда вы приступили к работе над биографией Библиотеки Академии наук, существовал ли ее текст в вашей сознании?*

Нет, конечно. Каждый этап жизни БАН «присутствует» в моем сознании на определенной ступени работы. Сам процесс творчества предлагает те или иные повороты сюжета, которые я прежде не представлял. Всю биографию БАН без записи удержать в голове невозможно. Биография существует, по терминологии Карла Поппера, в третьем мире – мире объективного знания, а в наших (читательских и автора) сознании через наш опыт получает различные интерпретации.

Чем богаче биография БАН, чем она информативнее, тем меньше остается попыток ее отрицания. Благодаря информативности, мы в дальнейших исследованиях будем знать, в каких направлениях продолжать наши поиски... И еще одно примечание. Изложение биографии всегда субъективно, в этом смысле автор уязвим с точки зрения объективной истины. Научная дискуссия может вызвать много эмоций, как положительных, так и отрицательных, но, в общем и в целом, с течением времени полученные автором результаты становятся независимыми от эмоционального напряжения. Кто помнит сегодня, что работа советника и библиотекаря И.Д. Шумахера

вызывала недовольство у многих академиков, что он был обвинен в злоупотреблениях и находился под следствием? Подобных примеров можно привести много. Но кто сегодня знает об этих событиях? Почти все они забыты, а объективные результаты его деятельности до сих пор живут.

– *В ваших книгах много обращений к музыке. Что вам доставляет больше удовольствия – книга или музыка?*

И то, и другое. Книги и музыкальные произведения похожи на дирижеров оркестров, а читатели (публика) становятся молчаливыми исполнителями. Мы «говорим» нечто самим себе. Ненаписанная книга, как и музыка, спрятана в душе человека. Музыка открывает нам нас самих и дает возможность соприкоснуться с другим миром. Чтение книги сходно с прослушиванием музыкального сочинения. Я рассматриваю чтение как путешествие души. А человек, который перестает путешествовать, останавливается в своем развитии; можно сказать, что он «приехал». Эти слова американского монаха Томаса Мертона стали эпиграфом к нашему интервью.

– *И какой же диск вы поставили бы первым на необитаемом острове?*

Мексиканскую песню Консуэлы Веласкес «*Bésame mucho*». Попытаюсь объяснить, почему. Для этого мне надо вернуться в далекий 1957 год. Это было в то время, когда в Москве проходил Шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Услышанная по радио песня «*Bésame mucho*» сразу стала любимой мелодией. Я увлекался инструментальной музыкой, мы с друзьями быстро выучили ее и с удовольствием исполняли на концертах или играли на танцах...

С тех пор прошло более пятидесяти лет. Мелодия постоянно была со мной. И однажды я стал прослушивать свои музыкальные записи – у меня накопилось несколько сотен вариантов исполнения «*Bésame mucho*». Во мне проснулся музыкант из моей молодости. Стало вдруг понятно, что основная идея песни «*Bésame mucho*» состояла, состоит и будет состоять в поиске родственных душ, в их общении. Тогда-то я и решил на-

писать книгу о своей профессии и посмотреть на окружающий мир через призму этой вечной мелодии. Книга вышла в свет в 2008 году, ее заметили; за полтора года после публикации появилось четырнадцать рецензий⁵.

– Насколько вы чувствуете себя одиноким на необитаемом острове?

Мое одиночество обусловлено особенностями моей работы. Научный труд в любой области предполагает то, что называется отстраненной сосредоточенностью. Одиночество и творчество – вещи взаимосвязанные. Вдохновение, интересная мысль возможны лишь в одиночестве, причем приходят они, как правило, в самый неподходящий момент. Для написания книг надо искать одиночества.

А вообще тема одиночества будет актуальна всегда. Количество одиноких людей в мире не уменьшается, несмотря на новые возможности системы коммуникаций и методов общения. Но, с другой стороны, одиночество представляет собой сознательный выбор, который человеку приходится отстаивать. В этой неразделенности заключается, на мой взгляд, постоянная актуальность затронутой вами темы.

– О чем же музыка вашего второго диска?

«Венгерские танцы» И. Брамса. Иоганнес Брамс (1833–1897) считается одним из самых образованных композиторов в истории музыки. Его творческое наследие составляет 121 произведение. Слушать музыку Брамса легко, но из-за ее сдержанности трудно оценить сразу по достоинству. Мне повезло. Так получилось, что знакомство с его творчеством началось в 1960-е годы с «Венгерских танцев», записанных еще на старых пластинках. Духовно эта музыка была близка. Мои детство и юность прошли в Западной Украине. Слушая «Венгерские танцы», особенно пятый и второй танец, заряжаешься какой-то внутренней энергией и полностью попадаешь под их очарование. Венгерские танцы стали моим пропуском в симфонический мир И. Брамса.

– А запись номер три?

Концерт №1 для фортепьяно с оркестром Фридерика Шопена (1810–1849). Шопену было всего двадцать лет, когда он завершил над ним работу. Три части концерта ми минор построены по классической традиции. Оркестр начинает вступление первой части в характере полонеза, а солист сменяет его уже романтической мечтательной мелодией. Во второй части воссоздан лирический образ певицы Констанции Гладковской (1810–1889), которая была единственной любовью Шопена. А в финале (третья часть) тон задает краковяк.

Работа над концертом шла в «варшавский» период творчества Шопена, в Варшаве состоялась и премьера – 11 октября 1830 года (солировал автор).

– *Ваша новая книга о БАН имеет подзаголовок «Опыт биографии». Можно ли уточнить, о каком типе биографии идет речь?*

Это хороший вопрос. В литературе описаны несколько типов исторических биографий. Один из них, самый распространенный, – «серийная» или социологическая биография. В ней главное внимание уделяется описанию биографий наиболее многочисленных социальных групп и типичных форм их поведения. *«Нельзя отрицать продуктивность таких исследований, – пишет французский историк Ж. Ревель, – хотя порой достигается она ценой обеднения используемой информации ради достижения определенных целей. Биография этого типа рискует также привести к созданию статистического артефакта, никак не связанного с реальным историческим опытом»⁶.*

Второй тип – биография, создаваемая на основе имеющегося в распоряжении автора текста (текстов) и конкретизируемая с помощью контекстуальных ссылок. Делается это с целью восстановления среды обитания или социального фона, на котором разворачивается биография изучаемой личности.

Третий тип биографии – контекстуальная. Ее целевое назначение состоит в изучении связи (взаимодействия) между

жизнью индивида и контекстом в широком смысле слова. В роли контекста выступают различные социальные группы, учреждения, теоретические построения пишущего автора⁷.

Если определить более четко жанр будущей моей книги, то это попытка изучения опыта контекстуальной биографии Библиотеки Академии наук. Задача архитрудная. Дело в том, что БАН на протяжении всей жизни всегда писала свою собственную биографию, и эту биографию Библиотеке хотелось рассказать объективно. Мешало одно обстоятельство. Те, кто писали о ней, хотели представить ее в самом лучшем свете. Потом ситуации менялись (войны, блокада, пожары). Но как биография БАН может быть выражена в контекстуальном жанре, как представить ее внутреннюю жизнь во внешней форме, как создать новый синтез, в какую сторону направить, по Карлу Попперу, свой прожектор? Другими словами, как рассказать о себе – и как об объекте эксперимента, и как об экспериментаторе?

Исследователи БАН разделили эти задачи, и рассказ о первой части жизни библиотеки посвятили тому, как она создавалась, росла, укреплялась и какой опыт приобретала. К концу XVIII в. она вырвалась из своей среды, став одновременно и государственной, и академической, и публичной, и национальной. Этим прорывом она обязана науке. Успехи БАН объясняются не только библиотечными достижениями, но и тем, что интеллектуальное сообщество приняло ее как социальное событие; в ней увидели большую и серьезную часть жизни общества.

Вторая часть опыта БАН – осмысление накопленного по очень широкому кругу вопросов. И об этом нам тоже интересно все знать. С БАН же все так и не так: она жила не только своей прежней жизнью, но и интересовалась тем, что было вокруг. Так, на протяжении XIX столетия она упорно доказывала, что является исключительно научной библиотекой, а функции публичной библиотеки ей были необходимы для просвещения, для пропаганды научных знаний. Это был своеобразный опыт

изучения среды или того, что я назвал контекстом. И по мере развития и осмысления нового контекста качество жизни БАН обогащалось. В этом сложном направлении движения Библиотеки сказался также ее просветительский характер.

– А о чем четвертый диск?

Шестая симфония (си-минор) П.И. Чайковского (1840–1893). Петр Ильич считал ее любимым своим творением.

Я воспринимаю ее как рассказ о душе, как исповедь о сделанном перед Богом.

В Шестой симфонии отражается вся жизнь человеческая: желание жить, любить, чувствовать пульс времени (чего стоит только *Allegro* в третьей части!), страх смерти, наконец, надежда, которая, сопротивляясь, покидает душу последней.

Шестая симфония – венец творчества П.И. Чайковского. К ней вполне применимы строки из стихотворения А. Ахматовой «Музыка» (1958)⁸.

*В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.*

– Ваши публикации достаточно разнообразны. Например, рассуждая о чтении, вы пишете о нем как о «путешествии души», иллюстрируя свои тезисы обращением к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Или другое сочинение – эссе «Книга как космический субъект». Вы работаете по интуиции? Или же приходите к теории, которая вам нравится и привлекает вас, а потом пытаетесь доказать ее? Или вы не знаете заранее, каким будет результат, как его оформить в текст?

Да, я во многом полагаюсь на интуицию. Пытаюсь угадать результат, но потом его надо долго доказывать. Это мучительный процесс поиска аргументов, обращения к истории и к научным исследованиям современных дисциплин, весьма, кстати, далеким от библиографии и библиотековедения. Стараясь доказать заявленную тему, я нахожу много вопросов, на которые еще нет определенных ответов. Но это меня не смущает.

– *Какой будет запись номер пять?*

Один из моих любимых композиторов – Жорж Бизе (1838–1875), его опера «Кармен». Я ее впервые услышал во Львовском театре оперы и балета в 1960 году. Прекрасный украинский тенор Зиновий Бабий (1935–1984) исполнял партию Хосе. Оркестр играл великолепно. «Кармен» сразу вошла в мою жизнь, и я слушал ее многократно на оперных сценах Тбилиси, Москвы, Ленинграда.

А потом для Майи Плисецкой Родион Щедрин написал удивительную «Кармен-сюиту». К сожалению, я слушаю ее не часто, но с удовольствием возьму диск на необитаемый остров.

– *Несколько упрощая главную тему о книге как космическом субъекте, можно ли сказать, что в ваших работах вы ищете «узкую тропинку», соединяющую человека и книгу с Богом, полагая, что это был божественный акт творения?*

Трудный вопрос. Начну издалека. Рассматривая иконы, церковные книги, картины на религиозные темы, Вы, видимо, неоднократно обращали внимание, что на них везде Бог и его посланники на Земле изображены вместе с книгой. Вряд ли Вы обратили внимание на то, в какой руке они держат книгу. Между тем, это – определенный знак. Если в левой (ближе к сердцу) – книга прочитана, истина познана, если в правой – не прочитана, и познание истины через книгу еще впереди. (Об этом я когда-то прочитал у М. Л. Гаспарова в «Занимательной Греции».) Что здесь надо подчеркнуть? Чтение и познание истины индивидуально; каждый выбирает свой путь, ищет свою «узкую тропинку». Порой так и не находит. И здесь нет ничего удивительного.

– Можно ли поиски «узкой тропинки» выразить музыкальными средствами, например, в вашем шестом диске?

Есть такая, на первый взгляд, незатейливая мелодия «*Маленький цветок*». Мелодия удивительной красоты. Для меня это зов Космоса, Вселенной. Она помогает искать «узкую тропинку». Автор этой мелодии Сидней Беше (1897–1959), родившийся в Новом Орлеане, на родине джаза. В 1950–1954 г. Беше жил и работал в Париже, где и написал свое удивительное произведение, назвав его по-французски «*Petite Fleur*». У меня есть запись в исполнении автора, сделанная в 1952 году.

– *Вернемся к биографии БАН. Вы пишете о том, что с рождения в ней было что-то необыкновенное, отличавшее ее от многих европейских библиотек, и называете это дистанцией. Какой смысл вы вкладываете в это понятие?*

В научном мире сегодня существует библиотека, без оглядки на которую трудно двигаться дальше. Она – эталон. Мы получаем ориентир, маяк, сверяясь с которым отправляемся в собственное плавание. В течение своей жизни БАН была и остается «непримкнувшей»; она всегда придерживалась собственного мнения и осторожно относилась к сообществу библиотек, где преобладало «коллективное мышление». В дистанции и молчании БАН запечатлен глубокий смысл, некая ее необыкновенность, нуждающаяся в прочтении.

Это можно сравнить с археологическими раскопками – с той лишь разницей, что «археолог» сам становится предметом раскопок. Осталась ли БАН внутренне такой же, поймем ли мы то, что она в прошлом делала? Ее биография воспоминаниями современников не избалована. Только тот, кто любит ее в себе, может обнаружить в ней все то богатство смысла и содержания, которое скрыто при поверхностном чтении. Необходимо преодолеть очень сильное сопротивление материала, чтобы суметь читать ее жизнь так, как читаешь жизнь современника – медленно и с пристрастием...

– Если то, о чем сейчас вы сказали, попытаться выразить музыкальными средствами, что было бы записано на седьмом диске?

Вступление к опере «Хованщина» – «Рассвет на Москве-реке» М.П. Мусоргского (1839–1881). Мусоргский много предвидел и предсказал. Он увидел прошлое не только в настоящем, но и в будущем. В «Рассвете...» композитор образно передал одиночество человека в толпе, опасность разъединения народа, трагедию разобщения.

Характерно, что тема рассвета в опере больше не появляется. Она замыкается в оркестровом вступлении – и все! Почему? Мусоргский оставил нам очень непростую загадку.

– Как повлияли на Вас события 14–15 февраля 1988 г. – третьего пожара в истории БАН?

Я стал другим... Сегодня, спустя пятнадцать лет после написания книги, мне трудно добавить что-либо новое к тексту эпилога в «Библиотечном синдроме»⁹. Пожалуй, кроме одного. Я, хотя это может показаться кому-то странным, кроме друзей и коллег, благодарен всем многочисленным моим критикам разного ранга – от стремившихся к сенсациям журналистов, так называемых «узких специалистов» ведущих библиотек, отдельных депутатов Государственной Думы и их помощников до некоторых академиков и членов-корреспондентов РАН за то, что они позволили мне заглянуть вглубь себя и увидеть себя другим.

– Какой будет последняя запись – запись на восьмом диске?

Это будет не классическая музыка, а марш. Тот самый бессмертный русский марш «Прощание славянки», сочиненный трубачом Василием Ивановичем Агапкиным (1884–1964) под впечатлением событий Первой Балканской войны (1912–1913):

*Дрогнул воздух туманный и синий,
И тревога коснулась висков,
И зовет нас на подвиг Россия,
Веет ветром от шага полков...*

*Летят-летят года,
Уходят во мглу поезда,
А в них – солдаты.
И в небе темном
Горит солдатская звезда.*

– Валерий Павлович, а если бы вам пришлось из этих восьми записей выбрать одну единственную, что бы вы взяли на необитаемый остров?

Без сомнения, это была бы Шестая (*Патетическая*) симфония П.И. Чайковского. Мне кажется, что она написана для того, чтобы взглянуть на прожитое и подвести предварительные итоги.

– Какую книгу вы взяли бы с собой?

«*Евгения Онегина*» А.С. Пушкина. В этом романе я нахожу ответы почти на все свои вопросы.

– А предмет развлечения?

Фортепьяно или баян. Музицирование для меня – это попытка «перезарядить батареи» и настроиться на новую, еще неизвестную тему. Вспоминание старых мелодий на музыкальных инструментах дает богатую пищу для творчества.

– Спасибо за возможность общения!

Беседовала Татьяна Филиппова

Примечания

¹ «...*who stops to travel – has arrived*». Приведенный текст – фрагмент хранящегося в Цистерцианском монастыре Святого Креста (Австрия) письма американского монаха Т. Мертон (Thomas Merton).

² Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные / [пер. с англ. М. Кононова]. СПб.: ТИД Амфора, 2008. 166 с.

³ Там же. С. 149.

⁴ Лем С. Осмотр на месте: Из воспоминаний Ийона Тихого. М., 1990. С. 247.

⁵ Леонов В.П. «*Bésame mucho*»: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. М.: Наука, 2008. 268 с.

⁶Ревель Ж. Биография как историографическая проблема. М., 2002. С. 19.

⁷Свидзинская М.С. Контекстуальная биография и ее место в истории биографических исследований // Вестн. РАН. 2010. Т. 80, № 2. С. 188–191.

⁸Стихотворение посвящено Д.Д. Шостаковичу.

⁹Леонов В.П. Библиотечный синдром. СПб., 1996. С. 600–614.

Опубликовано: Мелодии необитаемого острова: послесловие к еще ненаписанной книге / В.П. Леонов; беседу вела Т. Филиппова // Библ. дѣло. 2011. № 11. С. 6–10.

1.5. Почему «*Bésame mucho*»?: (о новой книге-надежде)

*...Там есть один мотив...
Я все твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла...*

А.С. Пушкин. «Моцарт и Сальери»¹

Начинать необходимо с мелодии.

Bésame mucho для меня – одно из самых замечательных музыкальных сочинений, созданных человеком. Эту незатейливую мелодию я могу играть часами, слушать бесконечно долго в самом разнообразном исполнении. Красота ее удивительна. Я сравнивал свои впечатления от *Bésame mucho*, когда слышал ее не только в родной для нее Мексике, но и в других странах и на других континентах. Удивительное ощущение! Она выбирает тебя сразу, и потом ты остаешься с ней один на один...

Возможно ли смотреть на мир, на себя, на свою жизнь, свое дело через призму этой гениальной и вечной мелодии? Что это дает? Увидишь ли нечто новое, узнаешь ли знакомое, сделает ли это тебя понятней другим и какие для этого нужны слова? Мексиканская песня как гимн надежде. В ней воплощены страсть, любовь, ожидание. Мелодия эта очень личностна. Твое «я» отражается в *Bésame mucho*. Ты узнаешь себя в этом образе: может быть образ этот ты сам и создал, а потом вывел его на свет и наделил строением и формой? Услышав ее однажды (возраст здесь не имеет значения), понимаешь, что в тебя вошло что-то новое, в твоём сознании запечатлелось то, с чем ты будешь всегда.

Bésame mucho – имя мелодии, рождающей во мне порыв и жажду познания. Мелодия – это символ, звуки – голос ее. Поэтому важно уметь слушать, дать мелодии захватить тебя целиком и перерасти в желание узнать: а что там, дальше, за

горизонтом твоего видения? А потом – возможен порыв. Порыв – это ветер, движение, это загадка, уготованная человеку. Ты снова окунаешься в мелодию, и появляется блеск желанья, легкое побуждение. Незаметное движение превращается в ожидание. От порыва уже нельзя ни избавиться, ни умерить его. Постепенно он начинает набирать силу, стремится сделать осязаемым свой полет. Там, где была раньше тишина, властвуют теперь силы движения.

Бесконечность и вечность – там, где властвует небо. Вечность – это начало начал, возможно ли ее познать и понять через свою мелодию и найденное свое слово? Именно такую «свою» мелодию, видимо, ищет каждый из нас.

Потом подступает одиночество. *«Одиночество, – повторю вслед за психологом К.Г. Юнгом (1875–1961), – обусловлено не отсутствием людей вокруг, а невозможностью говорить с людьми о том, что кажется тебе существенным, или неприемлемостью твоих воззрений для других»*². Чтобы понять степень своего одиночества, нужно дождаться другого, нужно поделиться с ним своим опытом, послушать его рассказ. Ты начинаешь искать его, другого, все превращается в единый зов. И снова, в который раз, спасает мелодия, позволяющая услышать голос, такой желанный, другого: я с тобой, ты не одинок, вместе мы будем сильнее. Мелодия как стрела, пронзившая тебя, теперь летит вечно, пока ты жив, пока влечет тебя жажда познания окружающего мира, жажда творчества. Что это?

Творчество – это одиночество и любовь взятые вместе, по самой своей природе они неразделенные. Одна из тайн творчества предполагает способность, умение творца вместить весь необъятный мир с его прошлым, настоящим и будущим в свернутые формы. Это удивительное состояние, когда абстрактное сливается с конкретным, когда слово становится созвучно звукам мелодии, когда ты уже понимаешь, что нашел то, что искал.

Я намерен создать образ *Bésame mucho* – скорее текстовый, книжный, библиографический что мне ближе профессионально; это будут интерпретации темы, которые мелодия

хранит в тайне ее тревог и надежд и которые я постараюсь запечатлеть, начиная с отметки, оставленной в юности, это будут интерпретации, живущие в восприятии моего времени и моей эпохи, моих профессиональных размышлений... Речь пойдет не только о событии, но и о том, почему оно остается в памяти. Что говорится посредством этой мелодии? Почему она воспринимается как стрела, попавшая в цель, и с тех пор летящая вечно?

Ответ, самый общий, может быть таков: *запоминать надо не историю, а ее смысл*. Этому учишься всю жизнь... Единственный толчок, который дает история, единственное давление, которое она оказывает на человека, чтобы сформировать его как личность, это – упорство, с которым надо считаться. Благодаря упорству и повторению происходит возвращение к исходному смыслу: *«В начале было Слово»*. Это повторение равно вспышке молнии, в результате которой Человек преобразуется. Его миссии теперь определены свыше – среди них важнейшая – стать книжным посланником Бога на Земле.

Воспользуюсь метафорой и выделю два типа книжников, библиотекарей, библиографов. Одни ведут *кочевой* образ профессиональной жизни, а вторые – *оседлый*. Выбирая один, сожалеешь о другом. Следуя этим двум типам, можно классифицировать не только идеи, достижения, этапы развития, стили. Оседлые книжники прочно «привязаны» к текстам, они живут в них, они в них существуют. Кочевой же стиль мышления направлен на поиски того, чего еще нет, но что будет – в книге и библиотеке будущего, в запросах будущего читателя, в форме услуг будущего. Какое оно и где его можно увидеть?

Поразмышляем вместе. Возникнув, книга создавала свой дух. Но в ней продолжало жить то, чем и какой она была прежде, в ней было возможно рассмотреть тех, кто формировал ее сущность. Можно сказать, что в центре книги – жизнь. То, что в биологии называют жизнью, вне ее зовется смыслом. Человеку необходимо осознавать смысл истории, в противном случае утрата его приведет к гибели. Профессионал должен

уметь открыть горизонт жизни книги. С его помощью книга пересекает страны света, ее невозможно убить, она вселяет надежду. Испытания, которые выпадали и выпадают на долю книги, преображаются в духовное послание идущим вслед поколениям. Поэтому книга как послание человека бессмертна!

Из желания познания нового многие книжники подвергли себя испытаниям: они переменили свои привычные занятия. Зачем они это сделали? Возможно, чтобы оценить испытание возвращением, чтобы ощутить последствия другой жизни. Процесс возвращения похож на реконструкцию начального смысла истории; его нельзя обойти молчанием, он тревожит дух, пробуждает новый интерес. Появляется снова надежда, а потом долго приходится искать выход из затянувшегося молчания. Так из сумерек вчерашнего рождается новый день... Профессионал-книжник поднимается, оглядывается вокруг и выпрямляется. Как сложится его жизнь теперь? Неужели он надеется на чудо? Признаюсь, чудо я допускаю.

Пройденный путь у каждого свой, и его осмысление начинается с возвращения к собственной истории. У оседлого книжника время протекает за изучением известных и разысканием еще не обнаруженных текстов; у книжников кочевого стиля мышления оно посвящено поискам профессии будущего, профессии, которая будет востребована завтра. Но если в памяти первых история оживляет легендарное прошлое, то у вторых постижение ее смысла пробуждает особую чувствительность к реальной жизни.

Полагаю, что так у книжного посланника Бога на Земле появляется и проявляется новая *чувствительность* ко всему происходящему. Она находит способ обретать и новых читателей, и формировать новый опыт восприятия жизни и смысла прошлого и настоящего.

Я нахожу утешение в том, что открытая книгой чувствительность похожа на те ощущения, которые совпадают с моими и уже описаны в литературе. Одно из таких замечательных описаний своего состояния оставил поэт Райнер Мария Рильке

(1875–1926). Он признавался: *«Во мне есть нечто такое, о чем я не знал. Все теперь уходит туда. Я не знаю, что там происходит»*³.

Для меня *Bésame mucho* – ключ, с помощью которого я попытаюсь обрести доступ к новой чувствительности. Ведь для чувствительности недостаточно только слушать музыку, нужно знать и понимать ее. Возможно потому, что толкование звуков способно поведать нам такое об окружающем мире и нас самих, что одним только звукам не под силу. Я полагаю, что многие с этим согласятся. Ведь у каждого из нас внутри имеются свои звуки, свое осмысление мелодий, они разные, и это естественно. Для Иосифа Бродского, например, одной из таких мелодий была *«La Cumparsita»* – *аргентинское танго*. Он признавался, что это *«...самое гениальное произведение нашего времени. После этого танго никакие триумфы не имеют смысла: ни твоей страны, ни твои собственные. Я никогда не умел танцевать – был слишком зажатым и к тому же вправду неуклюжим, но эти гитарные стоны мог слушать часами и, если вокруг никого не было, двигался им в такт. Как многие народные мелодии, La Cumparsita – в сущности, «плач», и в конце войны траурный лад был уместнее, нежели буги-вуги. Никто не стремился к ускорению, все хотели сдержанности»*⁴.

Я считаю, что *Bésame mucho* и *La Cumparsita* – две великие метафоры XX столетия⁵. Они обогащают наше видение и понимание мира. Известно, что всякое обновление, всякое развитие начинается с творческого акта. Метафора знаменует собой начало мыслительного процесса. Она отвечает способности человека устанавливать и создавать сходство между очень разными субъектами и объектами. Только уподобив их какому-нибудь другому отношению, мы получим метафору. Или иначе: ощущение подобия является стимулом к порождению метафор. Сошлюсь на определение из второго издания *«Webster's New International Dictionary of English Language»* (1953): *«Метафору можно рассматривать как сжатое упо-*

добление (*simile*): в ней подразумевается то сравнение, которое эксплицировано в уподоблении» (р. 1546). Выявление этого сравнения – первая загадка, которую должен разгадать читатель. Дав толчок развитию мысли, метафора угасает. Это очень существенно для понимания ее сути, ибо она выступает средством, орудием, а не продуктом творческой деятельности.

В *Bésame mucho* я хочу обсуждать не достоинства мелодии. Скорее речь пойдет о невыразимом, ведь мы соприкасаемся с шедевром. То, что у большинства знающих ее она вызывает различные ассоциации, понятно и не должно удивлять. Но для немногих из гармонии звуков возникает внутренний голос. Это уже не ассоциация, это – психологическая точность. Все, что молчало во мне до поры до времени, теперь хочет быть услышанным, хочет взять слово⁶. В *Bésame mucho* воплощен некий сгусток памяти, наполненный эхом и отголосками, где совершается переход из метафоры в реальность. Начинают формироваться новые отношения с реальностью, а с ней и новое, реконструированное, более обширное понимание окружающей действительности.

И тут возникают сомнения... Уже не те, когда я слышу мелодию *Bésame mucho*, а те, когда я вглядываюсь в лица окружающих меня людей, когда я пытаюсь понять их, а они меня, или когда ощущаю себя среди них «белой вороной».

Что же это за сомнения?

Интерпретируя смысл истории по-своему, многие ученые мужи стараются превратить книжного посланника Бога на Земле в покорного слугу всех времен. К началу XXI века такого понимания станет придерживаться большинство отечественных и зарубежных теоретиков, хотя на самом деле книжник станет покорным лишь тогда, когда уже не сможет выдержать тяжести сложившейся традиции. Но его изображают как пассивного участника событий, судьбу которого определяют другие.

Я смотрю на окружающий мир, на окружающее пространство из своего мира, каким для меня является мир книжной культуры, мир библиотеки, мир библиографии. И если речь идет о

философии, культуре, искусстве, я всегда смотрю на них как профессионал-книжник, как библиотекарь-библиограф. Так уж получилось, что реальностью для меня служит этот мир. Этим мое мышление и мои рассуждения отличаются от мнений и оценок историков, литературоведов, философов. Мои сомнения начинаются тогда, когда непрофессионалы начинают высказывать суждения, основанные на поверхностном знакомстве с особенностями нашей работы, и предлагают свои, как им кажется, простые и убедительные пути решения наших задач. Так, не пытаюсь ли я, рассуждая, например, о будущем библиографии, «ремонтировать старые корабли», тогда как другая сторона ищет и находит новые виды транспорта? Я отвечаю, что библиограф пользуется **всем**, чтобы познать прошлое и не претендует на изобретение новой коммуникации. Его настоящим делом является и «ремонт старых кораблей».

Реконструируя прошлое, он прибегает к повтору, но только затем, чтобы идти дальше. Он повторяет, но *по-своему* лишь то, что уже было сделано и о чем было написано. Странная вещь: книжный мир, который мы создали и в котором мы живем, многим оказывается не нужным. В процессе освоения современных технологий личность и ее прошлое медленно вытесняются из памяти. Библиотечное пространство, оказывается, заполнено не только нужными читателям книгами, но и информационным мусором, причем в огромном количестве; возникла псевдолитература; ориентироваться в таком потоке бессмысленно, это пустая трата времени. Нужны новые идеи, указывающие выход из сложившейся ситуации, новые решения и новые профессионалы. Вместе с тем, отношение к такого рода идеям и предложениям должно быть очень взвешенным и продуманным. Важно знать, кто говорит, о чем говорит и, главное, что за этим стоит: желание показать себя, свою эрудицию или глубину проникновения в суть проблем? Повторю еще раз: не надо преувеличивать уровень компетентности тех, кто рассуждает сегодня о книге, библиотеке, читателе, их взаимодействии.

Я, например, не могу разделить оценку состояния книжной культуры, изложенную в рассуждениях Хорхе Луиса Борхеса (1899–1986) – известного писателя, литературоведа, более двадцати лет возглавлявшего национальную библиотеку Аргентины. Вот фрагмент его беседы с журналистом Освальдо Феррари в 1984 году:

«Культура действительно в опасности, ...существует опасность замены литературы, наслаждения от чтения наукообразными дисциплинами о литературе. Такую возможность нельзя исключать; почти двадцать лет я преподавал литературу, и многие студенты просили меня дать им библиографию. Я всегда отвечал: нет, ведь любая библиография идет только вослед творчеству писателя; не думаю, что Шекспир смог бы прочесть обширнейшие библиотеки, заполненные книгами о нем. Прежде всего – само творчество, но сейчас больше всего пишут о творчестве, о книгах, пишут о том, кто пишет о писателе, пишут о том, кто пишет о том, кто пишет... и читатели, как правило, не доходят до самих текстов, ведь есть библиография. И это продолжается неостановимо; уже Самюэль Батлер (английский писатель, 1835–1902) говорил, что со временем каталоги Британского музея не смогут поместиться на земном шаре. (Оба смеются). Что же говорить о книгах, если одних каталогов больше, чем достаточно? Мы стали жертвами эрудиции, которая является одной из опасностей нашего времени; хотя вокруг слишком много невежд; но ведь эрудиты, как правило, и являются невеждами; чаще всего они хорошо знают только тот предмет, который изучают. А об общей картине представления не имеют; общее – это для них чересчур неопределенное... И надо, чтобы писатели выступили в защиту культуры... в связи с этой неправдоподобной, но не невозможной опасностью...»⁷.

Борхес формирует парадигму, которую, полагаю, разделяют многие непрофессионалы. Они чувствуют себя господами в

книжном мире. Им не интересно другое мнение, оно заведомо будет архаичным. Они с легкостью готовы решить за нас все наши ключевые проблемы. А мы? Формируем в себе новую чувствительность. Но сомнения не уходят. В своем профессиональном развитии мы находимся в состоянии, описанном Данте в начале своего путешествия:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...⁸*

Так наступает время подведения предварительных итогов. В целом они неутешительны. Посланник Бога, призванный раскрыть людям миссию книги на Земле, профессионал, наделенный знаниями, оказался сегодня недооцененным. Почему? Ведь он многократно доказал свою уникальность и необходимость обществу, он постоянно приходил на помощь тем, кто в нем нуждался. Ничего другого ему и не надо. Бывают периоды, когда его не замечают, когда дело, которым он занимается, стараются (и не безуспешно) истолковывать упрощенно и по чужим шаблонам. Тогда наступают времена, когда профессия служителя книги становится непопулярной и непрестижной. Именно в такие моменты профессионалу нужно ощущение того, что не все происходящее можно предугадать, что окружающий его мир таинственен, и что книга дает возможность проникнуть в неизвестное, сделать его жизнь богаче и полнее. Ведь вызов обществу бросает не книжник, вызов обществу бросают книги, – когда чувствуют пренебрежительное к себе отношение...

Но появились другие люди, появились другие технические возможности, возникли новые цели и задачи. Потребность в опытном книжнике уменьшилась. Почему он оказался на краю? В чем была его ошибка? Ни в чем – и во всем. Ошибка в том, как он видел и воспринимал жизнь. Может быть, стоило более громко напоминать о себе, о роли чтения и книги в жизни человека? Или лучше было бы хранить им верность и дожидаться случая, когда снова настанет его время? Мысли и вопросы

остаются безответными. И пока опускаются сумерки, книжник продолжает вопрошать свою судьбу, бросать ей вызов, разочаровываться, надеяться на возвращение авторитета своей профессии.

Такие поражения нужны. Более того, они необходимы для того, чтобы возвестить о начале смены существующей библиотечной парадигмы, чтобы сформировать новую. Мне кажется, что так начинается переход к информационному обществу. Информационное общество можно бесконечно долго обсуждать. Неоспоримо то, что есть, а именно – те знания и ощущения, которыми мы располагаем. Я уверен, что поражения необходимы, чтобы обрести второе дыхание, чтобы от детства и отрочества перейти к зрелости. Информационное общество – это состояние зрелости человечества, знаменующее собой установление качественно иных отношений между человеком и миром знаний. А ключ к информационному обществу, к зрелости, к новому началу отношений находится во власти нашего прошлого. Следовательно, хотим мы этого или нет, в прошлом зашифровано будущее, оно проявляется в нем. Так ли?

Обратимся к Гутенбергу. Для меня Иоганн Гутенберг (усл. 1400–1468) как книжник не столько принадлежит прошлому, сколько олицетворяет собой *новое сознание*, при котором предпочтение отдается однородности, а не разнообразию. Сознанию Гутенберга было свойственно одно мощное стремление: открыть в печатной книге единый источник и установить через ее тиражирование единство связей и соответствий. Гутенберг в этом сознании воплощает центр, к которому можно присовокупить и весь рукописный период развития книги. Интерес к первопечатнику по-прежнему велик, ибо он побуждает к вдохновению. А вдохновение важно не только и не столько для истории, сколько для понимания природы человеческой психики, вокруг которой этот интерес постоянно вращается.

Гутенбергу за очень короткий срок удалось объединить рукописную и печатную культуру. Ненавидя или любя, в нем признали посланника Божьей воли, чтобы следовать или со-

противляться ей. Миссия Гутенберга состоит в том, что через него печатное наследие человечества выражает исторический опыт. Через письменность обнаруживается постоянное присутствие прошлого в настоящем, жизнь вчерашнего дня в сегодняшнем. С попытки Гутенберга начинается общение человека печатной культуры со своей историей.

Главное создание И. Гутенберга – сорокадвухстрочная «Библия». Я видел ее в Майнце, в музее, носящем его имя, где она хранится в сейфе, способном уцелеть после ядерного удара. «Библия» эта лучезарна и прекрасна, как сама жизнь. В моем понимании она воссоздает мир, чтобы в нем воссиял идеал справедливости, добра и красоты. В «Библии» запечатлен миг рождения человека печатной культуры. Со времени его рождения прошло уже более пяти столетий, а ощущение этого мгновения не покидает меня. Означает ли этот порыв, что будут последующие? Полагаю, что означает. Ведь человек шаг за шагом, независимо от времени и места, проявляет себя, а для проявления новой чувствительности всегда существует определенное время. Имя ему – *день*. Гутенберг для каждого из нас открыл новый день, открыл тайную сторону души человека и запечатлел ее в печатной книге. Тайна эта существовала всегда и всегда стремилась быть признанной. Созданное Гутенбергом никогда не может быть утрачено. Завоеванное его разумом будет принадлежать ему всюду и везде. Везде – это значит: здесь. Его открытие не имеет обратного хода и его след больше не потеряется.

Но и сумерки могут вернуться, сумерки, ведущие к ночи. *Ночь*, так же как и день, необходима для появления новой чувствительности. Для меня ночь открывается обширным списком уничтоженных книг и библиотек, списком пострадавших от власти издателей, библиотекарей и библиографов. Если факты ожили в моем сознании, пробудили во мне чувствительность, то потому, что сохранилась память о них. Образно говоря, книжник находится в ситуации отца, который, доведя сына до порога совершеннолетия, должен покинуть его. Совершеннолетие сына

может наступить только тогда, когда отец устранился и лишь после того, как он устранился.

И снова на смену ночи приходит день. Звучит моя мелодия. Для меня наступает испытание возвращением, приходит время осмысления прошлого. Здесь опять таится опасность. Оживляя прошлое в настоящем, я способен разрушить свое настоящее и мне нужно сделать очень серьезное усилие над собой, чтобы возвыситься над прошлым. Я постоянно должен помнить, что моя жизнь, мое предназначение в этом мире есть не что иное, как попытка сохранения тонкой и хрупкой нити человеческой памяти, запечатленной в изобретении Гутенберга. Звуки *Bésame tucho*, которые я несу в себе, – компоненты такой нити памяти...

Примечания

¹ Я бы хотел пояснить читателю, почему к книге *Bésame tucho* предпослан такой эпиграф. Обратимся за возможным ответом к первоисточнику – трагедии А.С. Пушкина, а затем к статье Н.В. Беляка и М.Н. Виролайнен «Там есть один мотив...» («Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина), опубликованной в 23-м выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. С. 32–46). Приведу начало статьи: «В „Моцарте и Сальери“ есть одно странное и труднообъяснимое место. Моцарт признается Сальери в том, что его преследуют дурные предчувствия и мистические страхи, что за их дружеской трапезой мерещится ему присутствие третьего – черного человека, – и Сальери, видимо, движимый желанием рассеять сгустившуюся трагическую атмосферу, отогнать смерть, коснувшуюся своим дыханием их обоих, призывает на помощь авторитет веселого Бомарше. Пытаясь перейти к шутливому тону, он вспоминает простой рецепт великого комедиографа: гнать черные мысли с помощью шампанского или “Женитьбы Фигаро”. Упоминание Бомарше и его бессмертной комедии, вдохновившей Моцарта на создание оперы, и сама шутка производят определенный эффект: Моцарт подхватывает предложенную тему, ожив-

ляется, вспоминая, что Сальери, как и он сам, творчески соединен с Бомарше музыкой, а сверх того – еще и личными приятельскими отношениями, с искренней похвалой отзывается о „Тараре“, сочиненном Сальери по либретто Бомарше, и даже пытается напеть некий мотив из „Тарара“, связанный для него с особым состоянием счастья... И вот здесь, вдруг, резко обрывая мотив, Моцарт почему-то задает вопрос, совершенно неожиданный на фоне того направления, которое принял было их разговор и действие в целом: „Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?“».

Вот этот фрагмент:

*Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я все твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?*

VII, 132

Что же это за «ла ла ла ла»? Мотив «ла ла ла ла», видимо, понадобился Пушкину для того, чтобы показать, как совершается в душе Моцарта та мгновенная перемена настроения, которая снова возвращает его к мрачным мыслям. Это не переживание чистой радости. Через «ла ла ла ла» идет обратная интерпретация событий – драматическая и трагическая, дополнительно снабженная многоточиями.

Взяв в качестве эпиграфа цитату Пушкина, где приводится мотив «ла ла ла ла», мне хотелось подчеркнуть, что мелодия *Vésame mucho* представляет собой не просто известное музыкальное произведение, обращенное к слуху. В сочинении Консуэлы Веласкес (1924–2005) есть своя драматургия, своя минорная тональность, запечатлевшая сложное время начала 40-х годов XX столетия. Она запала в души миллионов влюбленных, разлученных Второй мировой войной, давая им надежду на встречу. Для меня через *Vésame mucho* происходит обратная интерпретация событий моей жизни.

² Юнг К.Г. Дух и жизнь: [сб.] / пер. с нем. Л.О. Акопяна; под ред. Д.Г. Лахути. М.: Практика, 1996. С. 366.

³ Rilke R.M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge // Rilke Werke in Sechs Banden. Bd. 5. 3 Aufl. Frankfurt a. M., 1984. S. 110–111.

⁴ Цит. по: Петрушанская Е.М. Музыкальный мир Иосифа Бродского. СПб.: Звезда, 2004. С. 307.

⁵ Аргентинское танго не просто завоевывало мир. «В 1914 году архиепископ Парижский обещал отлучить танцующих от церкви. Святой престол также неоднократно выказывал озабоченность этим вопросом. Закончилось тем, что в 1924 году в библиотеке Ватикана (разрядка моя. – В.Л.) перед папой Пием XI выступила аргентинская пара. Правда, танцевали они под танго „Аве Мария“ (кстати, главный инструмент танго – бандонеон – изначально предназначался для исполнения духовной музыки), на партнерше была юбка до пят, а партнер тщательно выбирал фигуры. Такой танец папа не мог не одобрить, и вопрос о его допустимости и нравственности был закрыт» (Губарева М. Танго: бесконечная возможность // Вокруг света. 2007. № 7. С. 136–148).

⁶ Ср., напр.: «Прошлое не стоит вокруг меня в образцовом порядке: я вижу лица, множество лиц, какие-то люди расталкивают друг друга и кричат: “Меня, меня сначала!”». (Пиэф Э. Моя жизнь. Блистен М. До свиданья, Эдит... / пер. с франц. Е. Юнгер. М., 1992. С. 11).

⁷ Борхес Х.Л. Новая встреча: неизданные беседы / Хорхе Луис Борхес, Освальдо Феррари; пер. с исп. В. Андреева. СПб.: Symposium, 2004. С. 201–203.

⁸ Данте А. Божественная комедия. [Т. 1]. Ад / [пер. с итал. и примеч. М.Л. Лозинского]. М.: Худ. лит., 1974. С. 19.

Опубликовано: Почему «*Bésame tucho*»? (о новой книге-надежде) / В.П. Леонов // Библиотекосведение. 2007. № 3. С. 116–121.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА

2.1. О методах библиотековедческих исследований в США

Современный уровень библиотечной науки определяет необходимость исследований новых направлений библиотечного и информационного обслуживания, теоретического осмысления новых методов, получивших распространение в библиотековедении¹. Можно без преувеличения сказать, что США принадлежит ведущая среди капиталистических государств роль в формировании документального потока по методическим вопросам библиотечно-информационной работы²: постоянно выходят в свет сборники и монографии, различные фирмы и ведомства отпускают значительные средства на специальные исследования. Кроме того, эта тематика находит отражение в учебных планах отдельных библиотечных и информационных школ и колледжей³. Разработку научно-методических проблем в США стимулировало неудовлетворительное состояние теоретических основ библиотечного дела и смежных наук.

В этой связи следует отметить, что отношение американских ученых к теории различно. Большинство ведущих специалистов главное значение придают экспериментальным исследованиям, рассматривая теорию как вспомогательное орудие. Более сорока лет тому назад Пьер Батлер, профессор Высшей библиотечной школы при Чикагском университете, писал: *«В отличие от своих коллег из других областей обществен-*

ной деятельности, библиотекарь странным образом не заинтересован в исследовании теоретических основ своей профессии». И далее, объясняя, почему так происходит, он писал, что применение библиотекарем технических средств, по-видимому, «удовлетворяет его интеллектуальным интересам»⁴. С тех пор общее состояние теории библиотечного дела в США мало изменилось. Уже в наше время практики неоднократно отмечали преобладание эмпиризма, фрагментарности и бессистемности в исследованиях. Например, член редколлегии сборника «College and Research Libraries» Г. Аксфорд назвал большинство исследований в библиотечной литературе описательными, педантичными и скучными⁵. Ф. Эннис охарактеризовал их как поверхностные⁶. На рутинный характер библиотекосведческих исследований, на их методические недочеты указал Г. Гаррисон⁷. Выход из создавшегося положения американские ученые видели в привлечении в сферу библиотекосведения высококвалифицированных специалистов, имеющих общетеоретическую подготовку и владеющих техникой исследования в смежных научных дисциплинах.

В 1960-е гг. Высшая школа библиотекосведения при Иллинойском университете возглавляет работу по изучению использования научных методов в библиотечном деле. С 1963 по 1970 г. на базе этой школы было проведено три конференции под общим названием «Методы научного исследования в библиотекосведении». Доклады первой конференции (1963 г.) содержали описание статистических, обзорных, библиографических и исторических методов⁸. Тематика выступлений выходила за рамки библиотечных проблем. Девять из одиннадцати докладов были подготовлены авторами, не имеющими специального библиотечного образования.

В семи из одиннадцати сообщений второй конференции (1967 г.) методы измерения и оценки освещались применительно к психологии, образованию, общественным наукам, и только в четырех докладах – к библиотечной и библиографической работе⁹. На основе опубликованных материалов этих

конференций Р. Уолкер составил библиографический указатель «Методы исследования в библиотечном деле», в предисловии к которому отметил смежный характер библиотечно-информационных дисциплин и справедливо подчеркнул, что уровень их методического развития в значительной мере зависит от степени использования приемов других наук¹⁰. На третьей конференции (1970 г.) лишь три работы из одиннадцати раскрывали опыт применения исторических методов в библиотековедении¹¹. Особо следует выделить доклады, представленные библиотековедами: «Основные источники библиотековедческих исследований» (H. McMullen), «Текстуальный критицизм в исследованиях по истории библиотечного дела» (E. Holley), «О необходимости научных исследований по истории библиотечного дела» (R. Hagler). Заслуживают внимания сообщения, подготовленные специалистами-историками – «Библиографические исследования: некоторые частные замечания» (R. Current) и «Важность исторических и библиографических научных исследований» (A. Land), содержащие требования к профессиональной подготовке специалистов по истории библиотечного дела¹². Положительно оценивая в целом публикации всех конференций, необходимо сделать два вывода. Во-первых, стало очевидным, что потерпели неудачу попытки решить круг специальных вопросов библиотековедения за счет лишь привлечения «специалистов-смежников», незнакомых с состоянием библиотечного дела и библиографии. Во-вторых, теоретический уровень представленных докладов оказался невысоким, и их, видимо, нужно рассматривать в качестве обмена опытом. Главное значение конференций заключалось в том, что библиотечная общественность и специалисты-теоретики в области библиотечного дела, библиографии и информатики ознакомились с разнообразием методического аппарата упомянутых дисциплин, узнали о сложности и многозначности приемов исследований других наук.

С этого времени начинается качественно новый этап работы в данной области – **теоретическое осмысление** методи-

ческих проблем библиотекосведения. Первым трудом явилась монография профессора Высшей школы библиотекосведения при Иллинойском университете Г. Голдхора «Введение в научное исследование в библиотекосведении»¹³, которая рецензировалась в нашей литературе¹⁴. В первой части автор приводит теоретические сведения, рассматривает критерии отбора методов и анализирует некоторые из них (исторические, обзорные, экспериментальные и статистические). Во второй части материал дополняется и иллюстрируется примерами из библиотекосведения. Согласно концепции Г. Голдхора, существуют три способа сбора данных для библиотекосведческих исследований: самостоятельная регистрация измерений и наблюдений; общение с лицами, проводившими наблюдения или обладающими информацией о них; работа с документальными источниками.

Соответственно классифицируются методы библиотекосведческих исследований. Первая группа – **исторические**, тематика которых в основном связана с работой с документальными источниками, вторая группа – **экспериментальные** и третья – **описательные** исследования. Автор считает, что экспериментальные и описательные методы имеют дело как с самостоятельной регистрацией измерений и наблюдений, так и с получением информации от лиц, проводивших наблюдения. Кроме того, описательные методы включают и различного рода опросы потребителей информации.

Подход Г. Голдхора можно проиллюстрировать на примере другого издания – «Хрестоматии по применению научных методов в библиотекосведении», подготовленной под редакцией М. Банди и П. Вассермана (Мэрилендский университет). Это – учебное пособие, содержащее отдельные статьи из периодических изданий и главы из книг по смежным дисциплинам. Почти все публикации написаны авторами, не являющимися библиотекосведами. Как отмечают в предисловии составители, основная цель работы – помочь читателю проникнуть в природу творчества с учетом специфики научной библиотечной

деятельности¹⁵. Однако реализовать этот замысел в полной мере не удалось. Вызывают возражения критерии отбора материала (поверхностные работы соседствуют с серьезными, основательными, требующими знаний по существу вопроса). Во вводном разделе «Хрестоматии...» представлены публикации, которые знакомят с основами научной методологии, затем раскрывается значение гипотезы как составного элемента научной теории, обосновывается выбор рациональных путей исследования на примере изучения потребителей информации и их информационных потребностей (статьи В. Пейсли, Р. Тейлора, Ф. Энниса). Далее идут работы по методикам статистической обработки данных, проведению опроса и интервью, планированию и управлению библиотечной деятельностью. Особый интерес для советского читателя представляет аннотированный перечень книг и статей по применению научных методов в общественных науках и библиотечных исследованиях (43 названия), данный в качестве приложения. Среди методов выделены исторический, обзорный, ситуационный (Case Study – с описанием конкретных ситуаций, в которых библиотечный и информационный работники удовлетворяют запросы потребителей) и экспериментальные методы (интервью, анкетирование, контент-анализ, статистические методы). Отдельно представлена литература о теоретической разработке методов конкретных разделов библиотековедения: истории библиотечного дела (11 названий), изучения информационных потребностей и потребителей информации (12 названий), организации и управления библиотечным делом (20 названий).

Итоговым изданием, отражающим состояние интересующей нас темы к началу 1970-х гг., является библиографический указатель Б. Винара «Научные методы в библиотековедении», насчитывающий 782 названия¹⁶. В восьми разделах указателя, как отмечает автор, отражены не только литература, наиболее ценная с библиотековедческой точки зрения, но и публикации смежного характера. Первым во вводном разделе дан перечень основных периодических изданий, книг, библиогра-

фических и учебных пособий в соответствии с темой указателя. В последующих разделах представлены материалы об исторических методах, по планированию эксперимента, теории управления, контент-анализу, методам изучения чтения, обзорным исследованиям. Несмотря на ряд недостатков, отмеченных в специальной рецензии¹⁷, указатель наиболее полно представляет литературу по научным исследованиям. На его материалах было решено проверить, можно ли эмпирические классификационные принципы Г. Голдхора реализовать в библиографическом пособии Б. Винара. При сравнении стало очевидно, что не все публикации, описывающие применение различных методов, укладываются в предложенную классификацию. В частности, непонятно, к какой группе следует отнести работы по планированию эксперимента, теории управления и др. Следует отметить, что наполнение разделов не только по тематике публикаций, но и по их характеру – неравноценно. Так, приведено только 14 названий о статистических методах, 31 название о социологических методах, 16 названий о методах управления библиотечным делом.

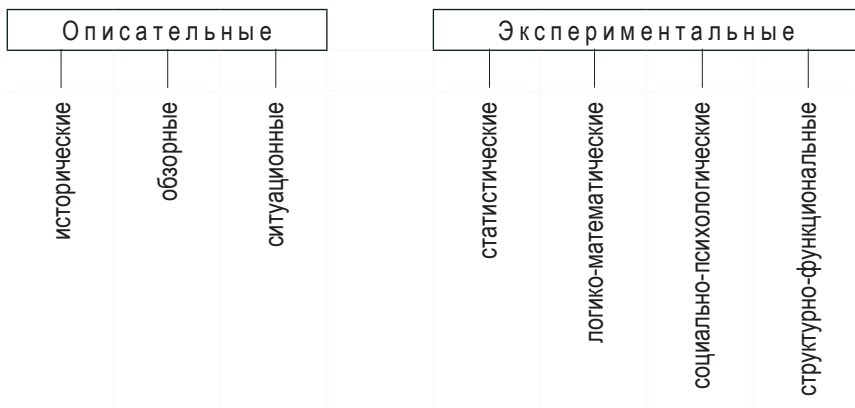
Нам кажется, что на основании разбора и анализа литературы можно сделать вывод о неравномерности разработки различных методических вопросов библиотекосведения в Соединенных Штатах Америки. Отдельные работы отражают возможные пути развития исследовательских методов, другие – дают описания практических решений на уровне «как это делать» (*this way we do it*). Нетрудно заметить, что среди активно используемых методов ведущее место принадлежит историческому.

Такие, например, как психологические и математические еще в недостаточной мере нашли отражение в библиотекосведении. Что же касается реальной оценки каждого метода, то это предстоит выяснить в будущих исследованиях.

Эмпирическая классификация методов Г. Голдхора в определенной степени систематизирует библиотекосведческие исследования, но не охватывает всего их разнообразия.

Дальнейшее развитие работ в этом направлении потребует создания более совершенных подходов, ибо в ближайшее время, как пишут специалисты, следует ожидать новых методических решений в других науках (исследование операций, вычислительная техника), которые найдут применение в библиотековедении и информатике¹⁸.

В заключение попытаемся представить обобщенную классификацию основных библиотековедческих методов в США.

Важно подчеркнуть, что степень применения различных методов находится в прямой зависимости от объекта и характера его исследования. Если, например, задача исследования познавательная, то чаще всего используют исторический или обзорный методы. Напротив, при изучении функций объектов применяют структурно функциональный анализ, который представлен рядом частных методических решений (метод системного анализа, метод исследования операций и др.). Нет никакого сомнения в том, что дальнейшее изучение методических проблем библиотековедения является одной из актуальных задач сегодняшнего дня.

Примечания

¹ Toward a Theory of Librarianship. Papers in Honor of Jesse Hauk Shera / ed. by C. Rawski. Metuchen, Scarecrow, 1973. 564 p.

² В печати справедливо, на наш взгляд, отмечалось, что эти вопросы следует рассматривать в комплексе, а не изолированно друг от друга: Скворцов В.В. К вопросу о математизации и формализации библиотекосведческих исследований в США // Библиотекосведение и библиогр. за рубежом. 1977. № 61. С. 40–57.

³ Asheim L. New Trends in the Curriculum of Library Schools // Education for Librarianship. The Design of the Curriculum of Library Schools. Urbana, 1977. P. 59–79.

⁴ Butler P. Introduction to Library Science. Chicago, Univ. of Chicago, 1933. P. XI–XII.

⁵ Axford H.W. A Proposal for a National Institute of Library Science // College and Research Libr., 1971. Vol. 32, № 6. P. 426–426.

⁶ Ennis R.H. Commitment to Research // Wilson Libr. Bull. 1967. Vol. 41, № 9. P. 889–901.

⁷ Garrison G. Introduction // Library Trends. 1964. Vol. 13, № 1. P. 4.

⁸ Library Trends. 1964. Vol. 13, № 1.

⁹ Research Methods in Librarianship: Measurement and Evaluation. Papers Presented at a Conference Conducted by the University of Illinois Graduate School of Library Science. September 10–13, 1967 / ed. by H. Goldhor. Urbana, 1968. (Monograph Series, № 8).

¹⁰ Walker R.D. Research Methods – a Selected Bibliography // Jour. of Education for Librarianship. 1967. Vol. 7, № 3. P. 212.

¹¹ Research Methods in Librarianship: Historical and Bibliographical Methods in Library Research. Papers Presented at a Conference on Historical and Bibliographical Methods in Library Research. Conducted by the University of Illinois Graduate School of Library Science. March 1–4, 1970 / ed. by R.E. Stevens. Urbana, 1971. 140 p. (Monograph Series, № 10).

¹² Там же.

¹³ Goldhor H. An Introduction to Scientific Research in Librarianship. Final Report. Urbana, 1969. 201 p.

¹⁴ Азгальдов Э.Г. Научные исследования в области библиотекосведения // Информ. о библ. деле и библиогр. за рубежом. 1972. № 4. С. 37–39.

¹⁵ Reader in Research Methods for Librarianship / Eds. by M.L. Bundy and P. Wasserman. Washington, 1970. 363 p. (Reader Series in Library and Information Science).

¹⁶ Wynar B.S. Research Methods in Library Science. Bibliographic Guide with Topical Outlines. Littleton, 1970. 153 p. (Research Studies in Library Science, № 4).

¹⁷ Скворцов В.В. Указатель литературы по методам научного исследования библиотекосведения США // Информ. о библ. деле и библиогр. за рубежом. 1974. № 4. С. 25–29.

¹⁸ Kajberg L. Research methods for librarianship in retrospect. Some observations on American Achievements // Libri. 1974. Vol. 23, № 1. P. 52–57.

Опубликовано: О методах библиотекосведческих исследований в США / В.П. Леонов // Науч. и техн. б-ки СССР. 1978. № 7. С. 30–34. Библиогр.: 15 назв.

2.2. Выступление на годовичном общем собрании АН СССР, 22 марта 1990 г., МГУ

В докладах президента Академии наук СССР Г.И. Марчука и главного ученого секретаря Президиума АН СССР И.М. Макарова отмечалось бедственное положение библиотек и архивов. Напомню, что в стране имеется 680 академических библиотек со штатом свыше 6000 человек, их книжные и журнальные фонды приближаются к одному миллиарду единиц хранения. Сегодня как никогда остро стоит вопрос о спасении этого достояния. События двух последних лет в Ленинграде показывают, что возможны новые бедствия с трудно предсказуемыми последствиями. Считаю, что положение с библиотечным делом в Академии должно стать предметом специального обсуждения.

Если сформулировать главную мысль, ради которой я вышел на эту трибуну, то она сводится к следующему. В Академии наук СССР еще не произошел перелом в сознании, еще не утвердилась мысль, что необходимо качественно улучшить ситуацию в библиотечно-информационной деятельности. К сожалению, все ограничивается общими разговорами, советами, сочувствием, но в целом дело сводится к латанию дыр, а коренной перестройки отношения к библиотекам не происходит.

Библиотека Академии наук (БАН) мыслилась и создавалась как душа всей Академии, как один из бесценных ее научных инструментов. Более 200 лет и Библиотека, и Академия существовали вместе. Этот очень важный жизненный принцип, к сожалению, нарушен. Пожар в феврале 1988 года нанес огромный ущерб мировой культуре. По предварительным данным мы потеряли около 400 тысяч периодических изданий, третью часть газетного фонда. Следствие по пожару еще не закончено. Два года назад этот вопрос обсуждался здесь, на Общем собрании. Хотелось бы сейчас сказать о том, что сде-

лано, что нас по-прежнему беспокоит и какие трудности ждут впереди.

В Библиотеке Академии наук СССР завершен ремонт 26 хранилищ площадью 1104 кв м, которые пострадали от огня, влаги и высокой температуры. Продолжаются восстановительные работы по укомплектованию фондов. Составлена картотека книг отечественного фонда (210 тыс. названий), 91 тыс. книг уже отобраны для расстановки в библиотеке. Подготовлена картотека книг иностранного фонда (15 тыс. названий) и ведется отбор в резервном фонде библиотеки Академии наук СССР, в библиотеках страны и за рубежом. Частично восстановлен газетный фонд за 1917–1954 годы. Хочу отметить, что в реставрационных работах принимают участие 30 центров: библиотеки, научно-исследовательские институты, учебные заведения, музеи. Продолжается сушка литературы, помещенной в морозильные камеры сразу после пожара. Из 175 тыс. книг нам осталось высушить около 80 тыс.

Важно то, что через месяц после пожара, т. е. с 15 марта 1988 г. библиотека была открыта для читателей, к концу декабря 1989 г. она вышла по основным показателям обслуживания работающих читальных залов на уровень, который поддерживался до пожара. Сейчас активно развиваются международные связи, продолжает поступать практическая помощь от зарубежных коллег. Впервые наша библиотека стала членом Международной федерации библиотечных ассоциаций и институтов (ИФЛА). Во Франкфурте-на-Майне создан Международный фонд друзей Библиотеки Академии наук СССР с начальным капиталом в 100 тыс. немецких марок. Один из американских журналов, «Ридерс Дайджест», субсидировал 135 тыс. долларов Библиотеке конгресса США на проведение работ по консервации фондов БАН. Правительство ФРГ и немецкое исследовательское общество выделили 580 тыс. марок на доукомплектование фондов.

Такова внешняя сторона деятельности Библиотеки. Кстати, хочу подчеркнуть, что все основные виды работ, кроме ре-

монта, были выполнены нашими сотрудниками в тяжелейших условиях.

Что нам мешает работать в настоящее время? Сделать нашу работу качественной, как ни печально, мешает бесхозность БАН. О ней пекутся все, но конкретно – никто. Формальное подчинение Президиуму АН СССР практически ничего не дает. Например, по вопросам финансирования мы обращаемся в одну инстанцию, за получением валюты – в другую, по вопросам кадров – в третью, для приобретения оборудования – в четвертую. Причем, в каждой инстанции все объяснения надо начинать с нуля. Как ни прискорбно, но есть еще руководители, которые не знают, что такое БАН и что она значит для Академии наук СССР. Нас называют Ленинградским филиалом или отделением, полагая, что сама библиотека находится в Москве, и путая ее с Библиотекой по естественным наукам.

По моему глубокому убеждению, нашу Библиотеку должен курировать либо главный ученый секретарь Академии, либо один из вице-президентов. Документы в соответствующие инстанции должны поступать только с их визой и при их поддержке. Сейчас многие как о «золотом веке» вспоминают о работе с академиком Ю.А. Овчинниковым, который, понимая исключительную ценность библиотеки, заботился о ней. Ведь это по его настоянию в 1982 г., впервые за советское время, работа БАН специально обсуждалась на заседании Президиума АН СССР.

Далее, решение вопросов управления библиотекой требует выяснения наших взаимоотношений с Ленинградским научным центром. В Уставе библиотеки о них нет ни строчки. Необходимо вместе продумать вопрос о разделении этих функций между Ленинградским научным центром и Президиумом АН СССР.

Следующая серьезная проблема – развитие материальной базы. Площадь нашего здания перегружена в два-три раза, а бронированный фонд в Коломягах – в 19 раз, помещения Библиотеке нужны, как воздух. А что же мы имеем спустя два

года после пожара? Ничего! Мы не получили ни миллиметра дополнительной площади, а наши фонды увеличились за это время на 1 млн. 200 тыс. экземпляров только в головной библиотеке. Вчера, 20 марта, исполнился год с момента юридической передачи Библиотеке здания на Почтамтской, 14 – кабальной сделки, согласно которой мы должны выплатить Ленгорисполкому 2,3 млн. руб. До сих пор это здание так и не стало нашим. Оказывается, при подготовке решения не была согласована его передача с прежним владельцем – Ленагропромом. Руководители этого почтенного ведомства пренебрегли решением Ленгорисполкома и через неделю после постановления начали интенсивный ремонт, который продолжается и по настоящее время. Можно написать целый роман о нашей тяжбе за это здание.

В довершении ко всему Библиотека выпала из перспективного плана на 13-ю пятилетку по строительству Ленинградским научным центром книгохранилищ площадью 31 тыс. кв м. Мотивировка отказа – нет строительных мощностей, нет рабочих рук. А для Библиотеки нехватка площадей означает задержку всего процесса работы: передвижения фонда, его расстановки, документальной проверки, фазовой консервации и реставрации. Частичный выход из сложившегося катастрофического положения мы видим во внедрении в хранилищах системы компактного хранения. Но удобные, пригодные для этой системы стеллажи в СССР не производятся, их надо закупать за рубежом. Мы дали заявку на них в ФРГ и делаем все, чтобы эти стеллажи как можно скорее появились.

Другой аспект проблемы заключается в обеспечении сохранности фондов, внедрении системы автоматического пожаротушения. Здесь есть некоторые результаты. 15 декабря мы, наконец, подписали контракт с польской фирмой «Электрим», которая поставит и смонтирует в Библиотеке соответствующее оборудование. Правда, не обошлось без «курьезов»: вместо запрошенных конвертируемых рублей мы получили внутренние советские деньги. Что касается утраченной при пожаре

литературы, то могу сказать следующее. Газетный фонд за 1947–1957 годы восстановлен на 43,7%, за 1915–1918 годы – на 10–15%. Из 3 млн. книг, которые сотрудники БАН просмотрели в различных библиотеках страны для восполнения фондов, 106,5 тыс. отечественных изданий к нам уже поступило. В иностранном фонде Библиотеки ведется сверка по каталогам. Для «Фонда Бэра» отобрано около 8 тыс. экземпляров. Есть возможность полностью восстановить прежний фонд. Считаю, что для завершения документальной проверки нам понадобится полтора года. Но всю работу сдерживает нехватка помещений и штатов.

Сейчас в Библиотеку поступает масса предложений из-за рубежа и от коллег в нашей стране. Более того, мы занимаемся не только восполнением утраченного, но и приобретением нового, в частности, закупаем литературу русского зарубежья, частные коллекции. Правда, здесь много сложностей организационного порядка. Возникают идеи зарабатывать валюту, но дело тормозит отсутствие регламентирующих документов.

Поймите меня правильно. Я ставлю вопрос о доверии. Как руководитель одного из крупнейших книгохранилищ, я несу огромную гражданскую ответственность и при этом остаюсь бесправным библиотекарем. С одной стороны, я должен отвечать за решение серьезных проблем спасения нашего культурного достояния, а с другой стороны, я вынужден просить, настаивать, убеждать, чтобы эти проблемы рассмотрели наверху. Убедительно прошу вас, уважаемые участники собрания, обсудить вопросы, связанные с «болевыми точками» Библиотеки Академии наук СССР, которые я затронул в выступлении.

Опубликовано: [Выступление на годичном общем собрании АН СССР, 22 марта 1990 г., МГУ] / В.П. Леонов // Вестн. АН СССР. 1990. № 7. С. 91–93.

2.3. О новой парадигме библиотековедения: (из стенографического отчета СПб НЦ РАН): заседание Президиума 19 мая 1994 г.

Председатель академик РАН Алфёров Жорес Иванович, председатель Президиума СПб НЦ РАН

Разрешите перейти к повестке дня: О новой парадигме библиотековедения. Докладчик – Леонов Валерий Павлович, доктор педагогических наук, директор Библиотеки РАН.

Леонов В.П.

Уважаемые коллеги!

Прежде чем изложить соображения о новой парадигме библиотековедения, необходимо сделать два замечания.

Насколько мне известно, проблемы библиотечной науки, проблемы библиотековедения еще ни разу не рассматривались в академической среде, еще ни разу не обсуждались с точки зрения фундаментальной науки. Единственный прецедент относится к началу 50-х гг. и касается не библиотековедения, а библиографии. Я имею в виду академическое издание труда Н.В. Здобнова «История русской библиографии».

Второе замечание связано с нашими представлениями о современном статусе библиотековедения. Современное библиотековедение во многом является результатом совместной деятельности вузовской науки и научных исследований крупных библиотечных центров двух городов – Москвы и Ленинграда. Назову в этой связи некоторые имена ученых-библиотековедов: Ю. Григорьев, З. Амбарцумян, Г. Фирсов, Б. Эйдельман, В. Сахаров, К. Абрамов, З. Ривлин, Н. Карташов, Б. Каневский, О. Чубарьян, А. Моисеева, Н. Тюлина, Т. Каратыгина, А. Ванев, В. Крейденко, Ю. Столяров.

С этой точки зрения, включение в повестку дня доклада на Президиуме СПб НЦ РАН – первый шаг к тому, чтобы нарушить сложившуюся традицию.

В докладе обсуждаются две парадигмы библиотековедения – существующая и новая, т. е. формирующаяся.

Смена теоретических представлений о библиотековедении рассматривается мной как смена одной парадигмы другой. Эта смена происходит не случайно и не скачкообразно, а постепенно, вырастая в старой парадигме ростки новой.

Цель доклада в том, чтобы не критиковать и не отвергать прошлое, а обосновать, очертить контуры другого подхода, иных теоретических построений, поскольку прежние в свое время хотя и имели положительный резонанс, но сегодня себя объективно исчерпали.

Существующая парадигма, которую я называю функциональной или сервисной, начала развиваться с конца 20-х гг. и получила теоретическое обоснование в учебнике О.С. Чубарьяна «Общее библиотековедение» в 60-е гг. В концентрированном виде она представлена в последнем коллективном учебнике 1988 г. под названием «Библиотековедение. Общий курс».

Среди характерных черт функциональной парадигмы можно выделить следующие:

1. Опора на марксистско-ленинскую философию и идеологию, т. е. использование ее методологического аппарата, принципов, категорий при разработке библиотековедческой теории. Главным при этом становится разделение библиотековедения на буржуазное и небуржуазное (советское) и поиски своих особых путей развития.

К таковым направлениям поисков можно отнести:

– разработку идеологически выдержанных схем классификации литературы, например, создание советской библиотечно-библиографической классификации (ББК);

– создание особой системы руководства чтением, направленной на пропаганду идеологически лучшей литературы, с одной стороны, и изоляцию идеологически вредной через создание гигантской системы спецхранов – с другой;

– библиотечное обеспечение политики правящей партии.

2. Ярко выраженный классовый характер библиотековедения, прямая зависимость содержания работы библиотек от определенной общественно-экономической формации.

Главная задача библиотековедения видится в обобщении результатов развития библиотечного дела как области идеологической, культурно-просветительной и научно-информационной деятельности, обеспечивающей удовлетворение потребностей населения в произведениях печати и других документах посредством библиотек.

Надо добавить, что в последние годы в число объектов библиотековедения справедливо была включена и библиотека как социальный институт. Появление исследований о месте и роли библиотеки, ее функциях внесло определенный положительный вклад в дальнейшее развитие библиотековедческой теории.

Если говорить о функциональной парадигме библиотековедения, то для нее, как мне представляется, характерны: прикладная направленность библиотековедческих исследований, постоянная слабость и фрагментарность разработки вопросов управления и прогнозирования, использование преимущественно эмпирических методов исследования, рассчитанных на сиюминутный результат, сложность повторения полученных данных исследования и их сопоставления в других условиях, отрыв от мирового опыта.

В этой связи мне представляется, что в настоящее время функциональная парадигма в содержательном плане себя изжила, и в ее рамках уже невозможно ожидать принципиально новых подходов к преодолению кризиса в библиотековедении. На смену должна прийти другая, которую условно можно назвать «процессной» или «творящей» парадигмой.

Ее обоснованию и посвящено дальнейшее изложение. Возникает вопрос: почему парадигма называется процессной? Потому что в ее основу положена процессная трактовка библиотечных явлений, которая направлена на исследование внутренних механизмов, формирующих процесс, познание их сущности, структуры и свойств.

Мы исходим из того, что библиотечные процессы, так же как и библиографические, представляют собой разновидность социальных процессов, они универсальны, они имеют место не только в конкретной библиотеке, но и в библиографических службах, например, в ВИНТИ, Российской книжной палате, которые не являются сугубо библиотечными учреждениями, а также в архивах, музеях, системе книжного дела и книжной торговли. Они носят устойчивый и непрерывный характер, а познание их создает предпосылки для прогнозирования возможного развития.

Главным объектом библиотекведения при таком рассмотрении становится не библиотечное дело и не библиотека как социальный институт, что само по себе важно, а библиотечный процесс в системе документальных коммуникаций. Под библиотечным процессом мы понимаем последовательную, непрерывную смену следующих друг за другом моментов развития какого-либо библиотечного явления, например, формирования фондов, библиографирования, обслуживания, поиска и т. д.

Библиотекведение является неотъемлемой частью системы социально-коммуникационных наук. ВАКовская классификация специальности – 05.25.03 «Библиотекведение и библиографведение» – входит в более общий раздел 05.25.00, который называется «Информация и информационные системы». Сюда же включены и такие науки как документалистика, архивоведение, книговедение и частично информатика.

В системе документальных коммуникаций (СДК) происходит движение библиотечно-библиографической информации в обществе, обеспечивается ее устойчивая связь с потребителями и формируется новое знание.

Система коммуникаций, накапливая разные виды документов, реализует различные механизмы коммуникаций. В качестве одного из таких формирующих механизмов коммуникаций выделяют документные (библиотечные) и библиографические (библиографические) системы, которые в со-

циальной сфере призваны выполнять две основные функции: мемориальную и информационную¹.

По своему назначению мемориальная и информационная функции противоположны друг другу: преобладание одной из них наносит ущерб другой. Когда мы говорим о механизме коммуникаций в СДК, имеется в виду поиск оптимального соотношения между мемориальной и информационной функциями.

Я здесь хотел бы особо подчеркнуть, что мемориальная функция была предана забвению в старой парадигме. Историко-культурные ценности в этой связи рассматривались только с точки зрения предоставления информации в тот или иной момент, а забота об их сохранности была делом второстепенным. Достаточно сказать, что ГОСТы 70-х гг. выводят вопросы сохранения из сферы библиотечной науки. Только в последние 7–10 лет они стали в ней подниматься.

Итак, новая парадигма библиотековедения видится создающей, направленной на системное исследование библиотечно-библиографических процессов. В первом приближении можно выделить четыре вида процессов, которые носят универсальный характер:

- формирование фондов;
- библиографирование, т. е. подготовка библиографической продукции;
- библиотечно-библиографическое обслуживание;
- сохранение фондов и зданий.

Каждый из процессов имеет свою типовую структуру, включающую в себя семантику предметной области, конкретную среду протекания и время, требуемое для его реализации. Введение понятия «времени» в библиографических процессах – чрезвычайно важная составляющая. Мы изучаем такие вопросы, как старение информации, как обслуживание, поиск – все они протекают во времени и время является в них решающим фактором. Речь идет не просто о фиксировании тех или иных явлений, а о протекании процесса во времени, что дает возможность прогнозировать его развитие и поведение.

В таком общем контексте упомянутая нами типовая структура процесса целостно и последовательно не изучалась.

Вообще, проблема процессов сформировалась как бы на периферии библиотекведческих исследований. С одной стороны, имеется сравнительно большая литература, целые направления, называемые «Автоматизация и механизация библиотечно-библиографических процессов», с другой – они не изучаются библиотековедами систематически и последовательно. Видимо, считается, что это достаточно легкая или, наоборот, сложная проблема, которой в научном плане заниматься не решаются.

В качестве примера другого рода назову книгу Дж. Ликлайдера, изданную в 1965 г. в США, под названием «Библиотеки будущего». Это была, по сути дела, первая книга по изучению библиотечно-библиографических процессов и влияния на них надвигающейся автоматизированной технологии, а также готовности американских библиотек к новым условиям работы. Мы в нашем советском библиотекведении «проскочили» мимо этой проблемы и, перепрыгнув через сущность, начали изучать ее оболочку, т. е. видимую, внешнюю сторону. В рассматриваемом нами контексте очень актуально и другое высказывание о таком процессе, как поиск информации, сделанное более 20 лет назад: *«Недостаточное понимание в настоящее время самой природы проблемы поиска информации является в некотором роде следствием прогресса, достигнутого в области поиска информации»*².

Предложенную структуру процесса, мне представляется, можно рассматривать в качестве иллюстрации принципа, на основании которого ведется поиск методических приемов их описания. Применительно к конкретным условиям в библиотеке, архиве, музее, службе информации любой из четырех процессов проявляет себя специфически.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что какие бы материальные или технические средства ни использовались для совершенствования того или иного процесса, он социален по своей сути.

Как только появляются первые библиотечно-библиографические знания, возникает настоятельная необходимость передать эти знания. Осуществить процесс отчуждения этих знаний от создателя и довести их до получателя значит превратить библиотечно-библиографическое знание в библиотечно-библиографическую информацию. Как бы ни проявляли себя политические, экономические и другие обстоятельства, доминировавшие в функциональной парадигме, в данном случае они выступают в качестве фона, на котором протекает тот или иной процесс. Становится бессмысленным деление библиотекведения на советское и несоветское, на буржуазное и небуржуазное. Вместе с тем можно и нужно говорить об особенностях протекания процесса в соответствующий период времени, в соответствующем месте и среде.

Новая парадигма библиотекведения предполагает и определенную систему научных понятий, которая должна отличаться от функциональной и которая всем нам хорошо известна из учебных материалов и других документов. Я назову здесь лишь некоторые понятия, которые, как мне представляется, нужно серьезно изучать.

Это, прежде всего, определение и классификация библиотечных процессов. Типизация процессов, т. е. определение их как внешних и внутренних, семантических и несемантических, изучение свойств и особенностей протекания этих процессов.

Далее – определение понятия «библиотечно-библиографическое знание» как носителя процесса; различение личностного и системного знания и формирование библиотечно-библиографической информации для передачи по каналам системы коммуникаций.

Следующее понятие – библиотечная среда как средство социальной коммуникации. Избыточность библиотечной среды и ее возможность предоставлять релевантную информацию в случаях, когда традиционные каналы себя уже исчерпали. Наконец, процессы и понятие времени. Нужно связать

эти два компонента и исследовать, что их объединяет и какой аспект рассмотрения может быть перспективным.

Как это изучать? Как мыслится формирование методического аппарата библиотекосведения в концепции процессной парадигмы? Такого аппарата пока нет, он начинает формироваться. Ясно одно – он будет направлен только на исследование библиотечных явлений, их природы и свойств. Функциональная парадигма использует готовые методы из арсенала наук и объективно не заинтересована, в силу своей прикладной направленности, в развитии методической стороны библиотекосведения. Библиотекосведческие методы – это была наиболее уязвимая часть в предыдущей парадигме.

Мне представляется, что упор на внутреннюю природу библиотечных явлений есть та перспектива, которая может дать нам нетрадиционную информацию, нетрадиционные знания библиотечных явлений, послужит новым стимулом к формированию библиотекосведческой парадигмы и, естественно, даст толчок прикладным исследованиям в области архивного, книжного и музейного дела.

Председатель

Вопросы, пожалуйста, к Валерию Павловичу.

Тропп Э.А., доктор физ.-мат. наук, ученый секретарь Президиума СПб НЦ РАН

Валерий Павлович, не с фантомом ли вы боретесь? Идеологизированность – это отечественный фактор, а библиотеки, насколько я помню, мировое явление. За рубежом, в информационном обществе, есть ли там такой кризис научный, который должен приводить к смене парадигмы?

И близкий по содержанию второй вопрос: можно ли вообще, в принципе, формировать парадигму сознательно? Например, такие научные революционеры, как Эйнштейн, Ньютон и Коперник, они считали, что решают задачи в рамках старой науки. У них получилось само собой, что они создают новую науку, которую считают принципиально новой, с новой пара-

дигмой. А вы просто сознательно собираетесь это делать. Нет ли тут противоречий?

Леонов В.П.

Я бы ответил так: не с фантомом мы боремся. Длительная изоляция от зарубежного библиотечного дела сделала нас настолько заидеологизированными, так сильно зависящими от правящей идеологии, что говорить о том, что это фантом, – опасно. Сейчас образовался некий вакуум: старые библиотековедческие представления перестали работать так, как нужно, а новые еще не созданы. Я не пытаюсь заполнить этот вакуум, но знаю, что опять возникают тенденции рассматривать библиотечное дело в зависимости от той или иной правящей партии, политики, идеологии и т. д. Мне это представляется совершенно бесперспективным делом. Убежден, что все это фон. Почему мы снова возвращаемся к исходным позициям? Только лишь потому, что это наследие настолько тяжело, настолько сильно въелось и осталось в нас, что освободиться от него непросто – нужны новые конструктивные идеи.

Приведу пример. Как известно, регулярные визиты зарубежных библиотекведов берут свое начало только с 70-х гг. Там теоретическими аспектами библиотековедения занимаются в принципиально другом измерении, нежели видится нам. Библиотечное дело рассматривается как «инструментальная» среда, которая способствует совершенствованию тех или иных процессов. Вот почему изучаются теоретические представления библиотековедения с точки зрения сохранности, с точки зрения автоматизации процессов. К сожалению, все они не формируют целостную концепцию. Я думаю, что мы можем наметить общие точки соприкосновения в сфере изучения библиотечных процессов.

Теперь что касается сознательного формирования новой парадигмы. Я говорю о возможности выращивания некой новой идеи, основываясь на том, что было разработано в советском библиотековедении. Идея системности в отечественном библиотековедении – это достаточно серьезное достижение.

Не знаю, можно ли говорить, что через какое-то время эта парадигма сформируется. Мне представляется, что в процессном направлении есть некий фундамент, возможная основа для новой парадигмы.

Скарлато О.А., член-кор. РАН, директор Зоологического института

Как вы считаете, парадигма в какой-то степени может влиять на тематику издательской деятельности? Или же она только регистрирует то, что происходит?

Леонов В.П.

Обязательно. Я не сказал об этом не потому, что это не важно. Тут возникает прямая зависимость. Интенсивность процесса протекания накладывает отпечаток на издательскую деятельность, на то, чтобы появлялись новые виды документов и, соответственно, возрастал бы документальный поток.

Фаддеев Л.Д., академик РАН, директор Международного математического института им. Л. Эйлера

Вы говорили об идеологическом аспекте, но в библиотечном деле отрываться от средств нельзя. Сейчас ведь разрабатываются электронные средства, как вы относитесь к этому делу?

Председатель

Скорее всего, это новая парадигма.

Леонов В.П.

Дело в том, что в библиотеке должно быть и то, и другое, и третье: и ручка, и чернила, и современный компьютер, и электронная почта. И они уживаются. В этом есть большой смысл, потому что библиотеки являются документальной памятью человечества, зафиксированной на разных носителях. Я бы не рискнул сейчас так говорить, что новая парадигма связана с электронным развитием техники. Все должно быть соразмерно. Процесс – неважно, какими техническими средствами он движется, – в конечном счете направлен на совершенствование его самого. Однако это техническая сторона. Мы же со-

вершенствуем библиотечный процесс как социальный. В этом смысле мы получаем новые носители, которые отражают современные представления.

Председатель

Валерий Павлович, если бы сохранялась клинопись, то библиотеки и библиотековедение были бы совершенно другими.

Леонов В.П.

Конечно. Есть такая точка зрения, Жорес Иванович, которая так и называется: превращение библиотек в музеи книги. Она широко обсуждалась в 60-е гг. и обсуждается сейчас, когда появились компакт-диски и многие другие нетрадиционные носители информации.

Инге-Вечтомов С.Г., член-кор. РАН, СПбГУ

Действительно, если библиотеки – это музеи книги, то необходимо место в новой парадигме для надстройки – для надбиблиотечного дела, благодаря электронным средствам информации. Автономия постепенно растворяется в этой общей системе. Вы можете сходить в библиотеку, не выходя из этого здания, т. е. библиотеки превращаются в некий единый организм.

Леонов В.П.

Конечно.

Инге-Вечтомов С.Г.

Тогда это и есть выражение парадигмы.

Леонов В.П.

Это ее результат.

Инге-Вечтомов С.Г.

Я рискую остаться в рамках старого марксистского термина: единство формы и содержания. Одно без другого не получится.

Председатель

Есть еще вопросы? Вопросов больше нет. У нас есть записавшиеся на выступления.

Овсиевич Б.А., доктор эконом. наук, директор Экономико-математического института РАН

У меня не выступление, а реплика, связанная с вопросами, которые задавались докладчику.

Доклад был чрезвычайно интересен в том отношении, что процессы, которые проходят, очень тесно связаны с появлением новых средств. Эти средства не есть просто средства автоматизации тех процессов, которые осуществляются в библиотечном процессе в целом, это гораздо большее. Они порождают и новые требования, и новые принципы самого описания. Скажем, описание книги. Это не просто возможность получения неких текстов. Здесь возникают новые принципиальные возможности и новые требования к описанию и библиографированию. В частности, возникает необходимость перехода от линейного описания, сквозного описания, как мы привыкли, к описанию иерархическому. Например, графическое. Современные средства далее позволяют двигаться к описанию, мало того, позволяют проскакивать некоторые вещи и ходить по определенной веточке очень глубоко. Такие системы существуют. Мне приходилось их видеть. Когда мы берем описание, очень многие вещи проскакивают, но зато мы можем глубоко идти по этой веточке.

Здесь, мне кажется, очень важно, что новые средства информатики порождают принципиально новый подход к самому библиотечному делу. То, о чем говорил Валерий Павлович, это путь навстречу этим новым возможностям.

Володин Б.Ф., канд. пед. наук, Российская национальная библиотека

Я хотел бы предложить несколько тезисов, потому что выступление по сообщению Валерия Павловича, конечно же, могло быть более многоаспектным, многоплановым, потому что то, что сегодня предложено, на мой взгляд, является событием той науки, к которой принадлежу и я. Мне бы хотелось остановиться пока только на трех моментах.

То, что предложено Валерием Павловичем, связано не только с тем, что изолированным является библиотековедение как наука. Эта наука в нашей стране начала развиваться совершенно иначе, по иным законам, чем развивались даже другие гуманитарные родственные науки.

Дело, скорее, не в том, что существует социалистическое или буржуазное библиотековедение, а оно существовало до сих пор, и последствия эти мы ощущаем, а в том, что наше библиотечное дело, как ни в одной другой стране мира, изолировано от того, что происходит за рубежом. Сегодня это может быть выражено кратко такой формулой: западные коллеги ждут нас, когда же мы, наконец, будем активно с ними сотрудничать, пойдём, наконец, на контакты. Их очень раздражает, что, несмотря на многочисленные попытки, интереснейшие предложения, результаты не те, которые они от нас ждут. На самом деле это связано с тем, что наша страна не готова к тому, чтобы выйти из этой изоляции на контакты.

У нас под названием «библиотека» понимается нечто иное, чем понимается во всем мире. Мы употребляем названия, связанные с типом библиотеки: есть у нас национальные, научные, массовые, – на самом деле смысл мы вкладываем в эти понятия совершенно иной. Я говорю об этом потому, что особая изоляция связана с тем, что у нас сложился подход, который всем хорошо известен как ведомственный. Тогда были учреждения, ведомства и т. д. Министерства на первом месте в отличие от общегосударственных учреждений. Поэтому у нас нет и политики... т. е. нет той библиотечной политики в государстве, которая существует в других странах.

У нас, как нигде – даже в бывших социалистических странах, – нет такого разрыва между библиотеками, архивами, музеями и другими учреждениями, которые на самом деле должны между собой взаимодействовать. Поэтому мне хотелось бы подчеркнуть, что новая парадигма библиотековедения, предложенная нашему вниманию, мне кажется, будет закончена очень интересно и имеет не только теоретическую

ценность. Безусловно, теоретическая ценность также важна. Но эта работа может принести именно огромную практическую пользу. Я мог бы говорить и дальше, но на этом поставлю точку.

Второй тезис. Я не хочу, чтобы у уважаемой аудитории сложилось впечатление, что работа, которая предложена, – новая парадигма – является единственно возможным путем решения проблемы. Я так не считаю. Отличие нас от коллег в других странах в том, что там в той же самой науке, которая называется библиотекведением, в основе совершенно другая мысль. Туда входит и типографское дело, и издательское дело и т. д. Например, в Германии, на родине библиотекведения, при рассмотрении библиотекведения используются самые разные подходы.

Я хотел бы отметить один подход, связанный с историческим осмыслением (ведь библиотекведение — наука гуманитарная) того, что складывалось в сознании библиотекаря. А то, что в его сознании присутствует, то и получает, в конечном счете, пользователь. Эти подходы и некоторые другие, о которых говорить не буду, также возможны. Безусловно, библиотекведы наши заинтересованы в том, чтобы появлялись дополняющие друг друга работы.

Последний тезис. Работа, которая сегодня представлена на рассмотрение, является одной из первых в том ряду, который в дальнейшем возникнет. Самая большая проблема библиотек заключается в том, что книг, по которым можно было бы учить библиотекарей в будущем, практически нет. Современная ситуация такова, что нужны совершенно другие работы. Переводить работы с иностранных [языков] – это бесперспективный труд. Надо создавать собственные книги, монографии, собственные фундаментальные глубокие работы. Тот подход, который предложен, – это одна из работ, которая и эту проблему, проблему с образованием, тоже поможет решить.

Благодарю за внимание.

Соколов А.В., профессор, вице-президент Библиотечного общества Санкт-Петербурга

Уважаемые коллеги!

19 мая – это день новаций. Я напомним, что 19 мая была образована пионерская организация. Пять лет назад именно 19 мая было организовано Ленинградское библиотечное общество. И вот сегодня, 19 мая, на Президиуме научного центра, в мозговом академическом центре, обсуждается вопрос о библиотечном деле. И этот прецедент, – я бы хотел отметить, и все присутствующие специалисты библиотечного дела со мной согласятся, – обнадеживает и вдохновляет.

Валерий Павлович, надо отдать ему должное, привлек внимание Президиума СПб НЦ к библиотековедению как науке, к библиотечному делу как осмыслению практики.

От прошлого, от Советского Союза мы унаследовали в библиотечном деле многое. Я хотел бы напомнить, что Советский Союз был всегда великой библиотечной державой. У нас было больше всех библиотек – 360 тыс. В этих библиотеках был колоссальный фонд – 5,6 млн ед. хр. Армия библиотекарей Советского Союза – 360 тыс. человек. Сеть учебных заведений и сеть исследовательских библиотековедческих учреждений, чего за рубежом практически нет. Система подготовки научных кадров, доктора, кандидаты – это все было. Благодаря этому мы имеем интеллектуальный потенциал в области библиотечного дела, который сейчас фактически дезориентирован. Старая подготовка, старая школа, хотим мы того или нет, утратили свою значимость. И очень важно определить, куда нам дальше двигаться.

Двигаться в сторону информационного общества? Да, конечно. С другой стороны, возрастает ответственность за те документальные хранилища, которые есть в библиотеках, ведь это же документированная социальная память. Если мы об этом забудем, мы окажемся в положении людей, которые не помнят своего родства.

Та историко-культурная функция, о которой Валерий Павлович упоминал, она очень важна. Все это надо осмыслить. Я не думаю, что новую парадигму можно и нужно сегодня содержательно обсуждать на Президиуме. На Президиуме следовало бы задуматься вот о чем.

Во-первых, нам важно, я имею в виду библиотечное сообщество, получить благословение. Благословение на что? На творчество в области библиотечной науки.

Во-вторых, я думаю, очень важно для Валерия Павловича, который возглавляет одну из ведущих в нашем городе и мире библиотек, благословение на то, чтобы возглавить это движение к новой парадигме.

В Санкт-Петербурге существуют фактически три библиотекосведческих центра. Старейший центр, наша альма-матер – это Академия культуры, библиотечный факультет. Там работают признанные авторитеты, сильный кадровый потенциал, научный ценз там высок.

Российская национальная библиотека, где существует научно-исследовательское подразделение и также доктора, кандидаты наук в области библиотекосведения, люди, способные и умеющие мыслить.

Библиотека Академии наук – научно-исследовательский центр в области библиотекосведения и библиографии.

Валерий Павлович проявил инициативу, поставил вопрос о новой парадигме. Я думаю, что никто не скажет, что это сделано несвоевременно, напротив, даже с опозданием.

Поставлен вопрос – нам нужна новая парадигма. Разработка этой новой парадигмы должна быть коллективным творчеством, и Валерию Павловичу нужно наше благословение, чтобы он проявил инициативу по консолидации интеллектуального потенциала, который есть в Санкт-Петербурге, чтобы он направил его в сторону разработок новой парадигмы, в которой мы все нуждаемся сегодня, а особенно завтра. Спасибо.

Никольский Н.Н. академик, директор Института цитологии

У меня душа не лежит к слову «парадигма». Я хорошо понимаю значение доклада, который мы заслушали, кроме этого слова. Мне бы хотелось подчеркнуть мемориальную функцию библиотек, кроме того, и вторую функцию – обеспечение информацией, и, если я правильно понял, они иногда могут расходиться. Есть значительное количество потребителей библиотек, для которых информация является главной. Есть науки, для которых мемориальная функция библиотек очень существенна.

Мне бы хотелось как человеку, работающему в направлении, где информационное значение библиотек очень важно для нашей науки, подчеркнуть необходимость в этой новой парадигме, обратить внимание на научные работы, на направление исследований, обеспечивающих улучшение информационного потока, направленного на конкретного потребителя. Мне кажется, что как раз в этой области наше библиотечное дело отстает значительно от Запада. Все-таки, на базе западного библиотечного дела, на базе западных библиотек родилось такое мощное направление, как науковедение, связанное с исследованием и развитием направления науки, основанной целиком на анализе движения библиотечных потоков, если можно назвать библиотечным потоком статьи, журналы и т. д. Если бы не было библиотек, не было бы возможности современной информационной обработки материала, этой системы науковедения не возникло бы. Может быть, это надбиблиотечное дело. В нашей стране это направление я мало ощущаю. То, чем мы практически пользуемся, это все основано на западных исследованиях, в том числе и наших журнальных потоков.

Мне хотелось бы пожелать, чтобы в нашем библиотечном деле направленность новой парадигмы на анализ информационных потоков на базе библиотек была усилена и была бы более выделена и оценена ее значимость. Я знаю, что на базе наших библиотек можно пользоваться такими информационными данными, но в основном это базируется на западных

данных, а группы, которые у нас работают, слабо обеспечены и работают кустарными методами.

У меня предложение к Президиуму – послушать наших науковедов, которые могли бы нам представить на этой базе положение науки, целиком основанной на научных публикациях, т. е. на библиотечном фонде.

Председатель

Есть еще желающие выступить? Нет.

Я хотел бы в заключение поблагодарить Валерия Павловича и всех выступавших за интересные сообщения.

Проблема действительно важная, хотя, как представитель естественных наук, я больше склоняюсь к тому, что нужно обратить очень существенное внимание на реально происходящие процессы смены технологии информации, передачи информации и распространения информации. Эти процессы приняли активные формы, мы в этом отношении отстаем.

Я вполне согласен с вице-президентом Петербургского библиотечного общества А.В. Соколовым в том, что, конечно, наш город является одним из главных центров библиотечной науки. В свое время, когда я был студентом, у нас была дружба с Библиотечным институтом (так называлась тогда нынешняя Академия культуры), и, кажется, это был единственный в стране вуз такого направления. Сегодня все три центра, безусловно, очень важны и существенны.

Я бы хотел сказать, что действительно, как говорил Аркадий Васильевич [Соколов], не нужно забывать, что библиотек у нас было очень много и что библиотеки выполняли огромную функцию по распространению знаний в нашем обществе. Сегодня некие библиотеки электронных средств информации, которые уже существуют, – это видеотеки, они распространяют другого сорта знания и культуру. Они выполняют совсем другие функции. Я думаю, что электронными средствами распространения знаний, информации в научной среде и в вопросах библиотекосведения нам нужно заниматься значительно более активно. В библиотечном деле – это революция, революция

технологическая, революция, которая меняет, вообще говоря, очень многое. По крайней мере, в нашей среде сегодня мы значительно чаще получаем нужную нам информацию и общение уже даже не на конференциях и не посредством чтения журналов, а посредством обмена информацией с помощью электронной почты. Я думаю, что на эти вещи нужно тоже обратить самое серьезное внимание.

Постановление «О новой парадигме библиотековедения»

Заслушав и обсудив доклад директора Библиотеки Российской академии наук, д. п. н. Леонова В.П. «О новой парадигме библиотековедения», Президиум СПб НЦ РАН отмечает актуальность и высокий научный уровень проводимых в Библиотеке исследований. Базовая роль библиотечного дела по отношению ко всем отраслям науки требует соответствующего современному уровню научного и технического обеспечения. Библиотечные науки относятся к циклу социально-коммуникационных. В системе документальных научных коммуникаций происходит движение библиотечно-библиографической информации в обществе, обеспечивается ее устойчивая связь с потребителями и формируется новое знание. Нетрадиционная трактовка библиотечно-библиографических процессов представляется продуктивной и перспективной и может дать новый импульс прикладным исследованиям в области библиографии, архивного и книжного дела.

Президиум Санкт-Петербургского научного центра РАН постановляет:

1. Одобрить проводимые в Библиотеке РАН библиотечно-ведческие исследования.

2. Рекомендовать подготовить монографию, посвященную новой парадигме библиотековедения.

3. Контроль за исполнением настоящего постановления возложить на главного ученого секретаря СПб НЦ РАН, д. ф.-м. н. Э.А. Троппа.

Примечания

¹ Мемориальная функция направлена на сбор и сохранение документов, содержащих накопленные человечеством знания об окружающем мире с момента их оформления в виде документа и до наших дней. Информационная функция преследует цель представления сведений о документах и самих документах для научной и познавательной деятельности.

² См.: Рис А., Шульц Д. Психология и поиск информации // Информационный поиск: Сб. материалов / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1970. С. 156.

Опубликовано: О новой парадигме библиотековедения : (из стеногр. Отчета СПб НЦ РАН) : заседание Президиума 19 мая 1994 г. // Библиотековедение. 1994. № 4 (6). С. 31–46. Содерж.: Доклад В.П. Леонова: с. 31–37; Выступления участников заседания с обсуждением докл.: с. 37–45; Постановление «о новой парадигме библиотековедения»: с. 46.

2.4. Будущее библиотеки как предмет изучения

В конце прошлого столетия закончился советский период развития отечественного библиотековедения и библиотеки как социального института. Он длился 74 года. Начался и уже более 20 лет идет новый этап. Есть основания полагать, что в нем заложены и развиваются значительные возможности.

Вместе с тем, я убежден, что современный период в полной мере может быть оценен не на коротком отрезке времени, а только на фоне многовекового изучения развития библиотеки. Это нужно для того, чтобы масштабнее осознать настоящее, увидеть скрытый в нем потенциал, почувствовать, в каком направлении идет библиотека в свое будущее.

Вначале сделаем одно уточнение. Название статьи начинается со слов «Будущее библиотеки». *Будущее библиотеки* – это не совсем то же, что и *библиотека будущего*.

Библиотека будущего – это такая библиотека, которая будет существовать через много лет, это ее состояние в будущем. Но мы не можем в принципе предсказать такую библиотеку. Можно строить ее варианты, например, «Мировой мозг» (Г. Уэллс) или «Вавилонская библиотека» (Х. Борхес). Библиотека будущего не предсказуема в той мере, в какой на нее оказывает влияние развитие нашего знания. (Напомню тезис философа К. Поппера (1902–1994): «Предсказание станет послесказанием»¹.)

Будущее библиотеки – это тенденции, линии ее развития, пути, идущие из прошлого через настоящее вперед. Здесь применимы избирательные методы изучения библиотеки, которые позволят наметить направления будущих исследований.

Наблюдая в течение ряда лет направления развития библиотеки в условиях социальных и технологических перемен, можно предположить, что она сохранится и в будущем. Одна-

ко мы не знаем, куда нас влечет ее развитие. Мы привыкли к библиотеке как к удобному местопребыванию. Но библиотека – не «местопребывание». Ее развитие призывает нас идти вперед, в более или менее постоянном направлении, и нам надо знать, куда.

Итак, цель этой статьи – наметить контуры, разработать методику, способы, которые позволят проследить за библиотекой, *уходящей в будущее*. Другими словами, попытаться понять ее состояние как живого организма, обладающего душой, уловить то общее, что связывает ее со словом, чтением, действием со стороны читателя. И еще: жизнь и судьба *конкретной библиотеки* не зависят от ее возраста. Можно выявить совокупность фактов, влияющих на ее «поведение» в течение длительного времени, но мы не можем хотя бы приблизительно определить (даже в теоретическом представлении), почему именно ей выпала такая судьба. Общая идея (концепция, теория), положенная в основу будущего библиотеки, не предполагает разрушения прошлого опыта и возведения на старом месте, где была библиотека, небоскреба. Новая идея скорее схожа с восхождением на гору, когда нам открываются новые и широкие виды, показывающие неожиданные связи между библиотекой, какой она была всегда, стала сегодня, и ее богатым окружением. Но отправная точка, откуда мы начали восхождение, еще существует, и ее можно увидеть, хотя она кажется меньше и составляет крохотную часть открывшегося нашему взору обширного пейзажа. Положения, с которого открываются перспективы развития библиотеки, мы достигаем в результате изучения ее прошлого и настоящего на пути в будущее. Вместе с тем надо помнить, что, создавая свою картину, мы никогда не сможем быть уверенными в том, что наша картина – единственная и соответствует реальному положению вещей.

«В нашем стремлении понять реальность, – подчеркивают физики А. Эйнштейн (1879–1955) и Л. Инфельд (1898–1968), – мы отчасти подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и

движущиеся стрелки, даже слышит тиканье, но не имеет средств открыть их. Если он остроумен, он может нарисовать себе картину механизма, которая отвечала бы всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть вполне уверен в том, что его картина единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Он никогда не будет в состоянии сравнить свою картину с реальным механизмом, и он не может даже представить себе возможность и смысл такого сравнения. Но он, конечно, уверен в том, что, по мере того как возрастает его знание, его картина реальности становится все проще и проще и будет объяснять все более широкий ряд его чувственных восприятий»².

Теперь, после необходимых уточнений, перейдем к изложению заявленной темы. Попытки прочитать великую повесть о книге, библиотеке, библиографии так же стары, как и само человеческое мышление. Однако лишь немногим более четырех столетий назад ученые начали понимать язык повестей, хранимых веками в библиотеках, архивах и музеях. С того времени, т. е. с эпохи Возрождения, чтение продвигалось быстро. Развивалась техника библиотечных исследований, изучались методы построения систематических классификационных схем, принципов описания документов. На их основе была создана поверхностная, состоящая из разрозненных фрагментов картина книжного и библиотечного мира. Затем появилось множество новых источников и неизвестных фактов, понимание которых в свете дальнейших исследований требовало пересмотра ранее принятых решений.

Главная фундаментальная проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении роли и места библиотеки и библиографии в обществе, в течение многих лет остается неразрешимой из-за ее сложности. Это – *проблема эволюции*³. Эволюция библиотеки сравнима с эволюцией сознания человека. Где нет сознания – там нет эволюции. Но сегодня наука не в состоянии конструктивно описать феномен человеческого сознания⁴. Сознание подобно ветру: его не видишь,

но чувствуешь его проявление. Так и библиотека: она оказывает комплексное и благоприятное воздействие на развитие сознания человека, проявляясь, в частности, в таких внешне невидимых процессах, как озарение, серендипность, отрицательная способность.

Развитие библиотеки изменяется в соответствии с эволюцией сознания человека, вместе с книгой, материальными носителями и технологиями ее создания и распространения. В прошлом библиотеки отражены все особенности книжного мира, накопленные цивилизациями за тысячелетия усилий по сохранению и разумному использованию человеческих знаний. В нас эволюционные изменения происходят тоже медленно, поскольку общение человека с книгой устойчиво к влиянию внешних воздействий.

Темпы эволюции библиотеки на каждом этапе ее развития проявляются в актуализации основной ее функции – *поисковой*. Главное здесь – понимание, для чего, ради какой цели и на каком этапе ей уделяется повышенное внимание. Например, электронные технологии, развившиеся за последние полстолетия, создали небывалые возможности для формирования фондов, библиографирования, поиска информации и обслуживания читателей.

Одним из примеров может служить спроектированная Хельмутом Яном для Чикагского университета Библиотека им. Джо и Рики Мансуэто, где внедрена полностью автоматизированная система поиска и доставки книг читателю. Современное хранилище на 3,5 млн книг скрыто под землей и представляет собой настоящее чудо инженерной мысли. Каждый экземпляр книги снабжен штрих-кодом, содержащим всю информацию об издании. Посетители библиотеки делают заказы через компьютер, и электронный «библиотекарь» передает информацию в книгохранилище, откуда роботизированная техника доставляет книгу читателю в течение нескольких минут или выводит текст с оцифрованного издания на экран монитора⁵.

Другой пример – библиотека, названная Millennium Library (официальный веб-сайт библиотеки: <http://menu.ci.cerritos.ca.us>), в Серритосе (США, Калифорния). Ее посетители получают доступ к ресурсам библиотеки и Интернета через единый сетевой портал, который, по признанию самих пользователей, превращает работу с информацией в увлекательное и познавательное занятие. Если необходимого документа не окажется в Сети, библиограф, к которому можно обратиться через «чат», быстро найдет нужную книгу или ответит на вопрос. Специально разработанное программное обеспечение следит за доступом пользователей в Интернет и использованием предоставляемых услуг, а также содержит механизм аутентификации на основе микропроцессорных карточек библиотеки. Такие смарт-карты позволяют посетителям самостоятельно подбирать книги, скачивать данные и видеоинформацию, а сотрудникам библиотеки помогают проводить инвентаризацию.

Но за все, в том числе за новые возможности, нужно платить, в данном случае – усложнением языка библиотечно-библиографических процессов. Изменение условий работы может привести к изменению предмета изучения; изменчивость может возникнуть не внутри, а вне библиотеки, что, в свою очередь, приведет к моральному старению ее подсистем.

Наши знания о библиотеке, ее функциях и взаимосвязи с читателем позволяют выделить несколько *этапов эволюции*.

Описательный этап (дескриптивный) – самый протяженный – от Античности до эпохи Возрождения. Его цель состоит в познании феномена библиотеки, ее функций и особенностей. Библиотеку на этапе зарождения можно рассматривать как *тело*, вневременное и безотносительное, полностью завершенное в самом себе. В этом теле еще нет *души*. Приведу в качестве примера каталог Каллимаха Киренского, ученого и поэта, работавшего хранителем Александрийской библиотеки в течение двадцати лет – с 260 по 240 г. до н.э.

Каллимаха по праву считают «отцом библиографии», автором первого каталога в 120 книгах. Полное название ката-

лога – «*Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания, и того, что они написали*» («*Pinakes tôn en pasê paideia dialampsantôn*»). Сохранившиеся фрагменты Таблиц, или Пинакесов, и сегодня восхищают замыслом книгоописания Каллимаха и тем, что удалось осуществить. Каллимах впервые заговорил на языке, который понятен современному библиографу.

Вершина описательного этапа эволюции библиотеки – эпоха Возрождения, знаменующая собой единство божественного и человеческого. К читателю библиотека пока не обращается, но уже «захватывает» его душу в свое пространство. Читатель погружается в нее, она втягивает его своей мощью. Теперь через библиотеку и библиографию лежит путь к пониманию Книжной вселенной.

В XVIII в. на смену описательному этапу приходит *социологический*. Здесь первенство принадлежит эпохе Просвещения, выдвинувшей на передний план развитие знания во имя улучшения жизни общества. На социологическом этапе эволюции «разрушается» единство Творца и человека, нарушаются связи библиотеки с обществом. Из этого сопротивления власти выросла роль читателя. Постепенно роль и значение личности читателя и его запросов возрастает.

Современный этап эволюции библиотеки – *информационный*. Потребности общества порождают изменения функций библиотеки и процессов описания результатов исследования. Главное место отводится читателю и поиску алгоритмизации исследований. Казалось бы, все ясно. Глубинная же суть поисковой проблемы в другом. Используя в конкретной ситуации услуги библиотеки, специалисты недооценивают тот факт, что ее исходная поисковая функция шире – в ней есть открытие, исследование, переживание.

Эти сопутствующие аспекты поиска по запросу у большинства читателей уходят на второй план или вообще не принимаются во внимание. Вот характерное признание: «... когда мы формулируем цели библиотеки исключительно в

информационных терминах, – пишут специалисты в сфере культурной политики Ч. Лэндри (Великобритания) и М. Пахтер (США), – мы подчеркиваем лишь ее утилитарную роль, исключая другие ценности, такие, как исследование, открытие, переживание. Или возьмем проект, осуществляемый в библиотеках Tower Hamlets, одном из районов Лондона, которые будут превращены в «магазины идей» – здесь в библиотечный мир очевидно просачивается язык коммерции, подсказывающий мысль о торговле знаниями. При этом исходная поисковая функция библиотеки, таящая в себе обещание наткнуться на что-то неизвестное, уходит на задний план»⁶.

У современного исследователя – огромное богатство: используя традиционные и новейшие технологии, он может обратиться к любому источнику информации. Возникает парадокс: чем легче это дается, тем больше исследователь «стремится к нулю». Наши научные термины, понятия и проблемы ему неинтересны, следствием чего являются упрощение и вульгаризация не только библиотечных процессов, но и результата поиска, неправильное их истолкование.

Сегодняшние ученые не хотят слушать коллег, предупреждающих о разобщении, а рядом появляются авторитеты из других областей и говорят: то, чем занимаются в библиотеке, уже никому не нужно – ушло в прошлое. Отсюда вывод: надо изучать эволюцию.

Наши рассуждения об эволюции библиотеки и ее этапах позволяют сформулировать некоторые выводы:

1. Библиотека – мощный ускоритель сознания человека. Ее эволюция есть попытка представить библиотечный ландшафт сегодня.

2. Каждый этап (описательный, социологический, информационный) целостно воспроизводит функции библиотеки, роль читателей предшествующих поколений, т. е. целостно воспроизводит предысторию своего развития. Противоречия,

возникающие в ходе эволюции, носят временный характер и разрешаются в измененном виде на новом уровне развития.

3. Постепенное сжатие во времени этапов развития библиотеки есть проявление общей закономерности эволюционного процесса.

Второе направление изучения будущего библиотеки связано с расширением *свободы доступа* читателей к фондам библиотек. Выделю основное. Для каждого этапа эволюционного развития существует свое, принятое в данном обществе, понимание свободы доступа. Так, если сравнить ограничение доступа к литературе, допустим, в средние века с ограничением доступа в XX столетии и проследить весь путь дальнейших изменений до нашего времени, то сегодня можно наблюдать возрастание степеней свободы.

В средневековых монастырских библиотеках комната для хранения и чтения книг оборудовалась столами-пюпитрами, переплет книги прикреплялся к пюпитру цепью. В описях для особо ценных книг использовался специальный термин «прикованные книги». (Рукописи охранялись не только цепями и замками, но и заговорами и заклятьями.)

Сегодня библиотеки предоставляют открытый доступ к книгам, переведенным в цифровой формат. Современные технологии радиочастотной идентификации позволяют надежно защитить печатные книги, расположенные в читальных залах открытого доступа библиотек. Свобода доступа читателей к фондам библиотеки развивается по мере возрастания демократических начал в обществе.

Третье направление изучения будущего библиотеки предполагает дальнейшее исследование роли *личностного начала* в ее развитии. За четыре тысячелетия существования библиотек их история украшена многими именами. Так, еще в Александрийской библиотеке (III–I вв. до н.э.) работали Деметрий Фалерский (350–283 гг. до н.э.), Каллимах Киренский (260–240 гг. до н.э.), Зенодот Эфесский (282–260 гг. до н.э.), Аполлоний Родосский (240–230 гг. до н.э.), Аристофан Визан-

тийский (195–180 гг. до н.э.). Своими знаниями они заслужили уважение ученых и поэтов своего времени: Эвклида, Гиппарха, Архимеда, Аристарха Самосского и других.

На заре Нового времени созданием библиотек в Европе занимались Ф. Петрарка (1304–1374) и Дж. Боккаччо (1313–1375), позже библиотеками руководили И.В. Гете (1749–1832) и Г.В. Лейбниц (1646–1716), а в прошлом веке – Х.Л. Борхес (1899–1986). В России библиотеки создавали Иван Грозный (1530–1584), Петр Первый (1672–1725), Екатерина Вторая (1729–1796). В них работали И.Д. Шумахер (1690–1761), А.И. Богданов (1692–1766), Н.И. Лобачевский (1792–1856), Н.Ф. Федоров (1829–1903) и другие выдающиеся деятели науки и культуры⁷.

Четвертое направление изучения будущего библиотеки связано с дальнейшим развитием информационных технологий. Характерно, что они развиваются не прямолинейно, а пульсируя, проходя определенные стадии. Сегодня современные технологии успешно внедряются в библиотечную деятельность при наличии массового спроса на информацию, о чем свидетельствует появление такой разновидности библиографии, как *технобиблиография*⁸.

И вот мы подходим к самому важному вопросу: не таится ли в современной библиотеке опасность ее гибели, исчезновения на фоне развивающихся технологий? Не наступит ли в будущем такой период, когда исчезнет потребность в традиционной библиотеке? Ведь уже сейчас существует много мобильных библиотек, содержащих необходимую пользователю информацию.

Я полагаю, что это не случится, и вот почему. Мир наших чувственных восприятий неисчерпаем. Реальность, созданная современной библиотекой, конечно, далеко ушла от реальности прежних дней. Но цель осталась по-прежнему одна. С помощью библиотеки мы пытаемся упорядочить мир наших чувственных восприятий. Мы желаем, чтобы наблюдаемые изменения и препятствия, возникающие на пути к познанию, следовали из нашего понимания реальности.

Остановлюсь на этом подробнее и представлю один из проектов будущего библиотеки, разработанный с учетом внедрения информационных технологий. Создатели проекта – профессионалы библиотечно-информационной деятельности: Игорь Степанович Добронравов (Москва), Борис Рувимович Певзнер (Израиль) и автор этой статьи (Санкт-Петербург). В течение 2007–2008 г. мы, общаясь друг с другом лично или по электронной почте, «сочинили» свой вариант развития современной библиотеки. Приведу основные его положения (ранее этот текст не публиковался), сформировавшиеся в процессе общения.

Начну с *введения*. Исходный тезис можно представить так: вне практической деятельности наши размышления о будущем библиотеки не имеют смысла. В основу размышления положены две идеи. Первая – не противопоставление мира традиционной книжной культуры миру современных информационных технологий, а их *сосуществование*, хотя на самом деле – более правильно – обслуживание информационными технологиями книжной культуры, которая вечна. Именно в обслуживании технологии и обретают свой смысл и предназначение.

Вторая идея заключается в том, что новые технологии помогают *впервые осознать*, что крупные современные библиотеки – это не просто хранилища книг, а центры по разъяснению и обучению, как использовать весь глубинный, не всеми видимый и понимаемый, смысл книжной культуры. Библиотеки – это умные, толковые «путеводители», «лоции», комфортно для читателей освещающие увлекательные путешествия в мире книжной культуры, грамотно представляющие ее дары, потрясения, озарения невиданного, еще до конца неосознанного, волшебного мира старой, но всегда новой книжной культуры. Тут все – и постижение, и толчок к творчеству, и воспитание себя (автора), читательской аудитории, потомков и родителей.

«Что ты скажешь, – спрашивает у меня И.С. Добронравов, – если читатель в библиотеке получит не просто

сюжет, замысел, помыслы книги, но книгу-фильм, с видео-изображением или музыкой, т.е. одну из возможных интерпретаций книги (при этом, может быть, и не совсем удачную)?» Тут уже все будет зависеть от того, какие кадры подготовят библиотечные вузы и информационные центры. Постепенно мы приходим к выводу о неисчерпаемости, универсальности библиотечной профессии. Действительно, получается, что миром книжной культуры будут управлять библиотекари и библиографы. *«Но как, – продолжает И.С. Добронравов, – согласуются идеи твоей книги о библиотеке как полисимфонии с развитием современных вычислительных технологий?»⁹*. Их привлекательность в том, что за внешней простотой и лаконичностью угадываются новые направления возможностей библиотеки. *«Идея, – заключает И.С. Добронравов, – проста: начинать надо с разных концов, они ведь не альтернативны, а сомысленны и с общей концепцией (концепция обязательного экземпляра в виде диска и традиционной книги – по желанию библиотек, например), и с практическими шагами выращивания отдельных, начиная с простых, библиотечных сетей. По мере накопления опыта такого выращивания, по согласованию с администраторами и экспертами, можно выходить на более сложные, продвинутое сети»*. Но тут опять все упирается в подготовку и образование библиотечных кадров...

Обратимся теперь к аргументации Б.Р. Певзнера. Будущая библиотека, считает он, должна наследовать основные принципы функционирования современных библиотек, ибо *читатель инерционен и консервативен* в принципе. Вместе с тем, сейчас важно осознать, что среда функционирования будущей библиотеки будет «навязывать» ей новые функции, например, анализа информации с целью выдачи рекомендаций, необходимых для деятельности коммерческих структур. Крупные компании могут позволить себе иметь подразделение с такими функциями. Однако для большинства малых и средних компаний это непозволительная роскошь. Поэтому в

будущем библиотеки должны иметь информационно-аналитический коммерческий центр, работающий по заказам сторонних организаций; при этом библиотека перестает быть только бюджетной организацией – она сможет сама зарабатывать. Последнее очень важно для той социальной среды, в которой будет функционировать библиотека. Такое перепрофилирование будет происходить болезненно, особенно из-за инерционности библиотечного штата.

Опираясь на свои многопрофильные фонды, центр сможет: проводить исследования (маркетинг) для небольших компаний; определять прогноз технического развития изделий этих компаний; проводить информационные и патентные интернет-поиски; выполнять заказы на куплю-продажу через интернет-аукционы (eBay) и интернет-магазины (Amazon), на поиск видео- и аудиоинформации (для создателей документальных фильмов – исторических, политических, научно-популярных и др.), изобразительных средств и информации для конъюнктурных целей, включая сравнительный ценовой анализ; на поиск производителей заданных товаров (или сырья), отвечающих условиям заказчика, на проведение банковских операций.

Конечно, эти функции частично уже выполняются центрами НТИ, но в будущем они будут объединены с библиотеками. *«Еще раз хочу подчеркнуть, что будущая библиотека должна обслуживать не только гуманитарные сферы, но и экономические»*, – заключает Б.Р. Певзнер. Итак, принципиальная сущность предлагаемого тремя авторами проекта будущей библиотеки с использованием автоматизированных информационных технологий сводится к решению следующих задач.

1. Ввести в практику функционирования библиотечных сетей (под библиотечной сетью понимается как несколько библиотек, взаимосвязанных друг с другом обычными традиционными каналами, например, МБА, или/и компьютерными сетями, например, электронной почтой, так и все крупные – региональные – научные, по крайней мере, на первом этапе) рассыл-

ку обязательного экземпляра (ОЭ) не только в традиционном виде, т.е. печатные книги, журналы, газеты, но и в виде такого компьютерного диска, с которого можно в полном объеме воспроизвести текст издания, включая всевозможные таблицы, иные графические материалы и фотоиллюстрации.

Это общее предложение надо тщательно и всесторонне обдумать со специалистами. В частности, можно обсудить программное обеспечение для записи, поддержки и контроля оптимального для выбранного класса библиотек типа (типов) диска (дисков), возможности универсального формата диска для самых разнообразных текстов и т. д. С библиотекарями и библиографами – обсудить количество дисков с ОЭ (обязательно не менее двух) и количество экземпляров того же издания в традиционном виде – в зависимости от вида материала ОЭ (в первую очередь, профильный или непрофильный, нужный или ненужный для МБА и т. д.).

С этими же специалистами нужно решить вопросы о количестве распечаток с компьютерного диска, содержащего обязательный экземпляр (далее – КДОЭ), для читателей определенного типа библиотек и количестве традиционных ОЭ для оперативного хранилища (ОХ). Чем масштабнее сеть библиотек, тем серьезнее (и, на мой взгляд, неподъемнее) проблемы, встающие перед таким советом (советами) экспертов (специалистов) – от решения общегосударственных проблем управления до финансовых проблем. Но в том и простота (гениальность) предполагаемого подхода (назовем его «*выращиванием*»): начинать можно с относительно небольшой сети библиотек. И лишь после полной отработки простой модели, доказавшей свою эффективность, переходить к следующей.

2. Непрофильную литературу, хранящуюся в ОХ, по истечении определенного срока предлагается хранить только на КДОЭ и в виде сброшюрованных распечаток с КДОЭ. Количество таких распечаток и срок, по истечении которого книги отсылаются в централизованный депозитарий (далее – ЦД), определяются для каждой библиотеки экспериментально.

Такой порядок предлагается для литературы, рассылаемой по ОЭ, с момента введения практики рассылки ОЭ одновременно в традиционном виде и на компьютерных дисках (КД). Это предложение нетрудно распространить и на практику комплектования библиотечных фондов через книжные коллекторы.

В более общем виде можно представить себе комплектование библиотек и без практики ОЭ. В таком случае комплектование сводится либо к подписке на КД с файлами нужных печатных изданий, либо к установлению договорно-коммерческих отношений с производителями печатной продукции. Разумеется, что централизованное – в пределах страны или ее основных регионов – обеспечение комплектования через систему ОЭ было бы наиболее целесообразным с точки зрения государственных и общественных интересов.

Принципиальная схема такой сети распространения ОЭ уже существует в Российской книжной палате (РКП), поскольку она продолжает практику сбора и хранения ОЭ. Если РКП «закрывает» все на себя, т. е. занимается только хранением и регистрацией поступления через ОЭ вышедшей литературы в пределах страны, то можно разработать принципиальную схему комплектования для каждой отдельной библиотеки или для каждой отдельной сети библиотек, либо (в идеале) для централизованной сети всех научных библиотек страны, причем в двух вариантах: полностью на КД или смешанном – на КД и одновременно на традиционных носителях.

Возникает большая проблема – как быть с уже сформированными фондами литературы в каждой библиотеке? По нашему мнению, эта проблема разрешима в рамках компьютерной сети библиотек, связанных принципиальной договоренностью о взаимной работе по переводу части фондов библиотек, входящих в единую сеть, на компьютерные диски.

Коллективный администратор совместно с группами экспертов от каждого элемента сети решает, какая часть фондов библиотек сети представляет общий интерес для всех ее

участников. И с нее (общей части) по согласованному графику и в соответствии со своими финансовыми и материально-техническими возможностями эксперты начинают работу. При этом каждый участник сети имеет возможность какую-то часть фонда (желательно не больше 50% от его размеров) объявить раритетной, т.е. обязательно хранимой в традиционном виде, в общий фонд сети не входящей и находящейся в его полной собственности. Делиться своей собственностью с другими участниками сети он не обязан, хотя и может – при каких-либо специальных условиях. Иметь раритетный фонд на КД желательно, но этот вопрос полностью находится в компетенции руководства сетевой библиотеки.

Основная идея сводится к тому, что общая часть фонда сети хранится в сетевых библиотеках только на КД, а вся литература в традиционном виде этой части фонда направляется в ЦД. Идеально было бы построить ЦД книг для всех библиотек страны; воплотить эту идею можно поэтапно, начиная от ЦД каждой отдельной сети библиотек, и затем наращивать («выращивать») по мере развития и расширения сети.

В отдельной сети библиотек депозитарием может стать хранилище самой мощной сетевой библиотеки или любого желающего – участника сети. Возможен вариант ЦД с его распределением по участникам сети. Однако в отдаленной перспективе следует придерживаться основной тенденции развития будущей библиотеки – выделения функции хранения произведений печати в традиционном виде как основной задачи единого в пределах страны депозитария книги.

3. В будущей библиотеке будет нарастать тенденция к тому, чтобы каждая библиотека, помимо своего раритетного фонда, хранила только компьютерные диски с печатными изданиями – с возможностью воспроизведения текста в виде распечатки по желанию читателей. Все произведения печати в традиционном виде будут храниться только в ЦД (за исключением тех новых, которые по решению экспертов или администраторов сети войдут в раритетные фонды сетевых библиотек). Коли-

чество единиц хранения каждого нового произведения печати будет определяться экспертами – скорее всего, в зависимости от сложности его полиграфического исполнения, уникальности издания или иных параметров.

Хотелось бы обратить внимание на то, что хранение документов на КД, с одной стороны, намного существенно облегчает доступ читателей к фондам библиотеки (за счет существенного сокращения времени транспортировки литературы из фондов хранения в читальные залы и обратно, значительного расширения фондов открытого доступа к изданиям, записанным на КД), увеличивает сферу услуг, предоставляемых читателям (например, распечатывание фрагментов документов и их последующее копирование).

Таким образом, в аспекте обслуживания читателей будущее библиотеки на первом этапе можно представить как совокупность обычного читального зала (залов), компьютерного зала и помещений открытого доступа к литературе, записанной на КД. На последующих этапах развития, скорее всего, площадь помещений обычного читального зала (залов) будет сокращаться, а компьютерных залов, напротив, возрастать. Значительную роль при этом будут играть объемы раритетного фонда и тенденции его сокращения.

4. С внедрением предлагаемых организационных предложений все большую актуальность будут приобретать задачи автоматизации различных библиотечно-библиографических процессов. Как известно, научная библиотека представляет целый комплекс взаимосвязанных функций – комплектование, работа с фондами (расстановка при комплектовании, поиск запрашиваемой читателями литературы, ее транспортировка и обратная расстановка в хранилищах), с читательскими требованиями по каталогу, со справочным аппаратом библиотеки. К тому же надо учесть, что библиотека – это и коллектив сотрудников, которым надо управлять, выдавать зарплату, вести штатное расписание и прочее. Поэтому поле для автоматизации процессов в современных библиотеках, хотя и не беско-

нечное, но весьма обширное и, прежде всего, разнообразное по типам функций.

Разработка и широкое распространение в последние десятилетия различных автоматизированных систем (начиная от простейших систем сортировки по различным признакам и кончая более сложными системами, например, поиска по ключевым словам с использованием тезауруса, систем реферирования и экстрагирования, а также систем более высокого уровня – фактографических) позволяет уже сейчас автоматизировать многие технические управленческие задачи.

Проблемы более высокого уровня, связанные с интеллектуальными аспектами библиографической деятельности по созданию разнообразной вторичной информации, помогающей читателям ориентироваться в сложном мире текстов, требуют серьезной научно-исследовательской проработки. Развитие информационных технологий обуславливает воссоздание проектов и экспериментальных разработок, проводимых в нашей стране в 1980–1990-х гг. (в частности, совместными усилиями коллективов кафедры отраслевой библиографии Ленинградского государственного института культуры и ВНИИ Информэлектро (Москва)) по экстрагированию с помощью словаря маркеров и автоматизации составления указателей на основе оглавлений и издательских аннотаций.

Новые информационные технологии и наши предложения по проекту будущей библиотеки позволяют также актуализировать разработки прошлого на основе работы уже не с самими первичными документами, а с КД, содержащими оригинальные тексты. Практический интерес представляет предложение Б.Р. Певзнера о создании многовариантных текстов одного и того же произведения для различных категорий читателей. В качестве примера он приводит книгу В.П. Леонова *«Пространство библиотеки. Библиотечная симфония»*, записанную на диск по программе Jump-method для читателей-библиотекарей и читателей-любителей музыки...

5. Пятое направление изучения будущего библиотеки – это участие библиотеки в мировом информационном процессе. Для использования мирового опыта сейчас фактически нет границ – ни национальных, ни временных. Мы имеем не только доступ к библиотекам других стран, но и возможность глубоко проникнуть в историю собственного прошлого.

Определив тенденции и некоторые направления изучения будущего библиотеки, мы видим, что они не случайны, они устойчивы и связаны с развитием общества, для которого характерно не только его постепенное усложнение, но и сохранение памяти прошлого, индивидуального начала. Это дает нам основание вывести отдельные направления изучения библиотеки за пределы современности в будущее.

Но будущее библиотеки складывается не только из направлений, поэтому единой картины из них создать невозможно. И здесь исследователю без обращения к психологии не обойтись.

Я подхожу к давней идее о целостной библиотеке, состоящей из *тела, души и действия*.

Библиотека – это *целостная живая форма*, а не сложение, не сумма внешнего (тела) и внутреннего (души, сознания). Она изначально едина, а значит – неделима. Ее справочный аппарат «... *отражает организацию библиотеки как культурной памяти человечества; он напоминает скорее человеческое сознание, чем механическую систему. В нем заложены неожиданные связи, непривычные пути нахождения и «вспоминания» данных*»¹⁰.

Порассуждаем вместе с психологом В.П. Зинченко, обращаясь не только к психологии, но и к поэзии. «*Тело, – утверждает В.П. Зинченко, – является функциональным органом души, а душа – функциональным органом тела*»¹¹.

Обратимся в качестве примера к стихотворению О. Мандельштама (1891–1938). В восемнадцать лет (1909 г.) поэт написал такие строки:

*«Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?»¹².*

«Слова поэта можно понять двояко, – комментирует В.П. Зинченко, – то ли речь идет о собственном теле, то ли о теле другого». И добавляет: «оба смысла равно замечательны и важны ... поэтические метафоры таят в себе семена научных теорий, в том числе психологических»¹³.

Последуем логике В.П. Зинченко и посмотрим на будущую библиотеку, словно на человеческое тело, поэтическим взглядом. Другими словами, библиотеку целесообразно рассматривать как единство слова, образа и действия, которые вместе олицетворяют ее душу. Заметим, при этом, что задолго до В.П. Зинченко, еще в 1930-е гг., индийский библиотековед Ш.Р. Ранганатан (1892–1972) определил библиотеку как «растущий организм» («A Library is a growing organism»)¹⁴. Чтобы быть живым, надо постоянно совершать усилие, надо двигаться. Это в полной мере относится к библиотеке. С другой стороны, возможно понятие «недвижимая» или «неживая библиотека».

Недвижимая библиотека – это не живое тело, а мертвая материя. Мертвыми, считает В.П. Зинченко, бывают и образы, и слова, и угасшие чувства, и не пережитые лично мысли¹⁵. Добавим, что к ним можно отнести и забытые книги. Одна из таких мертвых библиотек описана в романе испанского писателя К.Р. Сафона «Тень ветра»¹⁶. Роман открывается главой «Кладбище забытых книг».

Приведу фрагменты из этой главы:

«Перед нами возвышалось строение, напоминавшее развалины заброшенного дворца, где мог бы располагаться музей отзвуков и теней...»

Во дворце царил голубоватый полумрак <...>. От пола до самого верха вздымался лабиринт полок, забитых книгами; <...> это было нечто вроде огромной библиотеки с хаотическим нагромождением книжных полок. Разинув рот, я посмотрел на отца. Он улыбнулся и подмигнул мне:

– Добро пожаловать на Кладбище Забытых Книг. По этажам и переходам библиотеки бродило несколько фигур. Некоторые издали приветствовали нас, и я узнавал в них кое-кого из отцовских коллег – букинистов. В глазах десятилетнего ребенка это было похоже на тайное братство алхимиков, участников тайного заговора, творимого за спиной ничего не подозревающего мира. Отец опустился передо мной на колени и, глядя мне прямо в глаза, тихо заговорил голосом таинственным и доверительным.

– Это заповедное место, Даниель, святилище. Каждый корешок, каждая книга из тех, что ты видишь, обладает душой. В ее душе живут души тех, кто книгу писал, тех, кто ее читал и жил ею в своих мечтах. Каждый раз, когда книга попадает в новые руки, каждый раз, когда кто-то пробегает взглядом по ее страницам, ее дух прирастает и становится сильнее... Когда исчезает какая-нибудь библиотека, когда закрывается книжный магазин, теряется или предается забвению какая-нибудь книга, мы, хранители, то есть те, кто обретается в этих стенах, уверены: эта книга обязательно попадет сюда. Здесь затерявшиеся во времени страницы, о которых никто не помнит, обрели вечную жизнь в ожидании того дня, когда, наконец, явится читатель, который вдохнет в них новую душу. В магазине мы продаем и покупаем книги, но в действительности ни одна из них никому не принадлежит. Каждая книга, которую ты здесь видишь, когда-то была чьим-то лучшим другом. Теперь у них не осталось друзей, кроме нас, Даниель...

Я кивнул, и отец улыбнулся: – Знаешь, что самое интересное?

Я молча покачал головой.

– Согласно обычаю, каждый, кто приходит сюда в первый раз, должен выбрать одну – единственную книгу, ту, что ему понравится, взять ее под свое покровительство

и отвечать за то, чтобы она никогда не исчезла, чтобы жила вечно. Это очень важная клятва. На всю жизнь, – разъяснял отец. – Сегодня твой черед.

Около получаса я бродил по закоулкам лабиринта, пропахшего старой бумагой, пылью и волшебством. <...> Я шел по множеству коридоров и изогнувшихся спиралью галерей, сплошь уставленных книгами, которые, казалось, знали обо мне больше, чем я о них. Мне вдруг пришло в голову, что за каждым корешком таится безбрежный непознанный мир, в то время как за этими стенами течет совсем другая жизнь... Я тут же понял, какую именно книгу мне предстоит взять под свою опеку. Или сама книга изъявила готовность стать моим опекуном... Последняя в ряду, она скромно выглядывала с самого края полки, предлагая мне прочесть свое тисненное золотом на бордовой коже название, так и сиявшее в лившихся из-под купола лучах. Я подошел к ней и погладил буквы кончиками пальцев, прочитав про себя: „Хулиан Каракс. Тень ветра“.

Никогда прежде я не слышал ни названия, ни имени автора, но это не имело значения. Решение было принято. И мной, и книгой. Очень бережно я взял ее в руки и пролистал, высвобождая страницы из плена <...>

Вернувшись домой на улицу Санта-Ана, я уединился в своей комнате, решив прочитать хотя бы первые строки своего нового друга. Сам того не заметив, я тут же с головой погрузился в чтение и уже не мог оторваться...

Как-то один из постоянных посетителей лавки заметил: едва ли найдется нечто, способное оказать такое влияние на читателя, как первая книга, проложившая путь к его сердцу. Те первые образы, отзвук слов, которые, как нам кажется, остались далеко в прошлом, сопровождают нас всю жизнь. Они возводят в нашей памяти дворец, в который – сколько бы книг мы потом ни прочли, сколько бы миров ни открыли, сколько бы ни узнали и ни позабыли – нам неизбежно предстоит вернуться. Для меня такими

волшебными страницами стали те, что я обнаружил в лабиринтах Кладбища Забытых Книг»¹⁷.

Вернемся к нашим размышлениям.

Движение библиотеке задает читатель. Он – пусковой механизм, с помощью которого библиотека начинает оживать. Теперь мы воспринимаем ее как действие, как текст, который надо понимать и интерпретировать. Так появляется новый образ. Движение читателя осуществляется через чтение. Чтение управляемо и активно благодаря тому, что читатель обладает чувствительностью к самому себе. Вместе с тем движение чувствительно и к ситуации, в которой все происходит. В итоге живое движение порождает душу, дух, образы.

Перефразируя В.П. Зинченко, можно сказать, что библиотека как тело становится функциональным органом души, а душа – функциональным органом библиотеки. Поэтому изучение библиотеки не может не быть душевно связано с действием, чувством, образом и словом. Слово, которое было вначале, проникает в образы тела библиотеки; создается ощущение, что библиотека становится «говорящей», беседующей не только с собой, но и с читателем в процессе чтения. Такое ощущение прекрасно передал О. Мандельштам¹⁸:

*Мы только с голоса пойдем,
что там царапалось, боролось,
И черствый грифель поведем
Туда, куда укажет голос.*

«Грифельная ода» (1923)

Что из этого следует? Предлагаю подумать читателю.

Мои соображения таковы: используя опыт и методы психологии, библиотеку можно рассматривать как школу, где осуществляется союз души и слова, где присутствуют действие, образ и чувство.

Такой она была в прошлом, такой нам представил ее Н.А. Рубакин (1862–1946)¹⁹, такая она сегодня и такой идет в будущее...

Все изложенное позволяет сделать следующий вывод. Намеченные нами исследовательские направления тесно связаны между собой. Вместе с тем в библиотеке в процессе общения формируются базовые составные части, которые по своей природе либо изменяются мало, либо остаются неизменными в течение длительного времени. Без них не могло бы быть преимущества. Следовательно, прошлое и настоящее библиотеки останутся и в ее будущем.

Его надо изучать с учетом достижений смежных научных дисциплин, в первую очередь, психологии.

Примечания

¹ Поппер К.Р. Ницета историцизма: [пер. с англ.]. М.: Прогресс: VIA, 1993. С. 5, 6.

² Эйнштейн А. Эволюция физики: Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квант / А. Эйнштейн, Л. Инфельд; пер. с англ. со вступит. ст. С.Г. Суворова. Изд. 2-е. М.: ГТТИ, 1956. С. 62, 63.

³ Леонов В.П. Эволюционный синтез библиографии // Библиография. 2011. № 1. С. 20–29.

⁴ Аллахвердов В.М. Симфоническая мощь сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 2008. № 3. С. 4–19; Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: (метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: Прогресс-Традиция: Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 286 с.

⁵ Библиотека для будущего: [Электронный ресурс] // Archi.ru: российский архитектурный портал. Режим доступа: http://archi.ru/foreign/news/news_present.html?nid=34393&fl=1&sl=1. Дата публикации: 02.06.2011.

⁶ Пахтер М. Культура на перепутье: Культура и культурин-ты в XXI в. / Марк Пахтер, Чарльз Лэндри; [пер. с англ., предисл. М. Гнедовский]. М.: Классика-XXI, 2003. С. 89.

⁷ См., напр.: Фомотов Г.П. Без них – мрак, темнота, невежество... // Независимая газета. Ex libris. 1998. 20 авг. (№ 32). С. 3.

⁸ Леонов В.П. Технобиблиография – новый этап развития библиографии // Библиография. 2011. № 3. С. 14–18.

⁹ Леонов В.П. Пространство библиотеки: Библиотечная симфония / Рос. акад. наук, Б-ка Рос. акад. наук. М.: Наука, 2003. С. 19–36.

¹⁰ Шрейдер Ю.А. Библиографическая традиция и автоматизация каталогов // Сов. библиогр. 1986. № 2. С. 18.

¹¹ Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // Челов. век. 2010. № 2. С. 34.

¹² Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 тт. / [сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Мец]. Т. 1 : Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 46.

¹³ Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // Челов. век. 2010. № 2. С. 34.

¹⁴ Ранганатан Ш.Р. Классификация двоеточием: основная классификация / под ред. Т.С. Гомолицкой. М.: ГПНТБ СССР, 1970. С. 15; Ranganathan S.R. The five laws of library science / with a foreword by P.S. Sivaswami Aiyer; and an introduction by W.C. Berwick Sayers. Madras: Madras Library Association; London: Edward Goldston, 1931. XXXII. P. 382.

¹⁵ Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // Челов. век. 2010. № 2. С. 37.

¹⁶ Сафон К.Р. Тень ветра / пер. с исп. М. Смирновой и В. Темнова / под ред. Е. Хованович. М.: ЗАО «Росмэн-пресс», 2007. 656 с.

¹⁷ Там же. С. 9–13.

¹⁸ Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 тт. / [сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Мец]. Т. 1 : Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 135.

¹⁹ Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Акад. Проект: Трикта, 2006. 799 с. (Summa).

Опубликовано: Будущее библиотеки как предмет изучения / В.П. Леонов // Науч. и техн. б-ки. 2012. № 9. С. 51–68.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СВЕРТЫВАНИЯ

3.1. Некоторые аспекты проблемы информативности

В специальной литературе, посвященной семантическим и прагматическим аспектам научной информации, отмечается актуальность исследования качественных характеристик документальных источников. Среди этих характеристик особое значение имеет информативность документа или их множества (например, информационно-библиографического или реферативного издания и т. п.).

Связь информативности с качественной определенностью научной информации, получившей выражение в каком-либо тексте, очевидна из самого определения информации как разнообразия, неоднородности, которую один объект содержит о другом¹. Понимание информации как отраженного разнообразия согласуется с его толкованием и как сведений или сообщений, ибо сообщения «отражают» события, вещи и т. д. С другой стороны, оно не противоречит теории семантической информации, так как суть семантической теории заключается в описании отношения информации – знака, слова, выражения языка – к обозначаемому объекту, который передает информацию. Качество информации представляет собой совокупность наиболее существенных черт, которые выражают внутреннюю структурную определенность информации, ее способность со-

хранять значение при преобразовании и передаче для удовлетворения практических потребностей. По-видимому, наиболее качественной будет та информация, содержание которой наиболее адекватно отвечает ее использованию. Причем, как подчеркивает Б.С. Украинцев, «... *степень адекватности или истинности информации определяется не только условиями процесса отражения и соответствием отображения оригиналу, но и характером операции ограничения разнообразия отображения* (подчеркнуто нами. – В.Л.), *то есть производства информации*»².

Однако наличие взаимосвязи информативности с качественной определенностью научной информации еще не раскрывает ее (информативности) сущности, ее отношения к другим характеристикам (свойствам), например, ценности информации. Является ли информативность, как и ценность, атрибутом семантической информации или это лишь неотъемлемое свойство документального источника, воспроизводящего информацию как таковую? Трудности, возникающие при ответе на эти вопросы, заключаются в том, что информативность как определенный вид отношений выходит за пределы единичного объекта или его составной части и предполагает соотнесение с другими объектами. Именно поэтому некоторые авторы делают вывод, что «... *свойство информативности любого взаимодействия имеет, следовательно, атрибутивный характер*»³ и применимо к информации вообще, а не только, например, к научной.

В данной статье предпринимается попытка дать определение информативности и сформулировать некоторые прикладные аспекты, вытекающие из исследования этого важного свойства документальной информации. Предлагаемая проблема, на наш взгляд, нуждается в изучении ее не только специалистами в области информатики, библиографии и библиотековедения, но и психологами, социологами, лингвистами и др.

Уже из определения К. Шенноном информации как снятой неопределенности⁴ можно сделать вывод, что информативность

определялась бы новизной или необычностью факта. По Шеннону, чем реже передается данный символ, тем больше информации связано с его появлением, тем более он информативен. Отметим, что эта теория не раскрывает понятия информативности с качественной стороны, а имеет отношение к содержательным характеристикам информации лишь постольку, поскольку ее семантические аспекты могут быть выражены с помощью знаков, т. е. синтаксическими средствами.

Иное толкование информативность получила в работах Р. Уэлза (R. Wells – США). Уэлз выделяет критерий «адекватного синонимичного описания», согласно которому не все логически истинные предложения несут одинаковое качество семантической информации⁵ и дальнейшая его трактовка информативности предполагает только документальные источники. Информативность, по Уэлзу, служит семантической моделью или репрезентацией субъективной информации. Он рассматривает ее с двух сторон: в прагматической части – «субъективную информацию», благодаря которой одно предложение, даже логически истинное, может быть субъективно более информативным (важным, ценным, эвристичным), чем другое; в семантической части – функцию предложений. Р. Уэлз строит логико-семантическую модель информации на основе ряда допущений и устанавливает отношения между количеством информативности и информативным содержанием аналитически истинных высказываний. В этих допущениях наиболее ярко проявляется специфика подхода автора: признание различной информативности логически эквивалентных предложений; допущение, что качественно различные предложения могут иметь в количественном отношении одну и ту же информативность; что следствие предложения S может быть более информативно, чем само предложение S и т. д.⁶ Следует отметить, что концепция логико-семантической модели информации Р. Уэлза получила положительную оценку в нашей философской литературе⁷.

Из отечественных исследований серьезного внимания заслуживает точка зрения Т.М. Дридзе⁸, которая также считает информативность специфической качественной характеристикой документальной информации. Информативность текста, по мнению автора, это не количество содержащейся в тексте информации об объекте описания, а мера адекватности интерпретации основной концепции (или основной идеи) текста его получателем и потому величина относительная⁹. Автор предлагает выработать методику объективного определения степени информативности текста, т. е. потенциальную меру адекватности его понимания. С этой целью в тексте достаточно выделить цепочку «фактов», которые затем можно подсчитать по специально разработанной методике. Но только этого недостаточно для подсчета информативности, ибо каждый «факт» сам по себе несет информацию качественно отличную от той, какую он содержит в тексте. Поэтому особого внимания заслуживает предложение Т.М. Дридзе считать информативным то новое, что отражается в сообщении, т. е. когда известное становится новым, включаясь в систему неизвестных и потому информативных связей (предикаций)¹⁰.

Несколько шире информативность трактуется Ю.А. Шрейдером¹¹. Содержательность научного утверждения он соотносит с информативностью для системы знаний и считает, что в семантической теории информации ее следует оценивать уровнем влияния на науку в целом, другими словами, степенью изменения общего тезауруса науки. Отсюда Ю.А. Шрейдер делает вывод, что содержательность научного открытия не совпадает с информативностью для разных групп потребителей из-за несовпадения тезаурусов науки и потребителя информации. Следовательно, раскрыть понятие информативности невозможно без учета фактора постоянного совершенствования знаний, значит это величина относительная (см. определение Т. Дридзе). Это, в свою очередь, также требует обязательной новизны информации. Для этих авторов общим

является признание объективности информативности как качественной характеристики информации.

Есть и другие точки зрения¹². Так, Г.Г. Воробьев определяет информативность как *«степень соответствия тезауруса документа тезаурусу потребителя»* и поясняет, что имеется в виду относительное содержание в документе полезной информации, отвечающей профилю комплектования данного фонда¹³. В другой своей работе он уточняет, что информативность подвержена большим колебаниям вследствие способностей читателя *«... ассоциировать факты, изложенные в документе, с другими ему известными фактами»*¹⁴.

Суммируя эти точки зрения, можно выделить два подхода к определению данного понятия. С одной стороны, информативность определяется уровнем общественного тезауруса, с другой – в каждом отдельном случае ее выводит потребитель. Задача усложняется еще и тем, что *«... общечеловеческий тезаурус понятие весьма абстрактное»*. *«Человеческое общество обладает каким-то еще неизученным механизмом, который производит оценку научной информации относительно общечеловеческого тезауруса»*¹⁵. Если же мы будем пытаться измерять информативность относительно каждого потребителя, как предлагает Г. Воробьев, то это будет противоречить самой природе общественного познания, ибо высокая информативность для одного вовсе не означает информативности для науки в целом. Поэтому очень существенным представляется утверждение А.И. Михайлова, А.И. Черного и Р.С. Гиляревского, что для разработки теории семантической информации необходимо найти такую ее меру, которая бы не зависела от состояния индивидуального приемника¹⁶. Такой мерой они считают степень структурных изменений в «сетях цитирования», которая вызывает появление данной информации в обществе. По-видимому, это же имел в виду и Ю.А. Шрейдер, предлагая соотносить содержательность научного утверждения с уровнем влияния на науку, которое и назвал информативностью¹⁷.

По нашему мнению, информативность составляет сущность (внутреннее логическое содержание) переданной или воспроизведенной знаковой системой информации¹⁸. Поясним этот тезис. Содержание, смысл воплощает в себе все характеристики информации и представляет собой ее интегральную оценку. Следовательно, информация в форме конкретного проявления (документа) отражает достигнутый наукой определенный уровень знаний об окружающей действительности, сущность которого определяет объективную сторону информативности. Правда, в таком виде ее трудно выделить, поскольку процесс восприятия содержания информации субъективен. Другими словами, мера информативности, будучи по своей природе объективным критерием, может проявляться при восприятии информации неадекватно. В то же время восприятие информации во всех случаях является осмысленным отражением потребителем (обществом) ее объективного содержания, т. е. известной меры информативности. Именно эта качественная характеристика документальной информации побуждает потребителя к определенным действиям, обусловленным его целями.

Воплощаясь в результаты творческого или производственного процесса потребителя, информативность как бы меняет субъективную форму на объективную, осуществляется процесс взаимоперехода из одного состояния в другое, но это не разные вещи, а разные этапы одного и того же явления при определяющей роли объективной стороны. Это обстоятельство необходимо учитывать как один из основных методологических принципов при исследовании информативности. Таким образом, информативность имеет относительную природу. Чем полнее и точнее выражено содержание сообщения, тем выше должна быть качественная определенность этой характеристики.

Однако не всегда объективное содержание может быть воспринято, воспроизведено и передано в полном соответствии. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, особенностями нашей внутренней речи и языковой формы, в которой

протекает мышление, что и порождает различие восприятия и понимания одинакового текста автором и читателями. Так, например, еще около 100 г. н.э. греческий оратор Дион Христом характеризовал следующим образом творчество Гомера: «Гомер – это и первый, и средний, и последний, кто и ребенку, и мужу, и старцу дает столько, сколько каждый может взять»¹⁹. Во-вторых, относительность состоит в том, что нередко в процессе преобразования документальной информации ее передают, не используя всех возможностей и средств для реализации логико-семантических аспектов и обеспечения доступа к содержанию.

Под информативностью вторичного документа понимается качественная характеристика, которая выражается степенью (мерой) адекватного воспроизведения в нем основных элементов содержательной и формальной структуры первичного документа. К формальной структуре относятся также элементы документа, которые непосредственно не входят в содержательную часть, но в той или иной степени содержат в себе определенную меру информативности документа. Ими являются: название серии, издательства или журнала, в котором помещена статья, позволяющие оценить назначение публикации, степень ее доступности или, наоборот, ее специфический характер, название учреждения, которое может дать представление о компетентности в данном вопросе авторов публикации, их профиль и направление работы; а год выхода публикации в свет свидетельствует о степени ее новизны и политической актуальности; к формальной структуре также относится язык источника, его полиграфическое оформление и др.

Наиболее полно эти характеристики документа передаются элементами библиографического описания. Тем не менее, ряд авторов справедливо отмечает, что для повышения информативности документов необходимо установление «... связей между внешней информативностью документов и их смысловым содержанием»²⁰ и предлагают, например, к каждой издаваемой книге прилагать информационный па-

спорт. Такие паспорта, по их мнению, должны содержать сведения титульного листа, индексы УДК, перечень ключевых слов и т. п. для получения характеристик документа средствами ручной или механизированной обработки.

Содержательная сторона информативности вторичного документа, в свою очередь, зависит от ряда обстоятельств. К ним можно отнести, во-первых, глубину и точность отражения содержания во вторичном источнике; во-вторых, степень доступности принятой знаковой системы восприятию потребителей; в-третьих, выбранный вид преобразования оригинала (библиографическое описание, аннотация реферат); в-четвертых, принятую организацию материала во вторичном источнике (алфавитную, предметную, систематическую, систему вспомогательных указателей) и др. Отсюда следует, что информативность как качественная характеристика (в данном случае вторичного документа) проявляется не только в определенной степени **адекватности** двух информационных текстов, но и включает наличие таких факторов как новизна и доступность. **Новизна** предполагает, что составление адекватного вторичного документа – это не только копирование первичного, но, прежде всего, выявление нового, ранее неизвестного в документе для потребителей информации, а фактор доступности характеризует информацию (или ее источник) с точки зрения возможности восприятия и понимания выявленных элементов структуры документа. Необходимо помнить, что извлечь полную меру информативности вторичного источника практически невозможно, поскольку относительность заранее обусловлена первичным сообщением. Показателем относительности может служить **коэффициент информативности вторичного документа**, определяемый количеством элементов содержания во вторичном документе по отношению к первичному:

$$K_{\text{инф.}} = N/N_1 \times 100\%,$$

где N – количество элементов содержания вторичного документа, а N_1 – первичного.

Исследование информативности обязательно связано с формализацией вторичных, а затем – первичных документов, причем, имеются в виду только языковые средства выражения информации. Наиболее удобным вариантом методики выявления элементов содержания, вероятно, было бы сопоставление каждого отдельного элемента первоисточника с наличием его во вторичном документе. Однако эта процедура требует слишком много времени и является неэкономичной. В противоположность ей можно предложить использование уже проанализированного массива документов (терминологических словарей, классификаторов, учебников, справочников, предметных указателей литературы, рефератов, аннотаций и т. д.). Пользуясь перечисленными источниками, в которых отражены основные и наиболее встречающиеся термины или понятия, можно судить о содержании научной статьи или вторичного документа. В предметном указателе, например, ими могут быть: ключевые слова в тексте обоих документов, индексационные термины или принятые названия рубрик и подразделов, ссылки, описание методики исследования, практические рекомендации. Выявленные таким образом элементы можно сгруппировать в классы эквивалентности.

Метод сравнительного анализа первичных и вторичных документов не новый. Его проводили В.А. Полушкин²¹, Г.С. Жданова²² (ВИНИТИ), В.И. Соловьев (Московский полиграфический институт), Т. Сарацевич (Saracevic) в Англии и Р. Ботл (Bottle) в США.

Г.С. Ждановой была выполнена работа по определению зависимости объема реферата от объема реферируемой статьи (на материале документов по естественным наукам), а также работа по изучению отражения основных элементов содержания публикации в реферате. В результате проведенной работы был сделан вывод о наличии и в документе, и в реферате объективных элементов и различной степени их отражения в реферате²³. В экспериментах Т. Сарацевича степень информативности заглавий документов по медицине

(тропические болезни) колеблется в пределах от 59%–72% и 76%–85% для рефератов²⁴. К сожалению, эти данные не позволяют сделать обобщающие выводы, так как они зависят от вида литературы, ее тематической принадлежности и невозможно *a priori* решить, что может интересовать потребителя. С этой целью Р. Ботл предлагает дополнять информационное содержание заголовков ключевыми словами из текста документа²⁵.

В этом отношении выгодно отличается подход к данной проблеме В.И. Соловьева²⁶. Он оценивает качество реферирования (полноту и точность) по двум критериям: семантической адекватности и семантической эквивалентности, основой которых является поаспектный метод реферирования. Он разработал анкетную схему составления рефератов безотносительно к конкретному виду первичного документа и к области научного исследования, имея в виду, что при необходимости она может быть уточнена и конкретизирована с учетом научных и тематических областей. В **предлагаемую** схему включены двенадцать смысловых аспектов: проблема, предмет или тема исследования; научно-техническая область, в которой проведено исследование; цель работы; конкретные результаты, техническая эффективность и др. По мнению автора, придерживаясь данной схемы изложения, можно обеспечить не только семантическое тождество реферата первичному документу, но и наиболее эффективный поиск и восприятие информации. Тем не менее, отметим, что не во всяком реферате можно увидеть эти элементы, поскольку вероятность их встречаемости различна и в каждом отдельном случае зависит от области знаний, тематики документов и т. д.

Учитывая, что задача изучения информативности вторичных документов в качестве первостепенной и главной не ставилась, можно предложить основные этапы ее реализации:

а) показать, что в процессе сравнения вторичных источников с первичными можно выделить элементы содержания, которые являются общими для двух видов документов;

б) обосновать, что выделенные элементы содержания, несмотря на наличие в них субъективного момента, будут в основном соответствовать тем, которые объективно имеются в тексте документов;

в) сопоставить и содержательно интерпретировать выявленные элементы, что необходимо для обоснования конкретных предложений с целью повышения информативности вторичных документов определенной тематики.

Третий этап является самым важным, поскольку для его осуществления нужны объективные критерии, к которым относится степень формального соответствия оригиналу путем выделения наиболее близких эквивалентов в структуре оригинала и вторичного источника, а также степень смыслового соотношения данных элементов и их доступности для потребителей. Изучение элементов содержания документов позволит выработать практические рекомендации для преобразования информации, в первую очередь, для реферирования, поскольку полученный таким образом реферат представит логическую перестройку смысловой структуры текста.

Более сложным вопросом, требующим своего специального изучения, является **соотношение информативности и ценности**. Оба эти понятия – качественные характеристики информации, но характеризуют ее с различных точек зрения, в разных аспектах. Практическая деятельность людей всегда целенаправлена и поэтому качественные оценки нельзя рассматривать в отрыве от понятия цели. Чем конкретнее выражены цели потребителя информации и чем полнее информация (ее логико-семантическая структура) соответствует этим целям, тем выше ее ценность, а следовательно, и общественная значимость.

Очевидно, информация, чтобы иметь ценность, должна обладать такими качественными характеристиками, которые необходимы потребителю с точки зрения его целей. Поэтому ценность можно определить как отношение информации с потребителем и его целью²⁷. Цель, которая определяет функци-

ональную направленность информации, является критерием ее оценки. Выражением ценностных отношений служат человеческие потребности, которые выступают как осознание недостатка в определенных видах информации.

В какой связи находятся информативность и ценность? Прежде чем оценить информацию, надо ее воспринять и сформулировать в соответствии со своими целями. Если цель имеет не индивидуальную, а общественную значимость, то «... методы определения прагматической информации могут быть использованы для оценки смысловой (семантической) информации»²⁸. В этом случае понятие ценность информации будет приближаться к понятию информативности и таким образом (благодаря воспринятой информации) преобразуется как внешняя форма проявления информативности. Всякая научная информация является информативной и ценной, поскольку в ней материализован человеческий труд. Для определения величины ценности и полезности информации в литературе, преимущественно философской, исследователи предлагали предварительно выявить с помощью эмпирических методов относительный статистический «вес» основных ценностных факторов, а для нахождения количества семантической (смысловой) информации – оценить ее связь с прагматической, с объективной научной ценностью полученной информации.

Таким образом, информативность и ценность выступают как две различные стороны научной информации. Первая из них свидетельствует о восприятии и понимании информации с точки зрения объективного содержания и является характеристикой документальной информации, вторая, т. е. ценность, представляет собой атрибут семантической информации, проявлением которого и служит реакция потребителей на воспринятую информацию в соответствии с их целями.

Примечания

¹ Урсул А.Д. Природа информации. Философский очерк. М.: Политиздат, 1968. 287 с.; Нарский И.С. Диалектическое проти-

воречие и логика познания. М.: Наука, 1969. 246 с.; Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты. М.: Наука, 1971. 295 с.

² Украинцев Б.С. Информационная причинность // Методологические проблемы кибернетики: Материалы к Всесоюзной конференции. Т. 1. М., 1970. С. 188.

³ Гущин А.Д. Некоторые аспекты категории информации // Методологические проблемы кибернетики (Материалы к Всесоюзной конференции). Т. 1. М., 1970. С. 250.

⁴ Шеннон К.Э. Математическая теория связи // Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. С. 244.

⁵ Уэлз Р. Мера субъективной информации // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965. С. 168.

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Гришкин И.И. Логико-семантические теории информации и их философское значение // Методологические проблемы кибернетики (Материалы к Всесоюзной конференции). Т. 1. М., 1970. С. 245–247.

⁸ Дридзе Т.М. Опыт использования психолингвистической методики в социологическом исследовании // Материалы второго симпозиума по психолингвистике. М., 1968. С. 75–77; Дридзе Т.М. Опыт экспериментального подхода к изучению проблемы информативности публицистического текста // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 116–122; Дридзе Т.М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 169–178.

⁹ Дридзе Т.М. Опыт экспериментального подхода... С. 116–122; Дридзе Т.М. Ассоциативный эксперимент... С. 169–178

¹⁰ Дридзе Т.М. Опыт экспериментального подхода... С. 116–122.

¹¹ Шрейдер Ю.А. Наука – источник знаний и суеверий // Новый мир. 1969. № 10. С. 207–226.

¹² Экономическая семиотика: сб. статей / под ред. акад. Н.П. Федоренко. М.: Наука, 1970. 244 с. (Серия: Оптималь-

ное планирование и управление. Раздел: Экономическая кибернетика); Сердобольский В.И. Об информативности статистического описания // Теоретические основы информации. М., 1970. 26 с. (Межд. симпозиум стран-членов СЭВ. Москва, ВИНТИ, 9–13 июня 1970 г.); Казаков С.В., Шапиро Д.И. О расчете информативности отчетных форм применительно к их кодированию на ЭВМ // Документалистика –69. Материалы первого Всесоюзного симпозиума по документалистике, ч. 1, Паланга, 8–12 сентября 1969 г. Вильнюс, 1970. С. 109–114; Панов Д.Ю. О взаимодействии человека и машины // Вопросы философии. 1967. № 1. С. 40–49; Москович В.А., Вишнякова С.М. Эксперименты по оценке качества перевода // Материалы второго симпозиума по психолингвистике. М., 1968. С. 47–49; Новиков Ю.А. Психологические критерии отбора информации // НТИ. Сер. 1. 1970. № 7. С. 3–7.

¹³ Воробьев Г.Г. Критерии оценки информационных фондов // Теоретические основы информации. М., 1970. 13 с. (Междунар. симпозиум стран-членов СЭВ. Москва, ВИНТИ, 9–13 июня 1970 г.). С. 3–9.

¹⁴ Воробьев Г.Г. Информационные характеристики научно-технических документов // Труды конференций по электронной технике. Теория и практика научно-технической информации». Материалы второго симпозиума – 8–11 декабря 1970 г. Вып. 10 (26). М., 1970. С. 13.

¹⁵ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научно-информационная деятельность: ее содержание и место в науке // Международный форум по информатике. Т. 1. М., 1969. С. 68–69.

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ Шрейдер Ю.А. Наука – источник знаний... С. 207–226.

¹⁸ С точки зрения семиотики отношение информативности определяется отношением между носителем информации (событием или предметом) и содержанием информации (событием или предметом). См.: Ахмеров Ф.Р. Некоторые семиотические вопросы информатики // НТИ. Сер. 2. 1971. № 4. С. 10.

¹⁹ Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1969. С. 83.

²⁰ Сокальский А.С., Амлинский Л.З. Некоторые проблемы повышения внешней информативности печатной продукции в связи с задачей автоматизации библиотечных процессов // Материалы первой Всесоюзной конференции по проблемам книговедения. М., 1971. С. 123.

²¹ Полушкин В.А. Некоторые вопросы информационного анализа документов // НТИ. 1966. № 8. С. 29–32.

²² Жданова Г.С. О научных основах методики реферирования // НТИ. Сер. 2. 1967. № 2. С. 1–16.

²³ Там же.

²⁴ Saracevič T. Comparative effects of titles, abstracts and full texts on relevance judgments // Proc. of the ASIS. V. 6. 32th annual meeting. Westport, Connecticut, London, 1969. P. 293–299.

²⁵ Bottle R.T. The information content of titles to engineering literature // IEEE Transactions on engineering writing and speech. 1970. V. 13, № 2. P. 41–45.

²⁶ Соловьев В.И. Поаспектный метод реферирования // НТИ. Сер. 2. 1971. № 2. С. 14–17.

²⁷ Урсул А.Д. Прагматический аспект научной информации (Методологические проблемы) // НТИ. Сер. 2. 1968. № 8. С. 6.

²⁸ Тюхтин В.С. Проблемы теории отражения. (В свете системного подхода и кибернетики). Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. философ. наук / АН СССР. Ин-т философии. М., 1970. С. 29.

Опубликовано: Некоторые аспекты проблемы информативности / В.П. Леонов // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1972. № 3. С. 3–6, 11. Библиогр.: 30 назв.

3.2. О методах автоматического реферирования (США, 1958–1974 гг.)

Одной из важных задач информатики сегодня является автоматизация процессов реферирования. Потенциальные преимущества автоматического реферирования перед традиционным очевидны: оперативность, дешевизна и некоторые другие. Работы по автоматическому реферированию ведутся в Соединенных Штатах Америки уже в течение шестнадцати лет. Опыт, накопленный за это время, может представить интерес для отечественной практики реферирования. Кроме того, формально-логические методы анализа документов, разрабатываемые в ходе экспериментов по автоматическому реферированию, бесспорно, представляют интерес для машинного перевода, автоматического индексирования, контент-анализа и т. п.

Из литературы, опубликованной в США, сегодня еще трудно делать выводы об успехах и перспективах автоматического реферирования. Многие методы еще не вышли из стадии эксперимента и не имеют еще ни достаточно отработанных процедур, ни достаточно убедительных доказательств их эффективности. Кроме того, опубликованы лишь отдельные результаты некоторых таких исследований¹. Целый ряд этих исследований описан лишь в отчетах.

Рассеяние материалов исследований и малая доступность многих документов вызывают потребность в систематизированном сводном описании наиболее значительных работ.

На ранних этапах работ по автоматическому реферированию составление машинных рефератов рассматривалось главным образом как иллюстрация «интеллектуальных возможностей» ЭВМ. Развитие вычислительной техники в США породило стремление доказать, что машины в состоянии решить многие проблемы, которые прежде были под силу лишь человеку. Был создан ряд исследовательских групп, пользовавшихся финансовой поддержкой правительственных и част-

ных организаций (National Science Foundation; National Technical Information Services; System Development Co.; Lockheed Missiles and Space Company; National Aeronautic and Space Administration–NASA).

Однако через несколько лет выявилось главное препятствие к автоматизации реферирования: недостаточная изученность структуры естественного языка. Эксперименты основывались главным образом на экстраполяции, т. е. применении правил, разработанных для определенных групп текстов, к текстам другой тематики. В результате выяснилось, как отметил Г. Джоссельсон, что это были лишь частные правила, не базирующиеся на всестороннем анализе структуры языка².

В настоящее время любая система автоматического реферирования включает два обязательных компонента: специальный словарь, называемый списком контрольных слов (Word Control List, WCL), составленный для текстов исследуемой тематики, и набор правил для объединения слов из WCL в фразы и построения предложений. В процессе реферирования вычислительная машина автоматически «обнаруживает» или «опускает» определенные слова, фразы и предложения. Оставшийся текст представляет собой экстракт, называемый машинным рефератом. Можно выделить пять операций, необходимых для составления машинного реферата: 1) чтение документа; 2) его анализ; 3) применение набора правил для подготовки реферата; 4) «составление» реферата; 5) воспроизведение реферата в виде текста.

Всю совокупность приемов, использованных в экспериментах, можно разделить на статистические, логико-математические и лингвистические методы.

Статистические методы

Метод Луна. Метод, предложенный в 1958 г. Г.П. Луном, подробно описан в отечественной литературе³, а его работа⁴ считается классической. Идеи Луна дали толчок последующим работам по автоматизации реферирования, основанным на

статистическом анализе текстов. Он предположил, что (1) часто встречающиеся в тексте слова являются наиболее значимыми и (2) чем больше часто встречающихся слов оказывается рядом, тем более существенную информацию содержит предложение. Поэтому роль WCL может играть частотный словарь для документов определенной тематики.

Не претендуя на подробное описание процедуры экстрагирования текста по методу Луна, отметим лишь главный недостаток такого подхода: при использовании только частотного критерия вообще игнорируются смысловые связи между словами. При таком методе реферирования объем и качество рефератов полностью зависят от статистики текста, а предложения, содержащие наиболее важную информацию, могут вообще не быть выделены. Однако эти недостатки в известной степени компенсируются простотой анализа и однородностью получаемых рефератов.

Метод ACSI-Matic (Assistant Chief of Staff for Intelligence).

В исследовании ACSI-Matic, результаты которого не получили широкого освещения в печати, статистический метод Луна был незначительно модифицирован. Как отмечено в работах⁵, к методу предъявлялись следующие требования: 1) усовершенствование статистических критериев; 2) создание специальных средств для обработки документов с большой долей низкочастотных слов; 3) возможность выделения и обработки длинных сложных предложений; 4) возможность включения в реферат предложений с элементами, отмеченными лишь один раз; 5) изучение избыточности информации, т. е. подсчет доли синонимов или близких по значению слов в общем количестве слов в предложениях, отобранных для составления рефератов.

Данный подход основывался на допущении, что представительными являются слова, частота встречаемости которых превосходит среднюю частоту слов в документе.

Затем для определения объема реферата⁶ общее количество отобранных предложений (если их не более 200) делилось на 10, и объем реферата составлял 10% от общего объема докумен-

та. Предложения с большими весами подлежали включению в реферат, а со средним – помечались как «резервные». Нижний предел веса устанавливался экспериментальным путем.

При изучении избыточности информации в предложениях вводился следующий критерий: если число встретившихся в двух предложениях синонимов и близких по значению слов превышало 25% от общего количества слов в предложении, то такие предложения считались избыточными и вычеркивались. В этом случае для реферата выбирались предложения из резерва. Этот процесс длился до тех пор, пока не устранялись избыточные или не заканчивались «резервные» предложения. Окончательный набор и представлял собой реферат.

Однако и этот метод, несмотря на усовершенствованную процедуру отбора предложений, игнорировал смысловые связи между словами. И с этой точки зрения особый интерес, по нашему мнению, представляет подход В. Освальда (Oswald). Разработанные им методики оказали существенное влияние на дальнейшие работы по автоматизации реферирования.

Метод Освальда. Отличие этого метода⁷ проявлялось в том, что Освальд и его сотрудники применили к отбору предложений для включения в реферат инструмент, применяемый при индексировании, а именно: предложения анализируемого текста сопоставлялись с заданными перечнями слов (или с группами слов, т. е. со словами, объединенными по смыслу). Для включения в реферат отбирались предложения с наибольшим количеством совпавших с перечнем слов, а отобранные предложения далее обрабатывались по методу Г. Луна. Метод Освальда предусматривал следующие процедуры обработки документов:

- выявление слов, отражающих содержание документа;
- выявление «мультитермов», т. е. устойчивых словосочетаний, при условии, что они встречаются в тексте чаще одного раза;
- выявление предложений с двумя и более мультитермами;
- расположение мультитермов в порядке частоты встречаемости;

– отбор предложений с наибольшим количеством основных слов и мультитермов.

В этом методе обращают на себя внимание:

– учет взаимосвязанности процессов реферирования и индексирования;

– стремление отразить наиболее существенную информацию;

– учет при отборе предложений мультитермов.

Методы статистических ассоциаций. Идея Освальда о необходимости включать «мультитермы» была развита Л. Дойлом (Doyle) и М. Квиллианом (Quillian), которые применили для отражения содержания документов ассоциативные методы создания семантически связанных групп (пучков) терминов (word clusters).

В качестве основания для ассоциирования терминов было предложено использовать их совместную встречаемость в предложениях. На основании совместной встречаемости слов рассчитывался коэффициент подобия. Такой метод позволил использовать для отражения содержания не только основные термины, но и другие элементы текста.

Подход Дойла базировался на статистических критериях построения ассоциативных карт с помощью ЭВМ. Созданию карты предшествовало создание исходной матрицы (ключевые слова текста) и матрицы взаимосвязанных элементов. Построив такую матрицу и используя коэффициент корреляции Пирсона, Дойл вычислил коэффициенты подобия между терминами отдельных документов. В результате была получена ассоциативная карта. Составленный таким образом реферат представлял собой реферат «телеграфного» стиля⁸.

Метод другого исследователя, Квиллиана, несколько отличается от метода Дойла. В противоположность статистическому методу, Квиллиан предложил использовать не ассоциативные карты, составленные на основе статистических показателей, а семантические карты. При этом учитывались взаимосвязи не между отдельными словами, а между инфор-

мативными концепциями⁹. Эти идеи получили дальнейшее развитие позднее (в 1967–1970 гг.) в работах Авраамеску¹⁰. Однако в целом, к сожалению, семантический подход к реферированию не получил широкого распространения.

Логико-математические методы

Методы Эдмундсона – Виллиса (Edmundson – Wyllys).

В 1961–1963 г. американские ученые Г. Эдмундсон и Р. Виллис провели ряд экспериментов, которые были широко освещены в литературе¹¹. Можно без преувеличения сказать, что на результаты работ Эдмундсона и Виллиса опирались все последующие исследования по автоматизации реферирования.

Целью исследования Эдмундсона и Виллиса было, во-первых, совершенствование методики составления индикативных рефератов; во-вторых, разработка общего методологического подхода к реферированию и обработке текстов. В число методологических проблем входили проблемы поведения человека в процессе реферирования, проблемы математической и логической оценки качества рефератов и количественной оценки «весов» предложений.

Эдмундсон и Виллис критически рассмотрели существующие способы оценки качества рефератов: интуитивный метод; метод построения модели «идеального» реферата; «анкетный» метод; оценку поисковых возможностей реферата; метод статистической корреляции, применяемый при автоматической обработке текста.

Дальнейшее развитие этих методов заключалось в обосновании логико-математической концепции отбора предложений. В соответствии с данной концепцией, Эдмундсон и Виллис предложили четыре взаимодополняющих метода, которые они назвали «Методом намека» (Cue method), «Методом ключевых слов» (Key method), «Методом заглавия» (Title method) и «Методом определения места» (Location method).

«Метод намека» основан на использовании при отборе предложений списка слов, в котором выделены так называ-

емые «премиальные» слова (bonus words), имеющие положительный вес, «клейменные» слова (stigma words) с отрицательным весом и «нулевые» слова (null words), которые не учитываются при отборе предложений.

При **«Методе ключевых слов»** учитывалась частота встречаемости слов в тексте аналогично методу Г. Луна.

В **«Методе заглавия»** основную роль играет словарь терминов, встречающихся в заглавиях и подзаголовках (за исключением нулевых слов). Слова, содержащиеся в предложениях, в которых имеются термины, одинаковые с заглавием, получают более высокую оценку, чем те же слова из подзаголовка или предложения без таких терминов.

«Метод определения места» (местонахождения) основан на гипотезе, что наиболее существенная информация в документах концентрируется в самом начале или в конце определенного отрывка или параграфа текста.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что используя метод заглавия, можно отразить содержание первоисточника на 30–40%; используя метод ключевых слов – на 15–40%. Наиболее эффективным оказалось совместное использование методов намека, заглавия и местонахождения (30–60%). Исходя из этих результатов, Эдмундсон и Виллис обосновали отказ от применения метода ключевых слов для отбора предложений в процессе реферирования. Результаты описанных исследований представляют интерес по ряду причин. В частности, стало очевидно, что за успехами предыдущих экспериментов не последовали ожидаемые практические результаты, поскольку эти эксперименты проводились на ограниченных массивах специально подобранных текстов. Программы, рассчитанные на подобные тексты, заранее гарантировали успех. Эдмундсон и Виллис как бы подвели итог таким исследованиям, исчерпав все преимущества статистического подхода, и указали главное направление исследования, которое, как отметил Эдмундсон, должно заключаться в нахождении сходства и различия в процессах интеллектуаль-

ного и машинного реферирования. Обоснованное таким образом разделение труда между человеком и машиной приведет к улучшению качества рефератов¹². Авторы особо обратили внимание на необходимость дальнейших исследований по синтаксическому и семантическому анализу текстов.

Лингвистические методы

Метод Эрла (Earl). Эксперименты Эдмундсона и Виллиса, на наш взгляд, можно рассматривать как первый шаг на пути к последовательному и всестороннему изучению проблемы преобразования информации.

Среди более поздних исследований следует отметить исследования, выполненные в 1965–1971 гг. под руководством Л. Эрла¹³. В ходе этих исследований особое внимание обращалось на лингвистические проблемы обработки документальной информации, в частности, на роль морфологической, фонетической и синтаксической структуры английского языка. Кроме Л. Эрла, в состав группы входили ученые-лингвисты: Г. Резников (Resnikoff), Дж. Долби (Dolby), Г. Робинсон (Robinson), Б. Рудин (Rudin), О. Фиршайн (Firshein) и М. Фишлер (Fischler)¹⁴.

В течение первых трех лет создавался словарь и алгоритм распознавания частей речи. Этот алгоритм использовался на других этапах работы, если возникала необходимость, например, определить сходство синтаксических структур предложений, отобранных для реферата. В результате получался как бы «словарь предложений».

Если в ходе эксперимента группа предложений, отобранных для анализа, признавалась потенциальным источником индексационных терминов (indexable), то синтаксические структуры этих предложений тщательно изучались. Исследование должно было подтвердить или опровергнуть сходство полученных синтаксических структур с потенциально пригодными для индексирования синтаксическими структурами предложений из заранее составленного списка. Полученные

структуры, помеченные index или nonindex, входили в словарь частей речи¹⁵. Однако первые эксперименты показали, что, основываясь только на анализе синтаксических структур, нельзя выделить предложения для реферата и индексирования¹⁶.

В ходе дальнейших исследований методы экспериментальной проверки совершенствовались на массивах текстов по техническим наукам (автоматическое реферирование) и медицине (автоматическое индексирование). Появились также публикации по проблеме реферирования нетекстовой информации¹⁷. Проводились новые испытания по индексированию документов с применением синтаксического и статистического подходов¹⁸.

Исследования группы Эрла были продолжены Джеймсом Рашем (Rush) совместно с Ричардом Сальвадором (Salvador) и Антонио Заморой (Zamora).

Метод Раша. Метод автоматического реферирования документов (Automatic Document Abstracting Method—ADAM), разработанный группой Дж. Раша и реализованный на ЭВМ IBM—370, предусматривал выполнение следующих условий:

- объем машинного реферата не должен превышать 10% объема первичного документа;
- в реферате используется та же лексика, что и в первичном документе;
- количественные показатели опускаются (кроме тех, которые являются результатом исследования);
- предварительные и негативные замечания, уравнения, сокращения, объяснения, цитаты, таблицы» чертежи, ссылки и т. п. не подлежат включению в реферат¹⁹.

Включению в реферат подлежали предложения, содержащие информацию о цели и результатах исследования и о выводах автора. Следовательно, основная задача заключалась в том, чтобы выявить такие предложения.

Таблицы и графики исключались в ходе предварительного интеллектуального редактирования перед вводом в ЭВМ.

Проанализировав существующие методики выбора предложений, Раш, Сальвадор и Замора предложили собственный

метод, названный ими «**Методом отказа от предложений**» (method for rejecting sentences).

В известном смысле метод Раша можно считать развитием «метода намека» Эдмундсона – Виллиса: так же задается список лексических единиц, чье присутствие в предложении свидетельствует о необходимости включить это предложение в реферат (или наоборот). Каждому такому слову, в зависимости от его расположения в тексте документа, присваивался определенный «семантический вес». Например, предполагалось, что предложения, начинавшиеся словами *Our work*, *This paper*, *Present research*, сообщали о цели исследований; предложения, начинавшиеся словом *some* и артиклем *a*, – подробности описания. Исходя из этого, данным лексическим единицам присваивается положительный или отрицательный семантический вес.

Кроме семантического веса лексических единиц, устанавливалась также синтаксическая ценность отдельных элементов предложения. Индикатором при выделении таких элементов служили знаки препинания внутри предложений (запятые).

Вход в словарь – Word Control List – представлял собой алфавитный перечень слов и фраз, снабженных ассоциативным кодом. Ассоциативные коды отражали семантический вес и синтаксическую ценность предложения, подлежащего отбору или вычеркиванию. Каждую запись в словаре, ассоциативно связанную с предложением, можно изобразить в виде функции двух аргументов. $Word\ String^* (/Semantic\ weight^*/Syntactic\ value/)$, где *word string* – пучки (связки) слов определенного содержания; * – семантический вес и синтаксическая ценность трех содержательных элементов.

Такое построение входа позволяло вводить документы различной тематики и получать рефераты, отражающие различные аспекты содержания. Длина выполненных таким образом рефератов не превышала 35% длины оригинала. Отметим, что дальнейшее развитие метод Раша получил в экспериментах с участием Мэтис²⁰.

Рефераты, полученные с помощью описанных выше методов, до сих пор не сравнивались ни друг с другом, ни с аналогичными рефератами, подготовленными традиционными методами. Отдельные попытки такого рода оказались мало-результативными. Так, в эксперименте Г. Эдмундсона рефераты – экстракты, подготовленные с помощью традиционных методов, специально предназначались для сравнения с машинными и не использовались, например, для информационного поиска. Сравнение производилось путем выявления одной и той же информации в предложениях, отобранных машиной и человеком, причем синонимичные конструкции не учитывались. Эдмундсон не сообщает, были ли традиционные экстракты оценены специалистами в соответствующей области знания. Длина таких экстрактов достигала в среднем 625 слов по сравнению с 250 словами машинных рефератов²¹, что еще больше затрудняет сравнение.

В другой работе Рат, Резник и Сэведж сравнивали предложения, отобранные для реферата необученными людьми и ЭВМ, и пришли к выводу, что уровень совпадения предложений, отобранных разными людьми, с одной стороны, и людьми и ЭВМ, был весьма низким²².

Вместе с тем, изучение литературы показывает, что при сравнении рефератов с соответствующими первичными документами, сопоставляться должны не отдельные слова, а смысловые группы (фасеты) – информативные концепции. С помощью таких экспериментов, вероятно, можно будет определить:

- сколько информативных концепций из ручного реферата включены в машинный;
- какие именно информативные концепции обычно отражены с помощью существующих методов автоматического реферирования;
- какие информативные концепции опускаются и почему;
- каковы различия между машинными рефератами, выполняемыми различными методами;

– как влияет тип первичного документа на методику реферирования.

В заключение обзора попытаемся охарактеризовать состояние работ по автоматизации реферирования:

1. Создание машинных рефератов базируется на извлечении отдельных предложений из текста первичного документа.

2. В течение длительного времени предложения для реферата отбирались по различным признакам:

– на основе статистических критериев;

– путем выявления ключевых слов в текстах;

– по частоте встречаемости слов в заглавиях и подзаголовках документов;

– по наличию определенных элементов в предложениях, расположенных в начале или в конце параграфов, разделов и т. п.;

– на основании логических связей между предложениями текста.

3. Существующие методы автоматического реферирования (статистические, логико-математические или лингвистические) еще не могут быть признаны удовлетворительными, хотя имеются аргументы в пользу продолжения исследований, особенно по результатам работ²³.

4. Наиболее перспективным подходом в настоящее время является лингвистический подход, совершенствование которого предусматривает использование методов перефразирования текста и изучение роли контекста в определении информативных концепций для будущего реферата.

5. До сих пор не проводилось достаточно систематического сравнения различных методов реферирования и рефератов, выполненных на их основе.

6. Для практического решения проблемы необходимы и новые идеи, и расширение масштабов экспериментальных работ.

7. Можно предположить, что основным направлением работ по машинному реферированию в будущем явится семантический анализ текстов.

Примечания

¹ Luhn H.P. The Automatic Creation of Literature Abstracts // IBM Jour. of Research and Development». 1958. Vol. 2, № 2. P. 159–165; Doyle L.B. Indexing and Abstracting by Association // Amer. Docum. 1962. Vol. 13, № 4. P. 378–390; Edmundson H.P. Problems in Automatic Abstracting // Commun. of the Assoc. for Computing Machinery. 1964. Vol. 7, № 4. P. 259–263; Edmundson H.P. New Methods in Automatic Extracting // Jour. Assoc. Comput. Machinery. 1969. № 2. P. 264–285; Earl L.L. Experiments in Automatic Extracting and Indexing // Inform. Stor. Retr. 1970. Vol. 6, № 4. P. 313–334.

² Josselson H.H. Automatic Translation of Language Since 1960: A Linguist's View // Advances in Computers / ed. by F.L. Alt, M. Rubinoff. Vol. 11. New York; London, 1971. P. 12.

³ См., напр.: Белоногов Г.Г., Котов Р.Г. Автоматизированные информационно-поисковые системы. М.: «Сов. радио», 1968. С. 112–118; Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. 2-е изд. М.: «Наука», 1968. С. 231–234.

⁴ Luhn H.P. The Automatic Creation of Literature Abstracts // IBM Jour. of Research and Development. 1958. Vol. 2, № 2. P. 159–165.

⁵ IBM Corporation, Advanced Systems Development Division. ACSI-Matic Auto-Abstracting Project, Final Report. Vol. 3. Yorktown Heights, New York, 1961; IBM Corporation, Advanced Systems Development Division. ACSI-Matic Auto-Abstracting Project, Final Report. Vol. 3, Yorktown Heights, New York, 1961.

⁶ IBM Corporation, Advanced Systems Development Division. ACSI-Matic Auto-Abstracting Project, Final Report. Vol. 3, Yorktown Heights, New York, 1961.

⁷ Edmundson H.P., Oswald V.A., Wyllys R.E. Automatic Indexing and Abstracting of the Contents of Documents. Planning Research Cor. Los Angeles, California; New York, 1959. (AD 231 606).

⁸ Doyle L.B. Indexing and Abstracting by Association // Amer. Docum. 1962. Vol. 13, № 4. P. 378–390; Doyle L.B. Semantic

Road Maps for Literature Searches // Jour. of the Assoc. for Comput. Machinery. 1961. Vol. 8, № 4. P. 553–578.

⁹ Quillian M.R. Word Concepts: A Theory and Simulation of Some Basic Semantic Capabilities // Behavioral Science. 1967. Vol. 12, № 5. P. 410–430.

¹⁰ Avramescu A. Probabilistic Criteria for the Objective Design of Descriptor Languages // Jour. of the Amer. Society for Inform. Science. 1971. Vol. 22, № 2. P. 89–95.

¹¹ Edmundson H.P., Wyllys R.E. Automatic Abstracting and Indexing: Survey and Recommendations // Commun. of the Assoc. for Computing Machinery, 1961, Vol. 4, № 5. P. 226–235; Edmundson H.P. Automatic Abstracting. TRW Computer Division. Thompson Ramo Wooldridge Inc. Canoga Park, Ca., 1963. (AD 406155); Wyllys R.E. Research in Techniques for Improving Automatic Abstracting Procedures. System Development Corporation. Santa Monica, Ca., 1963. (AD 404 105); Wyllys R.E. Extracting and Abstracting by Computer // Borko H. Automated Language Processing. N. Y.; London; Sydney: John Wiley and Sons, Ins., 1967. P. 127–179.

¹² Edmundson H.P. New Methods in Automatic Extracting // Jour. Assoc. Comput. Machinery. 1969. № 2. P. 264–285.

¹³ Earl L.L. Experiments in Automatic Extracting and Indexing // Inform. Stor. Retr. 1970. Vol. 6, № 4. P. 313–334; Dolby J.L., Earl L.L. and Resnikoff H.L. The Application of English – Word Morphology to Automatic Indexing and Abstracting. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1965. (AD 615 424); Rudin B.D. Automatic Indexing and Abstracting. Part 1. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca, 1966. (AD 631 241); Earl L.L., Robinson H.P. Automatic Informative Abstracting and Extracting. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1968. (AD 667 473); Earl L.L., Firschein O., Fischler M.A. Annual Report: Automatic Informative Abstracting and Extracting. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1971. (AD 721 066).

¹⁴ Edmundson H.P. New Methods in Automatic Extracting // Jour. Assoc. Comput. Machinery. 1969. № 2. P. 264–285; Wyllys R.E. Extracting and Abstracting by Computer // Borko H. Auto-

mated Language Processing. N. Y.; London; Sydney: John Wiley and Sons, Ins., 1967. P. 127–179; Dolby J.L., Earl L.L. and Resnikoff H.L. The Application of English – Word Morphology to Automatic Indexing and Abstracting. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1965. (AD 615 424); Rudin B.D. Automatic Indexing and Abstracting. Part 1. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca, 1966. (AD 631 241); Earl L.L., Robinson H.P. Automatic Informative Abstracting and Extracting. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1968. (AD 667 473).

¹⁵ Earl L.L., Firschein O., Fischler M.A. Annual Report: Automatic Informative Abstracting and Extracting. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1971. (AD 721 066).

¹⁶ Earl L.L. Experiments in Automatic Extracting and Indexing // Inform. Stor. Retr. 1970. Vol. 6, № 4. P. 313–334.

¹⁷ Firschein O., Fischler M.A. Describing and Abstracting Pictorial Structures. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1970. (AD 734 011).

¹⁸ Edmundson H.P. New Methods in Automatic Extracting // Jour. Assoc. Comput. Machinery. 1969. № 2. P. 264–285.

¹⁹ Rush J.E., Salvador R., Zamora A. Automatic Abstracting and Indexing. 2. Production of Indicative Abstracts by Application of Contextual Inference and Syntactic Coherence Criteria // Jour. of the Amer. Society for Inform. Science. 1971. Vol. 22, № 4. P. 260–274.

²⁰ Mathis B.A., Rush J.E., Young C.E. Improvement of Automatic Abstracts by the Use of Structural Analysis // Jour. of the Amer. Society for Inform. Science. 1973. Vol. 24, № 2. P. 101–109.

²¹ Edmundson H.P. Problems in Automatic Abstracting // Commun. of the Assoc. for Computing Machinery. 1964. Vol. 7, № 4. P. 259–263.

²² Rath G.J., Resnick A., Savage T.R. Comparisons of Four Types of Lexical Indicators of Content // Amer. Docum. 1961, Vol. 12, № 2. P. 126–130.

²³ Firschein O., Fischler M.A. Describing and Abstracting Pictorial Structures. Lockheed Missiles and Space Co., Palo Alto, Ca., 1970. (AD 734 011); Mathis B.A., Rush J.E., Young C.E. Improve-

ment of Automatic Abstracts by the Use of Structural Analysis // Jour. of the Amer. Society for Inform. Science. 1973. Vol. 24, № 2. P. 101–109.

Опубликовано: О методах автоматического реферирования (США, 1958–1974 гг.) / В.П. Леонов // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1975. № 6. С. 16–20. Библиогр.: 24 назв.

3.3. Концепция автоматической энциклопедии

Введение

На протяжении многих десятилетий отдельными учеными и организациями разных стран неоднократно предлагались проекты по совершенствованию системы научных коммуникаций. *«Мы живем в мире неиспользованных и неправильно применяемых знаний»*, – утверждал известный английский писатель Г. Уэллс¹. Великий фантаст предложил концепцию организации хранения и использования мирового фонда научно-технической литературы, которая получила название «Мировая энциклопедия». Решение проблемы он видел в создании универсального многотомного издания, содержащего синтезированную информацию в виде подборок статей, тезисов и цитат по всем областям знания.

Реализация проекта «Мировая энциклопедия» мыслилась следующим образом. Вначале, полагал Г. Уэллс, необходимо отобрать специалистов-экспертов, которые решат, какие данные следует включать в энциклопедию. Затем надо составить исчерпывающий перечень изданий (книг, статей, справочников и т. д.), из которых специалисты будут извлекать факты и идеи и объединять их в систему. Следующая задача – снабдить отобранные данные соответствующими библиографическими описаниями первоисточников и в заключение организовать общие и специальные редакторские подразделения для ведения мировой энциклопедии².

Так получилось, что идею мировой энциклопедии (без ссылок на Г. Уэллса) спустя сорок лет попытался проинтерпретировать другой не менее известный писатель-фантаст – С. Лем. В стиле пародии на западную рекламу он представляет так называемую *«Экстелопедию³ Вестранда»* в 44 магнетомех, самовыскакивающих с полки по громкому вызову (причем ответствующий магнетом сам перелистывается и сам останав-

ливается на нужной статье) и содержащих 69,5 тыс. доступных, тщательно отредактированных статей, относящихся к будущему⁴.

В настоящей статье делается попытка проследить развитие идеи энциклопедического хранения научно-технических знаний на разных уровнях – от проектов и опытов создания мировой документальной энциклопедии до концепции автоматической энциклопедии, основанной на современной теории информационного поиска. Кроме того, приводятся общие соображения о создании ИПС-энциклопедии.

История вопроса

Все рассматриваемые ниже проекты, несмотря на их внешнюю схожесть, имеют одно принципиальное отличие. Это отличие – не в способе организации и выдачи информации, а в реализации функций, предписываемых той или иной концепции энциклопедии. Другими словами, функциональное назначение – это признак, на основании которого можно говорить о принципиальном сходстве или различии анализируемых концепций. Большинство из них предлагается в помощь самообразованию и призвано выполнять функцию обучения. Материалы в таких энциклопедиях, как правило, заменяют первоисточники, а сокращение текста, вводимого в систему, не является обязательным.

В других проектах вопрос о замене первичных документов не ставится. Предлагаемые энциклопедии – это разновидность документально-фактографических ИПС, где главной является функция поиска и выдачи информации, а сокращение текста – обязательное условие.

С учетом этих замечаний обратимся к истории вопроса, которая берет начало от классической концепции П. Отле, разработанной им в начале XX века совместно с А. Лафонтеном, – концепции документации, которая наряду с организацией Международного библиографического института, развитием работ по созданию «Универсального библиографического ре-

пертуара» и совершенствованию классификации документов, включала построение документальной энциклопедии. П. Отле и А. Лафонтен предполагали построить документальную энциклопедию путем объединения специальных досье, которые составили бы, по их мнению, «книгу науки и мысли» в помощь самообразованию.

Примечательно, что П. Отле с самого начала не сомневался в возможности реализации подобного проекта. Об этом свидетельствуют не только объем выполненной практической работы по созданию документальной энциклопедии, но и последующая разработка им теории вопроса⁵. Однако, как показывает дальнейшее развитие проектов по созданию энциклопедии, идеи П. Отле оказались забытыми, не обсужденными и не исследованными.

В 20–30-е гг. для многих авторов проектов характерно слишком широкое понимание образовательных функций энциклопедии. Например, инициатор организованного в 20-х гг. в США института популяризации науки Science Service У. Дэвис, учитывая специфику нового учреждения, подчеркивал важность формы представления знаний в энциклопедии для просветительских целей⁶.

В конце 30-х гг. Чикагский университет опубликовал серию монографий под названием «Международная энциклопедия единой науки». В одной из них⁷ утверждалось, что энциклопедия должна включать не только журнальные статьи, расположенные в алфавитном порядке фамилий авторов и заглавий, но и различные монографии, которые снабжены развитой системой указателей, позволяющих отыскать любые данные.

В 40-е гг. к организации энциклопедической системы знаний обратился американский ученый-кибернетик В. Буш⁸. В. Буш сформулировал основные принципы иерархического способа хранения знаний в ЭВМ и предложил в качестве элемента информации, вводимого в хранилище системы, использовать единицы, условно названные **«МЕМЕКС»**.

Среди других проектов заслуживает внимания идея С. Черчмана, предложившего основать мировой информационный центр, основное назначение которого заключается в оценке получаемой новой информации по сравнению с уже имеющейся. Такая оценка должна включать операции по устранению избыточных сведений в сообщениях и специальному оформлению нового знания⁹.

Развитию идеи создания энциклопедии, в частности, ее функциям и целевому назначению, способствовали и публикации в отдельном выпуске американского журнала «American Behavioral Scientist» (сентябрь, 1962 г.). Примечательно, что одни авторы отрицали энциклопедию вообще, другие видели основное назначение подобной системы в выполнении просветительских функций без ориентации на научных работников и специалистов¹⁰.

Увеличение числа специальных служб и усложнение информационного обслуживания послужили поводом для новых проектов в сфере научной коммуникации. Здесь имеет смысл упомянуть две публикации, затрагивающие интересующие нас проблему. Это – работа де Грасиа, предложившего организовать мировую справочную систему¹¹, и статья У. Дэвиса, в которой излагается концепция универсального мирового мозга – системы универсального хранения и поиска знаний, созданной на базе новейшей вычислительной техники¹².

Один из последних проектов (1973 г.), принадлежащий ученому-информатику М. Кохену, рассмотрим подробнее. Обобщая все поиски в области автоматической энциклопедии, М. Кохен разрабатывает проект GES – Growing Encyclopedia System¹³, работа над которым привела к оформлению концепции «Синтез информации и мировая энциклопедия» – WISE¹⁴. Задача WISE, как отмечает автор, – создать нечто вроде «общественного мозга», который не только бы выдавал документальную информацию, но и направлял бы ее конкретным специалистам. М. Кохен называет пять функциональных характеристик WISE: избирательность, динамичность, наличие

обратной связи, иерархичность и чувствительность. Он полагает, что в будущем, если идея будет поддержана, WISE может слиться с ЮНИСИСТ, поскольку они ставят взаимодополняющие задачи¹⁵.

Содержание перечисленных проектов носит преимущественно гипотетический характер. Многие авторы сходились на том, что созданию энциклопедии должны предшествовать операции по устранению избыточности информации и редактированию текстов, а также нахождению удобных для потребителей способов доступа к такому хранилищу.

Наш обзор был бы неполным без упоминания работ, проведенных в СССР в конце 50-х гг. в ВИНТИ под руководством Л.И. Гутенмахера. В ходе проектирования электронной информационно-логической машины с большой быстродействующей памятью впервые была сформулирована проблема «энциклопедической машины». *«В эту машину, – писал Л.И. Гутенмахер, – можно будет ввести все известные однозначно сформулированные аксиомы, теоремы, формулы, определения и другие данные. По мере получения новых результатов, новых обобщений их можно будет вводить только после предварительной проверки новизны машинным способом. Никакие компиляции в машину попасть не смогут. Такая энциклопедическая машина позволит получать новые в научном отношении справки, устанавливать новые аналоги в различных процессах природы, в формулах, законах и т. д. Основным материалом для первых информационных машин будет также содержание реферативных журналов, справочников, учебников и патентов»*¹⁶.

В заключение необходимо упомянуть еще об одном возможном способе представления текстовой информации в ЭВМ, предложенном в статье Т. Нельсона, – гипертекст. *«Гипертекст, – пишет автор, – может отличаться от обычного текста порядком следования материала [элементы гипертекста могут размещаться в виде иерархического дерева или сети организаций (он может иметь несколько уровней*

краткого изложения и детализации материала)], способом представления материала (его использование может обеспечить воспроизведение движущихся и преобразуемых иллюстраций) и т. д.»¹⁷.

Помимо упомянутых работ, в ряде опубликованных и неопубликованных материалов имеются разрозненные сведения о практических шагах создания такой машинной энциклопедии. Охарактеризуем некоторые из них.

Экспериментальные исследования

В 1963 г. Г. Бонерт и М. Кохен представили на 26-ю конференцию Американского института по документации работе «Автоматическая многоуровневая энциклопедия как новый способ научной коммуникации». Говоря о необходимости создания автоматической энциклопедии, они подчеркивали, что энциклопедия призвана улучшить обмен информацией в обществе и не отрицает существующую практику информирования. Ее содержанием должны стать не только выводы и заключения публикаций, но и полные тексты статей, карты, диаграммы, таблицы, основные данные из многих научных дисциплин. В качестве носителей предполагалось использовать магнитные ленты и диски. К сожалению, Г. Бонерт и М. Кохен ограничились лишь примечанием, что предварительные работы по созданию автоматической энциклопедии осуществлены в фирме IBM с обнадеживающими результатами¹⁸.

Затем, в 1967 г. на электротехническом факультете Сиракьюсского университета (шт. Нью-Йорк) Г. Шварцландер закончил исследование по принципам построения и создания массива информационных единиц, т. е. специальных данных, подлежащих вводу в энциклопедическое хранилище¹⁹. Несколько позднее С. Ли предложил алгоритмическую процедуру обработки информационных единиц на ЭВМ²⁰. В 1970 г. Г. Шварцландер сообщил о небольшом эксперименте²¹, в котором ставились цели изучить: а) способы экстрагирования информационных единиц из текстов документов, б) методы

их кодирования и индексирования и в) реакцию потребителей на данные, выдаваемые из энциклопедического хранилища. Несмотря на то, что не всех поставленных целей удалось достичь, после года работы из публикаций Института инженеров-электриков США объемом в 3 тыс. страниц был создан экспериментальный массив из 21 тыс. информационных единиц с последующим их сжатием до 2,5 тыс.²².

Для изучения этой же проблемы Г. Шварцландер совместно с Р. Ботлом в 1970 г. провели психологический эксперимент по оценке содержания документов, в котором участвовали студенты библиотечного колледжа при Сиракьюсском университете²³.

Специальная программа по изучению способов устранения избыточности информации при построении автоматической энциклопедии была составлена Д. Соргелом (Колледж библиотечного и информационного обслуживания, Мэрилэндский университет) в 1972 г.²⁴ Кстати, в более ранних публикациях – диссертации Д. Соргела – теоретически обоснована идея автоматической энциклопедии как нового способа научной коммуникации²⁵. По его мнению, изучение проблемы создания энциклопедии позволит:

- выработать методические руководства по уменьшению избыточности информации;
- изучить возможность использования вычислительной техники для уменьшения избыточности;
- оценить предполагаемые затраты на исследование;
- получить информацию о «поведении» литературы в процессе уменьшения избыточности;
- разработать оптимальную форму энциклопедического хранилища знаний.

Из последних работ к этому направлению примыкает исследование У. Теггерта по разработке и внедрению автоматизированной информационной системы IDCS – Information Documentation and Control System во Флоридском международном университете²⁶. В качестве единицы информации в системе выбран «элемент информации» – единица, которая

обуславливает ценность сообщения для потребителей. По утверждению У. Теггерта, массив таких элементов информации, снабженный алфавитным указателем, к концу 1974 г. насчитывал 838 единиц.

Судить о методиках, применявшихся в перечисленных исследованиях и проектах, довольно трудно, поскольку они либо не упоминаются вообще²⁷, либо излагаются очень поверхностно²⁸. В публикациях почти ничего не говорится о том, как обеспечивалась надежность результатов, что послужило критериями отбора «информационных единиц» или «элементов информации», были ли попытки проверить полученные данные. А без такой информации весьма трудно судить о качестве выводов и еще труднее их комментировать.

Проблемы создания автоматической энциклопедии

Прежде чем рассмотреть проблемы создания автоматической энциклопедии, обратимся к определению понятия энциклопедии и охарактеризуем последнюю с точки зрения теории информационно-поисковых систем.

Энциклопедию можно определить как справочное издание, содержащее наиболее существенную (подробную или краткую) информацию по всем или отдельным областям знания и практической деятельности²⁹. Основываясь на теории ИПС и следуя идеям, изложенным в работах³⁰, энциклопедию можно описать как ИПС, информационно-поисковый язык которой является языком с контролируемой лексикой, поскольку словник ее состоит из фиксированного на данный момент набора терминов.

Этот словник может пополняться, сокращаться и обновляться. Термины представляют собой упорядоченный (стандартизированный) естественный язык и расположены таким образом, чтобы потребителю было удобно пользоваться энциклопедией. Как правило, это – язык словосочетаний, в котором обязательно должна быть выявлена синонимия и полисемия.

Логика ИПС-энциклопедии представлена парадигматическими отношениями в виде системы ссылок и отсылок (см. и см. также) и критерием соответствия. Критерием соответствия является критерий «на совпадение»: для выдачи требуется, чтобы индексы поискового предписания и индексы статьи в энциклопедии совпали.

Процедура поиска в энциклопедии состоит из двух этапов: выбор стратегии поиска, т. е. построение по исходному запросу набора поисковых предписаний, и собственно поиск. Следует подчеркнуть, что в энциклопедии активное поисковое хранилище совмещено с пассивным, что позволяет потребителю анализировать выдачу непосредственно в процессе поиска.

Таким образом, энциклопедия имеет все составные элементы ИПС (массив документов, ИПЯ, логику, а также неалгоритмические правила индексирования и стратегию поиска), что дает основание говорить о наличии принципиальной возможности ее автоматизации.

Под автоматической энциклопедией будем понимать подсистему информационного обслуживания, реализующую следующие функции: сбор, хранение, обработку, синтезирование и поиск информации. Пользуясь терминологией работы³¹, автоматическая энциклопедия – это разновидность фактографических ИПС (ФИПС) второго уровня, за которыми последует создание информационно-логических систем или ФИПС третьего уровня.

Основные семантические проблемы, связанные с созданием автоматической энциклопедии, можно сформулировать следующим образом:

- Что считать словарной единицей такой энциклопедии?
- Как осуществить выбор единиц из текста?
- Как проверять единицы на новизну относительно массива, уже хранящегося в памяти ЭВМ?
- Как должен быть организован тезаурус словарных единиц?
- Как индексировать информацию с помощью словарных единиц, т. е. проблема построения ИПЯ?

– Как организовать документальное сопровождение словарных единиц, хранящихся в автоматической энциклопедии?

Несомненно, ключевой проблемой, от которой зависит качество автоматической энциклопедии, являются выбор и формулировка словарных единиц. В литературе предлагается такой единицей считать информационную единицу: *«Информационная единица может быть определена как утверждение, которое сопровождается некоторым приростом знаний, но является настолько малым, что дальнейшее ее дробление приведет к потере информации и искажению первоначального значения»*³². В другой работе³³ используется термин «элемент информации», определяемый как минимально необходимое сочетание элементов данных, обуславливающее информационную ценность сообщения для потребителя.

Суммируя эти и аналогичные определения, можно сформулировать общие требования к информационной единице автоматической энциклопедии: краткость, информативность, понятность, удобство использования в ЭВМ. Эти требования вытекают из комплекса услуг, которые должна оказывать ИПС-энциклопедия на выходе:

- выдача информационных единиц, релевантных запросу;
- выдача сведений об источниках, в которых содержится релевантная информация;
- выдача фрагментов текста (сжатых статей).

Таким образом, автоматическую энциклопедию можно рассматривать как информационно-поисковую систему, предназначенную для: 1) ориентации в документальном потоке и отбора из этого потока документов, которые следует просмотреть, и 2) выдачи фрагментов текста (или их совокупности), релевантных запросу.

Для определения информационной единицы целесообразно использовать язык символической логики. Известно, что символическая логика различает в языке три вида категорий: высказывания, термины и логические операторы. Под информационной единицей будем понимать высказывание, посред-

ством которого о предмете что-либо утверждается. Линейное расположение высказываний образует текст, и, наоборот, каждый текст можно разбить на совокупность высказываний. Чтобы определить смысл высказывания, нужно указать, о каких объектах идет речь и какие признаки, свойства и отношения приписываются этим объектам. Так что любое высказывание, сформулированное на естественном языке, может быть приведено к стандартной форме³⁴: $R(x_1, x_2, x_3 \dots x_n)$.

Этапы создания автоматической энциклопедии

Содержание предыдущих разделов позволяет наметить основные этапы создания хранилища автоматической энциклопедии: семантический и библиографический анализ текстов; создание массива информационных единиц.

Разница между семантическим и библиографическим анализом состоит в том, что семантический анализ включает этапы, которые требуют понимания содержания текстов по существу, в то время как библиографический анализ требует значительно меньшего обращения к содержанию. В процессе семантического анализа формируются основные решения о том, какие источники подлежат изучению, какова их специфика (вид документа, способ изложения материала, его доступность), какие фрагменты текстов подлежат выбору, как отбирать и формулировать информационные единицы из фрагментов и др.

Эти решения не могут быть сформулированы заранее. Необходимо провести серию предварительных экспериментов, цель которых – научиться однозначно определять не только информационные единицы в текстах, но и все операции, представленные на рисунке (см. на с. 184).

Библиографический анализ включает этапы: кодирование информационных единиц и фрагментов текста; установление системы ссылок и отсылок; составление указателя источников.

Особо следует отметить важность выбора структуры указателя, который наряду с кодами источника и фрагмента должен содержать также данные о количестве информационных еди-

ниц в каждом фрагменте. Описание одного из таких «входов» в энциклопедическое хранилище предложено Г. Шварцландером (см. приложение)³⁵.

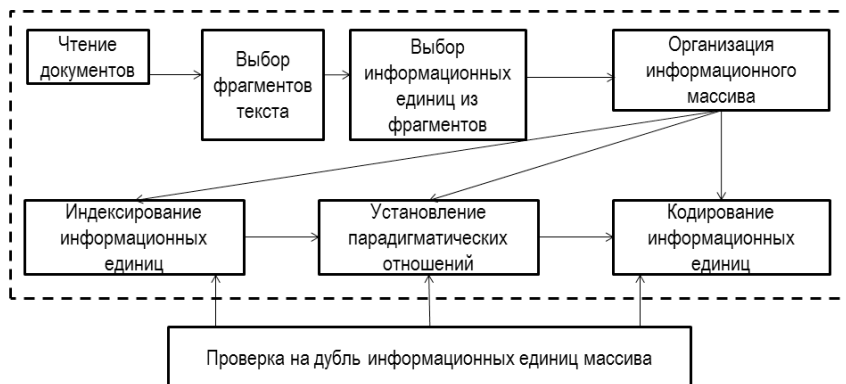

Рис. Этапы семантического анализа

Заключение

Содержание предыдущих разделов позволяет сделать вывод о том, что проблема энциклопедического хранения, поиска и распространения информации в основном представляет интерес для библиотечно-информационных служб. До настоящего времени идея автоматической энциклопедии во многих аспектах еще проблематична. Она знаменует собой переход к решению качественно нового уровня поисковых задач, поскольку в языке и логике такой ИПС должны быть зафиксированы ситуации, которые моделируются сейчас на человеческом уровне.

Работы по созданию автоматической энциклопедии относятся к фундаментальным исследованиям, требующим серьезного как теоретического, так и экспериментального обоснования³⁶. В последнее время решение проблемы создания автоматической энциклопедии представляется особенно актуальным в связи с изменениями, происшедшими в современной информационной

технологии, а также достижениями в области свертывания научно-технической литературы. Отметим некоторые из них.

1. Появились базы данных – информационные издания, выпускаемые на магнитных лентах (МЛ). Во многих странах мира начали действовать информационные центры, которые ведут текущее оповещение специалистов на базе МЛ. Охват мировой литературы в таких изданиях возрос до 80–90%³⁷. При этом стоит заметить, что технические характеристики МЛ, перфокарт, микрофиш и других носителей информации регламентируются международными стандартами. На очереди – стандартизация пакетов программ для сменных магнитных дисков.

2. Развиваются и совершенствуются документальные (библиографические) и фактографические автоматизированные ИПС с автоматическим индексированием и развитыми грамматическими отношениями, позволяющими значительно повысить качество информационного поиска³⁸. В подобных АИПС можно задать многовариантные поисковые ситуации, используя для этой цели не только список дескрипторов, но и ключевые слова или словосочетания. Такое свойство облегчает использование в рамках одной системы массивов данных с разной структурой. Это следует подчеркнуть особо, поскольку «накопленные большие массивы фактографических данных требуют многоцелевого использования и, следовательно, совершенно другой обработки... Таким образом возникает идея формирования некоторого банка данных, который нужен не только для поиска, но для синтеза новой информации»³⁹.

3. Ведутся работы в области машинного перевода и автоматического реферирования текстов. В этих условиях становится реальным создание первой очереди автоматической энциклопедии – документально-фактографической ИПС, которая занимает промежуточное место между современными ИПС и информационно-логическими системами, использующими гипертекст⁴⁰. Наличие «переходного периода» позволит разработать и усовершенствовать методы смыслового анализа текстов с последующим переводом их на язык высказываний.

Фрагмент указателя энциклопедического хранилища

Каждая запись в указателе состоит из трех элементов, представленных в виде трех карточек разного цвета: зеленой, красной и белой.

Зеленая карточка – код источника и фрагмента

Код источника: FAIT – 5

FA – первые две буквы фамилии автора;

T – первое слово заглавия источника;

5 – глава (раздел, параграф) источника.

Запись на карточке представлена в следующем виде:

(FE1T—5)

Robert M. Fano

Transmission of Information

MIT Press, Wiley & Sons, N. Y., 1961.

Chapter 5

Код фрагмента: – 5: COM–CHN

aaa, aac, aad,

aae, aaf, aag, aah, aai;

baa, bac, bad, bau, bav, baz

Красная карточка – указатель содержания фрагментов

COM – CHN (Communications – Channels)

aaa – определение передающего канала, aac – виды каналов,

aad – классификация по характеру пространств входа и выхода,

aae – классификация по временным ограничивающим условиям,

aaf – классификация по числу терминалов,

aah – классификация по вероятностям перехода,

aai – суммирующий канал.

Белая карточка – характеристика информационных единиц
aaa – передающий канал может рассматриваться как преобразователь последовательных событий на входе, каждое из которых представляется точкой x в пространстве X , в события на выходе, каждое из которых представляется точкой y в пространстве Y ,

аас — типы каналов:

дискретный канал (aad, baa),

непрерывный канал (aad).

Примечания

¹ Wells H.G. World Encyclopaedia // The growth of knowledge / ed. by M. Kochen. N. Y.; Sydney; London: Wiley, 1967. P. 13.

² Там же. P. 19–20.

³ Экстелопедия – акроним словосочетания «экстраполяционная телеономическая энциклопедия».

⁴ Лем С. Экстелопедия Вестранда // Химия и жизнь. 1978. № 1. С. 115.

⁵ Так, по состоянию на 1931 г. документальная энциклопедия содержала 10 тыс. досье и насчитывала около 1 млн. карточек. Кроме того, П. Отле работал над статьями: «Синтетический энциклопедический атлас», «Синтетическая антология наук» и подготовил материалы лекций, которые должны были войти в «Энциклопедию и синтез знаний» (Рейворд Б.У. Универсум информации. Жизнь и деятельность Поля Отле. М.: Книга, 1976. С. 39–40, 251, 304, 354).

⁶ The encyclopedia system idea // The growth of knowledge / ed. by M., Kochen. N. Y.; Sydney; London: Wiley, 1967. P. 9–10.

⁷ Neurath O., Carnap R., Morris C.W. International encyclopaedia of unified science. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938. P. 1; 1939. P. 2. (Цит. no: Kochen M. WISE: A World Information Synthesis and Encyclopaedia // Jour. of Documentation. 1972. Vol. 28, № 4. P. 325).

⁸ Bush V. As we may think // The growth of knowledge / ed. by M. Kochen. N. Y.; Sydney; London: Wiley, 1967. P. 23–35.

⁹ Churchman C.W. Toward a mathematics of social science // Mathematical explorations in behavioral science / ed. by F. Masarik and P. Ratoosh. Homewood: Irwin, 1965. P. 29–36.

¹⁰ См., напр.: Doren Van Ch. The idea of an encyclopedia // The growth of knowledge / ed. by M. Kochen. N. Y.; Sydney; London: Wiley, 1967. P. 66–71.

¹¹ Grazia de A. The universal reference system // The American Behavioral Scientist. 1965. Vol. 8, № 2. P. 3–14.

¹² Davis W. The universal brain: is centralized storage and retrieval of all knowledge possible, feasible or desirable // The growth of knowledge / ed. by M. Kochen. N. Y.; Sydney; London: Wiley, 1967. P. 60–65.

¹³ Kochen M. Integrative mechanisms in literature growth. Westport: Greenwood Press, 1973.

¹⁴ Название WISE (World Information Synthesis and Encyclopedia) предложил К. Дойч, проинтерпретировав его как один из подходов к решению информационных проблем (Kochen M. WISE: A World Information Synthesis and Encyclopedia // Jour. of Documentation. 1972. Vol. 28, № 4. P. 330). Ср. с концепцией П. Отле – «энциклопедия и синтез знаний» (Рейворд Б.У. Универсум информации. Жизнь и деятельность Поля Отле. М.: «Книга», 1976. С. 304).

¹⁵ Kochen M. WISE: A World Information Synthesis and Encyclopedia // Jour. of Documentation. 1972. Vol. 28, № 4. P. 322–343; Азгальдов Э.Г. К всемирной системе информации: проблемы и поиски. Обзор литературы // Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом. 1973. № 3(56). С. 3–8; Information for action: from knowledge to wisdom / ed. by M. Kochen. N. Y.: Academic Press, 1975. 248 p.

¹⁶ Гутенмахер Л.И. Электронные информационно-логические машины. Изд. 2-е. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 166.

¹⁷ Нельсон Т. Информационные системы будущего // Информационный поиск. М.: Воениздат, 1970. С. 222.

¹⁸ Bohnert H., Kochen M. The automated multilevel encyclopedia as a new mode of scientific communication // Automation and scientific communication / ed. by H.P. Luhn. Washington: American Documentation Institute, 1963. P. 270.

¹⁹ Schwarzlander H. An information item file: motivation and implementation. Tech. Memo. TM-67-6. Electrical Engineering Dept. Syracuse; N. Y.: Syracuse University, 1967 (AD 676148).

²⁰ Lee S.Y. Information item file. Part 2: Computer-assisted processing and storage of information items. Tech. Memo. TR-69-5. Electrical Engineering Dept. Syracuse; N. Y.: Syracuse University, 1969.

²¹ Schwarzlander H. Encyclopedic storage of scientific and technical knowledge // IEEE Transactions on Engineering Writing and Speech. 1970. Vol. 13, № 2. P. 48–57.

²² Там же. P. 57.

²³ Bottle R.T., Schwarzlander H. Variations in the assessment of the information content of documents // Proceedings of the ASIS. 1970. № 7. P. 279–281.

²⁴ Soergel D. Study of methods for repackaging information, especially for elimination of redundancy. Research proposal submitted to the National Science Foundation. College Park, Md.: Univ. of Md., CLIS, 1972. 38 p.

²⁵ Soergel D. Dokumentation und Organisation des Wissens. Berlin: Duchner und Humboldt, 1971. S. 214–234.

²⁶ Taggart W.M. Developing an organizations information inventory // Managing Informatics. 1974. Vol. 3, № 6. P. 283–292.

²⁷ Schwarzlander H. Encyclopedic storage of scientific and technical knowledge // IEEE Transactions on Engineering Writing and Speech. 1970. Vol. 13, N 2. P. 48–57.

²⁸ Bottle R.T., Schwarzlander H. Variations in the assessment of the information content of documents // Proceedings of the ASIS. 1970. № 7. P. 279–281; Taggart W.M. Developing an organizations information inventory // Managing Informatics. 1974. Vol. 3, № 6. P. 283–292.

²⁹ Гудовщикова И.В. Общие зарубежные энциклопедии. Л., 1963. 86 с.

Напомним, что каждая энциклопедия имеет специально для нее составленный тематический план и словник. Тематический план определяет, какое место будет отведено материалу из различных областей знания, какой объем займут фактические сведения и т. п. Словник – это совокупность всех терминов, которым посвящены отдельные статьи. Энциклопедические статьи классифицируются следующим образом: статьи-отсылки, статьи-толкования, статьи-справки и статьи-обзоры. Следует особо подчеркнуть, что только при наличии одного из двух типов статей (статей-справок или статей-обзоров) или обоих вместе можно говорить об издании как об энциклопедии. Если в издании имеются только статьи-отсылки и статьи-толкования, то это – не энциклопедия, а толковый словарь (Гудовщикова И.В. Общие зарубежные энциклопедии. Л., 1963. С. 5–81).

³⁰ Добронравов И.С., Лахути Д.Г., Призмент Э.Л. Перспективы развития предметного каталога и предметного указателя в свете теории информационно-поисковых систем. М., 1973. 28 с.; Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа / под ред. А.В. Соколова. Л., 1976. 319 с.

³¹ Штейн В.С. Фактографические информационные системы в химии // Журнал Всесоюз. хим. о-ва им. Д.И. Менделеева». 1977. Т. 22, № 4. С. 375–381.

³² Schwarzlander H. Encyclopedic storage of scientific and technical knowledge // IEEE Transactions on Engineering Writing and Speech. 1970. Vol. 13, № 2. P. 51.

³³ Taggart W.M. Developing an organizations information inventory // Managing Informatics. 1974. Vol. 3, № 6. P. 283–292.

³⁴ Наиболее полно и подробно эти вопросы изложены в статье В.Ш. Рубашкина (Рубашкин В.Ш. О грамматических средствах информационных языков // Информационные языки. М., 1975. С. 190–221).

³⁵ Schwarzlander H. An information item file: motivation and implementation. Tech. Memo. TM-67-6. Electrical Engineering Dept. Syracuse; N. Y: Syracuse University, 1967 (AD 676148).

Экспериментальное хранилище создавалось автором и его сотрудниками вручную с 1959 по 1967 г. Первоначально его объем планировался в 2 тыс. информационных единиц, но окончательно обработать удалось лишь 102 единицы и 34 контрольные карты.

³⁶ Так, например, по прогнозам, описанным в работе (Schwarzlander H. Encyclopedic storage of scientific and technical knowledge // IEEE Transactions on Engineering Writing and Speech. 1970. Vol. 13, № 2. P. 55), оптимальные размеры автоматической энциклопедии по науке и технике не превысят 50 млн. информационных единиц, причем среднее число единиц, приходящееся на одну страницу текста, равно пяти.

³⁷ Горностаев Ю.М., Сосин Е.В., Сумароков Л.Н. ИПС и межмашинный обмен информацией. М., 1976. 88 с.

³⁸ Лахути Д.Г. АИПС с грамматикой и автоматическим индексированием в перспективе развития документальных ИПС // Проблемы автоматизированной обработки научно-технической информации. Тез. докл. всесоюз. конференции. Секция II. Ч. 2. М., 1976. С. 44–88.

³⁹ Штейн В.С. Фактографические информационные системы в химии // Журнал Всесоюз. хим. о-ва им. Д.И. Менделеева». 1977. Т. 22, № 4. С. 377.

⁴⁰ Нельсон Т. Информационные системы будущего // Информационный поиск. М.: Воениздат, 1970. С. 217–228.

Опубликовано: Концепция автоматической энциклопедии / В.П. Леонов // Междунар. форум по информ. и документации. 1979. Т. 4, № 1. С. 6–11. Библиогр.: 31 назв.

3.4. Где заканчивается «о чем» и начинается «что»? (о критерии различия аннотаций и рефератов)

Чем отличается реферат от аннотации? Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение для совершенствования библиографической и научно-информационной деятельности. От его понимания зависит решение и методических вопросов, в частности, типизации рефератов и аннотаций, выбора способов библиографической характеристики документов при составлении пособий. Особую актуальность он приобретает при обслуживании читателей различными видами вторичных документов и в разных режимах.

Несмотря на длительную историю исследования этой проблемы в библиографии и информатике, ее нельзя считать решенной. В ряде работ отрицаются различия между рефератом и аннотацией. Распространение в литературе получил так называемый принцип относительности, в соответствии с которым грань между рефератом и аннотацией является условной. Разница их видится в степени детальности раскрытия темы первичного документа (например, в аннотации раскрывается тема документа в целом, а в реферате – темы отдельных его разделов), в объеме (количестве печатных знаков) и т. п.

Сближение рефератов и аннотаций влечет за собой смешение критериев типизации. В результате от аннотации требуется то, что должно быть изложено в реферате. Так, в ГОСТ 7.9–77 «Реферат и аннотация» дается следующее определение аннотации (в соответствии с ГОСТ 7.0–77) – *«краткая характеристика произведений печати (их совокупности или их частей) с точки зрения содержания, назначения, формы и других особенностей»*. При этом ниже, в п. 2.5, разъясняется, что *«аннотации на произведения печати по естественным, техническим и общественным наукам и отраслям народного хозяйства включают характеристику типа произведения,*

основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты». Думается, что изложение результатов исследования в аннотации противоречит логике аннотирования.

Задача аннотации, по общепринятым представлениям, состоит в том, чтобы рассказать, о чем, а реферата – что именно говорится в первичном документе. Однако с помощью такого объяснения невозможно определить, где заканчивается «о чем» и начинается «что», т. е. где аннотирование переходит в реферирование, по-разному можно понимать и тезис «что говорится в первичном документе». Теория и методика библиографии ответов на эти вопросы не дают.

Одну из плодотворных попыток выявления различий между рефератами и аннотациями предпринял А.И. Барсук. Его аргументация сводится к следующему. Аннотирование и реферирование – это процессы свертывания. *«Задачи аннотатора – дать такую предварительную сжато-обобщенную характеристику, чтобы читатель мог понять, какова проблематика и кому адресовано произведение, представляет ли интерес и принесет ли ему пользу оригинал; в определенных видах и типах библиографических пособий аннотация может содержать педагогические советы, заинтересовывающие элементы и проч. Задача референта – возможно точнее (хотя и без деталей) пересказать произведение, передать его содержание и логическую структуру, т. е. представить наиболее существенную информацию, содержащуюся в оригинале (методика и ход исследования, основная аргументация, выводы и т. п.). Следовательно, и аннотация, и реферат по своему содержанию есть вторичная информация, в главном остающаяся в границах характеризующих произведений. Их нельзя квалифицировать как „отзыв“: это не отзыв, а именно профильтрованная информация об основном содержании произведения. Вот почему в области библиографии и научной информации разрабатываются наборы основных параметров (инструкции) для отражения в аннотациях и рефератах содержания первичных докумен-*

тов в отдельных отраслях <...> Аннотации и рефераты призваны избавлять от необходимости обращаться к оригиналу для выяснения вопроса, есть ли в нем что-либо существенное по той теме, которой интересуется читатель»¹.

Рассуждения А.И. Барсука в целом убедительны: в них показано функциональное различие реферата и аннотации, подчеркнута необходимость выбора аспектов содержания, характерных именно для данных разновидностей вторичных документов. Вместе с тем выбор аспектов для аннотации и реферата не связывается с выбором соответствующего языка и стиля изложения, хотя связь их несомненна: каждому жанру вторичного документа соответствует своя форма языковой номинации, т. е. свой слой используемой лексики (язык изложения, характерный для данного вида текста). Чем ближе он к первичному документу, тем полнее представлена в нем авторская терминология, и, наоборот, по мере удаления от первичного документа осуществляется переход к другому слою лексики или другой форме языковой номинации.

Взяв за основу формы языковой номинации, можно проследить отличия реферативного и аннотативного способов изложения содержания первичного документа. В литературе различаются три формы языковой номинации: номинация через слово и словосочетание (она является основой метода экстрагирования), номинация через предложение – препозитивная (она находится в основе перифразирования) и номинация через весь текст – дискурсивная, которая лежит в основе интерпретирования².

Прообразом реферата, вероятно, следует считать тезы – специальные тексты, сопровождавшие в средние века докторские диссертации на латинском языке. Они не являлись самостоятельным творческим произведением, а представляли собой сокращенный вариант текста, в котором опущены общие рассуждения и малозначащие факты, и предназначались для предварительного ознакомления читателя с содержанием оригинальной работы. Тезу, таким образом, можно определить

как вторичный документ, в котором языком автора излагалась совокупность принципов, основных положений и результатов другой работы – источника-оригинала. Распространение тезирования привело к появлению конспектов, а затем и тезисов, создаваемых к существующим или прогнозируемым текстам (чаще всего статьям). Если исходный текст оставался ненаписанным, то тезисы начинали выполнять его функции в системе коммуникаций и выступать в качестве самостоятельного первичного документа.

Становление реферата в современном понимании связано с переходом от использования авторской лексики (цитирования) к перифразированию. Перифразирование (пересказ) предполагает перестройку всей композиционной и синтаксической структуры первичного документа с привлечением более обобщенных, чем в первичном документе, понятий и выражений; при этом достигается полнота охвата содержания. Перифразирование не вытесняет авторскую лексику. С помощью ее передается, как правило, наиболее информативная часть текста (сообщается о методе, особенностях, результатах исследования), а пересказ помогает избрать оптимальную форму изложения для выражения основной идеи автора. В данной ситуации можно говорить о задаче свертывания как задаче на компромисс, определяемой реальными возможностями и условиями. Это означает, что, стремясь к точной и полной передаче авторской мысли при максимальной краткости, необходимо найти такое соотношение между первичным и вторичным документами, которое было бы оптимально с точки зрения решаемой задачи.

Сочетание способов цитирования (экстрагирования) и перифразирования представляется существенным именно для реферирования, поскольку с их помощью передается не только тема как субъект мысли, но и рема, или предикат (новая, существенная информация)³. Это и есть задача реферата.

Аннотирование сложнее реферирования. И прежде всего потому, что аннотация моделирует авторский текст на более

высоком уровне изложения – уровне интерпретации. По мере перехода от реферирования к аннотированию преимущество отдается не цитированию первичного документа, а перифразированию и интерпретации, возрастает вероятность неправильного истолкования библиографом основной темы документа.

Правда, в практике аннотирования используются приемы цитирования, но цитируется не собственно содержательная, а обобщенная, порой выходящая за пределы рассматриваемой темы часть первичного документа. В качестве источников экстрагирования выступают, например, предисловие и вступительная статья, написанные авторами, а также материалы рецензий. Еще в 1925 г. в журнале «Книгоноша» (№ 12–13. С. 7) В.Ф. Сахаров, сообщая об опыте работы библиотеки Ленинградского трубного завода, предлагал ввиду отсутствия методики аннотирования использовать для аннотаций вырезки из рецензий, помещенных в газетах и журналах⁴. В настоящее время цитирование и перепечатка текстов документов широко применяются в краеведческом аннотировании.

Воплощение замысла аннотации требует совершенно иной языковой номинации – абстрактной, внетематической лексики. Такая лексика, как правило, строго нормализована (регламентирована, клиширована). С помощью этой лексики раскрываются и уточняются тема первичного документа, а также ее особенности. Для характеристики темы в зависимости от целевого и читательского назначения аннотации библиограф применяет специальные средства интерпретации или «фасцинации»⁵. В силу этих особенностей формализация и возможная автоматизация аннотирования, безусловно, более сложны, чем реферирования.

Таким образом, между рефератом и аннотацией, как жанрами вторичных документов, имеются принципиальные различия. Сущность процесса реферирования заключается в том, чтобы передать основную теморематическую информацию первичного документа, используя для этого способы экстраги-

рования и перифразирования. Следовательно, во вторичном документе, относящемся к жанру реферата, обязательны как тема, так и рема, или субъект и предикат мысли. Сущность аннотирования – раскрыть тему, основной замысел автора путем анализа первичного документа как единого целого и пересказать его другим языком. Основная задача аннотации видится в том, чтобы интерпретировать тему и сам документ, не затрагивая рему, т. е. собственно содержательную часть первичного документа. Поэтому как бы ни назывались вторичные документы и как бы они ни типизировались, в случаях, когда библиограф (референт) раскрывает тему (о чем?) и рему (что?) первичного документа, он занимается реферированием. Во всех других случаях речь идет об аннотировании.

Проиллюстрируем сказанное примером аннотации и реферата, составленных на один и тот же документ: Василевич А. Ф. Выбор баз данных для поиска библиографической информации // Пробл. информ. систем. 1984. № 3. С. 60–72.

Аннотация

Приводятся результаты использования описываемого метода в МЦНТИ при проведении поиска в БД, доступных в сетях информационных центров. Источники: Современные методы информационного обеспечения и справочно-информационного обслуживания специалистов: Библиогр. указ. (1981–1985). М.: ГПНТБ СССР, 1986. С. 81 (№ 451).

Реферат

Предлагаются метод выбора БД, основанный на анализе информационной потребности заказчика, учете стоимости поиска и оценке представительности БД, а также критерии оценки различных вариантов выбора. Приводятся результаты использования метода в МЦНТИ при проведении поиска в БД, доступных в сетях информационных центров. Библиогр. 14. Автореф. Источники: РЖ Информатика. 1985. № 8. И 259.

Как видно из примера, в аннотации только указывается аспект рассмотрения темы, но не характеризуется («Приво-

дятся результаты использования описываемого метода»). Ни результат, ни сам метод не раскрываются.

Реферат, напротив, содержит тему и рему: в качестве темы служит начало текста («Предлагаются метод выбора БД...»), ремой являются параметры, составляющие сущность предлагаемого метода и отражающие специфику информационных потребностей, стоимость поиска, представительность БД и стратегию выбора нужных БД для проведения поиска. Очевидно, что только после прочтения фразы реферата становится понятным смысл первой части аннотации, где говорится об использовании «описываемого метода».

На практике часто возникают ситуации, когда в одном вторичном документе имеются и аннотативные, и реферативные фразы. Причем они могут быть сопряженными⁶, т. е. характеризовать один и тот же аспект темы, и несопряженными – характеризовать разные аспекты. Так, в нашем примере реферата главная часть первого предложения аннотативная, а подчиненная – реферативная. По определению они считаются сопряженными. Вторая фраза, как было показано выше, аннотативная (она и послужила в качестве аннотации для первого источника) и тоже считается сопряженной, поскольку связана по смыслу с первой, т. е. имеет один и тот же денотат («Предлагаются метод...» и «Приводятся результаты использования описываемого метода...»). Такой анализ текста с последующим разделением на аннотативную и реферативную части важен при разработке формализованных методов свертывания⁷.

Предлагаемый подход исключает возможность существования промежуточных, переходных от реферата к аннотации документов, таких, как реферативная аннотация⁸. Реферативная аннотация относится к жанру реферата, точнее, является его разновидностью.

Обратим внимание еще на один аспект – индикативность (указательность) аннотаций и рефератов, подробно рассмотренную в монографии В.И. Соловьева⁹. Мы считаем некон-

структивным деление рефератов на индикативные и информативные¹⁰.

Информативность есть интегральная характеристика (свойство) текста, проявляющаяся в способности удовлетворять информационные потребности и интересы читателя. Индикативность можно рассматривать как одну из составляющих свойств информативности, которая способствует ее формированию наряду с содержательностью и понятностью. Если содержательность и понятность поддаются измерению, то индикативность указывает на наличие (или отсутствие) необходимого и достаточного числа тематических аспектов, обеспечивающих полноту отражения материала.

Индикативность присуща в максимальной степени библиографическому описанию и аннотации. Она присутствует также в реферате, но в меньшей степени, ибо нельзя сказать, что является содержанием первичного документа, предварительно не указав, о чем он. В принципе из реферата всегда можно создать аннотацию, но не наоборот. Таким образом, индикативный реферат логично называть не рефератом, а аннотацией.

В основу типизации рефератов и аннотаций должен быть положен критерий как ведущий при классификации библиографической информации в целом, так и связанный с реализацией ее общественного назначения: поиска и коммуникации (оценка обязательна не для всех типов). Таковым представляется *функциональный критерий*, согласно которому аннотации по общественному назначению подразделяются на справочные и рекомендательные. Справочная аннотация в очень краткой форме уточняет неясное заглавие и сообщает в справочных (поисковых) целях дополнительные сведения об авторе, а также о форме, содержании, жанре, назначении и других особенностях документа, не названных в библиографическом описании. По этой причине от справочной аннотации не требуется подробного рассмотрения первичного документа, его критической оценки. Рекомендательная аннотация призвана активно пропагандировать лучшую литературу, заинтересовывать, привлекать внимание,

убеждать в необходимости ее прочтения. Поэтому она имеет дидактическую направленность, содержит педагогические рекомендации, методические советы и т. п. По объему она значительно превосходит справочную аннотацию.

Рефераты по функциональному назначению подразделяются на общие (для специалистов широкого профиля) и специализированные (для специалистов узкого профиля). При этом надо иметь в виду относительность понятий «широкий» и «узкий» специалист в каждой конкретной ситуации.

Типизация аннотаций (справочные и рекомендательные) и рефератов (общие и специализированные) является дихотомической: любая аннотация может быть справочной или рекомендательной, соответственно реферат – общим или специализированным. Аналогично подразделяются и методы аннотирования и реферирования, лежащие в основании этой типизации. Первые из них служат преимущественно средством реализации поисковой и коммуникативной функций, вторые (рекомендательное аннотирование и специализированное реферирование) – оценочной функции библиографической информации.

Все другие основания типизации рефератов и аннотаций (вид анализа, форма представления, глубина свертывания, способ получения, составитель) по отношению к функциональному критерию играют вспомогательную роль.

Примечания

¹ Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М., 1975. С. 44–45.

² Языковая номинация: Общ. вопр. М.: Наука, 1977. С. 121.

³ Подробнее см.: Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. М., 1982. С. 82–88.

⁴ Другие примеры, не связанные с научно-технической литературой, а также оценку такой методики «экстрагированного аннотирования» приводит Е.И. Шамурин в своей книге «Методика составления аннотаций» (М., 1959. С. 173–175).

⁵ Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 324–334.

⁶ По определению Д.Г. Лахути, данному в частной беседе, аннотативная и реферативная фразы считаются сопряженными, если в реферативной фразе утверждается нечто о том, что названо в аннотативной фразе, т. е. если можно сказать, что в аннотативной фразе сформулирована тема реферативной. Отсюда следует, в частности, что аннотативная фраза всегда предшествует сопряженной с ней реферативной.

⁷ См., напр.: Блюменау Д.И., Добронравов И.С., Лахути Д.Г. и др. Формализованное реферирование с использованием словесных клише (маркеров) // НТИ. Сер. 2. 1981. № 2. С. 16–20.

⁸ Реферативная аннотация получила обоснование в трудах Е.И. Шамурина. Наиболее полно его точка зрения изложена в книге «Методика составления аннотаций» (М., 1959. С. 130–137). Одним из первых, кто выразил несогласие по поводу выделения реферативной аннотации, был К.Р. Симон. *«Особенно хочется возразить, – писал он, – против предложенного Е.И. Шамуриным термина „реферативная аннотация“, способного только затемнить различие между аннотацией и рефератом»* (Симон К.Р. Библиография: Основ. понятия и термины. М., 1968. С. 16).

⁹ Соловьев В.И. Составление и редактирование рефератов: Вопр. теории и практики. М., 1983. С. 225–230.

¹⁰ Неправомерность выделения индикативных рефератов в качестве особого типа обосновывается в статье К.Р. Симона и Г.Г. Кричевского «Советская реферативная периодика и ближайшие задачи ее организации» (Вестн. АН СССР. 1952. № 9. С. 80–91).

Опубликовано: Где заканчивается «о чем» и начинается «что»? (о критерии различия аннотаций и рефератов) / В.П. Леонов // Совет. библиогр. 1987. № 6. С. 45–50.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БИБЛИОТЕЧНО- БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

4.1. Библиографический процесс и время (к постановке вопроса)

За более чем 20 лет, прошедших с момента первой публикации этих материалов¹, появились новые свидетельства актуальности заявленной темы. Ряд исследователей обратился к другим ее аспектам². Библиографическая информация, как хорошо известно ее создателям и потребителям, почти никогда не используется в том месте, где она производится, и никогда не реализуется в момент своего возникновения. Ее приходится передавать в пространстве и во времени с помощью специально для этого созданных документальных систем и средств, обеспечивающих продвижение к пользователю. В настоящей статье сделана попытка обратить внимание исследователей на целесообразность и полезность включения категории времени в проблематику библиографических процессов. В самом деле, при изучении процессов актуальными становятся вопросы: сколько времени занимает то или иное событие, явление, процесс? Какова последовательность его этапов (стадий)? В чем сходство или различие развертывания во времени двух или нескольких процессов?

Ответы на вполне естественные вопросы, начинающиеся со слов: сколько, когда, как быстро и т. п., находятся далеко за рамками библиографического объяснения. Попытка полу-

чить конкретный результат путем измерения длительности процесса, сосредоточенность на нормировании отдельных его стадий, учет изменений, которые привносят новые информационные технологии, – все это неизбежно возвращает нас к началу, к необходимости содержательной интерпретации категории времени.

Прежде чем перейти к изложению существа проблемы, сделаем отступление общего характера. Оно связано с разработкой интересующей нас проблематики и пониманием категории времени учеными-обществоведами. В обширной литературе по этому вопросу выделим обобщающие публикации историка М.А. Барга³, социологов В.П. Яковлева⁴, В.А. Артемова⁵, Н.К. Серова⁶, литературоведов Вяч.Вс. Иванова⁷ и А.М. Барга⁸. Анализ их работ приводит к выводу, что проблему времени в науке в принципе можно рассматривать с двух точек зрения: 1) с точки зрения определения содержания понятия «время» и 2) с точки зрения определения способов его измерения и исчисления.

Рассмотрим первую из них и попытаемся увидеть, какой содержательный смысл вкладывается авторами в это понятие. Так, В.П. Яковлев отмечает неоднородность социального времени и выделяет три его разновидности: время индивида, поколения и человеческого общества⁹. В.А. Артемов социальное время рассматривает двояко: как специфический ресурс, которым располагают социальные субъекты разного типа и уровня для осуществления своей деятельности, и как отражение социальной деятельностной структуры этих субъектов¹⁰. Н.К. Серов приводит два значения времени – это средство: для количественной оценки и сопоставления диахронических характеристик процессов и для согласования человеческих действий и упорядочения жизни¹¹. Им же в концентрированном виде описаны типичные различия в понимании учеными термина «время»¹². Здесь, учитывая дальнейшее изложение, уместно кратко представить выявленные автором семь значений современного толкования категории времени.

Первое из них формулируется как «*бытовое*», в котором «время» понимается в зависимости от разнообразных обстоятельств конкретного разговора и его контекста. Оно может обозначать текущий момент, дату, эпоху – не только в настоящем, но и в прошлом или будущем; продолжительность, последовательность и назначенный срок действий и событий; их синхронность или несогласованность, быстрое или затяжное осуществление. В бытовом понимании ясно, что «время» можно иметь, находить, терять или не считаться с ним; что оно может идти, пролетать, течь, тянуться, мчаться, длиться и т. д. Всем понятно, когда говорят, что «время покажет» (рассудит) или что «время наступило хорошее» (плохое, тяжелое, счастливое, напряженное, смутное, свое и т. п.).

Второе значение термина «время» – *грамматическое*, где устанавливаются определенные, но сильно различающиеся в языках разных народов мира грамматические формы для раздельного обозначения настоящих, прошедших и будущих состояний, действий, пожеланий, намерений, а также дат, сроков и других «обстоятельств времени».

Третье – *инфинитивное (неопределенное)*, используемое во многих разделах философии, математики, естествознания, технических и общественных наук для установления положений, закономерностей, законов природы или общества и т. п. Как правило, основу такого понимания времени составляет более или менее осознаваемое абстрагирование от реальной изменчивости явлений внешнего мира и его отображений в человеческом сознании. В некоторых случаях такая направленность мысли характеризуется стремлением вообще исключить из рассмотрения понятие «время» и все, что с ним связано.

Четвертое значение времени – *спекулятивное (гипостазирующее)*. Оно охватывает поиски смыслового ответа на вопрос «что такое время» – при этом не в сфере понятий и знаковых систем отображения действительности, как оно должно бы быть, а в сфере воображаемых «сущностей», «реальностей», «субстанций», «форм движения» и даже «объектов», умозритель-

но наделяемых какими-то «свойствами», «качествами», «признаками». Познавательная и практическая роль календарного счета и единиц измерения времени обычно остается вне поля зрения мыслителей, среди которых, как считает Н.К. Серов, часто встречаются теоретики естествознания или философы, поэты или писатели-фантасты. Именно такая направленность мысли характерна для участвовавших за последние годы попыток обосновать специфичность так называемых отраслевых времен – физического, биологического, геологического, химического, географического, психологического, исторического, социального и др., вплоть до «электромагнитного времени».

Пятое значение времени – *математическое*. Время при этом трактуется как некий абстрактный континуум (аналитическое пространство), в котором отображается исследуемый процесс. Чаще всего континуум рассматривается как одномерный, однонаправленный, непрерывный, равномерный и безмасштабный (или безмерный, т. е. не привязанный к каким-либо единицам измерения времени и календарным датам). В графическом изображении на плоскости он приобретает вид оси времени. В более сложных математических конструкциях (например, в релятивистских концепциях пространства-времени) ось времени может быть наделена другими характеристиками, в том числе связями между ней и другими осями координат. Теоретически «континуум времени», как и любое аналитическое (фазовое) пространство, можно представить себе сколько угодно многомерным, без ограничения числа измерений «времени».

Шестое значение – *вербальное (глагольное, аморфное)* время. Оно основано на постулате «все течет, все меняется». Типичным для этого направления мысли является преобладание качественных рассуждений и методов анализа изучаемых процессов, их последовательных этапов и стадий, механизмов возникновения и развития, общих тенденций и т. п. – над количественными методами описания и анализа реальных явлений. Объединяя в себе многие из достоинств инфинитив-

ного, спекулятивного и математического понимания времени, это направление мысли, по Н.К. Серову, сохраняет их общий недостаток – абстрагирование от фундаментальных проблем определения единиц измерения времени, адекватных по своей величине масштабам того или иного конкретного процесса.

Седьмое значение – *конструктивное (утилитарное)* понимание времени. Оно связано с обеспечением тех потребностей существования и развития человечества в этом изменчивом мире, для которых необходим непрерывный, равномерный, возможно более точный и единообразно датированный отсчет единиц времени – таких, как сутки, месяц, год и другие, более крупные единицы счета, а также текущее измерение более дробных интервалов времени (часы, минуты, секунды).

Думается, что типизация категории времени, предложенная Н.К. Серовым, является логичной и оптимальной. Вместе с тем, обзор взглядов на категорию времени в современной науке подводит к выводу, что задачам количественного описания библиографического процесса более всего, с нашей точки зрения, соответствует конструктивное понимание времени. Вводя это понятие в библиографоведение, мы будем применять категорию времени для количественной оценки и сопоставления различных характеристик процесса. Делается это для того, чтобы получить новые знания о движении библиографической информации в системе научных коммуникаций и реализации во времени ее социальных функций.

Если сформулировать нашу точку зрения более четко, то она заключается в следующем. Введение категории времени в научную дисциплину коммуникационного цикла создает непривычный, на первый взгляд, угол рассмотрения некоторых проблем библиографического процесса и позволяет высветить в них нетривиальные аспекты, в частности, такие, которые связаны с динамикой, движением. Поскольку движение процесса происходит в социальной среде, то эта среда, естественно, оказывает на движение положительное (ускоряя процесс) или отрицательное (замедляя его) действие.

С методической точки зрения принципиально важно разделить временной аспект исследования библиографического процесса на две части. Представляется целесообразным изучать его, с одной стороны, через свойства научной литературы, проявляющиеся в феноменах цитирования, старения, рассеяния/концентрации, ценности, а с другой – путем фиксации особенностей его протекания в библиотеке, используя для этого эмпирически выработанные и учтенные в официальных документах нормативы. Во втором случае в структуре конкретного процесса подлежат фиксации два временных показателя: календарная датировка моментов его возникновения и окончания; продолжительность протекания конкретного процесса.

Ниже, на основе исследований, описанных в научной литературе, представлены отдельные высказывания и аргументация разных авторов, интерпретирующих те или иные стороны библиографических явлений во взаимосвязи с категорией времени. Подчеркну, что намеченная здесь пунктиром взаимосвязь со временем есть лишь констатация факта, а ни в коем случае не попытка показать историю библиотечно-библиографических проблем во времени.

В.В. Налимов, З.М. Мульченко. Систематический статистический анализ языка библиографических ссылок, по-видимому, позволяет проследить развитие во времени отдельных научных направлений... Нам кажется уместным провести здесь такое сравнение – с появлением «Science citation index» (SCI) началась документируемая история науки, точно так же, как с появлением летописей началась документируемая история общества. До появления SCI история науки находилась на архаическом уровне – исследования по истории развития науки носили фрагментарный, а не систематический характер¹³.

В.М. Мотылев. Старение научно-технической литературы – это уменьшение со временем необходимости ее использования для получения содержащейся в ней информации... (это относится и к исторической литературе. – *В.Л.*) Ускорение прироста знаний и сопровождающий его интенсивный рост

объема литературы накладывают на результаты измерения хронологии используемых документов влияние хронологической структуры используемого информационного массива... Исследование старения литературы можно проводить лишь с помощью диахронного измерения¹⁴.

Е.З. Мирская. Совершенно очевидно, что «судьбы» статей во времени тоже существенно различны: старея, они стареют неодинаково, разными темпами. Так, статьи, никем не процитированные, «умерли» сразу, можно сказать, что их «скорость старения» бесконечна; статьи, порождающие обильное цитирование, стареют, в среднем, заметно медленнее, чем среднечитируемые. Этот факт заставляет рассматривать процесс старения не вообще, а в его нюансах... Анализ выявил четыре... модели сохранения продуктивной способности статей во времени: это публикации, сравнительно слабо отраженные в последующей литературе, но длительно сохраняющиеся в активе дисциплины; работы «классические» – не столь быстро завоевывающие популярность, но долго и полнокровно живущие; гениальные работы, опередившие свое время и потому достигающие признания запоздалого, но зато необычайно широкого; есть и такие статьи, вначале хорошо воспринятые, которые затем оцениваются как ошибочные и гибнут – резко исчезают из цитирования¹⁵.

В.В. Налимов, З.М. Мульченко. Естественно считать, что отклики на научную работу можно представить кривой, показывающей, как изменяется во времени число ссылок на данную публикацию... рассмотрим пять таких типичных, в принципе возможных кривых, представленных на рис. 1. Кривая 1 характеризует отклик на обычную, среднюю по своему качеству работу – ее цитируемость постепенно

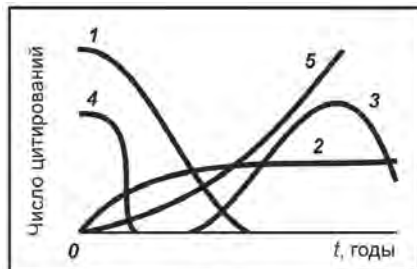

Рис. 1. Изменение во времени числа ссылок на научную работу

затухает во времени. Кривая 2 описывает цитируемость работы, все значение которой раскрывалось лишь постепенно, кривая 3 – цитируемость работы, прокладывающей свое время. Кривая 4 задает цитируемость работы, обсуждавшийся вначале, но затем, неожиданно, признанной ошибочной. И, наконец, кривая 5 дает цитируемость гениальной работы¹⁶.

А.И. Михайлов, А.И. Черный, Р.С. Гиляревский. Со свойством кумулятивности тесно связано и явление концентрации научной информации во времени, т.е. переход научного знания ко все более высоким уровням абстракции. Это явление ведет к уменьшению общего объема научной информации, созданной прошлыми поколениями, которое, правда, мало заметно по сравнению с экспоненциальным ростом новой научной информации. Явление концентрации научной информации

Рис. 2. Концентрация научной информации во времени

во времени показано на рис. 2, где А – научные факты; В – научные гипотезы, концепции, теории; С – совокупность гипотез, концепций, теорий и законов, образующих основы определенной науки или отрасли знания; D – научная информация мировоззренческого характера¹⁷.

Приведенные мнения ученых, на наш взгляд, достаточно убедительны в определении необходимости и полезности постоянного учета категории времени при изучении свойств научной литературы, а также интерпретации результатов исследований.

Рассматривая другую сторону проблемы, а именно фиксацию календарной датировки начала, окончания и продолжительности библиографического процесса в условиях библиотеки, подчеркнем необходимость обращаться к официальным документам – достаточно полному и систематически обновляемому источнику. В них приводятся соответствующие нормы времени,

т. е. регламентированные величины, показывающие, какое количество времени необходимо сотруднику библиотеки определенной квалификации на выполнение данной работы в конкретных производственных условиях¹⁸.

Обобщая сказанное, сформулируем три принципиальных вывода.

Первый вывод. Все приведенные выше описания библиографического процесса в своем развитии происходят во времени. Оно присутствует всюду, но в библиографической деятельности к нему требуется повышенная концентрация внимания. Библиограф проходит путь, пройденный автором, привнося в него свои идеи, взгляды, привычки. В своей сущности он (путь) носит знаниевый характер, это деятельность интеллекта. Категория времени превращает библиографию в арену состязания доминирующих библиографических процессов. Изучая таким образом библиографию и время, мы изучаем уже другое кодирование мира. Для исследователя-гуманитария открывается новая «система координат», способная обогащать прошлое, изменять состояние человека, менять его отношение к миру и себе.

Второй вывод. Дальнейшее изучение библиографического процесса будет связано с фиксацией продолжительности во времени и с учетом влияния различных факторов на эффективность его протекания. Полученные данные, в свою очередь, будут способствовать дальнейшим теоретическим изысканиям на этом пути.

Третий вывод. Введение категории времени в библиографическую деятельность является новым аргументом в пользу формирования релятивистского периода развития библиографоведения. Принципиальная невозможность однозначно определить тему документа в процессе его библиографирования и требование точно обозначить ее в пределах конкретных временных границ для целей информационного поиска оказывают существенное влияние на характер построения теории библиографического процесса.

Временная компонента, по нашему мнению, должна в перспективе войти составной частью в структуру системы коммуникаций, а ее роль необходимо учитывать при изучении свойств и закономерностей научной коммуникации как социального феномена.

Примечания

¹ Леонов В.П. Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций. СПб.: Б-ка Рос. акад. наук, 1995. С. 87–94.

² Довгаленко Н.В. Время как основополагающая категория современной онтологии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2014. № 11 (152). С. 214–219; Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками / под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 472 с.; Лазарев С.С. Три типа категории «время» как основа трех типов наук: точных, исторических и гуманитарных // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. 2015. Т. 90, вып. 3. С. 69–74; Тимошенко И.Г. Категория времени в нормативной идеологии науки, философии, политики // Идеи и идеалы. 2010. № 3(5). Т. 2. С. 82–91; Чернухина М.А. Категории пространства и времени в истории и философии культуры // Вестн. Тюменского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные исследования. 2013. № 10. С. 29–36.

³ Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 350 с.

⁴ Яковлев В.П. Социальное время. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1981. 162 с.

⁵ Артемов В.А. Социальное время: Проблемы изучения и использования / отв. ред. Ф.М. Бородкин. Новосибирск: Наука, 1987. 235 с.

⁶ Серов Н.К. Личность и время. Л.: Лениздат, 1989. 256 с.

⁷ Иванов Вяч.Вс. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Structure of texts and semiotics of culture. Paris, 1973. P. 103–150.

⁸ Барг А.М. Человек и время: к теме пьесы С. Беккета «В ожидании Годо» // Науч.-техн. информация. Сер. 2. 1992. № 3. С. 9–16.

⁹ Яковлев В.П. Социальное время. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1981. 162 с.

¹⁰ Артемов В.А. Социальное время... С. 3–4.

¹¹ Серов Н.К. Личность и время. Л.: Лениздат, 1989. С. 16.

¹² Серов Н.К. Конструктивное понимание времени и процессная (диахроническая) трактовка социальных явления: дис. ... д-ра социол. наук в форме науч. доклада: 22.00.01 / Ленинградский филиал Ин-та социологии. Л., 1990. С. 21–25.

¹³ Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969. С. 101.

¹⁴ Мотылев В.М. Старение научно-технической литературы. Л.: Наука, 1986. С. 14, 74, 79.

¹⁵ Мирская Е.З. Научное знание и научная деятельность: (Социологические аспекты): автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06 / Ин-т социологии. Минск, 1991. С. 26–27.

¹⁶ Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия... С. 101–102.

¹⁷ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика. М.: Наука, 1976. С. 90.

¹⁸ О нормировании библиографических процессов см.: Коготков Д.Я. Библиографическая деятельность библиотеки – организация, технология, управление. СПб.: Профессия, 2008. С. 276–280.

Опубликовано: Библиографический процесс и время (к постановке вопроса) / В.П. Леонов // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. М.Д. Афанасьев, Н.К. Леликова, А.Ю. Самарин. Москва, 2018. С. 662–669.

4.2. Библиотеки и библиотечное дело в эпоху компьютеризации: возможности и перспективы

В настоящей статье сделана попытка разобраться в сложившейся «библиотечной» ситуации на современном этапе и изложить свою точку зрения. Библиотеки и библиотечная профессия в течение долгого времени жили вне конкуренции. В эпоху автоматизации и компьютеризации она появилась. Библиотечная профессия продолжает свое существование уже в рамках информационного общества. Что это такое?

Понятие «информационное общество» впервые было введено в научную литературу в 60-е гг. XX в. в книге американского экономиста Фрица Махлупа, положившего начало изучению «экономики знаний»¹. Шесть лет спустя в США появилось еще одно заметное издание – монография Питера Дракера «Век нестабильности»². Вслед за Ф. Махлупом, провозгласившим вступление человечества в новую экономику или новое общество, которое им названо «обществом производства знаний» (knowledge production), или «индустрией знаний» (knowledge industries), П. Дракер в четвертой части своей книги описывает «общество знаний» (knowledge society), а в двенадцатой главе дает обоснование понятия «экономика знаний» (knowledge economy). Специально подчеркну, что в русском языке термины, начинающиеся со слова «knowledge», обычно переводятся не как «знание», а как «информация». Таким образом, в отечественной литературе, когда пишут об информационном обществе, имеют в виду их эквиваленты на английском: «knowledge production», «knowledge industries», «knowledge management» или «knowledge society»³. Впоследствии содержание понятия «информационное общество» некоторыми социологами было признано нечетким и не вполне корректным ввиду сложности различения «информации» и «знания»⁴. Но термин сохранился, так как указывал на исходный принцип,

вокруг которого шло формирование общества, – информацию. Как показали дальнейшие исследования, результатом производства в информационном обществе становятся не столько материальные носители информации, сколько сама информация как таковая⁵.

В процессе становления информационного общества возникает новый технологический уклад жизни, формируется специфическая информационная и технологическая культура. В профессии библиографа вырабатывается переход от накопления информации к накоплению знаний. В исследовательскую культуру и психологию библиографа вместо общепринятых критериев новизны, ценности, доступности информации постепенно внедряется критерий «норма полезности». Полезность же не является научной категорией, это – понятие моральное. В итоге ожидаемые и предполагаемые результаты умений библиотекаря-библиографа начинают оцениваться преимущественно с коммерческой точки зрения. Работа библиотек, к сожалению, попадает в зависимость от людей, напрямую не связанных с наукой, а также от общества, где чтение теряет свой приоритет, где начали превалировать иные этические нормы и ценности. Мы вынуждены постоянно доказывать культурную, научную ценность библиотечной деятельности. Привычный, стабильный и предсказуемый порядок действий профессионала, правила и границы использования и доведения информации до потребителей становятся трудно контролируемыми или вообще неуправляемыми. Возникает опасная иллюзия информационного общества – иллюзия независимости пользователя от библиотекаря-библиографа и, как следствие, невостребованность профессии обществом. Стало модно говорить о виртуальных (электронных) библиотеках и о замене традиционной книги электронной. Сделаю небольшое отступление.

Теоретические споры о виртуальной библиотеке и ее возможностях напоминают действия мага, который кладет в шляпу носовой платок, а вынимает из нее живого кролика. Хоро-

шая модель виртуальной библиотеки соответствует случаю, когда в шляпу был действительно положен только платок, плохая – фокусу, когда тайком от зрителей кролик был помещен в шляпу заранее.

Почему так получается? С одной стороны, действительно есть достижения в области автоматизации библиотечно-библиографических процессов, и современные компьютеры обеспечивают качество библиотечных услуг, вполне приемлемое для решения многих практических задач⁶. С другой стороны, «библиотечный вклад» на этом заканчивается, дальше идут такие успехи вычислительной техники, о которых поколение 1970-х гг. могло только мечтать. Сегодня прикладной аспект автоматизации конкретных процессов (комплектования, библиографирования, обслуживания) скромен и имеет косвенное отношение к достижениям вычислительной техники. Работы в большинстве случаев ведутся параллельно, и темпы роста несопоставимы.

Вместе с тем обнаружилось, что библиографический язык как информационно-поисковый язык (ИПЯ), на котором осуществляется индексирование (ввод) и поиск информации, устроен на много порядков сложнее, чем предполагалось вначале.

Сегодня термином «виртуальная библиотека» чаще пользуются неспециалисты. Они сводят это понятие к чисто техническим аспектам в сфере обмена информацией, поскольку системы типа Интернет объединяют нас в некое общее пространство. На самом деле проблема гораздо глубже. То виртуальное, что существует вокруг нас, лишь средство на пути к цели.

Известна грустная шутка И. Ильфа: думали, что изобретут радио и осчастливят этим человечество. И вот радио есть, а счастья нет⁷. Перефразируя эту шутку, можно сказать, что даже самые лучшие компьютеры не сделают нас счастливыми, ибо мировая гармония недостижима при любом уровне компьютеризации, поскольку она зависит не от компьютера, а от тех, кто им пользуется.

Виртуальная библиотека (я понимаю ее как библиотеку реальных возможностей) включает в себя три основных компонента:

- феномен человека – библиотекарей и читателей;
- феномен текстов, преобразованных в цифровую форму, – электронные фонды;
- феномен технологической реальности – механизмы доступа к цифровым текстам и средства обеспечения сохранности электронных фондов.

Чтобы эти компоненты с интеллектуальной и финансовой точек зрения увязать в единую систему, нужна программа, которая предусматривала бы: 1) обоснование основной цели; 2) разработку единой политики (стратегии) обслуживания имеющимися фондами; 3) разработку предложений о более рациональном использовании собранных документов.

То, что существует сегодня (я имею в виду электронные коллекции разных библиотек), между собой никак не связано по принципу смыслового единства, позволяющего индексировать фонды по правилам общего синтаксиса, строить аппараты общих ссылок и т. п. Это в основном тематические подборки, неполные по охвату, отражающие фонд конкретной библиотеки, предназначенные скорее для ученого, чем просто для любознательного читателя⁸.

Единых национальных программ по преобразованию в цифровую форму документов в доступной литературе мне обнаружить не удалось. Существуют отдельные программы крупных библиотек мира: «American Memory», «Memoria Hispanica», «Ein Deutsche Bibliothek». Например, Библиотека конгресса уже имеет в цифровом варианте пять миллионов документов, доступных через Интернет⁹.

В виртуальной библиотеке принципиально изменится и путь книги. Когда будут введены уже написанные тексты, библиотека перешагнет видимое и реальное пространство. Новые книги вначале появятся на компьютере и останутся там до тех пор, пока не наберется определенное число читателей,

желающих иметь их в традиционном виде. Некоторые авторы пишут о создании «книги книг» – произведения, состоящего из виртуальных книг и принципиально рассчитанного на жизнь в сети. Один из таких проектов «Книги в квадрате» предложил литературовед М.Н. Эпштейн. «„Книга Книг“, – пишет автор, – состоит из множества виртуальных книг, представленных фрагментами, которые могут быть авторизованы всеми желающими и перерасти в самостоятельные книги, статьи, эссе, учебники, монографии... „Книга Книг“ – это Рай для мыслителей и – ведев: собрание новых, никогда не использованных идей и цитат.

Заготовки для множества книг, которые ждут своих авторов... В принципе любой читатель, который пожелал бы развить какой-то фрагмент.., может авторизовать этот фрагмент и получить от меня полную передачу авторских прав. То есть это опыт соборного сознания в рамках электронно-коммуникативных сетей»¹⁰.

Такое вот изобретение Михаила Эпштейна. Что-то заставляло меня воздержаться от комментария. Посмотрел еще одну из последних работ этого автора¹¹. И память подсказывала: нечто подобное уже встречалось, что-то похожее читал... И вспомнил. У Джонатана Свифта! «Путешествия Гулливера» (1726)! Свифт описывает оригинальный способ написания книг, из которых можно составить «компендию всех искусств и наук».

«Каждому известно, как трудно изучать науки и искусства по общепринятой методе; между тем с помощью его изобретения самый невежественный человек, производя небольшие издержки и затратив немного физических усилий, может писать книги по философии, поэзии, политике, праву, математике и богословию при полном отсутствии эрудиции и таланта. Затем он подвел меня к станку, подле которого рядами стояли его ученики. Станок этот имеет двадцать квадратных футов и помещается посредине комнаты. Поверхность его состо-

ит из множества деревянных дощечек, каждая величиною в игральную кость, одни побольше, другие поменьше. Все они сцеплены между собой тонкими проволоками. С обеих сторон каждой дощечки приклеено по кусочку бумаги; на этих бумажках написаны все слова их языка, в различных наклонениях, временах и падежах, но без всякого порядка. Профессор попросил меня быть внимательнее, так как он собирался пустить в ход свою машину. По команде этого ученого мужа каждый ученик взял железную рукоятку, которые в числе сорока были вставлены по краям станка; после того как ученики сделали несколько оборотов рукоятками, расположение слов совершенно изменилось. Тогда профессор приказал тридцати шести ученикам медленно читать образовавшиеся строки в том порядке, в каком они разместились в раме; если случилось, что три или четыре слова составляли часть фразы, ее диктовали остальным четырем ученикам, исполнявшим роль писцов. Это упражнение было повторено три или четыре раза, и машина была так устроена, что после каждого оборота слова принимали все новое расположение по мере того, как квадратики переворачивались с одной стороны на другую.

Молодые студенты занимались этими упражнениями по шесть часов в день; и профессор показал мне множество томов in-folio, составленных из подобных отрывочных фраз; он намеревался связать их вместе и из полученного таким образом материала дать миру полный компендий всех искусств и наук; эта работа могла бы быть, однако, еще более улучшена и значительно ускорена, если бы удалось собрать фонд для сооружения пятисот таких станков в Лагадо и сопоставить фразы, полученные на каждом из них»¹².

После Свифта возвратимся в конец XX столетия, к еще одному занимательному проекту, связанному с созданием книги. Американский писатель, профессор университета Бра-

ун в Нью-Йорке Роберт Кувер в статьях «Конец книг» («The End Books») и «Гиперлитература: Рассказы для компьютера» («Hyperfiction: Novels for Computer») на страницах газеты «New York Times» (1992. June 21; 1993. August 29) рассуждает о явлении, возникшем в Америке и распространившемся на Европу и Японию. Автор убежден, что электронная форма представления текста с использованием гипертекстовой технологии дает возможность читателю самому создавать многочисленные варианты и свои версии произведения, позволяет, другими словами, стать творцом текста. *«Гипертекст, – формулирует Р. Кувер, – это электронный текст, написание и чтение которого осуществляется на компьютере, где не властен порядок типографской печати, его тирания и его ограничения, поскольку текст существует в нелинейном пространстве, создаваемом процессором. В отличие от печатного текста с однонаправленным движением вместе с перелистыванием страниц, гипертекст – радикально иная технология, интерактивная и многоголосная, которая утверждает плюрализм дискурса над строго определенной фиксацией текста»*¹³.

Скажу сразу: я не против гипертекста и считаю, что при автоматическом построении и анализе научных текстов он крайне полезен и просто необходим. Например, при реферировании, составлении личных конспектов, сводных рефератов-подборок по аспектам содержания, приоритетным для пользователя (методы, подходы, результаты, выводы и др.). Вопрос в том, захочет или не захочет обычный читатель использовать эти технологии, что принесет ему такая свобода творчества? Чтобы не углубляться в комментарии, сошлюсь на мнение писателя Умберто Эко (я с ним согласен), которое он высказал в своей лекции в МГУ 20 мая 1998 г.

«Я хочу окончить лекцию панегириком тому конечному и ограниченному миру, который открывают нам книги. Вы читаете „Войну и мир“ и отчаянно надеетесь, что Наташа не примет ухаживаний этого жалкого негодяя

Анатоля. Вы отчаянно надеетесь, что этот восхитительный князь Андрей не умрет и что они с Наташей проживут долго и счастливо. Будь „Война и мир“ на гипертекстуальном интерактивном диске, вы могли бы переписать сюжет и создать бесконечное число „Войн и миров“, Пьеру Безухову удалось бы убить Наполеона или же, если ваши историко-политические симпатии иные, Наполеону удалось бы сразить Кутузова.

Но против книги делать нечего. Вам остается принять закон Рока и почувствовать неотвратимость Судьбы. Гипертекстуальный и интерактивный роман дает нам свободу и творчество, и будем надеяться, что эти уроки творчества будут иметь место в школах будущего. Но „Война и мир“ подводит нас не к бесконечным возможностям Свободы, а к суровому закону Неминуемости. Чтобы быть свободными, мы должны пройти этот урок жизни и смерти, и только книги способны передать нам это знание»¹⁴.

И еще одна непростая проблема для виртуального пространства. «...Я не думал, – констатировал в 2001 г. писатель-фантаст Станислав Лем, – что мир будет развиваться такими темпами. Не учел я и патологических изменений, которые может нести с собой прогресс... Нас заливают подлинный информационный потоп. В нем огромное количество пустого шума, информационного мусора. Несчастливых читателей и зрителей стремятся заманить самыми различными способами... Например, появляется поток новых книг, которые вытесняют ранее написанные, пусть даже обладающие высокими достоинствами, на какое-то кладбище книг, обрекают их на забвение. Если кто-нибудь напишет произведение, которое окажется способным циркулировать на рынке в течение каких-то 40 лет, – то это почти живой классик!»¹⁵.

Как в этой ситуации будет осуществляться учет, пополнение и документальная проверка фондов, их списание? Опять повторяю свой один и тот же «наивный» вопрос: кем стано-

вится библиотекарь? Ответственным хранителем знания «без субъекта знания» или простым распределителем информации, диспетчером на сервере? Приведу один из примеров.

В американском фильме «Roller Ball» (реж. Норман Джуисон, 1975) показана драматическая картина, сложившаяся в виртуальной библиотеке планетарного масштаба: в 2018 г. аннотации всех книг были внесены в память центрального компьютера планеты (под названием «Ноль») с очень сомнительной надежностью. В результате оказалась потерянной вся информация XIV в. И вот у этого ненадежного «Ноля» люди ищут ответы на свои вопросы. А кого винить в случившемся, у кого узнать, как решить проблему?

Неоднократно спрашивал себя, какая черта библиотечной профессии не то чтобы главная, но которая помогает нам выстоять, казалось бы, в безнадежных ситуациях и сохранить надежду на лучшее? Говорят, что библиотекари консервативны. Я с этим согласен. Это справедливо не только для России, но и для мира в целом. Я в этом неоднократно убеждался. Но, перефразируя классиков ленинизма, утверждаю, что есть консерватизм и есть консерватизм! Профессиональный библиотечный консерватизм изначально строится на идее сохранения накопленного веками книжного богатства, желании не причинить ему вреда, предохранить от разрушений и гибели, защитить от нападков дилетантства и некомпетентности. Или более лаконично: *консерватизм библиотекарей есть способ защиты от некомпетентности*. Наша профессия формирует особый психологический тип библиотечного работника: открытого, лишённого агрессивности, выдержанного, настроенного на диалог и желающего понять, что говорит и, главное, чего хочет от нас читатель. Наш консерватизм – это сдержанная реакция на нововведения, вторжение в библиотечное дело новых технологий. Исторический опыт свидетельствует, что за этим стоят поиски места под одной крышей различных специалистов, поиски оптимальных вариантов сосуществования разных средств и носителей инфор-

мации, повышающих в конечном счете комфортность библиотечной среды.

Библиотеко- и библиографоведение – точные гуманитарные науки. С этой точки зрения библиотечная практика сводится к очень надежной памяти и безупречному вниманию. Каждый хороший библиограф, как шахматист, который при разыскании (это – искусство) и поиске обязан рассмотреть большое число комбинаций и все их держать в памяти. Если этого качества нет, то профессиональная библиографическая деятельность недоступна. Огромную роль играет и интуиция. Творить в нашей профессии – это уметь распознавать, уметь выбирать из множества вариантов единственный, который дает надежду.

Когда виртуальная библиотека, по замыслу ее создателей (как правило, почти не учитывающих мнения библиотечкарей), окажется вместилищем текстов всего человечества и станет библиотекой планетарной, как будет в виртуальном пространстве разрешаться несоответствие личностного и библиотечного знаний? «Травматическое» ожидание читателем информации в условиях дефицита времени сохранится и, думаю, станет даже более актуальным. Будет ли традиционное пространство текстов отмирать, а вместе с ним и национальные библиотеки? Где будут обитать книги в привычной форме, только ли в домашних библиотеках? А какова вообще судьба книг, журналов и особенно газет, уже переведенных в микрофильмы и цифровую форму? Что станет с оригинальными произведениями?

Интересна история этого вопроса. Она свидетельствует о том, что судьба оригинальных текстов почти никого в прошлом не интересовала, все были поглощены достижениями техники и новыми ее возможностями. «На заре туманной юности» микрофотографии Поль Отле искренне верил, что радио, рентгеновские лучи, кино, микрофильмирование, собранные вместе по особой программе, смогут создать «механический коллективный мозг», своего рода «субстрат памяти», «внешний механизм и инструмент разума»¹⁶. В 1937 г. в Париже на

Всемирном конгрессе по документации была организована выставка с демонстрацией новых технологий для библиотек, в частности устройства для микрофильмирования, разработанного в Чикагском университете. Демонстрация американской технологии произвела большое впечатление на Г. Уэллса. Он был убежден, что в будущем могут появиться *«библиотеки микрофильмов, где будут храниться и свободно предоставляться фотоизображения каждой значительной книги или документа со всего мира»*¹⁷. И это действительно произошло.

А что же с подлинниками, с оригиналами текстов, какова их судьба? Сохранять или уничтожать? Однозначного ответа нет, как нет до сих пор и соответствующего законодательства. Даже в США, где, по идее, оно должно существовать уже, по крайней мере, лет пятьдесят. А ситуация приобретает почти скандальный характер. Она вышла за пределы библиотек и стала достоянием средств массовой информации.

7 апреля 2001 г. на сайте газеты «The New York Times» (www.nytimes.com/2001/04/07/arts) появилась статья, подготовленная журналистом Элен Скиолино (Sciolino): «Сохранение книг? Это не трудно, если они на бумаге» («Preserving Books? It's Easy on Paper»).

«Джеймс Биллингтон, директор Библиотеки конгресса, откинулся на спинку кресла в своем просторном кабинете с видом на Капитолий, сцепил руки на колене и сказал мне, что он потрясен, шокирован известием о том, что в Библиотеке конгресса был случай уничтожения книг.

„Я впервые слышу, что происходят подобные вещи, – сказал он в интервью, добавив – Это было, видимо, задолго до того, прежде чем я должен был что-то предпринять в Библиотеке. Я изучу этот вопрос и, полагаю, что смогу Вам ответить“. Ответ пришел от Уинстона Табба, его заместителя по обслуживанию читателей. „Это была обычная процедура, – рассказал он. – По существу,

все библиотечные книги шли под гильотину. Это – единственно доступная нам техника. Книги микрофильмировались, и мы избавлялись от бумажной основы, сохраняя ее содержание“.

Гильотинирование подразумевало, что с целью сохранения изданий библиотекари, следуя установившейся практике, разрезали переплеты книг, микрофильмировали страницы, а затем выбрасывали оригинал. Это логично обосновывалось тем, что кислотная бумага оригиналов недолговечна и микрофильмирование есть лучший способ их сохранения.

Подобная практика уничтожения книг ради их сохранения остановлена».

Интернет изменил уклад традиционной библиотечной жизни. Появились привлекательные молодые люди с заманчивыми предложениями (посредники – провайдеры), гарантирующие передачу на компьютер пользователя научной информации за небольшую плату. Но против этого есть серьезные аргументы, заслуживающие того, чтобы с ними считались, в частности, неконтролируемый рост числа электронных библиотек. Сейчас трудно судить о том, какие нас ждут перемены, но разделение поколения на «отцов и детей» уже произошло¹⁸.

Речь идет не о возрасте, а о психологии отношений. И «отцы», и «дети» теперь есть в любой крупной библиотеке. Их точки зрения на библиотеку и книгу сильно отличаются. Я бы сказал так: новые поколения («дети») мыслят компьютером, а старые («отцы») – книгой. Для «отцов» Интернет знакомый, но не совсем еще освоенный и не очень привычный феномен, чуждая среда. «Отцы» справедливо полагают, что наша цивилизация становится image-oriented – ориентированной сначала на картинку, образ, а потом уже на слово. Из этого следует, что «компьютер возвращает людей в Гутенбергову галактику»¹⁹. О том, что представляет собой галактика Гутенберга, можно судить по данным, приведенным в книге Е.Л. Немиров-

ского: только за 386 лет существования печатного станка увидело свет 3 681 960 названий книг²⁰.

В этом контексте Интернет становится не врагом книги, а, наоборот, ее союзником. Кроме того, «отцы» считают, что электронный носитель не может заменить книгу для чтения. Читать книгу – не то же, что читать дисплей. И более того! Невзирая на контакт со всем миром, люди будут скучать без привычного нормального общения. Интернет способствует одиночеству.

Для «детей» все наоборот: Интернет выступает как кровеносная система живого организма, где время между событием и его описанием сокращено до минимума. О верификации, т. е. проверке на истинность, не может быть и речи. В Интернете читатель вступает в самые разнообразные интерактивные отношения, ни о каком одиночестве, утверждают «дети», речи быть не может...

Но также лихо и отчетливо из их сознания уходит в прошлое традиционная культура книгопечатания, превращаясь в реликт. Сетевая техника, утверждают «дети», пришла, «чтобы ниспровергнуть власть другой техники – более древней, грубой и варварской, – чтобы уничтожить установленную Гутенбергом пятисотлетнюю тиранию печатного станка». Или, по-другому, более резко: *«Освенцим Гутенберга все еще ждет своего Нюрнбергского процесса»*²¹.

Итак, вопрос о том, какая профессиональная группа будет иметь приоритет в работе с информацией, остается открытым. Предположения последнего десятилетия, что ученые в один прекрасный день все изменят, что традиционная библиотека окажется архивом, музеем книги, производят на меня впечатление гиперболы в целях популяризации новшеств. К началу 90-х гг. XX столетия наметилось сближение двух культур, и это обнадеживает. Вместе с тем к имеющимся старым проблемам прибавились новые, вызванные ростом числа и возможностями электронных библиотек, несопоставимыми с темпами работы традиционных библиотек, хранящих печатную продук-

цию; условия задаются факторами вне библиотечного сообщества²².

И снова библиотекари оказываются под постоянным давлением. Чтобы не отстать, пытаются ускорить темп своего движения. Все это создает непропорционально огромную нагрузку на персонал библиотеки и ее бюджет. Например, Леон Литвак в «Library Journal» пишет о библиотечной системе в Беркли (Калифорния): *«В нашем жадном стремлении к внедрению новых информационных технологий отсутствует понимание необходимости равновесия, практически отсутствует осознание того, что разные научные дисциплины имеют разные потребности и не все они удовлетворяются новой технологией. А мы хватаемся за эту технологию, не глядя, не думая о расходах, эксплуатации и ценности»*²³.

Сегодня становится важным не столько иметь у себя первичную информацию, сколько знать, где она находится и как ее получить. Отсюда еще одна проблема при росте количества электронных библиотек – самосохранение библиотекарей как профессионалов, умеющих работать в новых условиях²⁴. Сегодня отчетливее стали звучать голоса библиотекарей в защиту собственного приоритета. В литературе справедливо подчеркивается, что современный библиотекарь ответственен за сохранность и распределение накопленного знания. Отрадно, что новая технология используется для повышения статуса и возможностей библиотечной профессии. Компьютеры рассматриваются не как угроза, а как экономический и профессиональный ресурс библиотекаря. В современных библиотеках США молодым научным работникам говорят, что первый шаг на пути к научным исследованиям состоит в том, чтобы познакомиться с библиотекарем-консультантом предметной области²⁵.

*«Профессии, – доказывает в своей книге американский философ Ричард Рорти, – могут пережить парадигмы, породившие их»*²⁶. Смена теоретических представлений о библиотекведении рассматривается как смена одной парадигмы

другой. Эта смена происходит не случайно и не скачкообразно, а постепенно, формируя в старой (функциональной) парадигме ростки новой (когнитивной, знаниевой).

Когнитивная перспектива интересуется внутренней структурой и представлением знания в библиотечных системах с целью повышения интеллектуального потенциала пользователя. Уже есть специалисты, которые этим занимаются, пока, правда, их мало. Зато тот, кто работает в рамках понимания такой парадигмы, подготавливает себя к новым задачам.

Примечания

¹ Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton: Princeton Univ. Press, 1962. 416 p. Через четыре года эту книгу опубликовали в русском переводе: Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / пер. с англ. И.И. Дюмулена, У.И. Козлова, М.З. Штернгарца; вступ. ст. Г.В. Полуниной; ред. Е.И. Розенталь. М.: Прогресс, 1966. 462 с.

См. также более поздние работы Ф. Махлупа и его коллег: Machlup F. Knowledge and Knowledge Production. Princeton: Princeton Univ. Press. 1980. Vol. 1. 272 p.; Machlup F., Kenneth L. a. oth. Information through the Printed Word: The Dissemination of Scholarly, Scientific, and Intellectual Knowledge. Vol. 1: Book Publishing. Vol. 2: Journals. Vol. 3: Libraries. Vol. 4: Books, Journals, and Bibliographic Services. New York, 1978–1980.

² Drucker P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society. New York: Harper & Row, 1968. 394 p.

³ Вопросы развития экономики знаний в России стали предметом специального обсуждения на научной сессии Общего собрания РАН 19 декабря 2002 г. Подробнее об этом см. доклад В.Л. Макарова, а также выступления Е.П. Велихова, А.А. Дынкина, С.М. Рогова и Ю.С. Осипова (Макаров В.Л. Экономика знаний: Уроки для России // Вестн. РАН. 2003. Т. 73, № 5. С. 450–462).

⁴ См., напр.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Наука, 1998. С. 147–149.

⁵ Подробнее см. об этом: Lash S. Critique of Information. London; Thousand Oaks (Ca.), 2002. 234 p.

⁶ См., напр.: Леонов В.П. Реферирование и аннотирование научно-технической литературы. Новосибирск: Наука, 1986. С. 102–135.

⁷ *«В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет»* (Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Ильф И. Записные книжки (1925–1937). М., 1996. С. 171).

⁸ Подробнее см.: Бодике М. Виртуальная библиотека: Фантазия и реальность // Информационные технологии в библиотеках на рубеже веков: Проблемы, поиски, решения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 20–22 окт. 1998 г. Минск, 1999. С. 24–33.

⁹ Напомню, что из 123 млн единиц хранения документальный фонд Библиотеки конгресса составляет около 23 млн томов.

¹⁰ См.: Эпштейн М.Н. 1) Книга, ждущая авторов // Иностран. лит. 1999. № 5. С. 217–228; 2) Из тоталитарной эпохи – в виртуальную: Введение в книгу книг // Континент. 1999. № 102. С. 355–366; 3) «Еще один ГУЛАГ – Архипелаг Гонимых Умов, Логических Альтернатив и Гипотез»: Беседа с М. Эпштейном / беседу вела Лиля Панн // Лит. газета. 1998. № 41. 14 окт. С. 1, 6.

¹¹ Эпштейн М. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. С. 43–47, 180–181, 207–219, 243–247.

¹² Свифт Д. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. СПб., 1993. С. 370–373.

¹³ The End of Books // New York Times. 1992. 21 June.

¹⁴ Эко У. От интернета к Гутенбергу // Нов. лит. обозрение. 1998. № 32. С. 14.

Помимо электронных гипертекстовые свойства проявляются и в произведениях, напечатанных традиционным способом.

Примером популярной гиперлитературы такого рода может служить проза сербского писателя Милорада Павича. См.: Павич М. Ящик для письменных принадлежностей. СПб.: Азбука, 2000. 207 с. Среди других его романов можно назвать: «Пейзаж, нарисованный чаем», «Внутренняя сторона ветра», «Последняя любовь в Константинополе».

¹⁵ «Плохо, когда все позволено»: Беседа со Станиславом Лемом / беседу вел Ежи Садецкий // Нов. Польша. Варшава, 2001. № 7–8 (22). С. 108, 111.

¹⁶ Цит. по: Boyd Rayward W. H.G. Wells's Idea of Word Brain: A Critical Reassessment // Jour. Amer. Society for Information Science. 1999. Vol. 50, № 7. P. 563–564, 571.

¹⁷ Muddiman D. The Universal Library as a Modern Utopia: The Information Society of H.G. Wells // Library History. 1988. Vol. 14, № 2. P. 92, 100.

¹⁸ Сонькин В. Отцы и дети в интернете // Нов. лит. обозрение. 2000. № 43. С. 322–326.

¹⁹ Эко У. От Интернета к Гутенбергу. С. 6.

²⁰ Немировский Е.Л. Изобретение Иоганна Гутенберга: Из истории книгопечатания. Технические аспекты: К 600-летию со дня рождения И. Гутенберга. М.: Наука, 2000. С. 616.

²¹ Корнеев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна: Интернет как место обитания литературы // Нов. лит. обозрение. 1998. № 32. С. 30, 34.

²² Алешин Л.И. Дефиниция «Электронная библиотека» – важный аспект настоящего и будущего библиотек // Информ. общество. Информ. ресурсы и технологии. Телекоммуникации: НТИ-2000. М., 2000. С. 10–11.

²³ Library Journal. 1998. Vol. 123, № 5. P. 12–13.

²⁴ Земсков А.И. Перспективы развития научно-технических библиотек на ближайшее десятилетие (на примере ГПНТБ России) // Информ. общество. Информ. ресурсы и технологии... С. 130.

²⁵ Болес М.Д. Информационные войны: Две культуры и конфликт в информационном поиске. 1945–1999 гг. // Междунар. форум по информации. 2000. Т. 25, № 3. С. 9–10.

²⁶ Рорти Р. Философия и зеркало природы / науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 291.

Опубликовано: Библиотеки и библиотечное дело в эпоху компьютеризации: возможности и перспективы / В.П. Леонов // Электротехника, энергетика, экология – 2004 («ЭЭЭ – 2004»): сб. тр. междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения акад. РАН И.А. Глебова (Санкт-Петербург, 12–15 сент. 2004) / науч. ред. Г.В. Рубисов. – СПб., 2004. – С. 267–275.

4.3. «Черный квадрат» и мобильная библиотека: опыт прочтения

Каждый раз, когда появляется новая информационная технология, она словно заявляет, что будет нарушать правила и законы, которые сформировались до нее. Она хочет казаться особенной, уникальной. На самом деле все наоборот. Новые информационные технологии требуют длительного освоения новых языков, тем более, что наше мышление уже сформировано языками, предшествовавшими появлению новшеств. Настоящую статью можно рассматривать как продолжение ранее опубликованной работы «Связь печатной и электронной книги: раздумья, предложения»¹. Рассуждения, которые я хотел бы представить читателю, больше подойдут, видимо, для фантастического рассказа, чем для научной публикации. Для начала обратимся к истории заявленной темы.

...Август 1945 года. Завершается Вторая мировая война. Научный советник американского президента Франклина Рузвельта Ванневар Буш (Vannevar Bush, 1890–1974) в престижном научном журнале «Atlantic Monthly» публикует статью «Возможный способ нашего мышления» («As we may think»)². Эта удивительная статья-рассуждение, объемом более двух печатных листов, многократно воспроизводилась на разных языках мира и продолжает активно цитироваться в настоящее время. Русский ее перевод впервые появился только спустя 55 лет, в 2001 г. в журнале «Международный форум по информации»³. В этой статье В. Буш сформулировал идею электронной книги, описав фотоэлектромеханическую машину Мемекс (Memex), предназначенную для хранения и структурирования информации с возможностью ее пополнения, перезаписи и передачи на другие терминалы. Она должна была обладать функцией поиска и осуществлять автоматические переходы между близкими по тематике текстами или иллю-

страциями. Говоря современным языком, это было первое описание *гипертекстовой технологии*.

Мне показались интересными для современных читателей рассуждения В. Буша. Я предлагаю краткий реферат – экстракт этой статьи:

«Наша неспособность использовать записанное знание вызвана искусственностью систем индексации... Человеческий ум не работает таким образом. Он оперирует ассоциациями. Восприняв один документ, он немедленно переходит к следующему, предложенному ассоциацией мыслей в соответствии с некоторой сложной сетью следов, запечатленных в ячейках мозга... Выбор по ассоциации, а не по индексированию может теперь быть механизирован...

Представьте себе будущее устройство для индивидуального пользования, которое явится чем-то вроде частной механизированной картотеки или библиотеки. Ему нужно имя, и я наугад его выдумую, оно будет «мемекс». Мемекс – это устройство, в котором каждый хранит свои книги, записи, и переписку и которое так механизировано, что его можно просматривать с огромной скоростью и гибкостью. Оно будет расширением личной памяти каждого.

Оно состоит из рабочего стола, и хотя предположительно с ним можно будет работать на расстоянии, прежде всего – это предмет мебели, за которым работают. На его поверхности наклонно стоят прозрачные экраны, на которые проецируется материал для удобного чтения. На нем находятся клавиатура, набор кнопок и рычагов. В остальном, оно похоже на обычный стол...

Это позволяет, однако, сделать непосредственный шаг к ассоциативному индексированию, главная идея которого – условие, что любой документ может быть по желанию вызван так, чтобы немедленно и автоматически был выбран другой. Это существенная

особенность мемекса. Процесс связывания вместе двух документов является важной вещью... И более того, каждый документ может быть объединен с другими документами многочисленными связями...

Появятся совершенно новые формы энциклопедий с проложенными по ним сетями ассоциативных цепочек, готовые к введению в мемекс и расширению в нем... Это – новая профессия сетевых распространителей, которые находят удовлетворение в задаче установления полезных цепочек в огромной массе записанных знаний. Наследием мастера становится его вклад не только в мировую сокровищницу знаний, но и его последователей, и все леса, с которых это здание возводилось... Вероятно, человеческий дух возвысится, если он сможет лучше обзреть свое темное прошлое и более полно и объективно проанализировать свои нынешние проблемы. Он создал такую сложную цивилизацию, что нуждается в более полной механизации своих записей...

Применение науки подарило человеку благоустроенный дом и научило его вести в нем здоровый образ жизни... Теперь оно может позволить ему правильно организовать большой объем знаний и подняться к мудрости человеческого опыта...»⁴.

В реальности машина Метех так и не была создана, но она позволила образно представить принцип организации информации, впоследствии воплотившийся, как уже отмечалось, в гипертексте. Устройства, которые в полном смысле этого слова можно назвать первыми электронными книгами, были выпущены только в 1998 году. Следует отметить, что за термином «электронная книга» (от англ. *Electronic Book*, сокр. *e-book*) скрываются два различных понятия: в одном случае это – электронный документ, в другом – специализированное компактное устройство, оснащенное программным обеспечением для чтения электронных документов (букридер). От аналогичных устройств, позволяющих читать электронные тек-

сты, электронная книга отличается тем, что экран ее дисплея повторяет пропорции книжной страницы⁵.

В 1998 г., почти одновременно, две конкурирующие между собой корпорации SoftBook Press и NuvoMedia выпустили букридеры SoftBook и Rocket eBook. По своим техническим характеристикам они были далеки от совершенства (отсутствие возможности длительной работы в автономном режиме, монохромный экран, низкий контраст изображения, затрудняющие чтение блики, короткая текстовая строка) и не смогли завоевать популярность на потребительском рынке.

Появившиеся позже электронные книги, несмотря на значительное увеличение времени автономной работы, имели ряд недостатков (длительная прорисовка экрана и отсутствие подсветки) и также оказались мало востребованными. Разработанные в конце прошлого столетия технологии «электронных чернил» и «электронной бумаги» позволили создать дисплеи для электронных книг, формирующие изображение в отраженном свете, как обычная бумага. Они используют электропитание только для обновления страницы, что обеспечивает низкий уровень энергопотребления. Первое устройство, основанное на технологии «электронной бумаги», было выпущено в 2005 г. компанией Sony.

Событием в развитии электронных устройств для чтения стал выпуск в 2007 г. компанией Amazon букридера Kindle. Его особенностью были не столько технические характеристики, сколько открывающиеся после покупки возможности. Пользователи Kindle получали доступ к базе электронных книг крупнейшего интернет-магазина Amazon и предложение оформить подписку на одно из ведущих периодических изданий США с доставкой контента на устройства.

По сравнению с печатной электронная книга имеет как преимущества, так и недостатки. Букридер позволяет хранить в памяти тексты нескольких тысяч электронных документов, то есть фактически иметь под одной «обложкой» целую библиотеку, размер которой ограничен только объемом памяти

устройства. Кроме того, практически все продаваемые сегодня модели позволяют расширять ее объем с помощью карт флэш-памяти. Электронную книгу, имеющую компактные размеры, значительно проще транспортировать. Небольшое по габаритам и легкое по весу устройство может заменить, например, портфель с учебниками.

Широкие возможности настройки изображения (букридер позволяет менять начертание и размер шрифта, автоматически перелистывать страницы) делают чтение комфортным, а создание закладок, пометок и наличие функции поиска облегчают ориентирование в текстах, независимо от их объема. С помощью букридера можно не только читать тексты, но и просматривать анимированные картинки, мультимедийные клипы, а также прослушивать аудиокниги. Некоторые модели снабжены встроенными синтезаторами речи, позволяющими озвучивать тексты. Однако устройства для чтения электронных книг более чувствительны к физическим воздействиям, чем печатные книги. Кроме того, они, несмотря на низкое потребление энергии, требуют периодической подзарядки⁶.

Изложенное позволяет утверждать, что при миллионных количествах электронных книг-документов пришло время функционального оформления сложившейся ситуации в соответствии с новейшими достижениями информационных технологий в дизайне электронных книг-устройств. Вернемся к реалиям сегодняшнего дня.

...Июль 2010 года. Исторический рубеж пройден: в США в интернет-магазине Amazon уровень продаж электронных книг превысил уровень продаж бумажных. Этот момент был ожидаем – в печати его давно предвосхитили: «...похвалили прогресс, выразили сомнение в прогрессе, посчитали сравнительную стоимость бумажного и электронного просвещения и наслаждения, пожалели Гутенберга и его детище, ностальгически вспомнили книжное детство и юность...»⁷.

Новый мир, новая литература, новый читатель уже стоят на пороге или кроются тенью в поиске разнообразных устройств

для чтения электронных книг⁸. Об этом можно судить по тем изменениям, которые произошли с 1998 года. Следовательно, возникла необходимость в специалистах, которые профессионально бы создавали функционально наполненный дизайн для новых форм электронных книг – с учетом модификаций известных библиотечных процессов, включая:

- комплектование индивидуальных специализированных мобильных библиотек по заказу пользователей;
- комплектование так называемых «золотых библиотек» (лучшие книги для массового чтения);
- формирование электронного каталога мобильной библиотеки;
- дистанционную доставку электронной книги из библиотеки-держателя по запросу пользователя;
- установление связи с виртуальной справочной службой библиотеки.

Как согласовать эти операции со специалистами в области информационных технологий и библиотекарями-профессионалами при разработке концепции мобильной библиотеки? Надо искать тропинки друг к другу. Один из путей-подсказок мне видится в обращении к истории, в частности, как это не покажется странным, к опыту русского авангарда, к «Черному квадрату» Казимира Малевича (1878–1935).

Летом 1913 г. в журнале «За 7 дней» появилось сообщение о «Первом Всероссийском съезде баячей будущего» (поэтов-футуристов). В декларации съезда, делегатами которого были А.Е. Кручёных (1886–1968), К.С. Малевич, М.В. Матюшин (1861–1934), провозглашалась задача: *«Уничтожить устаревшее движение мысли по закону причинности, беззубый здравый смысл...»*⁹. Декларация также объявляла о создании театра «Будетлянин». В декабре того же года в театре состоялась премьера оперы «Победа над солнцем». Музыка к опере написал М. Матюшин, текст – А. Кручёных и В. Хлебников (1885–1922)¹⁰. К. Малевич работал над декорациями, в которых использовал абстрактные геометрические фигуры¹¹.

Позже, в 1915 г., готовя эскизы сценографии для отдельного издания либретто оперы, фигуры на заднике сцены он заменил черным квадратом. В нем К. Малевич увидел эталон нового искусства, *«зародыш всех возможностей ... фундамент, первооснова всего, родоначальник куба и шара»*¹². Все лето и осень 1913 года К. Малевич работал над полотнами, в которых получала свое воплощение новая живописная система. На «Последней футуристической выставке «0,10»» (декабрь 1915 – январь 1916 г.) он выставил 39 супрематических работ, среди них – «Черный квадрат» (первоначальное название картины – «Четырехугольник»)¹³.

Новое искусство – супрематизм – стало разновидностью нового языка. К. Малевич открыл дорогу профессиональному дизайну, в котором «Черный квадрат» стал первой буквой, а далее последовали «Черный круг», «Черный крест», «Красный квадрат». Верно заметил профессор искусствоведения Н.Н. Громов, что это направление как возглас «Эврика!» обозначило открытие нового пути: от беспредметной «живописи» к «живописным» предметам¹⁴.

Новую деятельность предстояло еще обосновать, дать ей определение и наметить способы применения. По словам К. Малевича: *«Сведенные к крайним позициям (чистая плоскость, квадрат, круг, крест), до предела экономные, супрематические „фигуры“ составляли основу того нового языка, который мог выразить „целую систему миростроения“»*¹⁵. Данная система «миростроения» была положена сначала в устав витебского объединения «Уновис» – Утвердителей нового искусства, а затем в программу Государственного института художественной культуры (Гинхук), первого по своей сути исследовательского института дизайна (Ленинград. 1924–1926 гг.). Постепенно «Черный квадрат» становился «брэндом» всего русского авангарда. Так фактически подтвердилась утилитарная сторона художественных открытий первооткрывателей дизайна. В послесловии своей статьи Н.Н. Громов приводит следующий интересный пример.

«В начале XX века американская компания „Зингер“ производила швейные машинки, станина которых отливалась из чугуна и имела в качестве декорирующих элементов имитации тауширования в стиле неоготики, неорококо или модерна. При малых партиях товара эта игра в стили позволяла покупателю делать выбор. Но при миллионных количествах выпускаемой продукции эстетическая сторона уже не воспринималась как некая уникальная составляющая товара. Но, главное, стилизованная «под старину» станина вступала в противоречие с прогрессивным, рационально продуманным механизмом машинки. Одним словом, пришло время функционального оформления швейных и прочих „машин“ – автомобилей, аэропланов и всего того, что делается потоком на конвейере, из современных материалов и в соответствии с новейшими технологиями. И, значит, возникла необходимость в специалистах, не декораторах, имитирующих стили и эпохи, а творцах новых художественных форм. В этом направлении, фактически на одном энтузиазме, работали К. Малевич, В. Татлин, А. Родченко, Н. Удальцова, Л. Попова и их зарубежные коллеги – П. Мондриан, Т. ван Дусбург, Р. Делоне, Ф.Л. Райт и т. д.»¹⁶.

...Вернемся к библиотекам. Мобильная библиотека как разновидность массовой технокультуры – это требование, предъявляемое нам сегодня. В отличие от традиционной, она, становясь массовой технокультурой, уже не ускоряет историю, а порождает головокружительное ускорение реальности. Создание мобильной библиотеки предполагает проявление ин-формационными работниками и библиотекарями совместного творчества, умений и интеллектуальных затрат. Нет ничего труднее, с моей точки зрения, чем переделать традиционную массовую библиотеку в библиотеку мобильную. Книги дарят ощущение комфорта. *«Книги... согревают, окутывают, защищают от ошибки, от неуверенности...»¹⁷.*

Анне Манген (Anne Mangen) – исследователь из университетского Центра изучения чтения (Ставангер, Норвегия), с мнением которой невозможно не согласиться: чтение, независимо от того, читаем мы для удовольствия, для образования или для работы, – это мультисенсорный процесс. Иными словами, в процесс чтения вовлечены разные органы чувств и разные ощущения. Мы читаем не только глазами. Мы держим в руках книгу, переворачиваем страницы, при этом наши пальцы испытывают тактильные ощущения, которые непосредственно связаны с носителем информации – книгой. Физические ощущения и манипуляции при чтении книги действуют на человека успокаивающе, помогают сосредоточиться на содержании текста. В процессе чтения работают связи между сенсорно-моторными и когнитивными процессами на уровне разных областей мозга. Электронный же текст лишен «физической сущности»¹⁸. Вслед за А. Манген могу заметить, что, возможно, у вас, как и у меня, порой возникает желание: войти в комнату с книгами и просто смотреть на них, не прикасаясь. Поэтическим языком это состояние выразил Ю.Д. Левитанский (1922–1996):

*Жить среди книг, хотя бы не читая,
Лишь ощущать присутствие вблизи,
Как близость леса или близость моря...*

Глядя на книги, многие из нас переживают сложные чувства, которые однозначно трудно выразить словами. Этот опыт завораживает, интригует и, в то же время, успокаивает. Подобное можно пережить не только в библиотеке, но и в книжном магазине. Кто из нас не приходил посмотреть на книги и просто подышать запахом книг, стоящих на полках? Созерцать книги, чтобы почерпнуть из них знания. Все эти книги, которые вы не читали, что-то вам предвещают...

Нужны новые нетривиальные идеи и новые конструктивные предложения. Нужно новое прочтение «Черного квадрата»...

Примечания

¹ Леонов В.П. Связь печатной и электронной книги: раздумья, предложения // Мир библиографии. 2009. № 2. С. 2–5.

² Bush V. As We May Think // Atlantic Monthly. 1945. Vol. 176. № 1. P. 101–108.

³ Буш В. Возможный способ нашего мышления // Междунар. форум по информации. 2001. Т. 26. № 4. С. 4–11.

⁴ Там же. С. 9–11.

⁵ Оптимальные пропорции книги складывались веками. Ян Чихольд (1902–1974) писал: *«Две постоянные величины правят пропорциями хорошо сделанной книги: рука и глаз. Здоровый глаз всегда удален от книжной страницы на две пяди, и все люди одинаково берут книгу в руки»*. И еще: *«...книга не объект для тех, кто хочет... создать „новое“. В типографском искусстве ничего нового в строгом смысле этого слова быть не может. За прошедшие века были разработаны методы и правила, которые уже не улучшить и которые надо только пробуждать к новой жизни и вновь использовать, потому что на протяжении последних ста лет о них все больше стали забывать. Лишь таким путем можно делать совершенные книги»* (Чихольд Я. Облик книги: избранные статьи о книжном оформлении / пер. с нем. М., 1980. С. 53, 17–18).

⁶ В скором времени появятся книги на солнечных батареях (Электронная книга на солнечных батареях от LG Display [Электронный ресурс] // Novate. 2010. Сент. Режим доступа: <http://www.novate.ru/blogs/201009/13233>; BenQ создает электронную книгу на солнечных батареях [Электронный ресурс] // Readers: информация об электронных книгах и устройствах для чтения. 2010. 2 сент. Режим доступа: <http://readers.su/news/157-benq-sozdaet-elektronnuju-knigu-na-solnechnyh-batarejah.html>).

⁷ Кобрин К.Р. О пользе книг [Электронный ресурс] // Полит. РУ. 2010. 31 авг. Режим доступа: <http://www.polit.ru/author/2010/08/17/kobr170710.html>.

⁸ Рух А. Океан ждет. Электронные книги/бумажные книги // Новый мир. 2009. № 7. С. 136–142; Шрайберг Я.Л. Первое десятилетие информационного века: влияние информационно-электронной среды на роль и позицию библиотек в развивающемся обществе: ежегодный доклад конференции «Крым-2010» // Науч. и техн. б-ки. 2011. № 1. С. 49–55.

⁹ Первый Всероссийский съезд баячей будущего: хроника // За семь дней. 1913. № 32 (122), 15 авг. С. 5.

¹⁰ Интересно, что в 1920–1921 гг. Л. Лисицкий разработал проект постановки оперы «Победа над солнцем» как электромеханического представления: актеров заменяли огромные марионетки, которые должны были перемещаться по сцене при помощи электромеханической установки. Частью сценографии оказывался сам процесс управления марионетками, а также звуковыми и световыми эффектами (Театр в творчестве художников 1920–1930-х гг. [Электронный ресурс] // Антиквар. Режим доступа: <http://antikvar.ua/news/227>).

¹¹ «К настоящему времени известны 26 эскизов <...> Один из них воспроизведен на обложке издания „Победы над Солнцем“ – книжечки с либретто и музыкальными фрагментами оперы. Она продавалась в дни спектакля. Другой эскиз репродуцирован в книге Б. Лившица „Полутораглазый стрелец“ (Л.: Изд-во писателей, 1933. 300 с. – В.Л.). Местонахождение этих рисунков неизвестно. Двадцать эскизов демонстрировались на выставке, устроенной Л. Жевержеевым в декабре 1915 года. Сейчас они хранятся в Ленинградском государственном театральном музее (Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства. – В.Л.). Кроме того, шесть эскизов принадлежат Русскому музею» (Ковтун Е.Ф. «Победа над Солнцем» – начало супрематизма // Наше наследие. 1989. № 2. С. 25–29).

¹² Малевич К.С. Письма к М.В. Матюшину // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 г. Л.: Наука, 1976. С. 180.

¹³ Известны четыре авторских варианта картины. Первый «Черный квадрат» (холст, масло; 79,5 × 79,5; Государственная Третьяковская галерея) выполнен в 1915 г. и впервые показан К. Малевичем на «Последней футуристической выставке картин «0,10»». Второй «Черный квадрат» (холст, масло; 106 × 106; Государственный Русский музей) создан в 1923 г. для Международной выставки в Венеции. В работе К. Малевичу помогали его ученики – Н.М. Суетин, А.А. Лепорская и К.И. Рождественский. Третий «Черный квадрат» – авторская копия первого квадрата (холст, масло; 79,5 × 79,5; Государственная Третьяковская галерея), сделанная к персональной выставке К. Малевича в Третьяковской галерее в 1929 году. Наконец, четвертый «Черный квадрат», хранившийся у родственников Малевича в Самаре, а затем – в коллекции Инкомбанка, теперь находится в Эрмитаже (Туровский А. О Казимире Малевиче: [интервью] [Электронный ресурс] / подгот. А.И. Рудзитский // Антиквар. 2009. № 3. Режим доступа: <https://life.pravda.com.ua/society/2009/04/9/17532/>).

¹⁴ Громов Н.Н. «Черный квадрат» как тема для размышлений // Традиции художественной школы и педагогика искусства: сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2005. Вып. II. С. 26–33.

¹⁵ Сарабьянов Д.В. К.С. Малевич и искусство первой трети XX века // Казимир Малевич. 1878–1935. Ленинград–Москва–Амстердам: каталог выставки. Амстердам: Городской музей, 1988. С. 70.

¹⁶ Громов Н.Н. «Черный квадрат»... С. 32.

¹⁷ Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! / Ж.-К. Карьер, У. Эко; интервью Ж.-Ф. де Тоннака; пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 258.

¹⁸ Mangen A. Hypertext Fiction Reading: Haptics and Immersion // Jour. of Research in Reading. 2008. Vol. 31. № 4. P. 404–419.

Опубликовано: «Черный квадрат» и мобильная библиотека: опыт прочтения / В.П. Леонов // Библиотековедение. 2011. № 2. С. 36–42.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. БИБЛИОГРАФИЯ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

5.1. Библиографоведение – наука фундаментальная: (круглый стол «СБ» на тему «Современная библиографоведческая парадигма»)

С точки зрения внедрения новых информационных технологий в библиотечно-библиографические процессы существующие теории библиографии (с позиций книговедческого, системного, деятельностного подходов) построены на концепции избыточности комплектования документальных фондов. В соответствии с ней документальные фонды, рассредоточенные в книгохранилищах разного уровня, неоднократно дублируются, вследствие чего библиотеки обладают устойчивостью, надежностью и относительной независимостью от меняющихся условий внешней среды. Дублируются также, с той или иной степенью детализации, процессы библиографирования и библиографического обслуживания.

Теоретические основы библиографии формируются, главным образом, исходя из существующей практики, накопленных методических приемов, их осмысления и обобщения. Прогностический аспект теории при таком подходе развивается чрезвычайно медленно и зависит от многих компонентов, в частности, от важнейшего из них – отсутствия полноты описания всех библиотечно-библиографических процессов вне связи с практикой и условиями реализации библиографической

информации. Преобладающей по этой концепции становится идея вспомогательного библиографоведения как науки и научной дисциплины.

В современных условиях ситуация меняется кардинально. Несмотря на прогнозы 70-х гг. по поводу наступления эры «безбумажной» информации, издания в печатной форме продолжают оставаться основным средством передачи знаний. Однако резко возросла их стоимость, причем не только внутри страны, но и за рубежом, что особенно тревожно из-за отсутствия достаточных валютных ассигнований в распоряжении библиотек. Подорожание коснулось и материально-технических средств, обеспечивающих нормальное функционирование библиотечно-библиографических процессов. Тенденция роста стоимости как печатной продукции, так и материально-технических средств усиливается и носит необратимый характер. Можно предположить, что избыточность комплектования документальных фондов будет сокращаться до необходимого минимума. Вследствие этого важно взаимодействие между библиотеками различного уровня, что немыслимо без внедрения новых информационных технологий.

В некоторых областях науки и техники обмен библиографической информацией уже идет только в машиночитаемой форме. Трудность состоит в том, что нетрадиционные средства доступа к информации используются недостаточно в силу различных причин. Основная из них – высокая стоимость поиска и хранения в автоматизированных системах, отсутствие оригинала или ксерокопии нужной читателю публикации. Выход видится в создании совместных мощных центров библиографического поиска по фондам крупных библиотек, для чего понадобятся значительные финансовые вложения.

В условиях активного внедрения информационных технологий можно выделить три фактора, которые влияют на развитие библиографии и ее новое теоретическое осмысление.

Первый фактор – оперативность. В дополнение к традиционно понимаемой оперативности машиночитаемый формат

способствует качественному ее улучшению, например, при подготовке указателей к периодическим изданиям или сборникам еще до появления их в печатной форме.

Второй фактор, связанный с внедрением новых технологий, предполагает обеспечение читателям интерактивного доступа к национальным и международным библиографическим ресурсам. Открываются богатые возможности на пути совершенствования методов поиска информации и предоставления новых услуг.

Третий фактор – распространение полнотекстовых баз данных, которые усилят роль библиографического поиска. К таким базам данных понадобятся «ключи», входы – их роль выполнит библиография – в виде предметных рубрик, аннотаций, рефератов. Возрастет необходимость ускоренного внедрения в этих условиях не локальных, а промышленных систем автоматического реферирования, автоматизации предметизации.

С массовым появлением автоматизированной технологии новый импульс получит информационный подход к библиографоведению. Его надо рассматривать как переходный. Он предполагает в качестве обязательного условия полное и детальное алгоритмическое описание всех библиографических процессов, которые наиболее адекватно представлены в крупных библиотеках. Наличие формализованных описаний документов на базе автоматизированной технологии будет способствовать обмену библиографической информацией в машиночитаемой форме, преодолению межнациональных барьеров, пересмотру советских и зарубежных концепций теоретических основ библиографии. Понадобится новое осмысление устоявшихся принципов и взглядов на партийность, научность и доступность библиографической информации, на методическую работу, методическое руководство и др. По мере их переосмысления библиографоведение освободится от концепции вспомогательной науки и все отчетливее будет ощущаться его интернациональный характер. Дальнейшее

развитие теории библиографии пойдет в рамках фундаментальной науки.

Опубликовано: Библиографоведение – наука фундаментальная: (круглый стол «СБ» на тему «Соврем. библиографовед. парадигма») / В.П. Леонов // Совет. библиогр. 1991. № 3. С. 54–56.

5.2. О журнале «Советская библиография» и указателе к нему

Открывая указатель содержания журнала «Советская библиография» за 1971–1991 гг., читатель должен помнить, что и сам журнал, и большинство представленных в нем материалов по своему содержанию относятся к уже ушедшей с исторической сцены эпохе, отражает в себе ее черты и нравы. До 1978 г. сборник, а затем журнал «Советская библиография» был одним из профессиональных изданий, престижных в нашей стране. Журнал пытался наиболее полно отразить библиографическую жизнь своего времени, последовательно стремился сохранить единство библиографической науки и практики.

Очень трудно писать о журнале, которого уже нет. На смену ему пришел другой – «Библиография». Тот, первый, стал историей, однако не некролог мы должны писать ему, а сказать добрые слова благодарности за то, что он был таким, за то, что учил не одно поколение своих читателей, предоставлял лучшие свои страницы для первых публикаций никому не известных авторов, становившихся со временем ведущими учеными в области библиографии.

Журнал был детищем своего времени, того времени, когда наша история библиотечного дела и библиографии со всей ее противоречивостью, непредсказуемостью подменялась запрограммированной псевдоисторией. Процессы, происходившие в ней, лишались событийного статуса, превратившись лишь в иллюстрацию того, что изначально определялось характером господствующей идеологии. «Советская библиография» в меру сил сопротивлялась псевдоистории. Нам еще предстоит разработать особую методику чтения заидеологизированных текстов того периода, особенно исторического и обзорного характера, чтобы отделить зерна от плевел, чтобы почувствовать непрерывность процесса развития библиографической

мысли. Уверен, что это будет увлекательное занятие, которое привлечет новых сторонников.

Сгруппировав в «Общем разделе» указателя работы, отражающие идеологическую направленность библиографии, составители сделали наглядными идеологические установки советской библиографии 1971–1991 гг., в соответствии с которыми на страницах журнала публиковались и работы марксистско-ленинской тематики, и статьи по коммунистическому воспитанию, а с другой стороны, с конца 80-х годов – статьи, посвященные библиографической программе «Русское возрождение»; был введен специальный раздел «Библиографическая реабилитация» с материалами, посвященными А. Галичу, В. Шаламову, Л. Троцкому, Л. Каменеву, Е. Замятину, А. Рыкову. Библиографическая жизнь на страницах журнала неразрывно соединялась с жизнью страны, и это глубоко символично.

Что характерно для того, только что ушедшего от нас, библиографического двадцатилетия? Конечно же, взлет и расцвет теоретической мысли. Выход в свет монографий А.И. Барсука, О.П. Коршунова, Д.Ю. Теплова, Ю.М. Лауфера, А.В. Соколова, а также дискуссии в связи с их появлением, публиковавшиеся главным образом на страницах журнала, положили начало новому этапу развития отечественной теории библиографии. Трудно передать нетерпение, с которым ожидался в те времена выход каждого очередного номера «Советской библиографии», настороженность представителей старшего поколения, «традиционалистов», на глазах которых происходили перемены в библиографической науке, когда полностью менялся даже сам стиль подачи материала в монографиях и статьях библиографической тематики – вдруг появлялись формулы, графики, схемы... Я очень хорошо помню сказанные мне в 1974 г. М.А. Брискманом слова о готовящейся к выходу в свет в 1975 г. книге О.П. Коршунова «Проблемы общей теории библиографии»: *«Я так написать уже не смогу... Есть много причин... Не могу принять неуклюжий термин „библиогра-*

фоведение“. Но если я смогу, я в меру сил приму участие в качестве рецензента этой монографии на всех ее этапах».

Журнал последовательно способствовал развитию теоретической мысли. Дискуссии о сущности и свойствах библиографической информации, о перестройке библиографической науки и проблемах ее преподавания, о взаимосвязи библиографии с библиотечным делом и информатикой, поиски библиографоведческой парадигмы – такова теоретическая проблематика журнала.

Очевидно, что теоретические исследования невозможны без разработки проблем терминологии; как раз в это двадцатилетие велись разработка и внедрение основных терминологических нормативных документов – с 1971 г. был введен в действие первый терминологический стандарт – ГОСТ 16448–70 «Библиография. Термины и определения», с 1978 г. – ГОСТ 7.0–77 с таким же названием, с 1986 г. – ГОСТ 7.0–84 «Библиографическая деятельность. Термины и определения». В 80-е годы ГБЛ вела подготовку «Словаря библиографических терминов», отдельные фрагменты которого публиковались на страницах журнала. Вся эта деятельность по разработке, обсуждению, внедрению ГОСТов, подготовке словаря способствовала упорядочению библиографической терминологии, служила определенным толчком развития теории библиографии. Материалы, публиковавшиеся в журнале, дают возможность проследить и основные этапы разработки библиографической терминологии, и меняющееся отношение к ее стандартизации – от негативного в начале 70-х гг. – к позитивному, одобрительному, а впоследствии и к восприятию стандартизации библиографической терминологии как одного из необходимых направлений библиографической деятельности в конце 70-х – начале 80-х гг. Сталкиваясь с неупорядоченностью библиографической терминологии и дискуссионностью ряда понятий в наши дни, мы должны признать, что это – закономерный процесс развития библиографоведения, как и любой другой науки.

Оптимизации библиографических процессов также достаточно внимания уделялось на страницах журнала, она способствует не только упорядочению библиографической деятельности, но и стимулирует ее развитие и управление. Библиографы одними из первых почувствовали важность и эвристичность процессного подхода к библиографическим явлениям, разделив библиографическую деятельность на две составляющие: библиографирование и библиографическое обслуживание. Именно так и представлен материал в указателе в разделе «Содержание, методика, технология библиографической работы», в результате чего составители получили четкую и стройную структуру библиографической деятельности, позволяющую понять ее процессную сущность.

Таким образом, в указателе к журналу «Советская библиография» не только в систематизированном виде представлен публиковавшийся на его страницах материал, но и зафиксирован соответствующий уровень развития отечественной библиографической науки, получивший воплощение и в систематизации материала, и в используемой терминологии, и в приемах и методах библиографирования.

Историческая часть журнала представлена многими именами и жанрами: от программных для своего времени статей М.В. Машковой и Л.М. Равич до статей-персоналий и специальных подборок материалов о выдающихся деятелях библиографии, включая в ряде случаев и публикации их работ. Вот некоторые из этих имен: М.К. Азадовский, Б.С. Боднарский, Б.М. Городецкий, С.А. Венгеров, И.В. Владиславлев, Н.В. Здобнов, М.Н. Куфаев, А.И. Малеин, И.М. Кауфман, В.И. Межов, Е.И. Шамурин, Л.Н. Троповский, П.К. Симони, Н.Ю. Ульянинский, А.Д. Эйхенгольц.

«История – это судьба», и эту судьбу отечественной библиографии журнал последовательно прослеживал на своих страницах во все периоды существования, включая и те трудные времена, когда занятие историей библиографии в лучшем случае встречалось молчаливым неодобрением. Среди авторов

исторической тематики следует назвать сотрудников журнала: А.Г. Глухова, Г.А. Алексееву и А.В. Ратнера, ученых и специалистов: Э.К. Беспалову, Е.И. Коган, Г.В. Михееву, О.С. Острой, Л.М. Равич, М.Д. Эльзона.

Заключительные разделы указателя к журналу отражают взаимосвязи библиографии с библиотечным делом и библиотечковедением, книжным делом и книговедением, издательским делом, книжной торговлей, библиофильством...

Идея подготовки указателя, продолжающего труд Л.Н. Алфёровой и Б.Н. Касабовой «Советская библиография. Указатель содержания. 1933–1970 гг.» (М., 1973), возникла несколько лет назад в Челябинском государственном институте культуры и была поддержана нынешним главным редактором журнала Г.А. Алексеевой. Работа по подготовке указателя была осуществлена студентами института под руководством опытных преподавателей кафедры библиографии.

Библиотека Российской Академии наук взяла на себя труд осуществить заключительную часть работы – подготовить работу к публикации и издать ее. В ходе работы над указателем он подвергся значительной переработке, начиная с систематизации материала и заканчивая новыми подходами к унификации библиографических записей. По сути дела, перед нами первый опыт совместного сотрудничества крупной научной библиотеки и института культуры в подготовке профессионального библиографического пособия для специалистов в области библиографии со всеми преимуществами и недостатками этого опыта.

В ходе работы было признано целесообразным включить в данный указатель в качестве приложения указатель содержания к еще трем библиографическим изданиям: 1. «Библиография» (1929); 2. «Библиотечковедение и библиография» (1930) и 3. «Сборник статей по библиографии и работе научных библиотек» (1933), что может рассматриваться как определенный вклад в историю отечественной библиографии, учитывая то, что в указателе получили воплощение характерные

особенности библиографической жизни конца 20-х – начала 30-х гг. Таким образом, вместе с указателем Л.Н. Алфёровой и Б.Н. Касабовой мы имеем теперь полную картину библиографической жизни советского периода с конца 20-х гг.

Итак, перед Вами, читатель, увлекательное путешествие в мир отечественной библиографии 1929–1991 гг. Думаю, не менее интересным будет оно и для зарубежного читателя, ибо библиография как явление социальное, как продукт человеческой деятельности целостна и неделима по своей природе. Будем надеяться, что искусственное деление на советскую и буржуазную библиографию осталось в прошлом. И как бы мы сегодня ни оценивали прошлое и собственную модель развития, материалы журнала «Советская библиография» показывают, что многие из тех проблем, которые стояли перед библиографией более 70 лет назад, вновь встанут неодолимо и с еще большей остротой. И в этом актуальность выходящего в свет издания.

Опубликовано: О журнале «Советская библиография» и указателе к нему: вступ. ст. / В.П. Леонов // «Советская библиография»: указ. содерж., 1971–1991 гг. / Б-ка РАН, Челяб. гос. ин-т искусства и культуры; сост.: Н.О. Александрова и др. СПб., 1994. С. 13–17.

5.3. «Голландская болезнь» российской библиографии

В настоящей статье продолжается развитие темы, затронутой в предыдущих публикациях автора¹. Ее цель – привлечь внимание исследователей к проблеме создания библиографических ресурсов в условиях перехода отечественной экономики на инновационный путь развития.

Прогресс общества в значительной степени связан сегодня с совершенствованием информационной инфраструктуры. Как известно, информационные технологии кардинально изменили процессы формирования библиографических ресурсов. Внедряясь в библиотечную деятельность, они создают реальные предпосылки для появления новых библиотечно-библиографических услуг и библиографической продукции – с одновременным повышением требований к их качеству и совместимости в масштабе совокупных мировых информационных ресурсов.

Уникальность библиографии в России – высокая степень насыщенности разнообразными информационными ресурсами в сочетании с развитым сектором науки и образования². Вместе с тем, богатство информационных ресурсов, как свидетельствует опыт, не всегда становится благом для инновационного развития библиографической деятельности. Основная проблема современной российской библиографии и связана с тем, что накопление ресурсов осуществляется преимущественно за счет *заимствования* уже готовых ресурсных массивов извне, из зарубежных информационных источников.

В экономической литературе подобное явление характеризуется непривычным для слуха термином «*ресурсное проклятие*», как частный случай общей концепции так называемой «голландской болезни»³. Что это такое?

«Голландская болезнь» (*Dutch decease*) – ситуация, когда в целом показатели экономического развития страны выглядят чрезвычайно благоприятно, но радужная картина скрывает глубокие диспропорции. Для «голландской болезни» характерны два симптома: первый – увеличение добычи и экспорта сырья; второй – уменьшение объемов отечественного промышленного производства. При этом появление второго симптома неразрывно связано с первым. Другими словами, «голландская болезнь» – это такое состояние экономики, при котором экспорт сырья гасит развитие национальной экономики. Условиями для проявления голландской болезни являются, во-первых, открытость экономики, и, во-вторых, относительно более высокая обеспеченность природными ресурсами. Страны, отвечающие этим условиям, и испытали на себе течение «голландской болезни». Причем, страны поражались симптомами болезни независимо от уровня развития и каких-то национальных особенностей экономики: от Австралии и Голландии (эта страна дала название болезни) до Гвианы и Замбии. Выбранное в качестве определения понятие стало корневым для обозначения такого экономического явления, как «голландская болезнь». В итоге была выявлена удивительная и странная черта экономической жизни мира – страны с бедными природными ресурсами превосходят по темпам страны с богатыми природными ресурсами»⁴.

«Ресурсное проклятие» связано с проблемой распределения финансовых средств между владельцами ресурсов для создания новых технологий. По моим наблюдениям, симптомы «голландской болезни» и «ресурсного проклятия», как ее разновидности, поразили не только экономику, но проникли и в отечественную библиотечно-информационную деятельность. Сегодня в условиях библиотек и научных центров финансы используются преимущественно не для внесения соответствующих изменений в научную деятельность профильных институтов (что способствовало бы повышению их статуса в информационном обществе), а для воспроизводства и применения уже существующих зарубежных информационных разработок.

Вот характерный пример – интернет-проект «Встреча на границах» (Meeting of frontiers – frontiers.loc.gov). В 1999 г. в Библиотеке конгресса группой ее сотрудников при консультации американских и российских ученых был создан сайт, к которому подключились Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека и Институт истории Сибирского отделения РАН. В соответствии с договором американцы предоставили российским коллегам необходимое технологическое оборудование, приобретенное за счет Библиотеки конгресса, что позволило начать оцифровку ряда особо ценных материалов⁵.

«Правда, – отмечает автор статьи «Встреча на границах» Майлз Ворнет в газете „Компьютерные вести“ (2003. № 21), – основной массив документов все же доступен лишь на сайте Библиотеки конгресса (кто платит, тот и музыку заказывает...). Впрочем, существует специальная оговорка, по которой российские участники проекта могут запретить американцам выставлять копии определенных документов в сети (правда, Библиотека конгресса все равно получает TIFF-файлы таких документов для собственного архива и внутреннего пользования). К тому же российские организации, оказывавшие содействие в оцифровке своих коллекций, получали от американцев специальные гранты (как в виде финансовых средств, так и технического обеспечения)».

И еще: *«На уровне получения цифровых изображений для использования в интерактивной библиотеке „Встреча на границах“ является проектом приобретений. Это значит, что Библиотека конгресса будет покупать цифровые изображения у российских учреждений, обладающих оригиналами... Они послужат „архивной копией“ Библиотеки и будут сохранены на других носителях. Данные диски будут собственностью Библиотеки конгресса»⁶.*

Добавлю к сказанному, что список участников «Встречи на границах» с российской стороны довольно специфичен. Помимо РНБ, РГБ (редкие книги, рукописи, карты, фотоматериалы), он включает: Государственный архив Новосибирской области,

Кемеровский областной краеведческий музей, Новосибирский государственный краеведческий музей, Омский государственный историко-краеведческий музей, Томский государственный университет, Томский областной краеведческий музей, Музей истории г. Иркутска, Иркутский государственный университет, Красноярский краевой краеведческий музей, Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Такое внимание к сибирскому региону не осталось незамеченным в работах отечественных исследователей⁷.

Из изложенного можно сделать вывод, что совокупный информационный ресурс России формируется преимущественно на основе приобретения, копирования и «ассимиляции» информационных продуктов – как контента, так и программного обеспечения, выполненных на зарубежные средства.

Складывается *«парадоксальная ситуация, –* отмечает С.В. Соловьев, работающий в университете г. Тулуза (Франция) (в прошлом научный сотрудник Санкт-Петербургского Института информатики и автоматизации РАН), *– серьезность которой во много раз усугубляется развитием интернета... налицо рост объема оцифрованной информации, для доступа к которой не обойтись без многочисленных „обязательных посредников“ в виде программных систем, технических устройств и т.п., что резко отличает эту информацию от обычной печатной продукции. При этом программные средства как и технические устройства имеют ограниченное время жизни, редко превосходящее десяток лет, а под влиянием технического прогресса и экономических императивов они меняются и того чаще»*⁸. Приобретение информационного продукта на уровне лицензионного доступа к нему означает, что периодическое обновление его составляющих постоянно будет требовать новых финансовых вложений. Таким образом, библиотека, приобретающая доступ, попадает в зависимость от фирмы-производителя информационного ресурса.

И еще один важный аспект. В то время как электронные продукты активно рекламируются компьютерными фирмами,

журналистами, политиками, библиотеки, как правило, не контролируют приобретение ресурсов (это требует их сложной и длительной оценки), определяя свои требования к ним, а только реагируют на предложение.

Приведу, взяв за основу модель В.Д. Матвеевко (с. 48), некоторые, на мой взгляд, типичные проявления «голландской болезни» в российской библиографии.

1. Вытеснение отечественных инноваций. Что такое инновация в библиографии сегодня? В обыденном понимании это симбиоз, получаемый путем объединения библиографических ресурсов и технологий для создания информационного знания. В информационном обществе процессы внедрения и использования инноваций в самых разнообразных формах входят в повседневную жизнь рядовых людей, становятся массовым явлением. В этом смысле инновации ускоряют не историю, а нашу повседневную реальность. Однако погоня за новизной ведет к тому, что становится затруднительным использовать в интернете персональный компьютер, достигший более чем 3–4-летнего возраста, что также свидетельствует об эфемерном характере электронных ресурсов⁹.

В российской библиографии сформировался своего рода замкнутый круг: избыток информационных ресурсов порождает феномен ресурсозависимости.

Производство информации, в отличие от производства материальных товаров, требует значительных затрат по сравнению с затратами на тиражирование. Копирование того или иного информационного продукта обходится, как правило, намного дешевле его производства. Информационное взаимодействие позволяет получить новое знание ценой значительно меньших затрат по сравнению с затратами труда, энергии, времени на его прямое генерирование. К. Маркс отмечал: *«Продукт умственного труда – наука – всегда ценится далеко ниже ее стоимости, потому что рабочее время, необходимое для ее воспроизведения, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того,*

чтобы первоначально ее произвести»¹⁰. Ценность же информационных ресурсов основана на временной сущности, т.е., как правило, наибольшей величины она достигает в момент возникновения (создания) и значительно уменьшается в связи с тиражированием.

На этом фоне возникает имитация инноваций. Имитация влечет за собой отставание в создании собственных инновационных продуктов для развития технобиблиографии. Такая ситуация не дает возможность ей выйти широко на международные информационные рынки. Восполнение пробела с выходом на рынки в ряде случаев происходит за счет заимствования зарубежных разработок¹¹. Существующее финансирование информационной деятельности не позволяет отечественной библиографии стать лидером в инновациях. Даже если ресурсный сектор располагает достаточными средствами для инвестиций, то возникают трудности в их сбережении в связи с ростом изменчивости обменного курса.

Сошлюсь, для примера, на авторитетное мнение С.В. Соловьева. Сам факт перевода информации на компьютерные носители, подчеркивает он, приводит к тому, что на ее дальнейшую судьбу начинают влиять экономические, социальные и политические факторы, воздействие которых на традиционные ресурсы приводит к иным результатам или вообще является незначительным. *«При этом информация о стоимости обслуживания интернетных публикаций, сайтов, компьютерных и программных систем, ... является крайне труднодоступной. Остается только надеяться, что в ближайшем будущем появятся действительно академические по своей многосторонности и объективности исследования сравнительной стоимости коммерческого и так называемого „свободного“ программного обеспечения»¹².*

Кроме того, заимствованные западные технологии оказываются не всегда эффективными, поскольку существующие в России нормы, стандарты и правила не соответствуют этим технологиям. Самый типичный пример несоответствия – мно-

гие принятые ГОСТы¹³. Данный недостаток сказывается и на деятельности отечественных производителей информационных продуктов. Ни одна из международных норм не является абсолютно обязательной.

2. Изменчивость цен на информационные ресурсы. Изменчивость носит направленный характер. Эволюция форматов, кодировок и материальных носителей принуждает библиографов и информационных специалистов постоянно осуществлять конверсию документов, переходить от старых форматов к новым. В библиографии происходят качественные изменения, связанные с поиском наиболее экономичных и эффективных путей использования полученного знания при наличии массового спроса. Общее правило состоит в том, что, чем меньшему числу потенциальных потребителей может понадобиться информационный ресурс, тем он дороже. Вместе с тем, «разброс» в цене однотипных – по содержанию и качеству – информационных ресурсов может быть десятикратным. Это приводит к тому, что колебания цен на информационные ресурсы отражаются на стоимости услуг.

3. Реструктуризация профессии. Спрос на электронную библиографическую информацию порождает профессиональные услуги одностороннего типа, т.е. на так называемые «автоматизированные» библиографические услуги, оказываемые на основе применения компьютерной техники и использования информационных баз данных. Сегодня новые технологии не вторгаются в библиографическую деятельность, а занимают заранее определенные «ячейки», ибо на них имеется спрос.

По данным исследований востребованность в информации, представленной в электронной форме, растет из года в год¹⁴. По состоянию на ноябрь 2012 года в каталоге «Информрегистра» содержится 27500 электронных изданий (преимущественно, учебники), тогда как только за весь 2011 год в России было выпущено 122048 электронных книг¹⁵. Вместе с тем, вопрос библиографирования электронных изданий остается

нерешенным, что отрицательно сказывается на обслуживании пользователей библиотек.

В результате инвестиций (не только федерального, но, особенно, регионального уровней) на развитие научных исследований постоянно снижаются. Высококвалифицированный труд библиографа-универсала, владеющего всеми методами библиографического поиска и использующего все разнообразие библиографических поисковых ресурсов, становится невостребованным. В таких условиях в системе подготовки специалистов акцент делается, прежде всего, на подготовке специалистов, умеющих работать с электронными ресурсами, и повышении компьютерной грамотности тех, кто получил образование в «доэлектронные» времена. Несомненно, сегодня, когда работа с библиографическими ресурсами связана не только со многими библиотечными специальностями, но и специальностями в области информатики, целесообразно, в рамках уже существующих учебных программ, учитывать проблематику электронных ресурсов. В то же время, односторонность в подготовке библиографов может обернуться утратой универсальности библиографической профессии. Эффективные образовательные модели, аккумулирующие многолетний опыт библиографов-профессионалов, оказались вне системы библиотечного образования.

4. Снижение качества образования. Реструктуризация профессии ведет к кризису библиографического образования. Присутствие источников дополнительного дохода порождает уменьшение спроса на получение высокопрофессиональной подготовки и снижение в целом качества образования. Так «ресурсное проклятие» формирует ошибочную уверенность в завтрашнем дне.

Я перечислил только некоторые типичные проявления «голландской болезни» в российской библиографии. Существуют ли пути ее преодоления? Будем исходить из того, что условия, в которых действуют учреждения, занимающиеся инновационной деятельностью, разные. Происходящие в них

изменения также требуют новых изменений. А что, если направить существенную часть дохода от реализации информационной продукции не в ее воспроизводство, а в сферу науки и образования? Туда, где основой становится инновационное развитие. Принципиальная возможность перейти на инновационное развитие существует, хотя на этом пути очевидны сложности. Главная из них состоит в том, что период, когда в науке и образовании были «лишние» средства, миновал. Кроме того, у лиц, занимающихся вопросами организации науки, наверное, имеются другие точки зрения на то, каким образом перестроить результативность инновационной деятельности.

Приведу в качестве примера мнение академика РАН из Новосибирска А.Э. Конторовича (Институт нефтегазовой технологии и геофизики). Некоторые политики нашей страны, рассуждает А.Э. Конторович, считают, что *«...богатства страны – нефть, газ, уголь – это наше сырьевое проклятье. Я считаю с точностью до наоборот и всегда привожу пример: США добывают угля в три раза больше, чем Россия, газа примерно столько, сколько Россия, нефти не намного меньше, чем Россия. Но никто не говорит, что это сырьевое проклятье США. Все говорят, что это достоинство территории, на которой расположена Америка. Отличие России и США только в том, что наша страна продает сырыми без переработки нефть и газ, а в США это законодательно запрещено* (выделено мной. – В.Л.). *Надо думать, не о сырьевом проклятье или счастье, а развивать перерабатывающие отрасли как можно быстрее... На этом нам надо сосредоточиться, перестроить свою экономику, чтобы она была эффективной»*¹⁶.

В заключение подчеркну, что дальнейшее обсуждение затронутой мной темы видится в участии в ней не только библиографоведов и информационных технологов, но и широкого круга специалистов-практиков. Проблема в том, что дискуссий на эту тему и констатации синдромов голландской болезни недостаточно. Необходимо действовать. Можно, ко-

нечно, сослаться на трудные времена и претерпевать происходящее, но в целом болезнь носит глобальный характер. Последствия ее будут зависеть от принимаемых в данное время государственных и технических решений. Необходимо действовать.

Примечания

¹ Леонов В.П. Библиографическая трансформация знания // Библиография. 2005. № 1. С. 68–77; Леонов В.П. Эволюционный синтез библиографии // Библиография. 2011. № 1. С. 20–29; Леонов В.П. Технобиблиография – новый этап развития библиографии // Библиография. 2011. № 3. С. 14–18.

² По самым скромным подсчетам, совокупный фонд только крупнейших библиотек России насчитывает более 160 млн. единиц хранения.

³ *Ресурсное проклятие (resource curse)* – неблагоприятное воздействие богатства природных ресурсов на экономический рост. «Голландская болезнь» – более широкое понятие, чем «ресурсное проклятие», поскольку источником дополнительных средств может быть не только увеличение добычи или изменение конъюнктуры рынка природных ресурсов, но и иностранные кредиты или иностранная помощь. Подробнее об этом см. обстоятельную статью В.Д. Матвеевко «Выбор технологий и экономический рост в ресурсозависимой экономике» (Экономическая наука современной России. 2012. № 1 (56). С. 30–48). В ряде словарных статей по экономике приводятся следующие определения понятия «голландская болезнь»: «*Болезнь голландская – деиндустриализация экономики в результате открытия нового источника природного ресурса. Ее начали называть „голландской болезнью“, так как она проявилась в Голландии, после того как были открыты газовые месторождения в Северном море*» (См., напр.: *Большой экономический словарь* / под ред. А.Н. Азрилияна. 6-е изд., доп. М., 2004. С. 94).

⁴ Голландская болезнь [Электронный ресурс] // Экономический словарь: [сайт] / сост. Н.И. Фокин, П.Н. Фокин. Режим доступа: <http://dictionary-economics.ru/Г> (23.06.2012).

⁵ Для справки: из федерального бюджета, т.е. от Конгресса, Библиотека только в 2007 году получила 600 млн. долларов, а от частных фондов – около 25–30 млн. долларов (Биллингтон Дж. Книжная культура – великая русская традиция // Art-Менеджер. 2007. № 2 (16). С. 77).

⁶ Василенко Г., Шварцман М.Е., Куприянов И.Ю., Чебанов В. Международный библиотечный проект «Встреча на границах» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2000/doc/tom2/section2/Doc159.HTML>.

⁷ См., напр.: Приходько Н.Н. Фронтирная теория в геополитике на востоке России // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 298. С. 98–102; Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2001. № 4-1. С. 189–193; Зуляр Ю.А. Русологи, пришедшие с холода: критика одной интерпретации индустриализации Сибири // Jour. of Institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3, № 1. С. 116–132; Троякова Т.Г. Американские исследования Дальнего Востока России // Вестн. ДВО РАН. 2006. № 2. С. 125–134.

⁸ Соловьев С.В. Всемирная библиотека и культура однодневок // Нов. лит. обозрение. 2005. № 4 (74). С. 543.

⁹ Там же. С. 544.

¹⁰ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. С. 355.

¹¹ См., напр.: Михайлова Н.И. Информационное обеспечение книжного рынка: направления модернизации (на примере Москвы) // Библиография. 2005. № 1. С. 3–9.

¹² Соловьев С.В. Всемирная библиотека... С. 548–549.

¹³ Вот одно из последних изданий, подготовленное специалистами Российской книжной палаты: Стандарты по издательскому делу / сост. А.А. Джиго, С.Ю. Калинин. 3-е изд. М.: Экономистъ, 2004. 623 с. В книге представлены 18 государственных

стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу СИБИД, из которых 16 имеют статус межгосударственных стандартов СНГ. Можно полагать, что они в основном соответствуют международным требованиям.

¹⁴ См., напр.: Двинский С. Электронные книги вытесняют бумажные [Электронный ресурс] // Как издать свою электронную книгу: [сайт]. Режим доступа: <http://www.izdat-knigu.ru/elektronnye-knigi-vytesnyayut-bumajnye>.

¹⁵ Харитонов В. Электронное книгоиздание в России 2011 [Электронный ресурс] // Кислород: общественно-политический интернет-журнал. 2012. 11 нояб. Режим доступа: <http://o2journal.ru/obschestvo/o-stati/235-elektronnoe-knigoizdanie-v-rossii-2011.html>.

¹⁶ Поиск. 2012. № 44. С. 12.

Опубликовано: «Голландская болезнь» российской библиографии / В.П. Леонов // Библиография: взгляд в будущее: материалы 2-го Междунар. библиогр. конгресса (Москва, 6–8 окт. 2015 г.) / Рос. гос. б-ка; [редкол.: А.Ю. Самарин (пред.), А.В. Теплицкая (науч. ред.), Г.Л. Левин и др.]. М., 2016. С. 22–30.

5.4. Библиографическое мышление как процесс

Тема настоящей статьи привлекает мое внимание с тех пор, когда я основательно занялся изучением понятия и процессов библиографической деятельности (далее – БД)¹. Параллельно читая литературу о рождении музыки, об искусстве поэзии, я все больше убеждался, что между библиографией и музыкой, библиографией и поэзией как процессами творчества существует глубинная связь. Эта связь выражается в мыслительных процессах, которые, в конечном счете, реализуются в конкретных музыкальных и поэтических произведениях и соответственно – в библиографических пособиях².

Феномен библиографии дан нам для того, чтобы внести *порядок* в книжный мир, включая сюда отношения между человеком и временем. Сочетание слов «библиография» и «мышление» характеризует процессы, вне которых библиографическая деятельность (БД) невозможна. Они существуют только во взаимосвязи. Если это так, то правомерен вывод, что библиографическое мышление является непременным условием качественной БД: поиска, оформления, представления и восприятия ее результата.

Если учесть, что понятие «библиографическое мышление» (БМ) еще не является научным термином, что вопрос о его правомерности остается открытым, то поиск в этом направлении будем рассматривать как начальную стадию изучения. Зачем нужно изучать БМ? Полагаю, чтобы идти по пути дальнейшего постижения сущности библиографии, закономерности ее взаимодействия с другими видами мыслительной деятельности, такими, например, как чтение, понимание, интерпретация текстов.

Понятие БМ из метафорического и образного, каким оно является сегодня, должно со временем перейти в научную категорию. Оно необходимо для осмысления воздействия, которое библиография оказывает на человека. БМ связывает все

происходящее в библиографии в единый процесс и намечает контуры среды, через которую библиограф управляет всем документальным материалом, обрабатывая его в соответствии с исходным замыслом. Он, в принципе, должен владеть тем, чем давно владеют поэты: *понимать и ценить восприятие*, движимое общественным сознанием, как явление, имеющее большое значение в формировании и развитии библиографии, а библиографию – как *искусство преобразования смысла* исходного текста. В идеале задача библиографического познания текста требует от библиографа равного умения охватить текст мыслью и уловить интуицией (чувством) то, что не поддается мысли.

Что же происходит с человеком, когда библиография «открывает глаза» на ранее сокрытое от него? Ответ может быть таким: непосредственно воздействуя на все сферы психики, связанные со смыслом БД, библиография трансформирует протекающие в ней (психике) мыслительные процессы, упорядочивая, организуя их, и превращает эти процессы в *мышление библиографией*, то есть в разновидность невербального мышления. Это и является главной целью БД в той ее части, которая связана с внутренним миром человека и скрыта от непосредственного наблюдения. Библиографами осуществляется мышление библиографией, то есть их мозг формирует в своем сознании образ интерпретатора исходного текста. Важно подчеркнуть, что этот процесс происходит *до* и *вне* каких бы то ни было словесных формулировок.

Трудности изучения БМ в его природе: оно не дано непосредственно в качестве объекта изучения. Существует целая совокупность проблем, связанных с обоснованием самого понятия БМ: выделение его из психологических и эстетических параметров, описание функций, стоящих за понятием психической реальности.

После краткого введения в заявленную тему обратимся к содержанию понятия «мышление» и некоторым аспектам его изучения.

Термин «мышление» учеными определяется по-разному. В исследованиях Л.С. Выготского по общей психологии мышления содержатся важные выводы: мысль не выражается, но **совершается** (выделено мной. – *В.Л.*) в слове; «...отношение мысли к слову есть живой процесс рождения мысли в слове. Слово, лишённое мысли, есть прежде всего мертвое слово» (с. 349); смысл слова преобладает над его значением, в процессе взаимодействия происходит обогащение смысла словом; внутренняя речь – это смысловая сторона речи, обращенная к субъекту. Ее характеризует особый синтаксис (свернутый и сокращенный); внешняя речь – это речь для других³.

Исходя из этих выводов можно утверждать, что библиографическая мысль тоже существует во времени и пространстве, она живая, зафиксирована, материализована либо в библиографическом описании, либо в сознании библиографа. Одновременно она изменчива, поскольку каждый раз в процессе коммуникации библиографическая мысль, совершенная в слове, будет рассматриваться в зависимости от точки зрения воспринимающего субъекта, его уровня образования, а также его эмоционального состояния.

Другой исследователь – А.Н. Леонтьев определяет мышление как форму психической активности сознания. В его работах рассмотрены механизмы формирования памяти как процесса «вращивания» внешних форм во внутренние психические процессы⁴. Мышление раскрывает изучаемый предмет только как возможность субъекта. В процессе восприятия, например, текста, он переживает состояния, до некоторой степени аналогичные тем, которые человек испытывает при восприятии музыкального или живописного произведений. При этом большую роль играют ассоциативные связи, возникающие из опыта практической деятельности. Они индивидуальны и неповторимы и способствуют не только раскрытию внутреннего субъекта, но и формированию в памяти целостного впечатления.

Как отмечается в литературе, через всю историю психологии творчества в виде ее магистральной линии проходит проблема фаз (стадий, ступеней, этапов, актов, моментов) творческого процесса, их классификации и интерпретации. Несмотря на предлагаемые разными авторами различия, они в общем виде похожи. Приведу описание фаз творческого процесса, представленное во вводной статье доктора психологических наук Я.А. Пономарева⁵.

Первая фаза – фаза логического анализа. На данной фазе для решения проблемы используют знания, которыми располагает исследователь и которые он может актуализировать, воспроизвести в конкретной ситуации.

Вторая фаза – интуитивное решение. Она характеризуется неосознанным способом решения проблемы. Само решение оказывается возможным, если ключ к нему содержится в неосознанном опыте. Осознание факта решения происходит неожиданно благодаря тому, что потребитель оказывается удовлетворенным. Решение переживается как озарение, инсайт (и я бы добавил как серендипность. – В.Л.).

Третья фаза – фаза вербализации интуитивного решения, то есть объяснение способа(ов) ее получения – процессуальная сторона.

Четвертая фаза – формализация вербализованного решения, то есть придание найденному решению логически завершенной формы. На этой фазе, как и на исходной (первой), тип поведения определяется высокой осознанностью результатов и процессов действий.

Перечисленные фазы творческого процесса есть и в БД, которая включает в себя, помимо психического, комплекс (собрание) разнопорядковых факторов: социальных, биологических, физических. БМ занимает важное место в этой многомерной системе. Поэтому его исследование должно начинаться с выделения (вычленения) из комплекса факторов, составляющих БД.

Важно подчеркнуть, что мышление в библиографии не связано с какой-либо эпохой, направлением, жанром. Сошлюсь

на утверждение почетного члена Петербургской Академии наук, физиолога И.М. Сеченова (1829–1905), который писал, что *«основные черты мыслительной деятельности человека и его способности чувствовать остаются неизменными в различные эпохи его исторического существования, не завися в то же время ни от расы, ни от географического положения, ни от степени культуры. Только при этом становится понятным сознание нравственного и умственно-го родства между всеми людьми земного шара, к каким бы расам они не принадлежали; только при этом становится для нас возможным понимать мысли, чувства и поступки наших предков в отдаленные эпохи»*⁶.

Исследователь, который предполагал бы у людей прошлого «особое мышление», в сущности, закрыл бы для себя возможность понимания авторов библиографических текстов: ведь сам этот исследователь живет в наше время.

Процессы движения и развития мышления происходят во времени. Оно может присутствовать всюду, но в библиографии к нему требуется повышенная концентрация внимания. Библиограф проходит путь, пройденный автором, привнося в него свои идеи, взгляды, привычки. Причем важно, чтобы он уловил то новое, что создано автором *в единстве*, иначе все распадется на фрагменты. Процесс БМ в своей сущности носит знаниевый характер, это «деятельность интеллекта».

Чтение текста есть его интерпретация, а интерпретация, как отмечает М.Г. Арановский, неизбежно вариативна в широком диапазоне. Это похоже на «эффект взаимоотражающихся зеркал»⁷. Интеллект человека обладает способностью предвосхищать течение смысла текста – обгонять и возвращаться назад к уже прочитанному. Затем происходит обобщение прочитанного и таким образом воспроизводится ход замысла автора. Библиограф «выводит» автора за скобки и дает тексту возможность жить своей жизнью.

Одну из успешных попыток расширить исследовательское поле библиографии путем изучения психологических аспек-

тов информационных потребностей личности осуществил Ю.С. Зубов (1924–2006). В монографии «Библиография и художественное развитие личности» он вводит понятие «библиографическое мышление», под которым понимает «способность читателя к особому рода представлениям – образам, воссоздающим в сознании специфические объекты (источники информации) на основании характерных сведений о них. Заглавие произведения, другие данные титульного листа, прикнижная аннотация, оглавление – все эти элементы помогают читателю сконструировать образ книги до ее прочтения и, таким образом, определить степень ее соответствия своим ожиданиям... Библиографическое мышление – одно из проявлений „опережающего отражения“ (П.К. Анохин), свойственного только человеку, и на определенной стадии социализации становится вполне естественным для него»⁸.

Идеи Ю.С. Зубова получили развитие в исследовании З.А. Сафиуллиной⁹. Среди видов документальной библиотечно-библиографической памяти она выделяет такие ее разновидности, как библиографическое мышление, отражение библиографической информации, библиографическая память (с. 61–67, 369–370).

Единицей БМ выступает библиографический язык (БЯ)¹⁰. Можно выделить два подхода к определению термина БЯ, которые обозначим как широкое и узкое. *Широкое* применение лежит в основе литературных традиций и общелингвистических категорий. *Узкое* – более профессионально, вырастающее из традиций БД. Первый подход определяется краткой исходной формулой: библиография – это БЯ, то есть вне библиографии нет БД, все явления библиографии существуют на языковой основе. Второе использование термина БЯ служит для обозначения отдельных разновидностей библиографических процессов: предметизация, индексирование и других. Таким образом, БЯ – своеобразное «библиографическое слово», которое выступает (является) элементом библиографической речи.

Помимо функции передачи информации, библиографический язык является носителем и эстетической функции. В нем исходно заложены возможности различного толкования (интерпретации) анализируемого текста и в этом гарантия продолжительности существования.

Как уже отмечалось, мыслительные процессы в библиографии выступают как БМ. Это означает, что осознаваемое мышление есть разновидность *континуального* мышления, то есть недискретного мыслительного процесса. В работах выдающегося математика и философа В.В. Налимова (1910–1997) обосновывается идея о наличии семантических полей и даже «семантической вселенной», которые осуществляют функции духовного формообразования¹¹. Автор полагает, что индивидуальная психика каждого человека естественным образом погружена в более общую и целостную коллективную психику – в концептуальные потоки сознания.

Важно, чтобы между семантическим полем и человеком была двухсторонняя связь, обмен, «духопроводность». Поэтому нужно переходить от автономного исследования разных форм психического и духовного в человеке к конструированию (созданию) форм посредничества, одной из которых может быть книга как врожденная программа. Посредничество предполагает деятельное, коммуникативное и диалогическое взаимодействие.

Концепция континуального мышления свидетельствует об особой роли библиографии в человеческой деятельности. Оно обретает форму в виде результатов БД и вызывает соответствующую реакцию у читателя.

В продолжение рассуждений о процессах БМ отмечу еще две темы, с которыми неизбежно столкнется исследователь, и которые получили обоснование в трудах выдающихся ученых. Первая тема связана с принципом доминанты¹². Академик А.А. Ухтомский (1875–1942) подчеркивал, что «*доминанта заключается в выделении важного, существенного* (выделено мной. – В.Л.) для данного момента с торможением все-

го, что для данного момента индифферентно» (с. 641). И продолжал: «**Отсутствие доминанты в себе влечет неспособность организовать опыт с различием главного и частей, а стало быть, и неспособность усмотреть в опыте организованное единство. <...> Доминанта интегрирует и тем самым ведет к анализу и дифференцировке**» (с. 714).

Вторая тема возвращает нас к исследованию музыкального процесса в работах академика Б.В. Асафьева (1884–1949). В монографии «Музыкальная форма как процесс» он сформулировал две гипотезы (с. 357–358): 1) об устном музыкально-интонационном словаре, существующем в сознании слушателей музыки и 2) об изменении и обновлении этого словаря («перестройки звукомышления») под влиянием событий общественной жизни.

Перечитав несколько раз тезисы академика Б.В. Асафьева, я пришел к выводу, что идеи автора могут быть положены в основу разработки концепции **поэтико-библиографического словаря** как составной части процесса БМ. Предлагаю некоторые аспекты для дальнейшего изучения.

В сознании авторов, библиографов, библиотекарей, книговедов, читателей, пользователей, то есть в массовом общественном сознании постепенно накапливается сложный, изменчивый комплекс поэтико-библиографических компонентов, в который входят разнообразные фрагменты различных текстов. *Это, по сути, устный поэтико-библиографический словарь.* Его можно рассматривать как запас необходимых (всегда на слуху) сведений из разных источников.

Каждый такой словарь сугубо индивидуален.

В кризисные времена развития библиографии, вызванные сменой эволюционных этапов ее преобразования, происходит обновление словаря, а вместе с тем и глубокая перестройка **поэтикомышления** в новую форму. Важно отметить, что эти нововведения могут происходить не только в кризисные времена, но и в процессе обогащения поэтико-библиографического

словаря новыми явлениями, например, в связи с внедрением новых технологий в библиографические и поэтические сферы.

Поворот к исследованию БМ ведет к расширению поэтико-библиографического словаря, который есть не что иное, как попытка сделать надлежащий вывод относительно будущего библиографии.

Пройдя через такого рода испытания, библиография становится живым родником книжной культуры. Об этом свидетельствуют выдающиеся библиографические памятники прошлого, которые имеют непреходящую ценность. В заключение подчеркну, что изучение БМ дает простор исследователю для дальнейшего постижения сущности библиографии и закономерностей ее взаимодействия с другими видами мыслительной деятельности.

Примечание

¹ Леонов В.П.: 1) Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций. СПб.: БАН, 1995. 139 с.; 2) Пространство библиотеки: библиографическая симфония. М.: Наука, 2003. 123 с.; 3) Библиография как профессия. М.: Наука, 2005. 128 с.; 4) *Vésame tucho*: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. М.: Наука, 2008. 268 с.; 5) Очерк эволюции поэтики библиографии. СПб.: Европ. дом, 2017. 228 с.

² Асафьев Б.В. (Глебов И.). Музыкальная форма как процесс. Кн. 1, 2 / ред., вступ. ст. и комм. Е.М. Орловой. Л.: Гос. муз. изд-во, 1963. 379 с.; Арановский М.Г. Музыкальный текст: структура и свойства. М.: Композитор, 1998. 343 с.; Бонфельд М.Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства. СПб.: Композитор, 2006. 647 с.; Жукова Г.К. Репрезентация национального в европейском музыкальном дискурсе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. 168 с.

³ Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования / предисл. Л.Ф. Обуховой. М.: Изд-во «Национальное образование», 2016. 368 с.

⁴ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 584 с.

⁵ Пономарев Я.А. Фазы творческого процесса (Вместо введения) // Исследования проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983. С. 3–26.

⁶ Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию? // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 223.

⁷ Арановский М.Г. Музыкальный текст: структура и свойства. М.: Композитор, 1998. С. 12.

⁸ Зубов Ю.С. Библиография и художественное развитие личности. М.: Книга, 1979. С. 31. См. также с. 44, 51.

⁹ Сафиуллина З.А. Социальная память: библиотечно-библиографическая репрезентация в прошлом, настоящем и будущем. М.; Берлин: Direct Media, 2016. 495 с.

¹⁰ См.: Леонов В.П. Очерк эволюции поэтики библиографии. СПб.: Европ. дом, 2017. С. 19–21.

¹¹ Налимов В.В.: 1) Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей», МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 287 с.; 2) В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.; 3) Облик науки. М.: Изд-во МБА, 2010. 367 с.; 4) Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1978. 84 с.

¹² Ухтомский А.А. Статьи и выступления разных лет. Заметки на полях / сост., вступ. ст. Л.В. Соколова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2015. 736 с.

Опубликовано: Леонов В.П. Библиографическое мышление как процесс // Библиография и книговедение. 2017. № 6. С. 43–48.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. КОНЦЕПЦИЯ ТОЧНОГО БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЯ

6.1. Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения

На протяжении многих десятилетий пристальное чтение (*close reading*) совершенствовалось, изменялось и развивалось в качестве самостоятельной части методики литературоведческой и библиографической деятельности. Методика анализа текста на микроуровне (т.е. в рамках одного произведения) предполагала обращать внимание на все его детали (аспекты), но, прежде всего, на тщательный отбор источников в качестве предмета анализа. Пристальное чтение уже по определению выделяло (маркировало) отобранные тексты как привилегированные и тем самым способствовало уровню качества того или иного пособия.

В последнее время, отмеченное наступательным и масштабным продвижением компьютерных технологий, многочисленные библиотеки, научные и учебные центры мира создают свои обширные базы литературных и библиографических текстов, перед лицом которых метод пристального чтения, рассчитанный на работу с конкретными текстами, казалось бы, теряет смысл. Неслучайно в англоязычном литературоведении идет активное обсуждение дальнейшей судьбы этого метода¹. Полагаю, что подобное обсуждение будет иметь отношение и к чтению отечественных библиографических текстов.

Главным критиком «*close reading*» (пристального чтения) стал итальянский социолог и литературовед Франко Моретти (род. 1950). Свои идеи он изложил в ряде статей, опубликованных в 2000-е годы и частично вошедших в книгу «Дальнее чтение» – «*Distant reading*»². «Как перевести *Distant Reading*?», – задаются вопросом переводчики и составители этой книги О. Собчук и А. Шеля. «Чтение издали? Чтение на расстоянии? Дистантное чтение? Отдаленное (или удаленное) чтение? А может „быстрое чтение“ – если следовать полемике с „медленным чтением“ (*close reading*)?.. Вместо этого мы предложили необычно звучащее „дальнее чтение“ – новое словосочетание, подчеркивающее новизну содержания книги»³.

Добавим к сказанному переводчиками и составителями книги, что дальнее чтение – это попытка ощутить большое время, а не остановится в малом. Действительно, при таком переводе в центре внимания оказывается проблема (идея) перехода от изучения отдельных произведений (*close reading*) к исследованию общей картины социального поля литературы: литературной эволюции, мировой литературы. А поскольку в современном мире вряд ли имеет смысл считать что-либо без компьютера, то количественные методы превращаются в цифровое литературоведение в новую ветвь в сфере гуманитарных наук⁴.

Есть еще один вариант перевода, предложенный филологом Б.В. Ореховым. «*На наш взгляд, –* отмечает Б.В. Орехов, – *более удачным вариантом был бы перевод „отвлеченное чтение“, воспроизводящий и оппозицию „медленному“, то есть внимательному чтению, и идею дистанции внимательному чтению, и идею дистанции исследователя и материала... То, что эти две стратегии должны не противопоставляться, а дополнять друг друга, ясно и эксплицитовано давно: „чтобы делать что-то в области отвлеченного чтения, нужно хорошо освоить медленное чтение“», – заключает он, цитируя другого исследователя Г. Спивака»⁵. Тем не менее, как свидетельствует использование данного термина в лите-*

ратуре, словосочетание «дальнее чтение» становится обще-признанным.

Заочное обсуждение русского варианта книги Ф. Моретти «Дальнее чтение» состоялось на страницах журнала «Новое литературное обозрение» (2018. № 2 (150). С. 35–98) в рубрике «Книга как событие». Среди 10 участников обсуждения (филологов, социологов, литературоведов, культурологов, историков) был библиограф А.И. Рейтблат. Он единственный, кто в своем критическом отзыве «Теория без фактов, цифры без теории» подверг сомнению принципы и методы формирования эмпирической базы исследования Ф. Моретти.

Приведу заключение А.И. Рейтבלата: *«Он (Моретти. – В.Л.) просто говорит: „Ребята, давайте посчитаем, а потом будем думать, что это значит“, – что, на мой взгляд, неперспективно. Использование количественных методов никак не свидетельствует о научности его работ, они тут выступают в роли простых заглазок. Перед нами не столько научные исследования, сколько провокативная эссеистика, подрывающая привычные представления, но не предлагающая перспективных примеров исследовательской работы. Популярность книг, подобных этой, – еще одно свидетельство того тупика, в котором находится современная литературоведческая мысль»*⁶.

Я не разделяю точку зрения А.И. Рейтבלата на оценку книги и с учетом сказанного библиографом, вернемся к ее прочтению.

«Дальнее чтение» можно рассматривать как программу по обновлению методологии изучения мировой литературы⁷. Основная проблема, по Ф. Моретти, состоит «не в том, что стоит исследовать, вопрос в том, как. В чем состоит изучение мировой литературы? Как к нему приступить? Убедительными представляются его аргументы: *«у нас есть 30 тысяч британских романов XIX в., или 40, 50, 60 тысяч – никто не знает точно, никто их не читал и никогда не будет читать. А ведь есть еще и французские романы, а также китайские, аргентинские, американские...»*⁸.

Вслед за американским литературоведом Маргарет Коэн Ф. Моретти называет массив неучтенных текстов «великим непрочтенным»⁹ и логично считает, что мировую литературу следует изучать не вглядыванием в детали, а путем рассмотрения ее с большого расстояния: изучения сотен и тысяч текстов. Только тогда удастся увидеть общие, ей свойственные закономерности. Его исходный посыл заключается в следующем: если прочитать все произведения мировой литературы невозможно, то необходимо найти способ исследовать их каким-либо иным путем. Другими словами, *«нам нужен небольшой договор с дьяволом: мы умеем читать тексты, теперь нужно научиться не читать их»*¹⁰.

Поставив цель, Моретти ищет неизвестные ранее способы ее достижения, т. е. ответ на вопрос «как?». Он предлагает использовать инструментарий *DH (Digital Humanities)*, т. е. применить цифровые (компьютерные) методы в гуманитарных науках. Например, с помощью *DH* определять частотность слов, подсчитывать количество диалогов между персонажами. *«Через несколько лет, – заключает автор, – мы сможем совершать поиск практически по всем когда-либо напечатанным романам и выявлять закономерности в миллиардах предложений»*. И добавляет: *«Лично я в восторге от этой встречи формального подхода и квантификации»*¹¹.

Наглядная демонстрация возможностей *DH* в филологии представлена в девятой главе книги под заглавием «Корпорация стиля: размышление о 7 тысячах заглавий (британские романы 1740–1850)»¹². Используя статистические методы, Моретти показывает закономерности изменения романов. Казалось бы, все просто: заглавия романов становятся короче. На самом деле, это связано с изменением функций заглавия. В период становления жанра заглавие выполняло провокационную (*spoiled*) роль. Когда читатель уже хорошо изучил жанр романа, главной задачей заглавия стала интрига, оно делается короче.

Ф. Моретти интересуют глобальные вопросы, на которые нельзя ответить, ограничившись малым кругом авторов и тек-

стов: почему возникает литература, какие принципы заложены в ее развитие? Чтобы показать причины выживаемости одних типов текста, он сравнивает литературные процессы с биологическими и проводит аналогию естественного отбора с отбором читательским.

Третья глава книги «Литературная бойня» начинается с перечисления заглавий из каталога 1845 года Библиотеки Коламбелла в Дерби популярных среди читателей книг. «А что остальные 99,5 процента?» – спрашивает он¹³. Исследователя интересует не столько сложившиеся традиции в литературе и их изменения, а то, как мы смотрим на всю литературную историю в целом. Таким образом, пристальное чтение противопоставлено чтению дальнему, как микроанализ – макроанализу.

Однако не все исследователи отрицают значимость «*close reading*» в ситуации, описанной Ф. Моретти. В уже упоминавшейся статье «Чем было „пристальное чтение“? Столетие литературоведческого метода»¹⁴ американский исследователь Барбара Смит, подводя итог «столетию» изучения пристального чтения англоязычной литературы и пытаясь определить его место в цифровой реальности, признает, что оно и сегодня во многом сохраняет свою и актуальность, и релевантность¹⁵.

Сошлюсь еще на одну статью уже отечественного литературоведа Д.М. Урнова¹⁶. На начальной стадии изучения, констатирует автор, пристальное чтение «развивалось из старой текстологии, прежде всего из шекспировских штудий. Конечно, есть и более давние комментаторские традиции, но литературоведение у англичан специализировалось на изучении Шекспира... Шекспировская текстология нашего века, прежде всего так называемая „библиографическая“ школа, опиравшаяся на изучение опечаток (!), отличалась исключительной сознательностью в этом отношении... Честь им и хвала – из опечаток они вычитали творческие приемы Шекспира! Они разглядели шекспировскую правку, авторские и случайные варианты, они являли собой тип „выдающегося

и незначительного знатока“. „Незначительного“ в смысле *видимой скромности задач: знаток всего лишь ставил запятую: но в эту запятую вкладывалась колоссальная ученость и тончайшее чутье*»¹⁷.

Позднее пристальное чтение, продолжает Б. Смит, представляло собой разновидность уже педагогической методики, призванной научить воспринимать специфику художественного текста. Методика, благодаря ее удобству для преподавателей, получила широкое распространение в американских учебных заведениях¹⁸. По этой причине ей представляется неправомерной трактовка пристального чтения как микро-, а дальнего чтения – как макроанализа, якобы сосредоточенного на «крупных» элементах и параметрах текстов. В доказательство Б. Смит ссылается на уже упоминавшуюся нами статью Ф. Моретти «Корпорация стиля», в которой анализируется 7000 названий английских романов, созданных между 1740 и 1850 гг. Предметом для функций заглавия романа служат «микроскопические» параметры. Например, выбор автором неопределенного или определенного артикля. Неопределенный артикль (a) предполагает неограниченность и открытость в будущее, а определенный артикль (the), напротив, сигнализирует об ограничении и грамматически ориентирован на прошлое.

На этом основании Ф. Моретти связывает выбор артикля со следующей установкой: роман, заглавие которого начинается с неопределенного артикля, предлагает читателю «прогрессивный» взгляд на социальные процессы, а роман с артиклем определенным – «консервативные». Б. Смит находит подобный анализ микродеталей заглавия образцовым примером пристального чтения¹⁹. Ее вывод таков: методика пристального чтения не теряет своей значимости и *«перед лицом цифровых библиотек и вездесущих компьютерных технологий... Способность и предрасположенность читать тексты внимательно, слово за словом (конечно, в дополнении к*

компьютерным премудростям), похоже, все-таки остаются полезными»²⁰.

Было бы ошибкой считать, что Ф. Моретти был первым, кто увидел общее между природой и литературой, литературными и биологическими процессами и первым использовал количественные методы. В упомянутом заочном обсуждении «Дальнего чтения» я выделил две публикации, имеющие прямое отношение к вопросу о предшественнике использования количественных методов в литературоведении²¹. Оба автора – И. Пильщиков и К. Корчагин – называют таким предшественником российского литературоведа Бориса Исааковича Ярхо (1889–1942).

«Еще в 1929 году, – пишет К. Корчагин, – Б. Ярхо предложил „Проект организации Литературно-статистического кабинета при Литературной секции (ГАХНа)“, где среди прочего были следующие пункты:

а) Литературный объект составлен из фактов, соотношений и процессов.

б) Литературные комплексы определяются не только наличием, но и пропорциями признаков.

в) Изменение литературы во времени основано преимущественно на смене этих пропорций.

г) Литературные соотношения и процессы могут быть выражены в числовых показателях, составляющих ряды, подобные рядам биологической изменчивости»²².

Затем, в предисловии к «Методологии точного литературоведения» Б. Ярхо выразит последнюю мысль из списка более отчетливо. *«Поскольку литературоведение в этом аспекте представляется как наука о жизни, то и по методу она должна быть объединена с дисциплинами биологическими. Человек – продукт природы, и его произведения не могут быть изъяты из общего потока жизни, три главных момента которой – множественность, непрерывность и изменчивость»²³.*

В российской науке идеи Ярхо нашли продолжение в стиховедении школы М.Л. Гаспарова с ее попытками понять, как внутри стиха возникают тенденции, определяющие стиль эпохи²⁴.

В чем причина, что сегодня дальнейшее чтение идет в стороне от российских работ? Возможно, – считает К. Корчагин, – главная причина в самом объекте исследования, в том, что в центре внимания Ярхо и Гаспарова была поэзия, в то время как Моретти настаивал на том, что новое литературоведение должно изучать прозу»²⁵. Я разделяю точку зрения К. Корчагина²⁶.

...Культурная эволюция – новая область знания, которая начала формироваться в 1980-е годы и идеи которой использует Ф. Моретти (глава 6. Эволюция, микросистемы, *Weltliteratur*). Чтобы показать причины выживаемости одних типов текста, он сравнивает литературные процессы с биологическими. Главная идея этого подхода такова: историю культуры можно описать с помощью теории эволюции²⁷.

Так, биологический подход может быть использован и для описания развития культуры²⁸. Источники, с которыми работает исследователь культуры, принципиально не отличаются от материала, с которым работает биолог. Оба исследуют *информацию*, ее развитие во времени. *«Отличие в том, что в биологии информация записана на спирали ДНК и содержит программу построения и поведения оригинала, а в культуре она „записана“ в нейронах мозга и хранит программу соответствующего поведения. Программа – вот ключевое слово, – утверждают О. Собчук и А. Шеля. – В обоих случаях эти программы могут со временем изменяться <...> они могут передаваться от одного носителя к другому (гены передаются по наследству, культура передается путем „социального обучения“)*». И те, и другие эволюционируют²⁹.

Что это дает? То, что из «кирпичиков» можно построить более сложные гипотезы, которые можно проверить с помощью эмпирических методов и получить новое знание.

В заключительной части «Дальнего чтения» Ф. Моретти пишет: *«что-то начало изменяться, если не в результате, то в*

природе нашей работы. В том смысле, что когда мы изучаем 200 тысяч романов вместо 200 – мы не просто делаем то же самое, только в 1000 раз больше. Новый масштаб изменяет наше взаимодействие с объектом и, по сути, меняет сам объект. Мы все еще изучаем романы, но подготавливаем их для анализа таким образом, который меняет то, что мы видим»³⁰.

В качестве новой программы для такого анализа американскими учеными предлагается обратить внимание на понятие масштабированного чтения (*scalable reading*). Масштабируемое чтение рассчитано на работу не с текстами, а с «суррогатами» текста внутри широкой шкалы медийных форм и аналитических заготовок³¹. *«Широкая шкала суррогатов подразумевает все вообще тексты, которые служат материальными объектами для осмысленного чтения – во всех формах, кроме „первичной“ исходной формы выбранного текста. В таком случае всякий, кто читает классическое оксфордское издание „Одиссеи“, автоматически становится „дальним читателем“ (distant reader) строф, приписываемых Гомеру. И именно такой „дальний читатель“, производящий данные цифрового анализа и их визуализацию, должен понимать и интерпретировать их»³².*

* * *

Подытоживая сказанное, сформулируем главный вопрос: какой вывод можно сделать, читая книгу Ф. Моретти «Дальнее чтение», и какие представленные в ней количественные материалы исследований имеют отношение к библиографии? Возможно, лучше понять это поможет определение, данное самим автором: *«дальнее чтение, для которого расстояние... является условием получения знаний, дает возможность сосредоточиться на единицах, намного больших или намного меньших, чем текст: приемах, темах, тропях или же жанрах и системах. И если в промежутке между очень маленьким и очень большим сам текст исчезнет – что ж, это будет одним из случаев, когда позволительно сказать: „Меньше значит больше“ (less is more)»³³.*

Книга Моретти расшатывает стереотипы библиографической среды. Она обращена не к изучению пристального (медленного) чтения, близкого и понятного библиографам и литературоведам, а к изучению всего мирового документального потока. Такой внеценностный подход открывает путь к использованию количественных методов в изучении мировой библиографии. Библиография поставлена перед лицом пристального, дальнего и в перспективе – масштабированного чтения. Как будет она развиваться, по какому пути пойдут теоретические разыскания, как на этот вызов реагировать?

Ф. Моретти, идя от поисков точного метода, приходит не к большому данным, с чем литературоведу и библиографу еще нужно научиться иметь дело, а к методологическому повороту в самом литературоведении и, полагаю, библиографоведении. На этом повороте мы получаем объекты и данные нового типа, которые надстроены над языком пристального чтения, которые нужно не понимать, но на которые нужно смотреть.

Процитирую философа Л. Витгенштейна: «...**Присмотришь, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присутствующего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт... Не думай, а смотри!**.. (выделено мной. – В.Л.) *А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом... Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвать их „семейными сходствами“»³⁴.*

Возможно, вначале новый объект библиографоведения (цифровой и автоматизированный) и новые данные ничего не говорят на понятном библиографу традиционном языке пристального чтения. Их надо заставить говорить. А чтобы заставить говорить эти данные (в свете неизбежных дискуссий о методологическом повороте) должен измениться сам субъект библиографии. Не исключаю также, что принимая во внимание взаимодействие пристального, дальнего и масштабированно-

го чтения в рамках цифровой и автоматизированной обработки текстов, будет формироваться новый исследовательский объект – «точное библиографоведение». По аналогии с исследованием Б.И. Ярхо «Методология точного литературоведения», полагаю, что мы на пути к формированию стратегии точного библиографоведения.

Примечания

¹ Smith B.H. What was «close reading»? A century of method in literary studies // Minnesota review. Durham, 2016. № 87. P. 57–75; Махов А.Е. «Пристальное чтение» перед лицом «больших данных»: проблема метода в современном англоязычном литературоведении (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. М., 2018. № 3. С. 12–17; Соколова Е.В. Истолковать и/или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities // Современная наука о литературе: сб. ст. / РАН. ИНИОН. М., 2018. С. 142–155; Нестеренко М. Своевременные мысли. Моретти Ф. Дальнее чтение // Октябрь. 2016. № 11. С. 183–186.

² Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 344 с.

³ Собчук О., Шеля А. Читая «дальнее чтение» (от составителей) // Нов. лит. обозрение. 2018. № 2 (150). С. 37.

⁴ Там же.

⁵ Орехов Е.В. Искусственные нейронные сети как особый тип Distant Reading // Вестн. Приамур. гос. ун-та им. Ш. Алейхе-ма. 2017. № 2 (27). С. 36; Spivak G.Ch. World systems & the creole // Narrative. 2006. Vol. 14, № 1. P. 102.

⁶ Рейтблат А.И. Теория без фактов, цифры без теории // Нов. лит. обозрение. 2018. № 2 (150). С. 61.

⁷ Нестеренко М. Своевременные мысли... С. 186–187.

⁸ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 79.

⁹ Там же. Также см.: Cohen M. *The Sentimental Education of the Novel*. Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 23.

¹⁰ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 83.

¹¹ Там же. С. 229.

¹² Там же. С. 248–287.

¹³ Там же. С. 106.

¹⁴ Smith B.H. What was «close reading»? P. 57–75.

¹⁵ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 70.

¹⁶ Урнов Д.М. Парадоксы пристального чтения // Контекст: 1977: литературно-критические исследования / ред.: Н.К. Гей, А.С. Мясников, П.В. Палиевский. М.: Наука, 1978. С. 248–274.

¹⁷ Там же. С. 267–268.

¹⁸ Smith B.H. What was «close reading»? P. 60–61.

¹⁹ Там же. P. 71.

²⁰ Там же. P. 73.

²¹ Пильщиков И. Франко Моретти и новый квантитативный формализм // Нов. лит. обозрение. 2018. № 2 (150). С. 39–45; Корчагин К. Франко Моретти и квантитативное литературоведение: Об одной невстрече // Там же. С. 53–56.

²² Цит. по: Корчагин К. Франко Моретти... С. 53.

²³ Ярхо Б.И. *Методология точного литературоведения: Избр. тр. по теории литературы*. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 7.

²⁴ Корчагин К. Франко Моретти... С. 53–56; Гаспаров М.Л. *Очерк истории русского стиха*. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.; Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. *Статьи о лингвистике стиха*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 283 с.

²⁵ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 109, прим.

²⁶ Корчагин К. Франко Моретти... С. 55.

²⁷ Дриккер А.С. *Эволюция культуры: информационный отбор*. СПб.: Академический проект, 2000. 182 с.

²⁸ Собчук О., Шеля А. (Дальнее) чтение и (культурная) эволюция // Нов. лит. обозрение. 2018. № 2 (150). С. 88–93.

²⁹ Там же. С.91.

³⁰ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 325.

³¹ Соколова Е.В. Истоковать и/или исчислить... С. 154–155.

³² Mueller M. Morgenstern's spectacles or the importance of non-reading [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sites.northwestern.edu/nudhl/?p=433> (дата обращения: 27.03.2019). Цит. по: Соколова Е.В. Истоковать и/или исчислить... С. 155.

³³ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 83.

³⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 110–111.

Опубликовано: Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения / В.П. Леонов // Науч. и техн. б-ки. 2019. № 10. С. 56–67.

6.2. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения

Как известно, чтобы познать объект интереса, его необходимо превратить в предмет увлечения¹. В данном случае объектом интереса выступает книжное собрание легендарной Вавилонской библиотеки, а предметом – книга и чтение.

В основу моих размышлений положены два направления оригинальных современных исследований. Первое строится на привлечении концепции нейробиолога, члена-корреспондента РАН К.В. Анохина и его коллег по расшифровке кодов Вавилонской библиотеки мозга². Второе – на возможности использования экспериментальных данных итальянского литературоведа и социолога Франко Моретти – автора книги «Дальнее чтение» (Distant reading – DR). Моретти объединил изучение количественных методов в литературоведении с алгоритмами Digital Humanities, т. е. с применением цифровых (компьютерных) методов в гуманитарных науках³.

Возникает естественный вопрос, зачем это надо делать? Полагаю, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о возможности чтения книг Вавилонской библиотеки с помощью методологии дальнего чтения.

В Санкт-Петербурге в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН 26 октября 2018 г. проходил семинар «Информационный потенциал биологических объектов», где К.В. Анохин выступил с докладом «Когнитивные процессы и высшая нервная деятельность». В частности, он говорил об исследовании социальных сетей мозга, о когнитоме, т. е. отраженной системе субъективного опыта, сформированной в организме в процессе эволюции, и о человеческом Я как уникальном когнитоме. Попав в новый мир информационных нано- и биотехнологий, человек обязан сохранить свой субъективный мир. В противном случае человек из него может исчезнуть.

На мой вопрос «Можно ли рассматривать книгу как когнитивному?» Константин Владимирович ответил: «Книга – это внешний когнитом!» и добавил, что сегодня само понимание человеческой субъективности меняется, многие традиции исследования познания и сознания приходится перестраивать. Это относится и к чтению. Исследуя книгу как внешний когнитом, как сеть, мы, с одной стороны, применяем к ней экспериментальные методы нейронауки, а с другой – движемся в сторону изучения мозга и сознания⁴.

Если согласиться с идеей К.В. Анохина, то исследовательское поле библиотекаря и библиографа может обогатиться новыми проблемами: в чем сущность понятия «когнитом», какой представляется книга как внешний когнитом, как будет соотноситься книга и теория интегрированной информации, книга и дальнейшее чтение? Можно ли, вслед за книгой, рассматривать и библиотеку как внешний когнитом? В связи с этим вспоминается известный афоризм: «Хотя наука может ответить на вопрос, как книга возникла, она не может ответить, почему книга появилась». Думаю, без обращения к книжному миру и библиографии здесь не обойтись.

Будем исходить из того, что самая важная и древняя когнитивная технология человечества – это письменность. По степени влияния на нашу жизнь книга вполне конкурирует с биологическими и физическими воздействиями.

Лучшего сочинения о книге и библиотеке, чем это сделал в рассказе «Вавилонская библиотека» аргентинский писатель и библиотекарь Хорхе Луис Борхес (1899–1986), трудно себе представить⁵.

«Вселенная – некоторые называют ее Библиотекой – состоит из огромного, возможно, бесконечного числа шестигранных галерей, с широкими вентиляционными колодцами...

Я утверждаю, – пишет Х.Л. Борхес, – что библиотека беспредельна...

Библиотека – это шар, точный центр которого находится в одном из шестигранников, а поверхность – недостижима. На каждой из стен каждого шестигранника находится пять полок, на каждой полке – тридцать две книги одного формата, в каждой книге четыреста страниц, на каждой странице сорок строчек, в каждой строке около восьмидесяти букв черного цвета...

Библиотека существует *ab aeterno*⁶ ... Число знаков для письма равно двадцати пяти⁷.

Основной закон Библиотеки... все книги, как бы различны они ни были, состоят из одних и тех же элементов: расстояния между строками и буквами, точки, запятой, двадцати двух букв алфавита... **во всей огромной Библиотеке нет двух одинаковых книг...** Библиотека всеобъемлема... на ее полках можно обнаружить все возможные комбинации двадцати с чем-то орфографических знаков (число их, хотя и огромно, не бесконечно) или все, что поддается выражению – на всех языках...

Когда было провозглашено, что Библиотека объемлет все книги, первым ощущением была безудержная радость. Каждый чувствовал себя владельцем тайного и нетронутого сокровища. Не было проблемы – личной или мировой, для которой не нашлось бы убедительного решения в каком-либо из шестигранников. Вселенная обрела смысл, вселенная стала внезапно огромной, как надежда...

...Библиотека огромна, и поэтому любой ущерб, причиненный ей человеком, будет ничтожно мал... каждая книга уникальна, незаменима, но (поскольку Библиотека всеобъемлюща) существуют сотни тысяч несовершенных копий: книги, отличающиеся одна от другой буквою или запятой...

На некоей полке в некоем шестиграннике... стоит книга, содержащая суть и краткое изложение **всех**

остальных: некий библиотекарь прочел ее и стал подобен Богу...

...Я думаю, что человеческий род – единственный – близок к угасанию, а Библиотека сохранится: освещенная, необитаемая, бесконечная, абсолютно неподвижная, наполненная драгоценными томами, бесполезная, нетленная, таинственная...

Библиотека безгранична и периодична. Если бы вечный странник пустился в путь в каком-либо направлении, он смог бы убедиться по прошествии веков, что те же книги повторяются в том же беспорядке (который, будучи повторенным, становится порядком – Порядком). Эта излишняя надежда скрашивает мое одиночество...»⁸.

Некоторым читателям рассуждения Борхеса могут показаться фантазией, но в них, безусловно, содержатся зерна истины. Напомню: они возникли на рубеже 1930–1940-х гг., когда автор работал в библиотеке. Борхес видел, чувствовал и понимал ее изнутри не только как библиотекарь, но и как гениальный писатель, создавший образ «горячей Библиотеки», «в которой случайные тома в непрерывном пасьянсе превращаются в другие, смешивая и отрицая все, что утверждалось, как обезумевшее божество»⁹.

Не сомневаюсь, что мысли Борхеса о Вавилонской библиотеке, о расшифровке ее кодов будут востребованы современными исследователями при обсуждении проектов будущего библиотеки.

Хотя концепция библиотеки, созданная Х.Л. Борхесом, представляет поэтическую метафору, она является мощным интеллектуальным орудием, поскольку не только стимулирует воображение, но и способна изменить взгляд на библиотеку и ее возможности.

Если мы хотим включить человека в воображаемое пространство, мы должны стремиться к построению такой модели виртуальной библиотеки, где «феномен человека», «феномен

разума» будет учитываться таким же образом, как и «феномен технологической реальности».

К.В. Анохин удачно подобрал ключ к расшифровке метафоры Вавилонской библиотеки, подчеркнув, что она скрывает за собой вселенную состояний нашего сознания, полное собрание всех возможных произведений мозга: *«В Вавилонской библиотеке возможных состояний нашего мозга, мыслимых „кадров“ его сознания, есть, например, все кадры фильмов, которые мы видели, и тех, которые когда-либо были или будут сняты. В этих потенциальных комбинациях активности – образы всех встречающихся нам людей и тех, которых мы еще увидим, которые жили и будут жить на Земле. Возможные последовательности активности, „мелодии“ этого супероркестра мозга содержат все когда-либо сочиненные людьми мелодии и всю музыку, которая еще будет написана. Среди прочего, эта невероятная библиотека мозга вмещает в себя все сюжеты и все тексты Вавилонской библиотеки»*¹⁰.

Правда, когда я внимательно перечитал интервью и тексты К.В. Анохина, появилась мысль о том, что такое видение Вселенной обесценивает всю деятельность человека, не оставляя место творчеству. Не хотелось бы знать, что кто-то об этом уже написал или сказал... Но даже если некие коды мозга Вавилонской библиотеки будут расшифрованы и прочитаны, это еще не значит, что прочитанное изложено осмысленно. Дело уже не в тексте, а в смысле, в том, что говорит живой человек и как он это интерпретирует.

Как же работать с такими невообразимыми величинами, о которых писал библиотечарь Х.Л. Борхес, а позднее задумался нейробиолог К.В. Анохин? Как их прочитывать? Один из вариантов – математический. Нужно научиться считать, а также читать рассеянные нейронные сети нашего сознания.

К.В. Анохин предложил использовать для расчетов сознания оригинальную «теорию интегрированной информации». Это – количественная теория. Ее автор – нейробиолог Джулио

Тонони (Giulio Tononi) из Висконсинского университета в Мэдисоне (США). Информация в понимании Тонони отличается от математической теории информации, созданной Клодом Шенноном, согласно которой сигналы имеют значение с точки зрения внешнего наблюдателя, в самих сигналах значения нет. Сознание же субъективно и не зависит от наблюдателя.

По мнению Дж. Тонони, интегрированная информация – это информация, *«генерированная системой сверх и помимо той информации, которая генерирована ее частями независимо друг от друга»*¹¹. Отсюда следует, что теория сознания не может не быть информационной и понятие интегрированной информации является важным достижением на пути построения такой теории¹². Объединение информации о внешнем мире и внутренней информации о состоянии организма происходит путем чтения.

Итак, суть теории интегрированной информации заключается в том, что сознание в нейронной сети – это информация, которая возникает сверх информации, содержащейся в изолированных взаимодействиях ее частей – любых ее элементов, групп и комплексов. Величина интегрированной информации, измеряемая в битах, позволяет определить потенциальный уровень сознания любых систем: от взрослого человека до младенца, собаки и т. д. Рассмотрение любого объекта как сети переводит проблему в среду физической и математической теории¹³.

*«В отношении к кодам Вавилонской библиотеки мозга, – утверждает К.В. Анохин, – именно рассеянные сети и составляют произведения этой библиотеки. Их тексты не записаны в отдельных книгах, это – распределенный код, где отдельные буквы и слова взяты из миллионов книг по всей библиотеке. Только высветившись вместе в этих книгах в какой-то момент, они составляют некое единое осмысленное произведение. При этом нейроны из разных областей мозга, объединившиеся в такую функциональную систему, начинают обладать свойством сцепленности единого когнитивного целого»*¹⁴.

Распределенная по мозгу сеть нейронов сцеплена единым когнитивным опытом. Каждая такая сеть или одно содержащееся в памяти «произведение» нашего мозга, нашего сознания – это когнитивный элемент. Имя ему – ког (Cognitive Group – COG). Ког – это своего рода атомы, комбинируя которые можно воссоздать произведения Вавилонской библиотеки. В совокупности коги образуют систему опыта конкретного организма, которая называется когнитом. Она представляет собой совокупность познавательных способностей мозга. Это сеть сетей или гиперсеть (материя сознания).

В концепции «когнитом» проблема мозга рассматривается как междисциплинарная: биомедицинская, технологическая и экзистенциальная. Приведу одно из таких описаний. Когнитом, по К.В. Анохину, состоит из двух слоев. Нижний слой – это сеть из сотен нервных структур, своего рода география «страны» мозга, куда погружен отдельный ког. Верхний слой – произведения библиотеки мозга. Возбуждение одного кога через тысячи связей с другими элементами когнитома способно почти моментально вызвать богатейшую сеть ассоциаций, осуществить доступ почти ко всему прошлому опыту.

Любая сеть имеет определенные свойства. Она должна иметь узлы, связи, строение. Теория вводит новые понятия для этой скрытой реальности – когнитивные группы, связи этих когнитивных групп и в целом сеть. Концепция «когнитом» позволяет выявить ключевые свойства естественных нервных сетей, важные для создания искусственных сетей. Чтобы научиться этому, надо по-новому взглянуть на работу мозга¹⁵. Таким образом, когнитом становится самостоятельным системным объектом для теоретического описания и экспериментального исследования.

Напомню факт из истории науки о том, как осторожно подходил И.П. Павлов к проблеме возникновения субъективных явлений, психических процессов в головном мозге. Например, обсуждая проблему «сознания» и «сознательного», он подчеркивал в речи на собрании Общества Московского научного ин-

ститута 24 марта 1913 г.: *«Конечно, я совершенно не коснусь философской точки зрения, т. е. я не буду решать вопроса: каким образом материя мозга производит субъективное явление и т. д.? Я постараюсь только предположительно ответить на вопрос: какие физиологические явления, какие нервные процессы происходят в больших полушариях тогда, когда мы говорим, что мы себя сознаем, когда совершается наша сознательная деятельность?»*

*С этой точки зрения сознание представляется мне нервной деятельностью определенного участка больших полушарий, в данный момент, при данных условиях, обладающего известной оптимальной (вероятно, это будет средняя) возбудимостью»*¹⁶.

Прошло более ста лет со времени выступления И.П. Павлова. Сегодня, «благодаря новому подходу к изучению биологических нейросетей можно увидеть, как при определенном взаимодействии разных частей мозга возникает психическая деятельность»¹⁷.

Мы не знаем многих из когнитивных частиц – когов, но некоторые из них связаны с символами и словами. Понимание разума как гиперсети нервных элементов позволит, считает К.В. Анохин, построить модель любого разума, независимо от того, каков его физический носитель¹⁸. Все это фантастически интересно!

Второй подход к работе с рассеянными нейронными сетями сознания, как отмечалось в начале статьи, связан с разработкой стратегии и методологии «Distant reading» («Дальнее чтение»). Общая стратегия, объединяющая разные методы под названием «дальнее чтение», состоит в том, чтобы извлечь из необозримого для человека числа текстов Вавилонской библиотеки релевантную информацию и представить ее в обозримом и удобном для исследователя тексте¹⁹.

Гипотеза Ф. Моретти о его методе такова: *«...в действительности нам нужен небольшой договор с дьяволом: мы умеем читать тексты, теперь нужно научиться не читать*

*их. Дальнее чтение, для которого расстояние... является условием получения знаний, дает возможность сосредоточиться на единицах, намного больших или намного меньших, чем текст»²⁰. Другими словами, мы получаем объекты нового типа, надстроенные над языком литературы, которые не нужно понимать, но на которые нужно смотреть. Как писал Л. Витгенштейн: «...Присмотрись, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт... **Не думай, а смотри!**.. (выделено мной. – В.Л.). А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом... Я не могу охарактеризовать эти подобию лучше, чем назвать их „семейными сходствами“»²¹.*

Вы уже не читаете текст, а смотрите через него на свой анализ. Такой способ «чтения» не производит новых интерпретаций, он их просто проверяет. Как поступить в данной ситуации? Для начала стоит попробовать изучить сеть подобий дистантно, выявив некоторые формализованные признаки, по которым компьютер может анализировать большие цифровые объемы²². В этом преимущество дальнего чтения перед пристальным.

Однако, сообщая и обобщая результаты большого числа исследований, мы еще не получаем новый результат, мы можем только сформулировать проблему, но не дать на нее ответ. Например, увидеть, какие разделы науки изучены хорошо, а какие недостаточно. Приведу убедительный комментарий Ф. Моретти: «...в литературной реальности намного больше беспорядка и случайности, чем мы ожидали. И беспорядок является не просто преградой к знанию, он сам по себе становится новым объектом знания»²³.

Что с этими беспорядочными данными дальше делать? Ученые из университета г. Зигена (Германия) справедливо считают, что для исследования проблемы необходимо создать

смешанный метод чтения, основанный на изучении того, какие подходы из обеих областей имеют место и для чего используются²⁴. Такой метод получил название «масштабируемое чтение» («scalable reading»), которое рассчитано на работу не с текстами, а с «суррогатами» текстов внутри широкой шкалы медийных форм и аналитических заготовок²⁵. Для работы с огромным количеством эмпирического материала нужна, как мне представляется, специальная литературная и библиографическая лаборатория. По аналогии с исследованиями отечественного ученого Б.И. Ярхо (1889–1942) «Методология точного литературоведения» целесообразно приступить к формированию стратегии точного библиографоведения²⁶.

Объектом точного библиографоведения является книга как внешний когнитом, как гигантская нейронная сеть, как гипертекстовая модель библиотеки. Она сохраняется в структуре нашего опыта независимо от того, в каком состоянии находится сознание. Книга как внешний когнитом представляет собой отраженную систему субъективного опыта, сформированного в организме в процессе эволюции...

Настоящая статья написана библиографом для библиографов, филологов, биологов, историков. Автор призывает коллег не только аналитически читать, но и научиться с новым знанием дела смотреть на статистическое распределение больших массивов библиографических данных Вавилонской библиотеки. Однако как именно смотреть на привычные визуальные объекты, какими для коллег являются поверхностные данные? Как превращать это видение в аналитический инструмент не только библиографа, но и нейробиолога, историка, социолога, искусствоведа?

Ф. Моретти пришел к верному заключению, что теоретический ресурс, имеющийся, например, в распоряжении профессионального филолога, не позволит решить данную задачу, если не прибегнуть к возможностям других областей знания.

Чтобы осуществить этот замысел в рамках библиографии, необходимо создать команду единомышленников, орга-

низовать при одной из национальных библиотек межведомственную библиографическую лабораторию и идти на поиски вариантов. Первым этапом работы станет изучение опыта формирования цифрового сегмента библиографических текстов для дальнего чтения, т. е. текстов переходного периода, где библиограф говорит о своих поисках коллегам на понятном им языке. Высшая цель стратегии точного библиографоведения – получить универсальное знание о библиографии.

Примечания

¹ Шрейдер Ю.А. Библиография – объект интереса и предмет познания // Библиография. 1998. № 2. С. 53–56.

² Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга: интервью с чл.-кор. РАН К.В. Анохиным // В мире науки. 2013. № 5. С. 83–89.

³ Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 342 с.

⁴ Об этом см. также: Орехов Б.В. Искусственные нейронные сети как особый тип Distant reading // Вестн. Приам. гос. ун-та Ш. Алейхема. 2017. № 2 (27). С. 32–43.

⁵ Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека // Борхес Х.Л. Вымышленные истории. СПб., 1999. С. 88–102.

⁶ Извечно (лат.).

⁷ Энтузиасты вычислений подсчитали, что размеры Вавилонской библиотеки превосходят объем видимой Вселенной примерно в 10^{611338} раз [Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга... С. 84].

⁸ Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека // Борхес Х.Л. Вымышленные истории. СПб., 1999. С. 88–102.

⁹ Там же. С. 99.

¹⁰ Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга... С. 83–89.

¹¹ Tononi G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto // Biological bul. 2008. № 215. P. 219, 221.

¹² Нагумнова С.Ф. По поводу гипотезы Д. Тонони о том, что сознание есть интегрированная информация // Натуралисти-

ческие концепции сознания: рабочие материалы междисциплинар. конф., С.-Петербург, 24–25 мая 2013 г. СПб., 2013. С. 48–52.

¹³ Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга... С. 85.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ Павлов И.П. Объективное изучение высшей нервной деятельности животных // Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. М.; Л., 1951. С. 247.

¹⁷ Бассетт Д., Бертолеро М. Как материя становится сознанием // В мире науки. 2019. № 8–9. С. 14.

¹⁸ Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга: интервью с чл.-кор. РАН К.В. Анохиным // В мире науки. 2013. № 5. С. 87.

¹⁹ Моретти Ф. Дальнее чтение.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М., 1994. С. 110–111.

²² Орехов Б.В. Искусственные нейронные сети как особый тип Distant reading // Вестн. Приам. гос. ун-та Ш. Алейхема. 2017. № 2 (27). С. 32–43.

²³ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 341–342.

²⁴ Соколова Е.В. Истолковать и/или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities // Современная наука о литературе: сб. ст. / РАН, ИНИОН. М., 2018. С. 153.

²⁵ Там же. С. 154.

²⁶ Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: избр. труды по теории лит. М.: Языки славян. культуры, 2006. С. 7.

Опубликовано: Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения / В.П. Леонов // Библиография и книговедение. 2020. № 1 (426). С. 77–83.

6.3. Точное библиографоведение и стратегия «дальнего чтения»

В трудах основоположника теории современной отечественной библиографии Олега Павловича Коршунова (1926–2013) дано краткое и емкое определение библиографоведения: *«Библиографоведение – наука о библиографии. В самом общем смысле этим все сказано, поскольку остальное лишь детали.... Возникновение и развитие научного знания о библиографии происходило в результате осмысления и обобщения библиографами практического опыта своей профессиональной деятельности»*¹.

Актуальность заявленной темы вызвана обсуждением проблем библиографоведения на современном уровне и в контексте дискуссий, которые ведутся в последние десятилетия в рамках библиографического пространства. Среди исследователей – участников дискуссий в десятку сильнейших входят (перечисляю по алфавиту): Л.В. Астахова, Э.К. Беспалова, Т.Ф. Берестова, М.Г. Вохрышева, Т.Ф. Лиховид, Н.В. Лопатина, И.Г. Моргенштерн, Н.А. Сляднева, А.В. Соколов, В.А. Фокеев.

Я предлагаю обратить внимание на некоторые идеи, которые мне представляются интересными и актуальными. Одна из них относится к пониманию связи традиционного и точного библиографоведения, подробнее об этом речь пойдет ниже. Другая важная идея – понимание концептуального характера библиографоведения, его разнообразия. Оно, как утверждал О.П. Коршунов, *«... не свойственно в таких масштабах ни одной из родственных библиографоведению научных дисциплин (например, библиотековедению или книговедению)... Создание единой общей теории библиографии – главная стратегическая цель современного отечественного теоретического библиографоведения. Она может быть достигнута только в результате хорошо скоординированных коллективных усилий»*².

В настоящей статье мне хотелось бы заглянуть в будущее библиографии и библиографоведения как объектов изучения. Все современные публикации свидетельствуют, что эти объекты характеризуются множеством сторон и что возможны самые разные библиографические программы – книговедческая, библиотековедческая, педагогическая, социально-психологическая, литературоведческая, информационная, историческая и т.п., а следовательно, и разные научные направления, которые оптимизируют комфортное удовлетворение разных информационных потребностей. В результате неизбежно возникает дублирование, например, в книговедении уже есть разделы о библиографии, а в библиографоведении есть книговедческие аспекты и т. д.

Почему же существует настойчивое стремление объединить все это в рамках одной дисциплины? Думаю, что справедливо считают исследователи, по двум причинам. Первая – *влияние преподавания*, в результате которого нередко образцы соединения в рамках учебного предмета достаточно разнородных знаний переносятся и на науку. Однако не любая совокупность знаний может быть объединена одной научной дисциплиной. Вторая причина – не всегда четкое представление у ряда книговедов и библиографов о том, *какие составляющие рождают и развивают науку о книге*. Некоторым кажется, что для этого достаточно указать на объект – книгу³.

Наличие многих дисциплин, связанных с книгой и библиографией, порождает проблему: является ли библиографоведение комплексом дисциплин или комплексной дисциплиной? Большинство исследователей логично придерживаются второй точки зрения, а именно: библиографоведение является комплексной дисциплиной. Но тогда возникает другой вопрос: нужны ли кому-то одновременно знания и опыт о создании библиографической информации, о разных видах ее свертывания, о чтении в библиографии, о ее автоматизации и компьютеризации, о библиографическом поиске, обслуживании, о хранении библиографической информации? Эти знания чаще

всего носят фиксирующий характер, т.е. представляют собой описание уже сложившихся представлений в библиографии. Достаточно ли их, чтобы попытаться заглянуть в будущее?⁴ Полагаю, что адекватное осознание новых проблем возможно, если библиографы и их коллеги прежде всего сосредоточат внимание на обсуждении библиографических объектов нового типа⁵.

По сравнению с традиционным библиографоведением, в основе которого лежит многолетняя практика интеллектуального и ручного труда библиографа, точное библиографоведение отталкивается от цифровой обработки больших массивов библиографических данных с использованием сравнительно-статистических методов анализа. В нашем случае объектом интереса является теория точного библиографоведения, а предметом познания – сравнительно-статистический анализ библиографических данных. Высшая цель теории точного библиографоведения – получить универсальное знание об объекте исследования. А так как речь идет о непрерывно меняющихся библиографических явлениях, теория вынуждена идти на поиски вариантов...

Сошлюсь, для примера, на предлагаемое мной понятие «технобиблиография»⁶. Технобиблиография представляет собой попытку объяснить то качественно новое состояние объекта, в котором библиография оказалась в начале XXI в., когда мир сконцентрировался на пути к обществу знаний. Она сегодня оказывает услуги, ориентированные на массовый спрос, новые технологии изготавливаются «на заказ» и занимают заранее определенные «ячейки». Но отношения между библиографией и новыми технологиями внутренне противоречивы. С одной стороны, библиография выступает как заказчик, как генератор новых технологий, а с другой – спрос на библиографическую информацию порождает услуги одностороннего типа, в результате чего интеллектуальный потенциал библиографического знания используется не полностью. Если традиционно это отношение понималось как технологическое приложение, то теперь сама

деятельность по получению знания встраивается в процессы создания новых технологий. Сказанное можно проиллюстрировать на примере автоматизации библиографического поиска⁷.

Постепенно выяснилось: традиционный библиографический поиск представляет собой плохо поддающуюся формализации задачу. С одной стороны, положение о том, что пользователь может четко описать информационную потребность в конкретном запросе, было принято вынужденно, как условность, под влиянием необходимости создать алгоритм отбора документов. С другой – автоматизированный принцип организации поискового материала не предполагает логического построения. Погруженность в электронную среду изменяет сам характер мышления, принципы обоснования знания. Неслучайно в научный оборот вошли понятия «машинное мышление», «компьютерное сознание».

Информатики считают принцип логического построения дефектным для автоматизации, а библиографы по-прежнему продолжают создавать библиотечные каталоги и указатели литературы по ассоциации с человеческой памятью и с работой сознания. В этом контексте сегодня интерес представляют уже не результат как таковой, а те возможности и преобразования, которые обогащают библиографический поиск в условиях использования новых технологий.

Поэтому технобиблиография, наряду с техническими, включила в свою сферу психолого-педагогические и социологические аспекты. Это потребовало совместного участия библиографов, технологов и программистов в поиске информации, оформлении и предоставлении библиографического знания пользователю⁸.

Проникновение информационных технологий, цифровизации в библиографоведение происходит несколькими путями, в результате которых в науке – посреднике расширяется круг задач. Библиографоведение выступает своеобразным мостом, обеспечивающим проникновение в науку не только средств и методов, но и теоретических представлений.

Исследовательские программы изучения объекта бывают двух видов: проблемные (с указанием типов вопросов) и методические (с указанием методов). В нашем случае исходную ситуацию можно сформулировать так: в какой степени библиографические тексты, их форма, содержание могут быть изучены с помощью точных, количественных методов? Ответ предполагает, что внедрение точных методов плодотворно тогда, когда количественные методы не самоцель, а только средство решения задачи.

За примером обратимся к междисциплинарным компьютерным исследованиям под общим названием ДН – *Digital Humanities*⁹ для воссоздания обстоятельств и событий истории гуманитарных наук¹⁰. Главным аспектом междисциплинарности ДН является сотрудничество специалистов в области разных гуманитарных и технических дисциплин. Помимо историков, филологов и специалистов по информационным технологиям, в таких исследованиях принимают участие библиотекари, архивисты, музейные работники.

Оцифровка документов и памятников прошлого воспринимается сообществом ДН по-разному. Ученые видят в ней облегченный источник доступа к нужным для исследования документам. Библиотекари часто возлагают на оцифровку надежду привлечь внимание к редким коллекциям и уникальным изданиям. Архивисты спорят о сверхзадачах оцифровки: должны ли копии быть фондом общего пользования или бронированным фондом. Специалисты в области информационных технологий воспринимают оцифровку как барьер для широкого использования технических средств и форматов сохранения результатов¹¹.

Вместе с тем, говоря о междисциплинарных исследованиях, положенных в основу ДН, логично полагать, что они станут наиболее эффективными, если будут иметь *общий объект*, на который направлены методы точных наук. В нашем случае в качестве такого объекта может рассматриваться *библиографическая информация*, имеющая сложную видовую структуру.

Не вызывает сомнений тот факт, что в последнее время, отмеченное наступательным и масштабным движением компьютерных технологий, многочисленные библиотеки, научные и учебные центры мира создают свои обширные базы литературных и библиографических текстов. Большие массивы полученных данных требуют новых подходов. Перед такими данными метод пристального чтения (*close reading*), рассчитанный на работу с конкретными текстами, казалось бы, теряет смысл. Главным критиком *close reading* стал итальянский социолог и литературовед Франко Моретти. Свои идеи он изложил в книге «Дальнее чтение» (*Distant reading*)¹².

Вслед за американским литературоведом Маргарет Коэн Ф. Моретти называет массив неучтенных текстов «великим непрочтенным» («*the great unread*»)¹³ и логично считает, что мировую литературу следует изучать не вглядыванием в детали, а путем рассмотрения ее с большого расстояния: изучения сотен и тысяч текстов. Только тогда удастся увидеть общие, ей свойственные закономерности. Его исходный посыл заключается в следующем: если прочитать все произведения мировой литературы невозможно, то необходимо найти способ исследовать их каким-либо иным путем. Другими словами, «нам нужен небольшой договор с дьяволом: мы умеем читать тексты, теперь нужно научиться *не читать их*»¹⁴.

Поставив цель, Моретти ищет неизвестные ранее способы ее достижения, т. е. ответ на вопрос «как?». Он предлагает использовать инструментарий *DH* (*Digital Humanities*), т.е. применить цифровые (компьютерные) методы в гуманитарных науках. Например, с помощью *DH* определять частотность слов, подсчитывать количество диалогов между персонажами. «*Через несколько лет, – заключает автор, – мы сможем совершать поиск практически по всем когда-либо напечатанным романам и выявлять закономерности в миллиардах предложений*». И добавляет: «*Лично я в восторге от этой встречи формального подхода и квантификации*»¹⁵.

Наглядная демонстрация возможностей *DH* в филологии представлена в девятой главе книги под заглавием «Корпорация стиля: размышление о 7 тысячах заглавий (британские романы 1740–1850)»¹⁶. Используя статистические методы, Моретти показывает закономерности изменения романов. Казалось бы, все просто: заглавия романов становятся короче. На самом деле, это связано с изменением функций заглавия. В период становления жанра заглавие выполняло провокационную (*spoiled*) роль. Когда читатель уже хорошо изучил жанр романа, главной задачей заглавия стала интрига, оно делается короче.

Ф. Моретти интересуют глобальные вопросы, на которые нельзя ответить, ограничившись малым кругом авторов и текстов: почему возникает литература, какие принципы заложены в ее развитие? Чтобы показать причины выживаемости одних типов текста, он сравнивает литературные процессы с биологическими и проводит аналогию естественного отбора с отбором читательским.

Было бы ошибкой считать, что Ф. Моретти был первым, кто увидел общее между природой и литературой, литературными и биологическими процессами и первым использовал количественные методы. В заочном обсуждении книги «Дальнее чтение» я выделил две публикации, имеющие прямое отношение к вопросу о предшественнике использования количественных методов в литературоведении¹⁷. Оба автора – И. Пильщиков и К. Корчагин – называют таким предшественником российского литературоведа Бориса Исааковича Ярхо (1889–1942), автора фундаментальной монографии «Методология точного литературоведения»¹⁸.

К сожалению, книга Б.И. Ярхо осталась незаконченной. Ученый писал ее, находясь в ссылке, без особой надежды на издание. Сегодня этот труд можно рассматривать как развернутую программу для методологии точного литературоведения, где много интересных размышлений об анализе и синтезе текстов, где подчеркнута, что каждый этап исследования

должен проверяться количественными методами. Оригинальность работы заключается также в том, что Б.И. Ярхо провел очень важную аналогию между природой и литературой. Он попытался встроить литературоведение в класс естественных наук – отсюда его интерес к биологии, социологии, статистике. В целом книга «Методология точного литературоведения» близка к тому, о чем размышляет Ф. Моретти.

В заключительной части «Дальнего чтения» Ф. Моретти пишет: *«Что-то начало изменяться, если не в результате, то в природе нашей работы. В том смысле, что когда мы изучаем 200 тысяч романов вместо 200 – мы не просто делаем то же самое, только в 1000 раз больше. Новый масштаб изменяет наше взаимодействие с объектом и, по сути, меняет сам объект. Мы все еще изучаем романы, но подготавливаем их для анализа таким образом, который меняет то, что мы видим»*¹⁹.

В качестве новой программы для такого анализа американскими учеными предлагается обратить внимание на понятие масштабированного чтения (*scalable reading*). Масштабируемое чтение рассчитано на работу не с текстами, а с «суррогатами» текстов внутри широкой шкалы медийных форм и аналитических заготовок²⁰. *«Широкая шкала суррогатов подразумевает все вообще тексты, которые служат материальными объектами для осмысленного чтения – во всех формах, кроме „первичной“ исходной формы выбранного текста. В таком случае всякий, кто читает классическое оксфордское издание „Одиссеи“, автоматически становится „дальним читателем“ (distant reader) строф, приписываемых Гомеру. И именно такой „дальний читатель“, производящий данные цифрового анализа и их визуализацию, должен понимать и интерпретировать их»*²¹.

Какой вывод можно сделать, читая исследование Ф. Моретти «Дальнее чтение», и какие представленные в ней материалы ДН имеют отношение к библиографии?

Как показывает опыт применения Digital Humanities, методы приходят и уходят, а теоретические рассуждения остаются

ся. Именно теоретического фундамента не хватает современным проявлениям ДН. Нет гипотез относительно того, что же делать с огромными оцифрованными библиотеками. Тем не менее, инструментарий современных ДН позволяет подбирать гипотезы под новую науку и Ф. Моретти предлагает их. В этом смысле «Дальнее чтение» расшатывает стереотипы не только литературной, но и библиографической среды. Оно обращено не только к изучению пристального (медленного) чтения, близкого и понятного библиографам и литературоведам, а к изучению всего мирового документального потока. Такой внеценностный подход открывает путь к использованию ДН-методов в изучении мировой библиографии. В качестве научной гипотезы может рассматриваться наука о цифровой библиографии – *квантитативное библиографоведение*.

Библиографоведение должно подняться с уровня частных интерпретаций до больших обобщений. Полагаю, что в рамках цифровой и автоматизированной обработки текстов по аналогии с исследованием Б. Ярхо будет формироваться новая исследовательская стратегия – «точное библиографоведение»²².

Возможно, вначале новый объект библиографоведения (цифровой и автоматизированный) и новые данные ничего не будут говорить на понятном библиографу традиционном языке пристального чтения. Их надо заставить «говорить». А чтобы заставить говорить эти данные (в свете неизбежных дискуссий о методологическом повороте) должен измениться сам субъект библиографии.

Ф. Моретти пришел к верному заключению, что теоретический ресурс, имеющийся в распоряжении профессионального филолога, не позволит решить данную задачу, если не прибегнуть к возможностям других областей знания. Это в полной мере относится и к точному библиографоведению.

Высшая цель стратегии точного библиографоведения – получить универсальное знание о библиографии.

Примечания

¹ Коршунов О.П. Современное библиографоведение. Что это такое? // Российское библиографоведение: Итоги и перспективы: сб. науч. ст. М., 2006. С. 15–16.

² Там же. С. 46–48.

³ Сычева Л.С. Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск: Наука, 1984. С. 153–154.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Шрейдер Ю.А. Библиография – объект интереса и предмет познания // Библиография. 1988. № 2. С. 48–56.

⁶ Леонов В.П. Технобиблиография – новый этап развития библиографии // Библиография. 2011. № 3. С. 14–19.

⁷ См. напр.: Соколов А.В. Автоматизация библиографического поиска. М.: Книга, 1981. 167 с.; Леонов В.П. Реферирование и аннотирование научно-технической литературы. Новосибирск : Наука, 1986. 176 с.; Федоров Е.Б. Некоторые проблемы автоматизации информационно-семантических процессов // Проблемы построения и развития алгоритмических документальных ИПС. М., 1973. Вып. 1 (5). С. 71–82; Лахути Д.Г. Автоматизированные документально-фактографические информационно-поисковые системы // Итоги науки и техники. Сер. Информатика / ВИНТИ. М., 1988. Т. 12. С. 6–79.

⁸ Леонов В.П. Библиография как профессия. – М. : Наука, 2005. – С. 77–102.

⁹ Digital Humanities – цифровые методы в истории гуманитарных наук.

¹⁰ Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 5–13.

¹¹ Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестн. Перм. ун-та. 2014. № 3 (26). С. 5–12

¹² Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 344 с.

¹³ Там же. С. 79. М. Коэн использовала этот термин для описания массива текстов, которые с момента публикации оставались забытыми или недоступными (Cohen M. *The Sentimental Education of the Novel*. Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 23).

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ Там же. С. 229.

¹⁶ Там же. С. 248–287.

¹⁷ Пильщиков И. Франко Моретти и новый квантитативный формализм // Нов. лит. обозрение. 2018. № 2 (150). С. 39–45; Корчагин К. Франко Моретти и квантитативное литературоведение: Об одной невстрече // Там же. С. 53–56.

¹⁸ Ярхо Б.И. *Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы*. М.: Языки славянской культуры, 2006. XXXI, 926 с.

¹⁹ Моретти Ф. Дальнее чтение. С. 325.

²⁰ Соколова Е.В. Истолковать и/или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities // Современная наука о литературе: сб. ст. / РАН. ИНИОН. М., 2018. С. 142–155.

²¹ Mueller M. *Morgenstern's spectacles or the importance of non-reading* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sites.northwestern.edu/nudhl/?p=433> (дата обращения: 27.03.2019).

²² Леонов В.П. Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения // Науч. и техн. б-ки. 2019. № 10. С. 56–67.

Опубликовано: Точное библиографоведение и стратегия «дальнего чтения» / В.П. Леонов // Библиография и книговедение. 2020. № 4. С. 24–29.

6.4. О создании Межведомственной библиографической лаборатории для исследования дальнего чтения

Активное использование в гуманитарных отраслях, в том числе в социологии, литературоведении, книговедении, библиографоведении, библиографии цифровых и автоматизированных технологий, а также необходимость решения прикладных задач для изучения обстоятельств и фактов их истории и теории привели к появлению большого числа ресурсов различного назначения. Деятельность по их формированию, обеспечению к ним доступа, сохранности, возможность многократного использования требует координации и управления¹.

Принципиальное значение в работах по цифровому анализу текстов, известное под общим названием Digital Humanities – DH², приобрело понятие «дальнее чтение» (Distant Reading). Его ввел в науку о литературе профессор Стэнфордского университета США Франко Моретти³. В качестве дополнения к пристальному чтению (close reading), предпочитающему вдумчивое чтение конкретного текста, Моретти предложил новый подход, ориентированный на исследование доступного корпуса текстов с использованием компьютерных методов. *«...Решающее значение, – пишет он, – имело возрастание важности количественных методов для моих исследований в Стэнфорде, которое в конце концов привело к созданию Литературной лаборатории в 2010 году... Количественные данные... представили такое огромное количество эмпирического материала, что я оказался к нему совершенно не готов... Сейчас ... результаты этих опытов начинают обретать форму, и период отсутствия теории заканчивается. На самом деле мир Digital Humanities, цифровых гуманитарных наук, понемногу начинает ощущать потребность в обобщающей теории для нового литературного архива»⁴.*

Как отмечают переводчики книги «Дальнее чтение» О. Собчук и А. Шеля, *«работы Франко Моретти возродили интерес к макроскопическому взгляду на литературу. Это значит: объектом исследования становится не одно или несколько произведений, как раньше, а десятки, сотни и даже тысячи. В этом океане информации (океане не только букв, но и цифр) Моретти ищет закономерности»*⁵.

Междисциплинарность дальнего чтения проявляется в сотрудничестве специалистов разных гуманитарных и технических областей знания. Помимо историков, философов, социологов, филологов и специалистов по информационным технологиям, в таких исследованиях уже успешно принимают участие библиотекари, библиографы, архивисты, музейные работники. А проблемы, которые поднимает Ф. Моретти, оставляют возможность для выбора. Говоря о междисциплинарных исследованиях, положенных в основу ДН, логично полагать, что они станут эффективными, если будут иметь общий объект, на который направлены методы различных наук⁶. В нашем случае в качестве такого объекта предлагаю рассматривать *библиографическую информацию*, имеющую сложную видовую структуру. Полагаю, что настало время в дополнение к литературоведческим исследованиям изучать библиографическое дальнее чтение, под которым понимаются способы представления автоматизированной обработки библиографической информации. Этот объект объединит формализованный анализ, количественные и библиографические методы⁷.

Следует иметь в виду, что в начале междисциплинарного сотрудничества каждый из представителей наук остается как бы на своей территории и только со временем сам объект изменяет его знание и методологию. Иногда такого времени требуется достаточно много, прежде чем специалист окажется «в проблеме»⁸. *«...Мне кажется, – подчеркивает филолог И. Пильщиков, – я после многих лет работы в той сфере, которую сейчас начали называть Digital Humanities, стал своего рода специалистом „по переговорам“ между филологами и*

программистами. Я помогаю коллегам с двух сторон этого дигитального „фронта“ найти взаимопонимание»⁹.

И далее на вопрос о поддержке государственных и профессиональных исследований в оцифровке И. Пильщиков убедительно пояснил: «... Когда государство начинает что-то поддерживать, оно регламентирует... В России был период, когда ... создание электронных библиотек поддерживали и государство, и научные фонды, государственные и частные... рубеж столетий был кратковременным золотым веком для направления Digital Humanities... Но затем поддержка крайне сузилась... В результате профессиональные электронные библиотеки оказались практически брошены без системной поддержки ... исключения единичны»¹⁰.

Используя подход и опыт Ф. Моретти по изучению фактов и истории на основе методологии дальнего чтения, в рамках библиографии целесообразно создание службы управления оцифровкой. В качестве первого шага это может быть Межведомственная библиографическая лаборатория¹¹. Предлагается начать работу по ее созданию в учреждениях РАН с участием крупных библиотек страны, где сосредоточены самые разнообразные информационные ресурсы.

Одна из результативных попыток классификации информационных ресурсов гуманитарного профиля, выявленных в процессе мониторинга академических организаций, представлена в статье А.Б. Антопольского¹². Статистика показала, что электронные версии изданий различаются глубиной ретроспективы и полнотой: полными текстами, аннотациями, содержанием выпусков, сводными указателями. Таким образом, одно и то же издание может быть представлено на сайте учреждения и в Интернете в разных формах и с разной полнотой.

Приведу некоторые примеры. Современный опыт создания цифровых коллекций представлен в проекте Института мировой литературы МГУ им. М.В. Ломоносова «Сравнительная поэтика и сравнительное литературоведение» для изучения взаимосвязи русской и зарубежной поэзии. Уже сейчас

пользователям доступно более двух тысяч стихотворений, 60 научных изданий. Общее число авторов, чьи произведения представлены в системе, – 180 исследователей и 480 поэтов и переводчиков. Суть инновации проекта – в способах их представления¹³.

Всю информацию представляют четыре взаимосвязанных подсистемы:

1. Корпус параллельных текстов.

2. Цифровая библиотека комментированных изданий поэтических переводов и их оригиналов, а также книг и статей по сравнительной поэтике.

3. Энциклопедия «Систематизированные библиографические сведения о поэтах, переводчиках и исследователях-компаративистах».

4. Тезаурус «Структурированный глоссарий терминов, встречающихся в научной литературе с описанием их значения и примерами их употреблений».

Интерфейс системы реализован на трех языках – русском, английском и испанском.

Цель проекта – объединить возможности цифровых библиотек и параллельных корпусов и превратить полученный инструмент в семантизированный гипертекст, в «семантическую сеть».

Успешную попытку применить статистические методы дальнего чтения (Ф. Моретти) для анализа заглавий книг осуществила аспирант Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета Е.А. Тутатина. Суть ее эксперимента состояла в следующем. Из отобранных 5165 заглавий была составлена библиографическая база, включающая название книги, имя автора, год издания и жанр (роман, рассказ, повесть). Книги распределялись по направлениям: детектив, сентиментальная проза, фэнтези. Проверке подвергались издания, которые за последние 20 лет входили в списки бестселлеров газеты «The New York Times» (за исключением произведений А. Кристи и А. Конан Дойла).

Гипотеза исследования заключалась в том, что заглавия бестселлеров формируют «моду» на заглавия в издательском процессе. Как только книга становится бестселлером, ее переводят на множество языков, появляются экранизации, и тогда заглавие начинают копировать. Результаты анализа представлены в виде таблиц и содержат интересную информацию для использования в издательской деятельности, т. е. позволяют понять, как заглавие влияет на популярность книги, какие заглавия являются модными и какие могут возникать при этом ошибки¹⁴.

...Межведомственная библиографическая лаборатория по изучению дальнего чтения может быть построена по плану создания единого цифрового пространства научных знаний (ЕЦПНЗ), предложенному А.Б. Антопольским и коллегами¹⁵. Ее структура состоит из двух частей – постоянная и динамическая (базис и надстройка). Постоянная (базис) формируется из имеющихся в России ресурсов – библиотечных, библиографических, архивных, музейных, энциклопедических, словарных, т. е. базис вырастает из существующих систем, прошедших экспертизу профессионалов. Динамическая (надстройка) часть предполагает анализ новой информации, отобранной экспертами, которую необходимо изучать. Кроме этого, проект формирования Межведомственной библиографической лаборатории должен координироваться специальным советом из ведущих ученых, определяющих этапы ее создания и поддержки. Имеются в виду трудовые и финансовые затраты на поиск, оцифровку, сохранение и использование библиографической информации, полученной методами Digital Humanities.

Если коллеги поддержат идею создания Межведомственной библиографической лаборатории, то результаты ее деятельности могут быть впечатляющими.

Примечания

¹ Антопольский А.Б., Каленов Н.Е., Серебряков В.А., Сотников А.Н. О едином цифровом пространстве научных знаний //

Вестн. РАН. 2019. Т. 89. № 7. С. 728–734; Антопольский А.Б. О создании центра лингвистических ресурсов РАН // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2019. Т. 78, № 4. С. 5–12; Герасименко А.Ю. Формирование единого информационного пространства научной библиотеки // Библиосфера. 2019. № 4. С. 78–84.

² Цифровые (компьютерные) методы в гуманитарных науках.

³ Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 344 с.

⁴ Там же. С. 175–176.

⁵ Собчук О., Шеля А. (Дальнее) чтение и (культурная) эволюция // Нов. лит. обозрение. 2018. № 2 (150). С. 88.

⁶ Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 5–13; Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестн. Пермского университета. Сер.: История. 2014. № 3 (26). С. 5–12; Можаяева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика: сб. статей / под ред. Г.В. Можаяевой. 2015. Вып. 9. С. 8–23.

⁷ Леонов В.П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 77–83.

⁸ Соколова Е.В. Истоковать и/или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities // Современная наука о литературе: сб. ст. / РАН, ИНИОН. Москва, 2018. С. 142–155.

⁹ Маяцкий М. Digital Humanities – это что-то новое или мы уже давно этим занимаемся? Интервью с Игорем Пильщикова // Логос. 2015. Т. 25, № 2 (104). С. 31–32.

¹⁰ Там же. С. 33–34.

¹¹ Леонов В.П. Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения // Научные и технические библиотеки. 2019. № 10. С. 56–67.

¹² Антопольский А.Б. О классификации информационных ресурсов академических организаций социогуманитарного профиля // Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук: сб. ст. / РАН, ИНИОН. М., 2018. С. 48–61.

¹³ Полилова В.С. Цифровое будущее истории мировой литературы // Троицкий вариант – Наука. 2019. № 25. С. 14.

¹⁴ Тутатина Е.А. Заглавия книг: современные тенденции в книгоиздании // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 111–119.

¹⁵ Антопольский А.Б., Каленов Н.Е., Серебряков В.А., Сотников А.Н. О едином цифровом пространстве научных знаний // Вестн. РАН. 2019. Т. 89. № 7. С. 728–734; Антопольский А.Б. О создании центра лингвистических ресурсов РАН // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2019. Т. 78, № 4. С. 5–12.

Опубликовано: О создании Межведомственной библиографической лаборатории для исследования дальнего чтения / В.П. Леонов // Информация и инновации. 2020. Т. 15, № 3. С. 40–44.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК: ОПЫТ БИОГРАФИИ

7.1. «Бывают странные сближения»: (Александрийская библиотека и Петербургская БАН)

Александрия и Петербург! Бездна из более чем двух тысячелетий отделяют их друг от друга. Может ли у этих двух городов быть что-либо общее? Самое общее – на поверхности. И там, и здесь основателями столичных городов явились первые лица государства. Причем Александрия рождалась как греческий город на африканском континенте, в Египте; Петербург формировался как самый нерусский город в России и до осени 1721 г. на чужой, шведской территории. Другое общее связано с этапами жизни двух прославивших эти города великих библиотек. Изначально они поразительно схожи, и это не мифическое совпадение. Миф может развлекать, дурчить, разрушать. Но может и объединять.

В настоящей статье сделана попытка показать сходство жизненного цикла двух мировых библиотек на начальном этапе: Александрийской и Петербургской Библиотеки Академии наук – БАН. И здесь я опираюсь на исторические факты. В аспекте понимания феномена Петербурга их интерпретация может иметь познавательный интерес и – кто знает, – возможно, даст толчок к продолжению исследований в библиотечном направлении.

Для начала приведу некоторые сведения об Александрийской библиотеке, почерпнутые из доступных мне источников¹.

Египетский город Александрия основал Александр Македонский в 331–330 г. до н.э. Считается, что этот город был первым в мире, выстроенным из камня. Правила Александрией потомки Александра Македонского – Птолемея Лага, сделавшие вскоре ее своей столицей. Сын Лага Птолемей I Сотер (300–284 гг. до н.э.) и его наследник Птолемей II Филадельф, царствовавший сорок лет, называли себя фараонами, каждый считал себя «избранником Ра, любимцем Амона». Вскоре новая столица стала местом синтеза греческой и египетской культур.

Среди товаров, доставляемых на кораблях из Греции в Александрию, оказывались и рукописи сочинений Эсхила, Софокла, Еврипида. Каждое входившее в порт судно должно было передавать по одному экземпляру произведений в библиотеку. Оплачивал покупку книг монарх.

Знаменитая Александрийская библиотека и Александрийский музей (Мусейон) были обязаны своим существованием не только грекам, но и египтянам, обладавшим обширными познаниями в астрономии, математике, ремеслах и искусстве. Мусейон стал первым в истории человечества исследовательским институтом, где науке было оказано материальное содействие со стороны государства. Благодаря субсидированию и организации исследований научная работа музея отличалась большей специализацией, чем какая-либо другая научная деятельность до него и после на протяжении последующих двух тысяч лет, считает Джон Бернал². Результатом этого явилось значительное развитие математики, механики и астрономии, которые ассоциируются у нас с именами Евклида, Архимеда, Гиппарха.

Для библиотеки построили специальное здание, в котором было десять залов и отдельная комната для научных занятий. Нам неизвестны план и размеры здания, мы знаем лишь, что в ту эпоху архитекторы при строительстве общественных сооружений всегда обращали серьезное внимание на выбор местности, на положение отдельных частей корпуса и т. п.

А.Н. Деревницкий цитирует в этой связи фрагмент из сочинения римского архитектора и инженера второй половины I в. до н.э. Витрувия «Десять книг об архитектуре»: *«Спальни и библиотеки должны быть обращены на восток; их назначение требует утреннего света; к тому же в библиотеках свитки не будут в таком случае плесневеть. Ибо в тех из них, которые обращены на юг или на запад, свитки повреждаются от червей и сырости, так как влажные ветры, получая доступ в помещение, производят и питают червей, а также распространяют сырые испарения, покрывающие папирус плесенью»*³.

Если о точной дате основания книгохранилища ходят споры, то имя человека, который сделал для него очень много, известно. Это был грек Деметриос Фалерский. Он родился между 354 и 348 г. до н.э.; пишут, что он был знаком с Аристотелем – владельцем большой личной библиотеки. (Часть ее потом оказалась в Александрии.) В Афинах Деметриос стал народным трибуном, а затем и избранным губернатором. Он управлял Афинами десять лет, потом уехал в Фивы и там занялся научной деятельностью. Одно из его сочинений называется «О световом пучке в небе».

В 297 г. до н.э. фараон Птолемей I Сотер, сын Лага, пригласил Деметриоса в Александрию. Как свидетельствует Плутарх, Деметриос действительно подал своему державному покровителю совет собирать и изучать сочинения, трактующие о государстве. *«Книги, – говорил он, – имеют больше смелости высказывать государям правду, нежели даже их друзья»*. Возможно, что Сотер, думавший об основании библиотеки, нашел в этом совете повод к ее созданию. Он предоставил Деметриосу право отовсюду собирать рукописи, и к концу его царствования тот сумел собрать около 200 тыс. свитков. Пятнадцать лет Деметриос занимался библиотекой и прославился в Египте как покровитель наук и искусств во имя царя Птолемея I Сотера. *«Заслуга, которую Деметрий здесь, вдалеке от своей родины, оказал человечеству, – цитирует А.Н. Деревницкий не-*

мецкого исследователя Юл. Шварца, – *значительно превзошла в культурном отношении все то, что сделало для человечества афинское народное правительство... ибо Деметрий Фалерский в высокой мере содействовал тому слиянию греческой образованности с образованностью египетскою, вавилонскою и иудейскою, которому вся западноевропейская культура обязана своим происхождением*»⁴.

Птолемей II Филадельф, сын Птолемея I, продолжал активно заниматься библиотекой, интересовался науками, в частности, зоологией. Нам он особенно интересен тем, что значился составителем систематического списка аристотелевских сочинений – труда, аналогичного предпринятому Каллимахом. Филадельф сам выбирал библиотекаря из числа лиц, состоявших в штате музея, и тот сохранял свои полномочия пожизненно.

Первым библиотекарем был назначен Зенодот Эфесский, который трудился в библиотеке 22 года. В распоряжении Зенодота находился целый штат сотрудников.

На протяжении столетий библиотечное собрание расширялось. Помимо бесценных греческих произведений по истории, филологии, естественным наукам, добавлялись в переводах сочинения, купленные на Востоке. В литературе указывается, что приобретенные тексты *«требовали проверки и исправления, зачастую путем кропотливой критики, что и выполнялось учеными библиотеки и связанного с ней музея... На библиотеку работало большое количество переписчиков; она оказала глубокое влияние на книжное дело (как со стороны обработки текста, так и внешней формы книги)*»⁵.

Территориально библиотека размещалась в двух зданиях при музее и при храме Сераписа. В первом насчитывалось до 440 тыс. томов (свитков), во втором – до 428 тыс., включая и дублетные экземпляры. До нашего времени сохранился список хранителей библиотеки до 131 г. до н.э.:

Зенодот Эфесский – с 282 до 260 г. до н.э.

Каллимах Киренский – с 260 до 240 г. до н.э.

Аполлоний Родосский – с 240 до 230 г. до н.э.

Эратосфен Киренский – с 230 до 195 г. до н.э.

Аристофан Византийский – с 195 до 180 г. до н.э.

Аполлоний Эйдограф – с 180 до 160 г. до н.э.

Аристарх Самофракийский – с 160 до 131 г. до н.э.

Из этого списка хорошо известно имя Каллимаха, ученого и поэта. По преданию, он написал около восьмисот произведений, из которых до нас дошло только шесть гимнов, 60 эпиграмм и несколько фрагментов на папирусах. Птолемей II Филадельф выбрал его из всех сотрудников музея и назначил на пожизненную должность библиотекаря Александрийской библиотеки. Каллимаха по праву считают «отцом библиографии», автором первого каталога в 120 книгах. Полное название каталога: *«Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания, и того, что они написали»* (*«Pinakes tôn en pasê paideia dialampsantôn»*). Сохранившиеся фрагменты Таблиц, или Пинакесов, и сегодня восхищают замыслом Каллимаха и тем, что ему удалось осуществить.

К прибытию в Александрию Юлия Цезаря (47 г. до н.э.) в библиотеке насчитывалось, судя по разным источникам, около 700 тыс. рукописей. В ходе боевых действий при взятии города по его приказу был подожжен стоявший в порту египетский флот, и огонь перекинулся на город. Библиотека сильно пострадала, однако полагают, что каменное здание разрушилось лишь частично. Известно также, что один из безымянных для нас библиотекарей оказал сопротивление при разграблении книгохранилища.

Следующие серьезные разорения произошли при императрице Ксенобии, а затем при императоре Диоклетиане (284–305 гг. н.э.). Диоклетиан хотел уничтожить книги, содержавшие секреты получения золота и серебра. В результате погибли рукописи с рецептами алхимии. Затем в 391 г. толпа фанатиков (говорили, что ее возглавлял христианский монах Феофил) ворвалась в Серапис и уничтожила вторую часть библиотеки. Окончательно она была разрушена в 646 г.

А теперь о «странных сближениях» Александрии и Петербурга. Перечислю только факты.

1. И Александрия, и Петербург явились местом, где заживавшиеся в них новая наука и культура концентрировались в пределах одного города.

2. Александрийский Мусейон (музей) и императорская Академия наук в Петербурге возникли как государственные (принадлежавшие государю) научные учреждения.

3. Александрийская библиотека и Петербургская БАН формировались как государственные публичные библиотеки, доступные для всех желающих. Напомню объявление из газеты «Ведомости» от 26 ноября 1728 г., в котором, в частности, говорилось, что вход в Библиотеку два дня в неделю «всякому свободен»⁶.

4. Основной корпус литературы в Александрийской библиотеке составляли греческие книги. Вот, например, что пишет А.Н. Деревицкий: *«Всем известны цифры, коими выражалась продуктивность греческих драматургов. Одному Софоклу приписывалось 123 пьесы, не считая нескольких элегий и пэанов!; 57 поэтов средней комедии в своей совокупности произвели 617 пьес; новые комики были плодовитее, и из них Менандру принадлежало 108, Дифилу – 100, Филемону – 97 произведений. В области прозы историки, ораторы и философы особенно отличались производительностью: Филохор, например, оставил после себя не меньше 20 отдельных сочинений, распадавшихся не менее чем на 60 книг; за Демосфеном древние признавали 65 речей, не считая других его мелких работ... Аристотелю, если верить показанию Диогена Лаэртского, принадлежало 146 самостоятельных трактатов, т.е. в общей сложности до 400 книг»*⁷.

В Библиотеке Академии наук первоначальный фонд составляла нерусская литература. Вот что пишет об этом И.Д. Шумахер, первый ее директор: *«С самого начала состояла Библиотека только из 2000 книг, которых половина привезена была из Риги, а другая из Москвы. Первые из оных книг были*

по большей части богословския, а последняя медицинския и историческия. В 1718 году умножилось сие число библиотекою Андрея Винниуса, в которой были по большей части голландския книги. В том же 1718 году получила она опять знатное приращение Питкерновою, а в 1719 году Арескиновою библиотекою. Обе содержали почти одне только медицинския, физическия и до свободных наук надлежащия книги.

В 1727 году прибыла к оной Петра Великаго собственная библиотека, которая по представлению и чрез старание его высокографскаго сиятельства генерала-адмирала и первого кабинетнаго министра графа Андрея Ивановича Остермана, тогдашняго обер-гофмейстера Его императорскаго величества Петра II, в Академию отдана была. Наибольшее число сего изряднаго собрания книг состояло из больших атласов, топографий, дорогих изданий о гражданской, военной и корабельной архитектуре, механике, натуральных вещах и о резном, живописном и других изрядных художествах. В 1735 году вошла в оную и библиотека бывшаго генерала-фельдмаршала графа Брюса, которая содержала в себе великое число английских и немецких книг о разных науках и художествах»⁸.

5. Первыми директорами (заведующими) библиотеками и в Александрии, и в Петербурге были иностранцы: Деметриос Фалерский (грек) и Иоганн Даниэль Шумахер (немец). Удивительно и другое: их научные интересы частично пересекались. Одно из упомянутых мной сочинений Деметриоса называлось «О световом пучке в небе», а магистерская диссертация И.Д. Шумахера была посвящена теме «О Боге, мире и душе».

6. По известным сегодня сведениям, Александрийской библиотекой 166 лет управляли греки. В XVIII столетии 72 года руководящие должности в БАН занимали немцы (И.Д. Шумахер, И.К. Тауберт, И.К. Бакмейстер).

7. Контракты с будущими директорами библиотек заключали первые лица государства или их уполномоченные: в Александрии – Птолеми, в Петербурге – Л.Л. Блюментрост

по указу Петра. Контракты заключались бессрочно, то есть пожизненно.

В контракте, заключенном между Президентом Академии наук Л.Л. Блюментростом и И.Д. Шумахером 1 января 1724 г., записано:

«По именованному Е.И.В. указу с библиотекарем Шумахером таков контракт сочинен

Обязуется оный библиотекарь, Данило Шумахер, библиотеку и кунст-камору в своем правлении иметь, как в библиотеке, так и в кунст-каморе все порядочно содержать; в библиотеке книгам, а в кунст-каморе обретающимся разным вещам каталоги учредить; такожде, дондеже академия размножится, при оной секретарское дело править. А против того, по именованному же Е.И.В. указу, обещается оному библиотекарю, Даниле Шумахеру, жалованье по осьми сот рублев на год, которое давано будет вперед за год, как и прочим членам академии. Такожде квартиру, дрова и свечи свободные давать сего 1724 году генваря с 1 числа.

Laurentius Blumentrost»⁹.

8. Совпадают и трагические события в жизни этих библиотек. В тысячелетней истории Александрийской библиотеки было три пожара. БАН за 286 лет своей истории тоже пережила три пожара (1747, 1901, 1988 гг.).

9. Основным языком коммуникации в эллинском мире был греческий. (Напомню, что именно на этом языке составлены «Пинакесы» (Таблицы) Каллимаха.) В Императорской Академии наук в Петербурге первоначально общение также шло на немецком языке и латыни. Первые ее труды и периодические издания выходили сначала на этих языках, а потом уже на русском.

10. Самое главное совпадение состоит в том, что и в Александрии греческая, и в Петербурге западная наука и культура были искусственно перенесены на чужую почву, впитались в нее и пережили периоды небывалого расцвета. Для примера перечислю ученых – членов Императорской Академии наук

(только с 1725 по 1741 г.): математики Леонард Эйлер и Даниил Бернулли; астрономы И. Делиль, Г. Гейнсиус, Х. Винцгейм; ботаники И. Амман, И. Буксбаум, историки Г.Ф. Миллер и Г.З. Байер, физики Г.В. Рихман и Г.В. Крафт, литератор Я.Я. Штелин. Среди почетных членов Академии были: Г. Слоан (Лондон), Г. Бюльфингер, Х. Вольф (Германия), Микелотти (Италия), Де Майран и Р.А. Реомюр (Франция) и многие другие.

Как это можно оценить? Случайные совпадения или здесь прослеживается определенная логика? Я описал только факты, которые лежат на поверхности; думаю, их существует гораздо больше. Безусловно, что создатель Петербурга, Академии наук и Библиотеки этого не знал и знать не мог! Как же тогда прокомментировать удивительные свидетельства прошлого нашего города?

Выскажу суждение, которое может показаться неожиданным. Мне думается, что эти совпадения нельзя рассматривать только как сознательную игру воображения. Может быть, в их основе лежат компоненты психической природы, то есть то, что в учении К.Г. Юнга называется идеей «коллективного бессознательного»¹⁰. Коллективное бессознательное, по Юнгу, есть вместилище комплексов, вытесненных в течение жизни индивида. Эти комплексы хранят генетическую память всего человеческого рода. Устойчивые формы коллективного бессознательного Юнг называет архетипами. Их универсальная природа доказывается тем, что порождаемые ими символические представления и мотивы повторяются в снах, фантазиях совершенно разных людей при совершенно различных обстоятельствах, а также в мифах современных народов, в том числе и заведомо не имевших между собой никаких контактов¹¹. Архетипические структуры коллективного бессознательного постоянно и активно воздействуют на сознание, играя решающую роль в его формировании («Неконтактный резонанс». – В.Л.).

Из сказанного напрашивается вывод о том, что к изучению подобных явлений как феномен Петербурга целесообразно

привлекать не только историков, культурологов, писателей, литературоведов, работников музеев и библиотек, но и психологов, которые смогут дать профессиональные комментарии к фактам «странного сближения».

Примечания

¹ См., например: Freeman Ch. Egypt, Greece and Rome: Civilizations of the Ancient Mediterranean. Oxford, 1997. P. 275–285; Бержье Ж. Проклятые книги. М., 1998. С. 29–40; Фирсов Г.Г. Книгописание и организация алфавитного каталога: Учебник для библиотечных факультетов институтов культуры. М., 1971. С. 40–41; Каллимах // Книговедение: энцикл. слов. М., 1982. С. 233; Деревицкий А.Н. О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Харьков, 1891; Гинтовт С. Музей и библиотеки древней Александрии // Гимназия. 1893. № 10. С. 451–465; Семеновкер Б.А. Библиографические памятники Византии. М., 1995. С. 18–30, 155–158, 166.

² Бернал Дж. Наука в истории общества / пер. с англ. М., 1956. С. 100, 125.

³ Деревицкий А.Н. О начале... С. 86.

⁴ Там же. С. 50, 51–52.

⁵ Гарелин Н. Александрийская библиотека // Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 2. С. 170.

⁶ Ведомости. 1728 г. 26 нояб. № 95. С. 383–384.

⁷ Деревицкий А.Н. О начале... С. 102–103.

⁸ Шумахер И.Д. Краткое изъяснение о состоянии Академии наук, также Библиотеки и Кунсткамеры // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 761.

⁹ Материалы для императорской Академии наук: Т. 1. 1716–1730. СПб., 1885. № 20. С. 14.

¹⁰ Карл Густав Юнг о современных мифах: сб. тр. / перевод с нем., предисл. и примеч. Л.О. Акопяна; под ред. М.О. Оганесяна и Д.Г. Лахути. М., 1994.

¹¹ См. об этом: Акопян Л.О. Предисловие // Карл Густав Юнг о современных мифах: сб. тр. / пер. с нем., предисл. и примеч.

Л.О. Акопяна; под ред. М.О. Оганесяна и Д.Г. Лахути. М., 1994. С. 10–11.

Опубликовано: «Бывают странные сближения»: (Александровская библиотека и Петербургская БАН) / В.П. Леонов // Феномен Петербурга: тр. 2-й Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 27–30 нояб. 2000 г.). СПб., 2001. С. 221–228.

7.2. Западноевропейцы о первой русской библиотеке в Петербурге XVIII в.

Петербург – главный библиотечный город России. Первая петербургская библиотека (будущая БАН) ведет свое начало с 1714 г. Она была создана спустя 11 лет после основания города и за 11 лет до учреждения Императорской Академии наук. Библиотека и Кунсткамера – особые объекты, с момента возникновения рассматривавшиеся как царские, а значит, находившиеся под покровительством государя. В XVIII в. для иностранных дипломатов и других гостей Библиотека и Кунсткамера были местом обязательного посещения в новой столице; для ученых Библиотека служила главной научной лабораторией.

В контексте понимания феномена Петербурга попытаемся проследить, как воспринимали современники-западноевропейцы не только город в целом, но и отдельные его институты.

Свидетельства современников, с одной стороны, очень важны. В них сохраняется непосредственность восприятия, запечатлеваются такие подробности и оттенки, которые почти всегда ускользают от тех, кто не был участником или очевидцем событий, передаются наиболее характерные черты обстановки и «аромата» эпохи. Вместе с тем они довольно часто подвержены конъюнктурным влияниям, личным пристрастиям и потому не всегда в состоянии объективно оценить какой-либо исторический факт или событие в целом.

И тем не менее свидетельства современников всегда актуальны, в них отражена жизнь того времени. Я полностью согласен с оценкой значимости БАН для России М.И. Слуховским, который посвятил этой очень интересной теме отдельную статью. *«Академическая Библиотека, – пишет он, – сыграла видную роль в развитии отечественной библиотечной мысли. Менее известно, что она играла не меньшую роль и в пропаганде за рубежом русской книги и, отчасти, русской науки.*

Ни одна наша библиотека не вызывала столь пристального внимания на Западе. В иноземных оценках причудливо сочетались недоверие и зависть, изумление и восторг, чаще же всего уважение. Обозреватели неизменно убеждались не только в книжных богатствах петербургской Библиотеки, быстро выдвигавшейся в ряд виднейших мировых собраний, но и в государственном ее назначении. Это выгодно выделяло Библиотеку в ряду культурных учреждений „просвещенных монархий XVIII века“»¹.

В истории остались любопытные впечатления очевидцев, для которых Кунсткамера и Библиотека как достопримечательности Петербурга были местом обязательного посещения.

1720 г. Анонимный дипломат в составе польского посольства: *«За городом по направлению к монастырю у реки Невы стоит небольшой каменный дворец (Кикины палаты. – В.Л.), в котором его царская милость показал нам свою Анатомию. Он ее купил где-то за Голландией у какого-то знаменитого заморского доктора... за 12 000 червонцев...*

В трех других комнатах выставлена превосходная библиотека, в ней есть старые книги, возрастом в полторы тысячи лет, как высчитали отцы иезуиты. Больше всего греческих, есть также много книг, напечатанных на славянском языке. Другие труды относятся к военному искусству и содержат [описание] новых способов, как атаковать города, замки и иные крепости. Много таких [книг] его величество царь повелел напечатать для молодежи. Кроме того, здесь находятся старые немецкие библии и много книг латинских, немецких, французских и русских больше чем на десять тысяч [рублей]»².

1721 г. Гольштинский камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц: *«При этой кунсткамере находится прекрасный мюнц-кабинет, а также порядочная библиотека, в большой части прибывшая, видимо, из Польши. Здесь же помещается особо библиотека бывшего лейб-медика Арескина, содержащая преимущественно книги медицинские, физические и*

философские, но очень хорошие и редкие. Все эти книги красиво переплетены. Библиотекарь по фамилии Шумахер сейчас находится за границей для приобретения разного рода редкостей. Во время его отсутствия место его занимает какой-то аптекарь...»³.

1726 г. По случаю торжественного заседания Академии в доме П.П. Шафирова в присутствии императрицы Екатерины I лейпцигская газета «Neue Zeitung fur gelehrten Sachen» 7 марта 1726 г. писала: *«В дальнейшем императорская библиотека, изрядно снабженная прекрасными книгами, должна быть открыта для каждого [желающего] по вторникам и пятницам от 1 часа до 4 часов пополудни»⁴.*

Когда посещения иностранцев стали традицией, академическая канцелярия начала рассылать своим сотрудникам специальные извещения, приглашая их, в зависимости от ранга и чина приехавшего гостя, для пояснений. Например: *«Сего июня 18-го числа (1745 г. – В.Л.) профессорам Делилю, Рихману, унтер-библиотекарю Тауберту и в прочих местах кому надлежит, объявить, что в третьем часу пополудни каждый был на своих местах, ибо для гуляния при Академии имеет быть шведский посол господин Цедеркрейц»⁵.*

Или: *«Сего сентября 19-го числа (1745 г. – В.Л.), т.е. в четверг, имеют быть для смотрения кунст-камеры и библиотеки и протчих при Академии департаментов господа послы английской, дацкой, голанской; чего ради в канцелярии Академии наук определено: во всех академических департаментах все, что принадлежит, убрать и вычистить»⁶.*

25 сентября смотрела Библиотеку и Кунсткамеру княгиня Ангальт-Цербстская, мать будущей императрицы Екатерины II. Ее визит нашел отражение в «Материалах для истории императорской Академии наук»: *«Когда ея светлость княгиня ангальтцербская, мать ея императорского высочества благоверныя государыни великия княгини Екатерины Алексеевны, изволила смотреть кунсткамеру и библиотеку, поднесены ея светлости печатанные при академии разные пор-*

треты, которых по цене на семь рублей на пятьдесят на пять копеек, а ея светлость изволила обещать прислать в здешнюю библиотеку книгу Кронику. А сего числа из книжной лавки бухгалтер Прейсер подал об оных портретах щет и требовал о заплате тех денег или о записке в расход указу. Того ради разсуждено: понеже оное поднесено ея светлости в честь академии, и для того ему, Прейсеру, оные портреты записать в расход в шнурованную книгу и впредь на ея светлости не числить, о чем ему с сего дать копию»⁷.

Добавлю, что мать будущей императрицы Екатерины II в 1747 г. выполнила свое обещание. Это событие нашло отражение в книге И. Бакмейстера: *«Тот же самый год (1747. – В.Л.) примечания достоин в разсуждении многих еще важных для нас случаев. Ея светлость покойная герцогиня ангальт-цербстская изволила прислать к нам Бекманова сочинения в трех томах в лист Ангальтскую летопись, великолепную и украшенную лицами книгу. В сей книге драгоценнее для нас всего находящаяся в начале оной надпись, писанная собственною ея светлости рукою. Сия принцеса удостоила Академию наилестнейших похвал»⁸.*

В 1751 г. в Париже вышел второй том «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел...» Д. Дидро и Ж.Л. Д'Аламбера с большой обзорной статьей «Библиотеки». В ней описаны крупнейшие книгохранилища Европы, в том числе и петербургская Библиотека. Статья принадлежит Д. Дидро, который собрал для нее обширный материал из различных источников. Приведу фрагмент этой статьи, где впервые упоминается БАН: *«Что касается России, известно, что за исключением нескольких сочинений о религии на славянском языке, там не было никаких научных книг и даже почти тени литературы до царя Петра I, который между военными походами способствовал расцвету искусства и наук и основал множество академий в различных частях своей империи. Этот великий монарх собрал весьма значительные фонды для библиотеки своей Петербургской*

Академии, которая в большом числе обеспечена книгами по всем областям науки»⁹.

А вот мнение еще одного очевидца, секретаря французского посольства в Петербурге М.Д. де Корберона, который побывал в Академии наук 7 февраля 1776 г.: «В этой Академии, которую я осмотрел сегодня утром... много зал. Мы начали с библиотеки: вид ее плоховат; в ней 40 000 томов, из которых, по правде сказать, 14 600 были взяты в Польше у князя Радзивилла»¹⁰.

Обратимся к оценкам Библиотеки европейскими учеными, видевшими ее своими глазами. В уже упоминавшейся газете «Neue Zeitung fur gelehrten Sachen» от 12 мая 1726 г. было опубликовано письмо без подписи; исследователи полагают, что оно принадлежит историку Г.З. Байеру. «Библиотека занимает большое, весьма изящное здание, – пишет автор, – и имеет наряду с книгами кунсткамеру и мюнц-кабинет... Чтобы вам получить представление о библиотеке, как уверяет меня Дювернуа, он не мог назвать ни одной редкой книги по математике, медицине и физике, которую бы не нашел, и таким образом с уникальными изданиями мне именно повезло; вследствие этого я вижу перед собою все, о чем только когда-либо мог мечтать. [Здесь] заведен такой порядок, что о чем бы каждый из нас ни пожелал, он может сообщить, – и немедленно отдается распоряжение о необходимости приобрести это. Делиль приобрел в Данциге для библиотеки переписку Гевелия за 100 дукатов»¹¹.

Главный врач петербургского сухопутного госпиталя в 1723–1725 гг. М. фан дер Бех (Фандербек) отправил письмо секретарю Трансильванского княжества С. Калезеру, которое было опубликовано в 1727 г. в отчете германского Общества естествоиспытателей и врачей. В письме, в частности, сообщалось: «Библиотека, которая до сих пор является по подобию и изобилию книг, скомплектованных для использования библиофилами, не слабейшей, чем какая-либо другая, и которой предстоит пребывать в подготовленном и прекрас-

ном помещении, будет переведена с своего прежнего места в это огромного размера здание. Ее порядком, расстановкою, красотою, оборудованием, приростом мы обязаны настойчивости и заботливости заведующего императорской библиотекой Шумахера, опытнейшего человека в книжном деле. Во время последнего своего парижского путешествия, которое он предпринял от имени его величества для вручения королевской Академии наук в дар новой географической или, точнее, гидрографической карты Каспийского моря, именно он собрал по всем разделам науки богатейший запас замечательнейших и редчайших книг, которые до тех пор отсутствовали, и не щадил никаких затрат, чтобы, приобретая их, умножить петербургскую библиотеку»¹².

Открытие библиотеки в здании на Васильевском острове 5 ноября 1728 г. вызвало интерес у западноевропейцев. Свидетельства ученых при всем их разнообразии преследовали конкретную цель – оценить новую библиотеку как перспективное место для научной работы и рекомендовать ее своим коллегам. Не случайно поэтому некоторые их частные письма печатались в научных изданиях. В XVIII в. это было весьма распространенным явлением.

Французский путешественник О. де ла Мотрэ (Ламотрэ) впервые пишет о систематической расстановке фонда, упоминая следующие разделы: история, книгопечатание, география, астрономия, ботаника, минералогия¹³.

Член Петербургской Академии профессор Г.Б. Бюльфингер, проработавший в ней четыре года, из-за конфликта с И.Д. Шумахером в 1731 г. расторгнул контракт, вернулся в Тюбинген и выступил в местном университете с рассказом о новой российской столице: *«Кто задумает основательно изучить естественные науки и землемерие, пусть ориентируется на Париж, Лондон и Петербург. Там имеются коллективы сведущих лиц и оборудование. Петр сам занимался науками. Поэтому он собрал все, что для этого необходимо, – замечательную библиотеку»*. И далее о Шумахере: *«Искусный и*

старательный смотритель этого собрания показывал мне вновь поступившие книги»¹⁴.

11 августа 1778 г. Библиотеку осматривал берлинский астроном И. Бернулли. Объяснения ему давал библиотекарь И. Бакмейстер. И. Бернулли отразил свои впечатления в путевых записках, много внимания уделив вышедшему в 1777 г. немецкому изданию книги Бакмейстера «*Versuch uber die Bibliothek*»¹⁵.

Свидетельства очевидцев позволили мне, изучая раннюю историю БАН, провести небольшие «раскопки» и исследовать культурный слой, отложившийся за почти 300 лет. Впечатления, оценки и суждения дали возможность увидеть подлинное лицо БАН XVIII в.: молодой, полной сил, размещенной в величественном здании и на лучшем в городе месте.

В Петербурге, рождавшемся по воле Петра, постепенно складывались национальная наука и культура. Поначалу многое воспринималось как копирование, перенесенное с Запада на берега Невы; наверное, так оно и было.

Но не подлежит сомнению правильный выбор языка общения молодой российской науки с Западом. Латынь и европейские языки сразу обеспечивали устойчивую коммуникацию и международное признание. Можно только восхищаться талантом и целеустремленностью русского ученого XVIII в., поставленного в тяжелейшие условия. Ему было необходимо, что называется, с ходу осваивать иностранные языки, энергично развивать науку, а еще и обучать молодых соотечественников. Но другого пути не было. Шел естественный процесс преобразования и сближения культур, где Библиотека и Академия наук России сразу заняли достойное место.

Примечания

¹ Слуховский М.И. Отношение Европы к первому русскому гражданскому книгохранилищу: Опыт обзора отзывов о Библиотеке Академии наук в XVIII веке // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академий наук СССР и Академий наук

союзных республик. М., 1973. №4 (89). С. 88–89. – Собранные исследователем сведения значительно богаче, а его переводы иностранных известий представляются более удачными, чем приводимые в монографии «История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964» (М.; Л., 1964. С. 26–29), поэтому далее я предпочту ссылаться на эту статью.

² Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. // Беспярых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991. С. 143–144. – Коллекция голландского анатома Ф. Рюйша была приобретена за 30 тыс. гульденов. Рубль в то время равнялся примерно трем гульденам. Таким образом, коллекция обошлась Петру в 10 тыс. рублей (см.: Там же. С. 159). – Я хотел бы подчеркнуть сопоставимость затрат: на коллекцию Ф. Рюйша было затрачено 10 тыс. рублей и такая же сумма – на приобретение книг для Библиотеки.

³ Цит. по: Слуховский М.И. Отношение Европы... С. 93; см. также: История Библиотеки Академии наук СССР... С. 27. – Ф.В. Берхгольц ошибается, полагая, что книги прибыли из Польши.

⁴ Цит. по: Слуховский М.И. Отношение Европы... С. 95.

⁵ Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 7: (1744–1745). С. 426–427. № 500.

⁶ Там же. С. 616. № 648.

⁷ Там же. С. 625. № 658.

⁸ Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук, изданной на французском языке / На российский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779. С. 38–39.

⁹ Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers, par une Societe de gens de lettres... Paris, 1751. Vol. 2. P. 234.

¹⁰ Цит. по: Слуховский М.И. Отношение Европы... С. 106–107. Имеется в виду князь Карл II Станислав Радзивилл (1734–1790). Несвижская библиотека Радзивиллов была переда-

на Академии наук после взятия Несвижа в 1768 г. войсками А.И. Бибикова.

¹¹ Цит. по: Слуховский М.И. Отношение Европы... С. 96–97.

¹² Там же. С. 97–98.

¹³ Подробно см.: Мотрэ О. де ла. Из «Путешествия...» // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I... С. 223–224; см. также: История Библиотеки Академии наук СССР... С. 28.

¹⁴ Цит. по: Слуховский М.И. Отношение Европы... С. 100.

¹⁵ Там же. С. 107–108.

Опубликовано: Западноевропейцы о первой русской библиотеке в Петербурге XVIII в. / В.П. Леонов // Феномен Петербурга: тр. Междунар. конф., состоявшейся 3–5 нояб. 1999 г. во Всерос. музее им. А.С. Пушкина. СПб., 2000. С. 376–382.

7.3. Иоганн Даниэль Шумахер: между Библиотекой, Академией и Двором

*Есть что-то, что не любит ограждений
И рушит их.*

Роберт Фрост. Починка стены¹

Погружаясь в глубины биографии БАН, строго и с интересом наблюдавшей жизнь, не отводившую взгляда от окружающих людей и событий, открываешь для себя ее новые стороны. Поначалу это ощущение новизны особенно сильно. Кажется, то, что узнал, очень трудно согласовать с тем, что знал раньше. Такое состояние мне довелось пережить, перечитывая разнообразную литературу о И.Д. Шумахере – ее первом библиотекаре и советнике Канцелярии Академии наук.

Библиотека подсказала мне пути, которыми нужно было следовать, учитывая не только ее положительный опыт, но и трудности, препятствия и унижения, через которые прошли люди, пробывавшие ей дорогу из восемнадцатого века в последующие столетия.

О И.Д. Шумахере, его роли в формировании БАН в царствование Петра, Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, «Деле Шумахера», отношениях с академиками и, в частности, с М.В. Ломоносовым, я, по возможности, подробно написал в книге «Судьба библиотеки в России» (СПб., 2000. С. 102–201). Впечатления от собранного материала после его анализа и невольного сопоставления с собственным опытом, пережитым в середине 90-х гг. уже прошлого столетия, были настолько сильными, что создавалась иллюзия личного общения с первопроходцами Библиотеки в начале восемнадцатого века. Читая, я осознавал, что никогда не встречался ни с Р.К. Арескиным, ни с Л.Л. Блюментростом, Г.Ф. Миллером, Ж.Н. Делилем, М.В. Ломоносовым, А.К. Нартовым, А.И. Богдановым, потому что нас разделяют столетия, но мне иногда трудно в это поверить.

И если бы сегодня удалось встретиться с Иоганном Даниэлем Шумахером – библиотекарем БАН с 1714 по 1759 г. (45 лет!), я бы гораздо больше обрадовался этой встрече, чем удивился...

Сейчас настало время обратиться к особенностям биографии Библиотеки Академии наук, более пристально посмотреть на неё и, в первую очередь, на роль и место И.Д. Шумахера в ее жизни с расстояния прошедших лет. Начнем, как это ни покажется странным, с *молчания*.

Молчание БАН представляет собой некий *смысл*, который отражен в ее жизни. Этот смысл утверждается в своей невысказанности, в обдумывании всего происшедшего и запечатленного Библиотекой. Остановить этот процесс невозможно, он постоянно развивается и идет все дальше и дальше. Так накапливается богатство новых смыслов – аналогов молчания.

Слушая *молчание*, мы начинаем сначала прикасаться к основным темам и противоречиям, составляющим индивидуальность Санкт-Петербурга, а затем его первой Библиотеки и Академии наук. Они соответствуют их чувственности, посредством которой город утверждал и себя, и свои интеллектуальные творения на новом меридиане. С рождения в них было что-то необыкновенное, отличавшее их от многих европейских библиотек и академий. Не сразу пришло слово, которым можно объяснить это впечатление. Но оно пришло – д и с т а н ц и я. Дистанция была задана сразу и навсегда. Поэтому и восприятие жизни БАН также предполагает некую дистанцию.

Библиотека Академии наук принадлежала к другому миру. Полностью, всем своим назначением служила науке и просвещению восемнадцатого столетия, продолжателем которого она и была. Наука была ее смыслом, жизнью и бытом. Оттого удары судьбы, которые она периодически переживала, не унижали, а возвышали ее, оттого и строгое, исполненное достоинства лицо. Но потом, возвращаясь к реалиям конкретной эпохи, БАН попытается оценить себя и будет задавать себе постоянно мучивший ее вопрос: состоялась ли она как первая библиотека государства и Санкт-Петербурга? И я, выполняющий мис-

сию ее биографа, убежден, что Библиотека состоялась. Ведь она с самого начала рассматривала себя как составляющую мира науки и культуры и если ставила эксперимент на себе, то всегда на общую пользу. Это удастся не всем...

Петербургская библиотека, как отмечалось, начала создаваться за десять лет до основания Академии наук. Ее биография формировалась в то время, когда рождение Санкт-Петербурга входило в каждый дом, когда по велению Петра на тридцатом меридиане создавался новый город – самостоятельный локальный центр отечественной науки, образования и культуры². Наброски пейзажа библиотеки у царя возникли во время Великого посольства 1697–1698 гг. в Западную Европу. Постоянное общение с зарубежными учеными, в первую очередь, с немецкими, продолжалось и в начале XVIII в.

Уже в декабре 1708 г. Г.В. Лейбниц (1646–1716) по предложению Петра составил для него записку о “введении” в Россию наук. Она носила утилитарный, практический характер. В библиотеках должны были, по его мнению, преобладать книги «практических» наук, к которым он причисляет и историю, как науку, необходимую для политического деятеля³. В 1711 году в Торгау состоялась встреча Лейбница с Петром, во время которой немецкий ученый развил перед царем свой план. После новой личной встречи Лейбниц уже конкретно писал о создании Академии наук и рекомендовал для начала озаботиться организацией библиотеки и кабинета редкостей. Царь, будучи под впечатлением его предложений, дал ему чин тайного юстиц-советника и пенсию в 2000 гульденов, рассчитывая и в дальнейшем пользоваться советами Лейбница⁴.

Думать об осуществлении проекта Лейбница было невозможно без обращения за помощью к иностранцам. А проявлять к этому интерес, как свидетельствуют публикации, иностранцы начали задолго до создания Академии. Уже в 1714 году (!) в голландском журнале «*Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*» (Haag, 1714. Th. 67. S. 624) в разделе новостей из Москвы от 25 сентября появилось сообщение о намерениях Петра: «Го-

ворят, что его царское величество предполагает учредить в Петербурге академию. Если это правда, то со временем этот город сделается и замечательным, и громадным, так как и теперь он довольно обширен»⁵.

Мысли о библиотеке и Академии наук не покидали Петра. Пейзаж увиденного и задуманного обретал реальные черты. В сентябре 1714 г. по приглашению Пьера Лефорта (1676–1754), племянника Франца Лефорта, в Петербург приехал немец Иоганн Даниэль Шумахер (1690–1761)⁶, который начинает разбирать книги во флигеле Летнего дворца, где хранилась царская библиотека. Сопратник Петра Роберт Арескин (1675/77 – 1718) стал для Шумахера одним из тех умов – посредников, так необходимых в начале профессиональной карьеры. Арескин учил его правилам работы с книжным собранием. А находясь в окружении Петра, Шумахер познакомился с нравами и характером царя, что было крайне важно для будущего библиотекаря Его Императорского Величества. Воспитанный на немецком, он писал и говорил на своем языке. Таким Шумахер был около 1715 года.

В каких же условиях рождалась «старшая сестра» – главная исследовательская лаборатория будущей Академии наук? Вместе с И.Д. Шумахером БАН вспоминает факты своей биографии...

Первым ее помещением стал флигель в Летнем дворце, куда в 1714 году привезли три собрания, содержащие преимущественно западноевропейские издания, – книги Аптекарского приказа из Москвы, библиотеку Готторпскую, так называемую библиотеку Курляндских герцогов и книги из «завоеванных балтийских провинций».

Фонд насчитывал около 2000 книг на всех европейских языках, включая русский, причем русская книга в первоначальном фонде занимала весьма скромное место. Это происходило совсем не из-за пренебрежения к традиционной русской книге светского содержания, большей частью рукописной, а из-за того, какую роль предназначал Петр своей первой и главной общедоступной Библиотеке. По его замыс-

лу, она должна была научить русского человека пользоваться всей суммой знаний, накопленных в то время в западноевропейских странах, и прежде всего в Голландии и в Англии. В 1716 году собрание Библиотеки насчитывало уже 4763 тома.

Одним из самых ранних книжных собраний, соединившихся с собранием Петра, продолжают свой рассказ И.Д. Шумахер и Библиотека, стала коллекция книг, принадлежавших царевичу Алексею Петровичу (1690–1718). Время этого соединения – 1718 год. В том же году была приобретена библиотека сподвижника царя А.А. Виниуса, насчитывавшая 375 томов. В 1719 году была куплена по указу государя библиотека лейб-медика Р.К. Арескина – 2322 названия в 2527 томах⁷.

Старшая сестра Академии росла стремительно. После библиотеки Р. Арескина специально для БАН приобретено знаменитое в Европе книжное собрание шотландского ученого Арчибальда Питкарна – 1522 названия в 1906 томах (1718 г.). Упомянем еще книги из коллекции барона П.П. Шафирова, насчитывавшие по описи 484 тома, которые были переданы в БАН в 1724 году.

Начало постоянного обслуживания читателей в Библиотеке – 1718 год, четыре года спустя после основания. Почва была подготовлена.

Кто же были они – первые читатели общедоступной Библиотеки с 1718 до 1725 года? В это время Библиотеку посещали представители знати (Я. Брюс, А. Остерман, цесаревна Анна, барон Г. фон Гюйссен); представители высших слоев духовенства (Феофан Прокопович, А. Кондоиди); дипломаты и ученые (Л. Ланг, В. Татищев); сотрудники создаваемой в Петербурге Академии наук (Л. Блюментрост, И.П. Коль, И.В. Паузе, И.Д. Шумахер, Ф. Гмелин)⁸.

11/22 июня 1718 года советник камер-коллегии Генрих Фик⁹ подал Петру записку «*О нетрудном воспитании и обучении российских молодых детей, чтобы оных в малое время в совершенство поставит*». Прочитав ее, царь начертал на этой бумаге следующую резолюцию: «*Сделать академию, а*

ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет; также начать переводить книги юриспруденции и прочая, кто сие учинит сего года начало»¹⁰.

Что здесь необходимо отметить? «Проницательность» (по А.С. Пушкину) Петра. Он понимал, что объединить ученых, науку и образование можно только *извне*. И здесь на Библиотеку и Академию была возложена исключительная ответственность. Надо было стать не ученым человеком, а человеком ученым.

Однако в правящих кругах России планы царя не встретили единодушного одобрения. Негласное сопротивление дворянской элиты опиралось на распространенное в обществе убеждение, что меры Петра тягостны и непосильны для страны, что они искусственны и вредны. Внешняя слава достигалась ценой неслыханных жертв и разорения. Так и Академия наук в безграмотной стране казалась ненужной и дорогой роскошью¹¹.

В записках Я. Штелина приводится эпизод, рассказанный ему И.Д. Шумахером.

«Некогда за столом у Его Величества был разговор об учреждении Академии Наук, и Государь открыл тогда обстоятельно намерения свои в рассуждении сего учреждения. Один из тайных его советников сказал притом, что предприятие Его Величества ввести науки в Россию весьма похвально и для отечества весьма нужно; однако ж он сомневался, чтоб российский народ мог получить большую пользу от Академии, состоящей из знаменитых и славных ученых людей, которые не станут заниматься обучением юношества. “А для чего ж не быть от них пользы? отвечал Государь: я знаю, какое при этом учреждении имею намерение, и теперь вам скажу. Славные наши ученые люди будут писать книги о всяких науках, которые прикажу я переводить на наш язык; выберу и поручу им молодых людей, которых они должны будут учить наукам по своим книгам и готовить их к тому, чтоб они могли других учить тем наукам. Другими ж

сочинениями о своих науках и новых открытиях, которые будут они издавать на латинском языке, принесут они нам честь и уважение в Европе; иностранцы узнают, что и у нас есть науки, и перестанут почитать нас презрителями наук и варварами. Сверх того присутствующие в коллегиях, канцеляриях, конторах и других судебных местах должны будут требовать от Академии советов в таких делах, в которых науки потребны»¹².

Оценивая сопротивление дворянства петровским преобразованиям, современные авторы справедливо видят в нем скорее культурный конфликт, нежели классовое противостояние¹³.

Работу по учреждению Академии наук в Петербурге Петр поручил своему лейб-медику Лаврентию Блюментросту (1692–1755), который с 1718 года управлял библиотекой и кунсткамерой. В феврале 1721 года помощник Блюментроста библиотекарь И.Д. Шумахер был командирован царем за границу «для сочинения соизъетта наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»¹⁴. Из поездки Шумахер привез обстоятельный отчет и более 500 книг, главным образом, по гуманитарным наукам, чем вызвал недовольство многих академиков.

По возвращении Шумахера в Россию Петр поручил Блюментросту составить проект учреждения Академии художеств и наук. Нет сомнений в том, что это было совместное с Шумахером сотрудничество¹⁵. 20 января 1724 года данный проект был составлен.

В Академии учреждались должности президента и секретаря, назначенных императором, который брал на себя протекторат над Академией. К обязанностям академиков относились: 1) исследовательская работа; 2) ознакомление с иностранной литературой по специальности и составлению экстрактов из нее; 3) посещение еженедельных собраний – с чтением докладов и производством экспериментов; 4) отзывы о всяких «декувертах»; 5) произведение всяких изысканий, которые окажутся нужными царю; 6) чтение курса студентам и напечатание его на латинском языке.

Избирались академики общим собранием и утверждались императором. 22 января 1724 года Петр утвердил проект устава Академии художеств и наук и определил сумму доходов – 24 912 руб. из таможенных и лицензных сборов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. Самое характерное в проекте – зависимость Академии от правительства. Академия провозглашалась как ученое учреждение, содействующее распространению знаний, техническому развитию страны и выполняющее любые задания государственной власти «*в таких делах, в которых науки потребны*».

Академия наук должна была состоять из двенадцати членов, секретаря и библиотекаря, четырех переводчиков и двенадцати воспитанников. Науки делились на три класса: математический, физический и литературный (элоквенции). Торжественное открытие произошло в 1726 году в царствование императрицы Екатерины Первой¹⁶.

Первую Академию составили пятнадцать профессоров, прибывших из-за границы. Среди них: математик Якоб Герман (1678–1733), математик Даниил Бернулли (1700–1782), астроном Жозеф Никола Делиль (1688–1768), математик Христиан Гольдбах (1690–1764), физик Иоганн Георг Лейтманн (1667–1763), физик Георг Бернгард Бюльфингер (1693–1750), физик Христиан Мартини (1699–1739), математик Фридрих Христофор Майер (1697–1729), ботаник Иоганн Христиан Буксбаум (1693–1730), медик Иоганн Георг Дювернуа (1691–1789), медик Михаил Бюргер (1686–1726), философ Христиан Фридрих Гросс (ум. 1742), литератор Иоганн Петер Коль (1698–1778), историк Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), правовед Иоганн Симон Бекенштейн (1684–1742).

Президентом Академии был назначен Блюментрост, секретарем и библиотекарем – Шумахер. С тех пор Библиотека в качестве старшей сестры – главной исследовательской лаборатории – навсегда связала свою дальнейшую судьбу и биографию с Академией наук. Первоначальный ее фонд, учтенный и неучтенный в первом печатном каталоге «*Bib-*

liothecae imp. Petropolitanoae» (Р. 1–4. St.Pbg., [1741–1744]), насчитывал около 16 тысяч книг на всех европейских языках, включая русский. При этом в каталоге не были отражены имеющиеся в Библиотеке книги на греческом и славянском языках, кроме русского...

Таковы основные факты начальной биографии Библиотеки и Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (ИАН). Как же сложилась ее дальнейшая жизнь и жизнь тех, от кого зависело ее развитие? Если следовать литературе о БАН и ИАН, то главным действующим лицом, определявшим уровень их компетентности, был И.Д. Шумахер. Трудно найти другую личность в их ранней истории, на долю которой выпала бы такая нелегкая судьба. Современники представляли его «*деспотичным эльзасским бюрократом*», эгоистичным и властолюбивым немцем.

Приведу характеристику И.Д. Шумахера, данную ему в середине 1730-х гг. шведским путешественником, впоследствии членом шведской Академии наук К.Р. Берком (1706–1777): «*Шумахер – человек слабых познаний, он был едва ли не камердинером или мелким секретарем у саксонского министра Лефорта, а также тем, что немцы называют студентом-помощником (Famulus), у ученого царского архиатра Арескина и при этом нахватался разных сведений из письменной истории. Однако он обладает большой уверенностью в себе, до тонкостей знает придворные дела, чтобы усердно оказывать услуги знати и везде оказываться нужным. Ему вовсе не трудно было во время путешествия по Германии, Голландии и Франции, продолжавшегося до 1722 года, отыскать искусных людей, ведь комиссионер, если его принципал не скупится на расходы, может обращаться сразу к знаменитым мужам*»¹⁷.

Позднейшие историки писали, что Шумахер, будучи секретарем Академии на протяжении двадцати лет, расхищал денежные средства учреждения, препятствовал карьере русских ученых и покровительствовал своим родственникам и немецким соотечественникам в управлении Академией.

Уже в двадцатом веке, особенно после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., патриотически настроенные советские историки представляли И.Д. Шумахера немецким врагом русских, который стремился к продвижению в Академии, а русским ученым отводилась роль говорить правду о его продажной власти. Вот один из последних примеров: *«Наряду с такими знаменитыми учеными, как Леонард Эйлер или физик Георг Рихман, – пишет в монографии, изданной в 1997 г., Ф.А. Петров, – в Академию хлынул поток иностранцев весьма сомнительной репутации, которым покровительствовал ее секретарь И.Д. Шумахер* (выделено мной. – В.Л.). *Именно они-то и составили ту “немецкую партию”, с которой четверть века боролся М.В. Ломоносов. Равнодушные и даже враждебные к судьбам русской науки и просвещения, они всячески препятствовали подготовке русских ученых и продвигали своих соотечественников, и не случайно “Академический университет” к середине XVIII века захирел, а затем практически и вовсе прекратил существование»*¹⁸. Вот, оказывается, если довериться этим историкам, каким «многоликим Янусом» был И.Д. Шумахер, а Петр, при всей своей проницательности, его не разглядел...

Очень непросто пробиться сквозь толщу веков и большого количества источников к подлинному Шумахеру и сегодня. Одна из таких успешных попыток была предпринята в 1990 году профессором Ю.Н. Столяровым. Он написал обстоятельную статью к 300-летию И.Д. Шумахера¹⁹. Двадцать лет спустя в газете «Известия» (к 320-летию Шумахера) я опубликовал небольшую заметку под названием «Наш Шумахер»²⁰.

В том же 2010 году, но уже в американском журнале «OSIRIS», был напечатан интересный и содержащий много новой информации обстоятельный очерк *«Дело Шумахера: Перестройка академической компетентности на протяжении династий в России восемнадцатого века»*²¹. Его автор – Саймон Веррет, профессор исторического факультета Вашингтонского университета в Сиэтле (США). В 2000 г. в

Кембриджском университете он защитил диссертацию о Санкт-Петербургской Академии наук в восемнадцатом столетии²².

Казалось бы, теперь можно ожидать объективной оценки, тем более от непредвзятого автора исследования. Но уже во введении, где формулируется общая концепция работы, читаем: *«Данный очерк предполагает, что хотя Шумахер, без сомнения, был мошенником (a rogue), его следует признать опытным администратором, умеющим реформировать и перестраивать кадры Академии с целью успешного ее развития как ведомства»* (с. 104–105).

Читая объемный текст С. Веррета, к сожалению, трудно понять, почему он априорно исходит из оценки И.Д. Шумахера как *a rogue* (см. также: «жулик», «негодяй»). Все дальнейшее изложение свидетельствует об обратном. Например: *«...после смерти Петра Шумахер осознал, что в новых условиях, ориентированная исключительно на науку и образование, Академия оказалась нежизнеспособной, поскольку это не совпадало со вкусами самой требовательной публики – Двора... При Петре придворная знать должна была следовать западноевропейскому образу жизни, манерам, одежде, однако после его смерти лишь немногие продолжали интересоваться иностранными науками и образованием. Придворные и знать... боролись за захват власти и ее сохранение в последовательности дворцовых переворотов, создав экстравагантную культуру с ничтожным интересом к наукам. С конца 1720-х годов Шумахер определил новые области интересов Академии, его усилия пришлось по нраву растущему Двору, что помогло обеспечить покровительство для его ведомства. Вместе с тем, ...Шумахер должен был учитывать и интересы самих академиков, которых более всего волновали денежные оклады и власть в Академии наук»* (с. 105).

Перечитаем еще раз данный отрывок. Разве И.Д. Шумахер выглядит мошенником? Ведь таким образом он искал компромисс с Двором и тем самым спасал Академию и Биб-

лиотеку. Привожу фрагмент его отчаянного письма к президенту Л. Блюментросту от 29 марта 1731 г.: *«до сих пор я утешениями побуждал к исполнению обязанностей и работ как академиков, так и прочих, зависящих от Академии лиц. Таким образом не было ни малейшего замедления. Но теперь это прошло. Вследствие задержек в получении денег каждый недоволен и бранчив, и я действительно опасаясь, что нельзя будет скоро поправить такого несчастья, а также предупредить всеобщего восстания и полнейшего распада академии»*²³.

Надо отдать ему должное. И.Д. Шумахер правильно и точно оценил сложившуюся ситуацию, особенно после переезда Двора в Москву и отъезда туда президента Академии. Как писал секретарь прусского посольства в Петербурге И.Г. Фокеродт, уже сразу после смерти Петра высказывались критические суждения, направленные против Академии. Большинство сенаторов *«считали ее бесполезным и плохо обдуманым делом, не приносящим никакой пользы стране, и они предпочли бы сберечь деньги, которые издерживались на нее»*²⁴.

В таком окружении И.Д. Шумахер, тем не менее, продолжает заниматься привлечением специалистов, понимая, что Академии необходим другой путь выживания, на котором она могла бы быть полезной государству. Он приглашает мастеров, ремесленников и специалистов по искусству, рисованию, ищет авторов беллетристики, поэзии, риторики. Их навыками и умением воспользовались для создания гравюр, архитектурных украшений, произведений искусства, музыки и литературы. Это была ответная реакция на изменение ситуации в Академии, ситуации, которая рассматривалась академиками как отклонение от научной цели ведомства.

Развитие Шумахером искусств в Академии привело к конфликту, выразившемуся в подаче жалобы в Сенат. В ней содержались требования о большей независимости от канцелярии Шумахера, о большем выделении средств на

научные цели и о сокращении количества ремесленников. Однако когда Герман-Карл Кайзерлинг (1697–1765), новый президент, близкий ко Двору Анны Иоанновны, попросил академиков более подробно изложить свои жалобы, многие из них смягчили претензии...

И, тем не менее, с 1735 г. И.Д. Шумахер как государственный служащий (в отличие от академиков, которые были выведены за пределы петровской Табели о рангах) продолжает находиться в постоянном столкновении с членами Академии. Введенные им и президентами правила работы Академии наук и Библиотеки еще не стали для них необходимостью и вызывали сопротивление. Члены академии не понимали, почему в этом, как им казалось, сугубо научном учреждении обстоятельства сложились так, что советник Канцелярии, не имеющий никакого научного звания и достижений, оказался во главе всех отделений Академии. Они полагали, что их собрание – Академическая конференция – должно являться основой деятельности всей Академии. Ведь именно на ней лежала разработка и пропаганда научных знаний в России. Таким образом, борьба за приоритеты и за деньги (в условиях постоянной невыплаты жалования) лежала в основе всех конфликтов.

Шумахер остается по-прежнему один. Много сил и времени уходило у него на выяснение вопросов по регламенту деятельности академической Канцелярии, по организации типографии, о работе Библиотеки. Начало нового недовольства было положено Ж.Н. Делилем, потом М.В. Ломоносовым, советником А.К. Нартовым и другими. Снова посыпались жалобы и обвинения. Так в 1742 году возникло «дело Шумахера», которое окончилось его реабилитацией в декабре 1743 г. Но борьба за власть в Академии не прекратилась. Она надломил Шумахера, он был одинок, не было необходимой поддержки. Неприязненные отношения, сложившиеся между академиком и начальником Канцелярии, который, по их мнению, незаконно забрал всю власть, не прекращались

в течение почти всего срока пребывания Шумахера в этом учреждении. Он устал, в конференции появлялся редко и почти не принимал участия в дискуссиях.

Академик П.П. Пекарский приводит его письмо ассессору академической канцелярии Григорию Теплому от 11 февраля 1749 г. И.Д. Шумахер пишет: *«Им не я, Шумахер, отвратителен, а мое звание. Они хотят быть господами, в знатных чинах, с огромным жалованьем, без всякой заботы обо всем остальном...»*²⁵. Тем не менее, в одиночестве он продолжал управлять Академией и Библиотекой вплоть до своей отставки.

15 сентября 1759 г. из императорского кабинета было объявлено Сенату высочайшее повеление, в силу которого И.Д. Шумахеру пожалована *«за его долговременное императорскому величеству и предкам ее величества службы, в Лифляндии в Дерптском уезде мыза Укипихт и к ней девять с одной восьмой долею гака с принадлежащими тому угодьями в вечное и потомственное его владение ему, Шумахеру, жене, детям и наследникам его»*²⁶.

Из Петербурга он уехал в Ливонское имение, где и умер в нищете, спустя два года. Г.Ф. Миллер, уведомляя И.Э. Гебенштрейта о кончине, подчеркнул, что Шумахер долгое время вел только вегетарианский образ жизни.

3 июля 1761 г. Анна-Доротея Шумахер написала письмо в академическую канцелярию: *«Муж мой статский советник и Академии наук член Даниил Шумахер сего июля 2 дня волею Божию умре, а для пристойного по чину погребения тела его имею в деньгах крайнюю надобность»*²⁷.

Только год спустя, в июле 1762 г. Анне-Доротее был выдан оклад жалования *«за долговременную и усердную мужа ее службу, которую оказал он, во-первых, при... Петре Великом в учреждении государственной Библиотеки и Кунсткамеры, потом в правлении дел при Академии наук с самого ее начала и заведением при оной Академии наук разных художеств, которые столь бодрым успехом и*

знатною казенною прибылью почти все природными русскими производятся»²⁸.

Такая формулировка заслуг деятельности И.Д. Шумахера, согласимся, была справедлива. Что еще можно добавить к сказанному?

До настоящего времени исследователи не знают, где могила Шумахера, в России не сохранилось ни одного его портрета (я приложил немало усилий в поисках его изображения в архивах и библиотеках не только Петербурга и Москвы, но и во многих городах Европы; к сожалению, поиск не дал результатов). Мы не знаем, как выглядел Шумахер. Остались только письма, документы, протоколы, написанные им самим...

В контексте биографии БАН хотелось бы подчеркнуть, что в таких условиях в восемнадцатом веке начала формироваться особая *«академическая»* и *«библиотечная»* чувственность, чтобы затем воплотиться в новой России.

Здесь уместно напомнить, что библиотековедение, как и прочие науки (и естественные, и иные) появилось в нашей стране в результате путешествий Петра на Запад. Сегодня мы относим себя и свою культуру к Европе, зачастую забывая, что современная российская культура есть не стихийное и не естественное порождение российской почвы, а комплекс *«трансплантатов»*, т. е. нечто привнесенное извне и пересаженное на оную почву. Часть пересаженного укоренилась лучше (естественные науки, военное дело, музыка, балет), часть – хуже (например, науки об обществе, право, уважение к личности).

Библиотековедение как изучение западного опыта организации библиотек, формирования фондов, международного книгообмена, обслуживания читателей внедрялось в стенах Академии во многом благодаря личным контактам Шумахера и Блюментроста и заинтересованности уже нового руководства Академии. Например, в 1748 году после принятия Устава Академии (1747) в качестве почетных членов

Императорской Академии наук были избраны два иностранных библиотекаря – И.А. Залуский и А.М. Кверини²⁹.

В восемнадцатом веке в Библиотеке работало, по моим подсчетам, десять библиотекарей; среди них на первом месте – И.Д. Шумахер. Он был первый и потому, что с завидной последовательностью исполнял заветы Петра. Он остался верен им, несмотря на давление и трудности. И не только следовал, но в меру сил и способностей стремился их развивать. Не преувеличивая его заслуг, можно полагать, что среди многих начинаний И.Д. Шумахера Библиотека была в определенном смысле единственной, сумевшей впоследствии в каждом своем действии остаться сама собой.

Примечания

¹ Фрост Р. Починка стены // Фрост Р. Стихи. М.: Радуга, 1986. С. 74.

² Координаты Библиотеки Академии наук (вестибюля): 59° 56,6' северной широты и 30° 17,8' восточной долготы.

³ Подр. см. об этом: Шебунин А.Н. Основание Академии наук в России, 1725 г. // Нов. лит. обозрение. 2002. № 2 (54). С. 7–28. Это первая публикация рукописи выдающегося историка Андрея Николаевича Шебунина (1887–1940). Она была подготовлена предположительно в 1936 г. и в настоящее время хранится в Отделе рукописей и редкой книги Российской национальной библиотеки.

⁴ Готфрид Вильгельм фон Лейбниц (нем. *Gottfried Wilhelm von Leibniz*) – немецкий философ, математик и языковед – был убежден в том, что наиболее эффективно научная деятельность может вестись только в рамках академий наук как государственных органов, призванных руководить развитием всех производительных сил и всех областей материальной и духовной культуры страны. Во время путешествия Петр I в 1697 г. познакомился с Лейбницем. Это была случайная встреча в ганноверском замке Коппенбрюк. Вторая встреча (1711 г.) состоялась во время торжеств, посвященных

свадьбе наследника престола Алексея Петровича с представительницей правящего ганноверского дома, принцессой Брауншвейгской Софией Христиной. Осенью 1712 г. Лейбниц сопровождал Петра I в поездках в Теплиц и Дрезден. Ученый с энтузиазмом взялся за разработку проекта научных исследований в России. *«В вашем государстве, – писал он Петру, – все, что касается до науки, еще ново и подобно листу белой бумаги, а потому можно избежать многих ошибок, которые вкрались в Европе постепенно и незаметно. Известно, что дворец, строящийся вновь, выходит лучше, чем тот, который строился веками и часто подвергался исправлениям и изменениям»* (Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому: По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке // Лейбниц и его век. Т. 2. СПб., 1871. С. 134). В последний раз Лейбниц видел Петра незадолго до своей смерти – в 1716 году.

Добавлю к сказанному важное примечание к статье академика А.А. Куника: *«В одном письме от 26 февраля 1767 г. Миллер сообщает, из Москвы, Штелину, что Шумахер внес некогда в библиотеку пакет, содержащий проекты Лейбница, представленные им Петру Великому, и что библиотекарь Тауберт знает место, где положен этот пакет. Куда девались эти бумаги, виденные Миллером, по словам его, только вскользь, неизвестно. Во всяком случае, письма и проекты Лейбница, изданные г. Поссельтом в 1843 г. по московским оригиналам, неполны: между ними недостает именно подробного Лейбницева плана так называемой «ученой коллегии» (Collegura Sapientale)»*. См.: Куник А.А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Уч. зап. ИАН по I и III Отделениям. Т. II, вып. I. СПб., 1853. С. 137–144.

⁵ В ряде публикаций авторы, ссылаясь на этот текст, приводили неверные сведения об источнике публикации: ссылка давалась на немецкий журнал *«Weltspiegel»* (1714. Ч. 65 (66?). С. 614). Выражаю признательность библиографам Справоч-

но-библиографического отдела БАН – заведующей отделом Н.А. Сидоренко и главному библиографу Н.А. Волковой, которые провели уникальную исследовательскую работу по уточнению и разысканию подлинного источника цитаты – голландского журнала «*Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*» (Haag, 1709–1716). (Журнал имеется в фондах Научно-исследовательского отдела редкой книги БАН).

Прилагаю небезынтересный для читателя краткий отчет о проведенной ими работе:

*Об уточнении выходных данных сообщения о
намерении Петра I основать Академию*

Ссылка *Weltspiegel*. 1714. Ч. 65 (66?). С. 614 является неверной, присутствует в таком виде в нескольких изданиях, например:

Шебунин А.Н. Основание Академии наук в России, 1725 г. // Нов. лит. обозрение. 2002. № 2 (54). С. 7–28; *Томсинов В.А.* Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII в.: [статья вторая] // Законодательство. 2006. № 3. С. 85-90; *Tishkin G.A.* A Female Educationalist in the Age of the Enlightenment: Princess Dashkova and the University of St. Petersburg // History of Universities. Oxford, 1994. Vol.13. P. 137–152 (ссылается на Б. Модзалевского); *Модзалевский Б.* Академия наук // Нов. энцикл. словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., [1911]. Т. 1. Стб. 638-660.

При просмотре различных публикаций, касающихся основания Академии наук в России, было уточнено название периодического издания: *Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel* (Haag, 1709-1716).

Источники:

Lipski A. The Foundation of the Russian Academy of Sciences // ISIS. 1953. Vol. 44. P. 349–354; *Hinz W.* Peter des Grossen. Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit: Inaugural-Dissertation... Breslau, 1933.

Однако неточность допустил и наиболее близкий к истине *Walther Hinz*. Просмотр источника *de visu* позволил оконча-

тельно уточнить ссылку: *Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*. Haag, 1714. Th. 67. S. 624.

Текст сообщения совпадает с русским переводом, приведенным в статье В.А. Томсинова (с. 88).

⁶ Подробно о биографии Шумахера Иоганна Даниэля (нем. *Schumacher, Johann Daniel*) см. в кн.: Леонов В.П. Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН. 2000. С. 129–132; Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 16–20.

⁷ Р.К. Арескин завещал продать свою библиотеку, а деньги отдать наследникам. Против этого пункта завещания стоит помета Петра: «*Заплатить деньги по оценке*». (См.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 г. М.; Л., 1964. С. 19. Прим.).

⁸ Подр. см. об этом: Савельева Е.А., Леонов В.П. У истоков Академической библиотеки // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1999. № 2. С. 27–40.

⁹ Генрих Фик (1679–1750) – немец из Гамбурга. Состоял на русской службе с 1715 г. Являлся секретарем у князя А.Д. Меншикова, сыграл важную роль в создании системы коллегий.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое / под ред. М.М. Сперанского. Т. 5. № 3208. С. 573.

¹¹ Шебунин А.Н. Основание Академии наук // *Нов. лит. обозрение*. 2002. № 2 (54). С. 25.

¹² Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. М.: Типография Решетникова, 1820. С. 61–62. А.Н. Шебунин подчеркивает, что указанный случай передан по рассказу Шумахера (см.: Шебунин А.Н. Основание Академии наук // *Нов. лит. обозрение*. 2002. № 2 (54). С. 25).

¹³ См., напр.: Гордин М. Становление Санкт-Петербургской Академии наук в контексте развития европейской традиции власти // *Российская Академия наук: 275 лет служения России*. М., 1999. С. 238–258.

¹⁴ Об отчете Шумахера Петру и комментарии к нему см.: Леонов В.П. Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. С. 130–136.

¹⁵ Об участии Шумахера в составлении проекта см.: Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: сб. ст. / под ред. А.И. Андреева. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 313 и прим.

¹⁶ По случаю учреждения Императорской Академии наук была выпущена специальная медаль с надписью на лицевой стороне «PETRYS. MAGNYS. RYSSORYM. IMPERATOR. PATRIAE PATER». Здесь же – увенчанное лаврами, обращенное вправо изображение Петра в латах и мантии, из-под которой видны Андреевская цепь и звезда; в обрезе руки: «С. WERMUTH» (автор медали). На оборотной стороне – венок, образованный эмблемами всех искусств (см.: Иверсен Ю.Б. Медали на деяния императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России, изданныя Юлием Иверсеном. СПб.: тип. В.В. Пратц, 1872. С. 59, табл. XI, № 3).

¹⁷ Берк К.Р. Путевые заметки о России / пер. Ю.Н. Беспятовых // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 177.

¹⁸ Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христиан. изд-во, 1997. С. 5.

¹⁹ Столяров Ю.Н. Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения) // Книга. Исследования и материалы. 1990. Вып. 61. С. 116–130.

²⁰ Леонов В.П. Наш Шумахер // Известия. 2010. 6 сент. (№ 164).

Привожу текст статьи: *«Я хочу напомнить о человеке, создавшем первую российскую научную библиотеку европейского уровня, которая и сегодня удерживает заданную им планку. Во-первых, из чувства справедливости – имя его долгое*

время пребывало в забвении, а во-вторых, 5 сентября исполнилось 320 лет со дня его рождения. Об Иоганне Даниэле Шумахере – эльзасском парне из небогатой семьи, который окончил Страсбургский университет, защитил там магистерскую диссертацию „О Боге, о мире и душе“, но написал какие-то вольные стихи и вынужден был бежать в Париж. Случай свел его с племянником Франца Лефорта, который и пригласил его в Санкт-Петербург, Петра творенье. А в сентябре 1714 года Шумахер уже звался Иваном Даниловичем и разбирал первые книги во флигеле Летнего дворца Петра – стал его личным библиотекарем. К 1722 году у Петра созрела идея создать Академию наук. Побывав в библиотеках Голландии, Англии, Франции, пораженный царь („Не думал я, что в мире столько печатных книг!“) отряжает Шумахера за границу – за пополнением для будущей библиотеки. Шумахер в отчете пишет: „Надобно двоякие книги на новые менять“ (так международный книгообмен мы и ведем с 1722 года) и предлагает вести переписку с ведущими учеными мира. А Петр идет дальше: поручает Шумахеру пригласить светила мировой науки к нам. Так первым языком в нашей академии стал немецкий, а первыми ее членами – выдающиеся немцы: Эйлер, Гольдбах, Бюльфингер...

По велению Петра „доступ в Библиотеку каждому свободен с двух до четырех часов пополудни“, и „чтоб каждый посетитель был встречен бокалом вина, фруктами и цукербродом по сезону“, но (!) – лишь после просмотра коллекций. Педантичный Шумахер создает наш первый каталог и вводит железное правило: месяц на книгу. Оно действует и сегодня. Благодаря немецкой скрупулезности Шумахера мы имеем две с половиной тысячи томов протоколов заседаний Академии наук! Вот сделанные его рукой списки злостных нарушителей: в числе первых значится шведский посланник – не вернул словарь Бейля...

Надо сказать, что Шумахеру при всем его авторитете жилось беспокойно: у него был конфликт с самим Ломоносо-

вым, тот „со товарищи“ – недовольные, что чужестранец единолично распределяет финансовые потоки, – написали даже на него „доношение“ Елизавете Петровне. „Им не я отвратителен, а мое звание. Они хотят быть господами в знатных чинах с огромным жалованьем, без всякой заботы обо всем остальном“, – напишет после двух лет унижительного следствия полностью оправданный Шумахер. Первый библиотекарь был вторым лицом в академии, в первом, петровском уставе так и написано: библиотекарь – при президенте главный командир. Постепенно, от устава к уставу, это положение упало сначала до восьмого пункта, потом опустилось до 43-го и еще ниже.

Умер Иван Данилович в нищете, жена его писала в академическую канцелярию: „...для пристойного почину погребения тела имею в деньгах крайнюю надобность“. Ей было выдано жалованье „за долговременную и усердную работу мужа и его службу, которую он оказал при Петре Великом Библиотеке и самой Академии наук“.

Я узнал о Шумахере студентом: была, мол, такая немчурка, тормоз российской науки. Хотя, казалось бы, основатель академической библиотеки – звание на все времена. Он упорно внедрял мировой опыт, наталкивался на сопротивление и страдал. Я это понял, когда начал изучать документы. И написал о нем в книге. К сожалению, мы не знаем, как он выглядел, – не осталось его портрета, хотя я упорно искал среди библиофилов по всей Европе. Зато есть у нас, библиотекарей, своя премия – имени Ивана Даниловича Шумахера. В деньгах – всего ничего, но честь!

Нам через три года 300 лет. Я мечтаю, чтобы мы достроили здание, которое с таким трудом пробивали, перенесли сюда бронированный фонд, а это 2 миллиона изданий нашей типографии – с 1728 года. Мечтаю получить современное оборудование, больше денег на фонды, что мы, готовя наши кадры, все-таки не будем отрываться от жизни. Библиографическое переживание – особое чувство. Тут есть свои Мо-

царты. И дело Ивана Даниловича нашего Шумахера живет в них, оно будет жить и в молодых, потому что человечество не придумало ничего лучше книги. Ни-че-го».

²¹ Werret S. The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteen Century Russia // OSIRIS. 2010. Vol. 25. P. 104–125.

²² Werret S. An Odd Sort of Exhibition: The St. Petersburg Academy of Sciences in Enlightened Russia: PhD diss. London: Univ. of Cambridge, 2000.

²³ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 44–45 (прим.).

²⁴ Цит. по: Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 160.

²⁵ Леонов В.П. Судьба библиотеки... С. 198.

²⁶ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 62–63.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Там же. С. 63.

²⁹ Залуский Иосиф Андрей (Йозеф Анджей) (1701–1774) – церковный и государственный деятель, епископ хелминский и киевский, библиофил, библиограф, почетный член Петербургской Академии наук (с 22 ноября 1748 г. – Польша).

Кверини Анджело Мариа (Джироламо) (1680–1759) – венецианский кардинал, библиотекарь Ватиканской библиотеки, член ордена бенедиктинцев, почетный член Петербургской Академии наук (с 22 ноября 1748 г. – Италия).

Опубликовано: Иоганн Даниэль Шумахер: между Библиотекой, Академией и Двором / В.П. Леонов // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию, 2014 / РАН. СПб., 2015. С. 34–48.

7.4. Международное значение Библиотеки Академии наук СССР

Великий Ломоносов, много сил и энергии отдавший становлению и развитию отечественной науки, в том числе и библиотечного дела, так сформулировал назначение библиотеки: *«Библиотека не состоит в позолоченных шкафах, но в дольстве книг надобных»*. За этой крылатой фразой, начертанной при входе в Библиотеку Академии наук СССР, скрывается богатое содержание, и, если окинуть взглядом историю нашей Библиотеки, можно увидеть, что лучшие ее представители следовали этому завету.

Что представляет собой Библиотека Академии наук сегодня, несмотря на разрушительный пожар в феврале 1988 года?

Библиотека Академии наук является международным учреждением, общедоступным и универсальным по характеру фондов и обслуживания.

Комплектование ведется 3355 партнерами из 101 страны мира. Среди наших партнеров 83 академии наук, 46 национальных библиотек, 606 университетов, 111 правительственных учреждений, 197 музеев, 22 общества дружбы, 1926 специализированных учреждений. Наибольшее количество соглашений о книгообмене заключено с Японией (346), США (288), Францией (246), ФРГ (324), Польшей (114), Чехословакией (108), Югославией (74) и другими странами.

С 1783 г. Библиотека получает обязательный экземпляр отечественной литературы.

Фонды книг, периодических изданий, рукописей, карт насчитывают 18 млн. единиц хранения, из них почти половина (47%) на иностранных языках.

Читателями БАН сегодня являются около 45 тыс. человек: это сотрудники академических учреждений, преподаватели вузов, сотрудники НИИ и промышленных предприятий, аспиранты, студенты старших курсов.

В библиотечно-библиографическом обслуживании и научно-исследовательской работе принимают участие свыше 700 человек.

БАН – это источник знаний и мировой информации. Как она стала такой? Что способствовало превращению первой российской общедоступной библиотеки в международный информационный центр? Чтобы ответить на эти вопросы, надо обратиться к началу XVIII века и попытаться понять ход мыслей и рассуждений тех, кто стоял у истоков ее создания.

Библиотека Академии наук имеет сегодня мировое признание благодаря твердому желанию ее основателя Петра I вовлечь Россию в общий процесс культурного развития стран Европы. Он понимал, что широкая реформаторская деятельность в государстве невозможна без использования достижений мировой науки. Не случайно царское собрание книг из Летнего дворца явилось частью первоначального фонда библиотеки, возникшей за 11 лет до основания Академии наук.

Открытая в 1714 г. в новой столице Петербурге, Библиотека имела в своем фонде главным образом труды по математике, архитектуре, географии, истории, военному и морскому делу. Заниматься книжным собранием Петр поручил своему лейб-медику президенту Аптекарской канцелярии Р. Арескину, а тот впоследствии пригласил на должность библиотекаря магистра философии И.Д. Шумахера. Уже в 1716 г. в собрании было 4763 тома. Как писал немец Х.Ф. Вебер, *«...если будет продолжаться постоянное приращение и теперь уже драгоценной библиотеки, то в немного лет она станет наряду с важнейшими европейскими не по числу, но по достоинству находящихся в ней книг»*¹.

Материалы по истории БАН за этот период позволяют сделать три, на мой взгляд, важных вывода.

П е р в ы й. Библиотека с момента возникновения мыслилась создателями как один из центров мировой культуры. Отсюда и такое внимание к качеству ее комплектования. Именно Петр послал в 1721 г. Шумахера в длительное путешествие с

поручением «смотреть знатнейшие библиотеки» в Германии, Голландии, Англии, Франции и закупить ценные книги. (Что тот не только успешно выполнил, но еще и предложил императору «двоякие книги на другие новые менять». Так было положено начало книгообмену.)

В т о р о й. Успешное развитие науки в России невозможно без хороших кадров. Их надо было найти за рубежом, привлечь и заинтересовать работой, способствовать тем самым росту российской науки. Примечательно, что библиотекарь Шумахер получил перед поездкой за границу инструкцию о подборе научных кадров для «сочинения социетета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах».

Наличие хорошей библиотеки в Петербурге способствовало этому, превращало ее в один из бесценных инструментов будущей академии.

Т р е т ь и й. С момента создания Библиотека мыслилась не элитарным, а общедоступным учреждением для читающей публики. Всем историкам хорошо известен одобренный Петром в январе 1724 года «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств», составленный Л. Блюментростом. Хочу обратить внимание, что в параграфе 8 Устава нет определенного указания: входит ли в Академию Библиотека? Говорится только, что Библиотека и Кунсткамера должны быть представлены в пользование академикам, а их заведующие – выполнять поручения академиков.

Уверен, что это было не случайно. Это позволило Библиотеке Академии наук в течение столетия выполнять функции единственной общедоступной библиотеки в России. (Напомню, что открытие Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге состоялось в 1814 г., – мы отмечали это событие в январе текущего года.)

Петр не успел утвердить проект Устава, который тем не менее в течение 22 лет продолжал оставаться основным рабочим документом Академии наук. Новый устав – «Регламент императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» –

утвердила Елизавета Петровна в июле 1747 г. В нем по-прежнему значительное внимание уделялось не только собственно Академии, Университету, но и Библиотеке и Кунсткамере. В качестве примера можно привести фрагменты из Приложения к Уставу, где речь шла о штатных должностях Санкт-Петербургской академии наук и жаловании, которое, «смотря по их искусству и достоинству, производить позволяется».

В соответствии с Уставом жалование президента Академии составляло 3 тыс. руб. в год; секретаря конференции (т. е. главного ученого секретаря академии) – 1,2 тыс. руб.; библиотекаря (т. е. директора библиотеки) – тоже 1,2 тыс. руб.; ректора университета – 1,2 тыс. руб. Другими словами, должности главного ученого секретаря, ректора университета и директора Библиотеки «по искусству и достоинству» рассматривались на одном уровне. Интересно еще одно сравнение. Оклад профессора университета составлял 660 руб., а унтер-библиотекаря – 600 руб. Переводчик при библиотеке получал 250 руб., а мастера (столяр, слесарь, токарь) – по 200 руб. в год.

Весьма полезно и поучительно, особенно с позиций сегодняшнего дня, ознакомиться с архивными документами!

XVIII век – это период становления и интенсивного развития Библиотеки. С 1714 по 1800 год в БАН сменилось всего четыре директора: Шумахер проработал 45 лет, Тауберт – 10 лет, академик С.К. Котельников – 26 лет и академик Буссе – 3 года.

Что было сделано за это время? Вот некоторые факты.

Дважды составлялись заново систематические каталоги, обогатился русский книжный фонд (особенно после 1783 года), увеличились расходы на приобретение новой литературы и внутренние библиотечные работы. К середине XVIII века складываются прочные книгообменные связи с такими учреждениями, как Французская академия наук, Ученое общество в Копенгагене, Космографическое общество в Нюрнберге, Берлинская академия наук. Из Швеции среди других изданий присылались сочинения К. Линнея, даже из Ватиканской библиотеки в 1751 г. поступило 29 книг.

И. Бакмейстер, проработавший в библиотеке 30 лет, составил описание ее книжного фонда («Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей...»). В 70-е годы был составлен новый 30-томный рукописный каталог иностранных фондов (!). Этот систематический каталог был рабочим каталогом, в который заносились все вновь поступающие книги и отражались все изменения в расстановке книг. В 1768 г. закончен новый систематический каталог русских книг, напомилавший по структуре Камерный каталог А.И. Богданова. К 1792 г. были составлены 34 тома систематического каталога русских и иностранных книг и сняты с них копии.

XIX век – период дальнейшего развития и расцвета Библиотеки Академии наук. Она становится уже не просто обширным национальным фондом Санкт-Петербурга, а превращается в универсальный фонд России, первоочередная задача которого – обслуживание науки.

«Дней Александровых прекрасное начало» коснулось и БАН. Устав 1803 г. выделил Библиотеку в самостоятельное учреждение, отделив ее от Кунсткамеры. Академия наук освобождалась от учебных функций, она становилась чисто научным учреждением. В 1818 г. президент Академии наук С.С. Уваров принял меры к пополнению фондов Библиотеки и упорядочению их использования. По его инициативе выявляются книги и рукописи с пометами Петра, издаются два печатных каталога – русских рукописей и книг на языках народов Дальнего Востока. Он поручил разделить Библиотеку на две части – первая из книг на славянском и российском языках, вторая – на всех прочих. Во главе каждого отделения должен стоять библиотекарь, а единство обеспечивает президент Академии. Библиотекарей назначает президент, утверждает министр народного просвещения. В Уставе 1836 г. закреплено разделение Библиотеки на два почти самостоятельных отделения, а пункт, что президент осуществляет общее руководство, отсутствует. В течение столетия Библиотека существовала как два независимых отделения: русское и иностранное.

Русское отделение со времени его основания в 1819 г. и до 1835 г. возглавлял член Российской академии П.И. Соколов, позднее – академики Я.И. Бередников (1835–1855), М.А. Коркунов (1855–1858), А.А. Куник (с 1858 г.).

Иностранное отделение возглавляли академик Х.Д. Френ (1819–1820), библиотекарь В.А. Эртель, академик А.М. Шегрен, а с 1835 по 1862 г. библиотекарем иностранного отделения был академик К.М. Бэр.

В обоих отделениях создаются каталоги, вводятся разработанные К.М. Бэром в 1836 г. новые правила пользования Библиотекой, в которых признается, что пользование научной библиотекой должно ограничиваться в самой малой степени и что *«Библиотека сможет выполнить свои задачи тем лучше, чем дольше и чаще будет открыт доступ в нее»*².

В этот период возникают как филиалы специальные библиотеки, способствующие росту ее международного авторитета, – Азиатского и Ботанического музеев, Архива, Обсерватории.

Во второй половине XIX века резко возросло количество поступлений. 1-е отделение выросло в три раза, 2-е – в полтора раза. В 1962 г. Библиотека получала издания по книгообмену уже от 150 крупных научных центров, а к концу XVIII в. имела уже 516 зарубежных партнеров. Академики составляли списки книг, на сессиях Академии представлялись каталоги книг, которые продавались на аукционах, – и специальные уполномоченные стремились купить хотя бы самые необходимые.

Особенно плодотворной была деятельность Библиотеки по раскрытию содержания фондов.

П.И. Соколов и Я.И. Бередников явились создателями нескольких каталогов русского отделения – к концу 1840 г. были готовы четыре тома русских каталогов, а М.А. Коркунов поставил вопрос о составлении каталогов в карточной форме.

Во 2-м отделении в раскрытии фондов выдающуюся роль сыграл академик К.М. Бэр, автор системы библиотечной классификации – столь широко известной сегодня и прослу-

ществовавшей в БАН до 30-х годов нашего века. Задолго до М. Дьюи – создателя десятичной классификации, получившей с середины 70-х годов XIX в. распространение в США, – Бэр в 1835 г. предложил план реорганизации работы БАН и создания систематического каталога. Даже когда Государственная публичная библиотека (ГПБ) перешла на форматную расстановку, расположение иностранных книг в БАН оставалось систематическим, по схеме классификации К.М. Бэра.

Еще несколько примеров, свидетельствовавших об авторитете и развитии Библиотеки. 1833 г. – выделяется Славянский отдел; 1893 г. – журнальный отдел; 1900 г. – создается рукописное отделение во главе с выдающимся ученым В.И. Срезневским. Особо на этом фоне надо подчеркнуть деятельность руководителя 1-го отделения академика А.А. Куника. В 60-е годы начата работа по составлению каталога по куниковской схеме, где литература была систематизирована по 23 разделам.

В течение первых 19 лет двадцатого столетия директором 1-го отделения был академик А.А. Шахматов. Он сделал очень много для всех сторон жизни БАН. Достаточно упомянуть о том, что он и директор 2-го отделения К.Г. Залеман в 1901 г. неоднократно доказывали Общему собранию Академии необходимость строительства нового здания. Это стало очевидным после 8 января 1901 г., когда возник пожар из-за старой системы отопления. Назову также новшества, введенные Шахматовым в систему комплектования и организацию каталогов, – имеется в виду форматная расстановка фондов. В конце своей жизни, в 1919 году, академик Шахматов по просьбе Общего собрания Академии наук возглавил всю Библиотеку. Однако в этом качестве его деятельность была недолгой – он скончался в 1920 году.

Здесь надо сделать одно отступление. Оно представляется чрезвычайно существенным, поскольку дальнейшая судьба нашей Библиотеки оказалась очень непростой. Я имею в виду как ситуацию первых послереволюционных лет, так и более позднее время³.

Широкая известность Академии наук и БАН, высокий научный авторитет ее руководства привели к тому, что в условиях хаоса и разрухи в Петрограде в глазах многих неуверенных в своем завтрашнем дне представителей интеллигенции и бывшей аристократии Библиотека казалась единственным надежным и вполне безопасным местом, где можно было уберечь свои личные архивы и личные библиотеки от угрожавшей им гибели. Академия наук в лице ее неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга, директора Пушкинского дома Н.А. Котляревского, директора БАН А.А. Шахматова, его преемника академика Н.К. Никольского, возглавлявшего БАН в 1921–1924 гг., и заведующего рукописным отделением В.И. Срезневского охотно шла в этом навстречу.

В результате Академия, и в первую очередь ее Библиотека, оказались буквально захлестнутыми волной поступлений частных архивов и библиотек. Ни о какой научной обработке их в этих условиях не могло быть и речи; не всегда фиксировались и сами поступления. Именно здесь и таилась, как впоследствии выяснилось, главная опасность, так как в составе этих фондов и оказалась основная масса «компрометирующего» Академию нигде не зафиксированного материала. На основании декрета 12 сентября 1923 г. и ряда других нормативных актов он не подлежал хранению в ее учреждениях.

6 ноября 1929 г., в канун государственного праздника, ленинградская «Красная газета» сообщила читателям такую новость: *«В Академии наук были спрятаны важные политические документы. Академик С.Ф. Ольденбург отстранен от должности неперменного ученого секретаря»*. Далее следовали подробности. Членами Правительственной комиссии Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции СССР *«в одной из комнат»* БАН были обнаружены нигде не зарегистрированные списки лиц, получавших *«особое вознаграждение за борьбу с революцией»*.

Затем членам комиссии был предъявлен запечатанный пакет. В нем находился конверт, в котором оказались подлинные

экземпляры отречения от престола Николая II. Среди других бумаг, обнаруженных в рукописном отделении БАН, были материалы Департамента полиции, корпуса жандармов, царской охраны и контрразведки.

На закрытой части Общего собрания Академии, собравшегося по этому поводу, впервые прозвучало имя непосредственного «виновника» случившегося – члена Президиума АН, академика-секретаря Отделения гуманитарных наук, председателя Археографической комиссии, директора БАН с 1925 по 1928 г. Сергея Федоровича Платонова, человека, заслуженно пользовавшегося славой одного из крупнейших и наиболее авторитетных исследователей русской истории. Добавлю к этому, что Сергей Федорович был избран директором БАН 22 августа 1925 г., в самый напряженный период после переезда Библиотеки в новое здание на Биржевой линии, 1. Он успел проработать только один срок – три года.

На основании материалов комиссии, возглавляемой членом Коллегии ОГПУ Я. Петерсом, вице-президент академик А.Е. Ферсман предложил Платонову подать в отставку с занимаемых им административных должностей. 8 ноября 1929 г. Платонов подал в отставку, а уже 12 ноября были уволены из БАН ученые-хранители, член-корреспондент С.В. Рождественский и профессор П.Г. Васенко, научные сотрудники А.В. Бородин и А.А. Гизетти.

Комиссия Я. Петерса продолжала еще работать, а в прессе, на предприятиях Ленинграда уже шла кампания против Академии, принимались резолюции, расценивавшие сообщения о сокрытии в хранилищах «важных политических документов» как «очередную контрреволюционную вылазку классового врага».

Так было начато «дело» Платонова, по которому проходило 115 человек.

Ущерб, нанесенный «делом» Платонова русской истории, библиотечному делу, огромен. Специалисты считают, что после разгрома, который был учинен в конце 1929 г. в Библио-

теке АН и Археографической комиссии, в них фактически не осталось сколько-нибудь крупных ученых.

Оправиться от такого удара Библиотека не могла очень долго, она ощущает это и сейчас. Началась вереница смены руководства. После С.Ф. Платонова и. о. директора работал академик С.А. Жебелев – византиновед, потом его помощник член-корреспондент С.В. Рождественский. С октября 1929 г. – профессор И.И. Яковкин (Яковкин занимал пост директора БАН 19 лет – с 1930 по 1949 г. – самый длительный срок за советский период). После переезда Академии наук в 1934 г. в Москву расстояние от Библиотеки до Президиума увеличилось со всеми вытекающими из этого последствиями. О самоотверженном и героическом труде сотрудников БАН в годы Великой Отечественной войны подробно рассказано в известной монографии.

После войны Библиотека разделила судьбу Ленинграда. Давление на науку и научные кадры отрицательно сказывалось и на управлении БАН, и на комплектовании фондов, и на обслуживании читателей. И тем не менее, благодаря во многом деятельности Президента АН С.И. Вавилова она продолжала оставаться крупным международным центром.

В начале 50-х годов ее возглавил Д.В. Лебедев – талантливый ученый-биолог. После Постановления Президиума АН (1950 г.) о состоянии БАН, о недостатках в организации фондов, каталогов и в составе кадров он предпринял ряд чрезвычайных и полезных мер для восстановления статуса БАН.

С 1953 г. директором БАН стал астроном Г.А. Чеботарев, с 1961 г. – М.С. Филиппов, кандидат геолого-минералогических наук, много сделавший для правильной расстановки кадров. После его ухода в 1968 г. два года и. о. директора БАН работала А.А. Моисеева – первый профессиональный библиотечный работник, посвятившая свою жизнь возрождению Библиотеки.

В 1970–1979 гг. БАН руководил доктор биологических наук профессор Д.В. Тер-Ованесян. При нем активизировалась научная деятельность, увеличилось число конференций, нача-

лась борьба за придание БАН статуса научного учреждения. После его скоропостижной кончины два года исполняла обязанности директора кандидат педагогических наук К.В. Лютова, которая стремилась сохранить научный и международный престиж Библиотеки.

С приходом в БАН доктора биологических наук профессора В.А. Филова в 1981 г. продолжала развиваться научная работа. Два важных решения было принято за это время. В 1982 г. на заседании Президиума АН впервые за много лет обсуждался вопрос о состоянии и развитии Библиотеки. По итогам обсуждения было предложено специальное постановление, в том числе и решение о строительстве нового здания Библиотеки в Шувалове. Однако, как констатировал в 1988 г. Президиум Академии, оно осталось невыполненным. За это же время положительно решился вопрос о статусе БАН – Библиотека получила статус НИИ первой категории.

Положение о библиотечном деле (1984 г.) закрепило за БАН руководство методической работой академических библиотек страны. Казалось бы, возникали благоприятные предпосылки для укрепления союзных и международных позиций БАН.

Пожар в феврале 1988 г. разделил нашу жизнь на две неравные части: до и после пожара. И это не метафора. Мы переживаем самую страшную трагедию за всю мировую историю существования библиотек. Особняком стоит Александрийская библиотека в Египте. Известно, что любая беда познается в сравнении. Для нас это: 1968 год – наводнение во Флоренции, гибель книг в Национальной библиотеке; 1986 г. – дважды в течение года пожар в Публичной библиотеке в Лос-Анджелесе, уничтоживший около 200 тыс. монографий и более 6 тыс. периодических изданий, а также весь патентный фонд и фонд правительственных документов США, около 200 тыс. изданий помещено в холодильные камеры. Наши потери, по данным на 21 февраля 1988 г. – около 400 тыс. книг и периодических изданий, третья часть газетного фонда, 175 тыс. впоследствии перемещено в холодильники.

Отсюда понятно то внимание, которое проявила мировая общественность к БАН: не прошло и двух лет после пожара в США, как случился новый, более разрушительный, и где – в Ленинграде, в крупнейшем книгохранилище мира, которым пользовались читатели из 70 стран.

После шокового состояния, которое пережили прежде всего коллектив Библиотеки, город Ленинград и вся страна, начались спасательные работы по восстановлению утраченных изданий. Труд сотрудников Библиотеки был в высшей степени героическим. Работы велись круглосуточно. Бескорыстной и самоотверженной была помощь сотен и тысяч рядовых ленинградцев. На беду БАН откликнулся весь мир.

Приведу перечень тех конкретных мер, которые были приняты не только в СССР, но и за рубежом.

Итак, в СССР:

1. Информация в местной и общественной прессе о пожаре.
2. Требование немедленно установить, что сгорело и сколько? Посещение БАН академиками И.А. Глебовым, В.В. Меннером, В.А. Виноградовым, Г.Н. Флеровым, П.Н. Федосеевым и другими.
3. Поиски виновных в прессе, на радио, телевидении, общем собрании АН СССР.
4. Требование немедленно сменить руководство.
5. Требование закрыть Библиотеку и считать потери.
6. Бесчисленные визиты бесчисленных комиссий из бесчисленных организаций.

Практическая работа:

- создание Штаба и необходимых комиссий в БАН и ЛНЦ;
- создание комиссии Ленгорисполкома;
- подготовка к Президиуму и проведение Президиума АН СССР по БАН от 23/11-88 г.: выделение ежегодно в течение трех лет по 500 тыс. рублей и помощь штатами и оборудованием;
- сушка хранилищ и фондов;

- фумигация (самоотверженная работа комиссии города и военных организаций);
- открытие БАН через месяц после пожара;
- открытие денежного счета помощи БАН;
- начало документальной проверки;
- восстановление и докомплектование фондов с помощью библиотек и информационных центров страны.

Зарубежная помощь:

1. Информация о пожаре в печати разных стран, прежде всего США.
2. Письмо-предложение А. Хаммера Р.М. Горбачевой по поводу помощи БАН.
3. Приезд в марте трех экспертов из США для оценки организации работ и консультаций.
4. Дар в сумме 50 тыс. руб. Международного фонда за выживание и развитие человечества.
5. Визит директора Библиотеки конгресса Д. Биллингтона в апреле и наметки планов сотрудничества.
6. Предложения и помощь из ФРГ:
 - немецкое исследовательское общество выделило 100 тыс. марок;
 - правительство Г. Коля – 480 тыс. марок;
 - создание «Международного фонда друзей БАН» во Франкфурте-на-Майне с начальным капиталом 100 тыс. марок (Президент фонда – Д. Ауверманн).
7. Визит Президента ИФЛА Г.П. Ге, заместителя председателя Международного совета по архивам Ш. Кешкемети, представителей ЮНЕСКО Ж. Токатляна и В. Монтвилова. Прием БАН в члены ИФЛА без вступительного взноса.
8. Контакты с польской фирмой «Электрим» на установку системы пожаротушения. Президиум АН СССР выделил средства в сумме 2,6 млн. переводных рублей.
9. Международная экспертиза спасательных работ и предложение помощи БАН.

10. Визит делегации БАН в библиотеки и реставрационные центры Германии, Австрии, США, Канады, Франции. Идея создания Международного центра консервации и реставрации при БАН.

11. Голландия – установка на льготных условиях оборудования для автоматизированной библиотечной технологии.

12. Библиотека конгресса – получение 135 тыс. долларов от еженедельника «Ридерс Дайджест» на реализацию в БАН работ по фазовой консервации.

13. Великобритания – съемки фильма на BBC о восстановительных работах в БАН.

14. США: а) дар реферативной службы «Chemical Abstracts Service» полного комплекта РЖ с 1907 г. на микроносителях; б) награда директора БАН Американским обществом архивистов (400 дол.) за организацию спасательных работ в БАН.

Таковы факты.

Вместе с тем, наше состояние действительно тяжелое, и выбраться из него Библиотека сама не в силах. Слишком много проблем накопилось за пределами собственно БАН, в библиотечном деле страны в целом. Назову некоторые из них, особенно актуальные. Уверен, что они имеют отношение не только к нашей Библиотеке.

Проблема 1. Совершенствование управления библиотечным делом, преодоление ведомственной разобщенности, сочетание централизации и децентрализации. Крупным библиотекам необходима самостоятельность, а не мелочная опека, предоставление больших прав и возможностей их руководителям. Это касается как подбора и расстановки кадров, так и распределения финансирования, организации научных исследований, улучшения комплектования отечественной и зарубежной литературой, определения приоритетности внедрения вычислительной техники, координации и кооперации с другими библиотеками внутри страны и за рубежом.

Проблема 2. Техническое оснащение и перевооружение БАН. Встречаясь в Библиотеке со специалистами США, ФРГ,

Польши, Голландии, мы спрашивали их о том, как они оценивают качество восстановительных работ, уровень подготовки наших кадров. Ответы звучали по-разному, но сводились к одному: самое слабое звено – техническое оснащение Библиотеки. При этом добавляли: у вас есть очень интересные методики, специалисты высокой квалификации, кое в чем мы сами можем поучиться у вас, но вот оборудование...

Техническое оснащение отечественного библиотечного оборудования не выдерживает никакой критики. Да и заказать его практически очень непросто.

Беда есть беда, и низкий поклон всем, кто протягивает нам руку помощи. Но есть что-то унижительное для нашего национального достоинства в сложившейся ситуации с библиотечным оборудованием. Очень хорошо, что по количеству роботов на душу населения мы обогнали весь мир, однако что-то протестует против этих грандиозных планов, когда идешь мимо обоженных несчастьем книг.

Один из путей решения проблемы – установление прямых контактов, заключение договоров с иностранными фирмами и библиотеками на двусторонней основе. Нельзя больше ходить с протянутой рукой, надо сотрудничать!

Проблема 3. Противопожарная безопасность, готовность к действию в разного рода экстремальных ситуациях. В Библиотеке конгресса мне совершенно искренне говорили, что, случись у них такая беда, США оказались бы в затруднительном положении. Для эффективной ликвидации последствий аварий, подобных нашей, необходимо объединение специалистов из разных стран. Это – и налаженные связи, обмен опытом, помощь в кризисных ситуациях, повышение квалификации. Обо всем этом я говорил на 55-й сессии ИФЛА, предлагая программу «Безопасность библиотек». Создание такой программы – требование времени, требование тех, кто испытывает превратности библиотечной профессии.

Трудный, порой драматичный путь, который прошла Библиотека Академии наук, вряд ли кого оставит равнодушным.

Международный авторитет ее достаточно высок. Наше богатство – это фонды и люди, работающие самоотверженно и сделавшие БАН известной всему миру.

Впереди большие задачи и не менее большие трудности. Давайте же объединим наши усилия для совместной дружной работы, памятуя о том, что народы всегда, а культура в особенности, едины.

Примечания

¹ См.: История Библиотеки Академии наук СССР (1714–1964). М.; Л.: Наука, 1964. С. 26.

² Там же. С. 168.

³ Эта часть доклада основана на публикациях В.С. Брачева. См., напр., его статью: «Дело» академика С.Ф. Платонова (Вопр. истории. 1989. № 5. С. 117–129).

Опубликовано: Международное значение Библиотеки Академии наук СССР / В.П. Леонов // 275 лет Библиотеке АН: сб. докл. юбил. науч. конф. / Б-ка АН СССР. СПб., 1991. С. 3–16.

7.5. В экстремальных условиях

В сентябре прошлого года в Библиотеке Академии наук СССР прошел международный семинар «Стихийные бедствия и спасение культурных ценностей: международное сотрудничество с Библиотекой Академии наук СССР». Этот семинар – результат совместной деятельности БАН СССР, Библиотеки конгресса США, Института консервации им. П. Гетти (Лос-Анджелес) и Международного фонда друзей БАН СССР в Германии. Он объединил реставраторов, библиотекарей, специалистов в области консервации, инженеров из СССР, Канады, Финляндии, Германии, Шотландии, США с целью изучения опыта ликвидации последствий пожара 1988 года в Библиотеке АН СССР. Специалисты разных стран наметили дальнейшие пути совместной деятельности. Они высоко оценили усилия, предпринятые Библиотекой для ликвидации последствий пожара. Однако и сейчас она остается уязвимой перед возможной катастрофой, будь то пожар или затопление. Ее руководству рекомендовано обследовать надежность здания, особое внимание обратить на состояние окружающей среды, инженерных, технических и электрических систем, а также на условия работы сотрудников и обеспечение сохранности фондов. За основу плана работ по безопасности предложена программа фазовой консервации, составленная Библиотекой конгресса. Не до конца, как выяснилось, изучены и процессы фумигации здания и фондов, технология сушки пострадавших изданий. К дальнейшим исследованиям в области защиты культурного наследия решено привлечь отдельных ученых и исследовательские учреждения из других стран. Координировать их работу, вести обмен опытом будет международный консультативный комитет.

Современная технология, которая, благодаря международным контактам, может быть предоставлена ленинград-

цам, позволит надежнее сохранить культурные ценности для будущих поколений.

Выступления участников семинара журнал «Библиотекарь» в течение года будет публиковать под рубрикой «БАН СССР: проблема крупным планом». Сегодня ее открывает директор Библиотеки Академии наук СССР Валерий Павлович ЛЕОНОВ.

Библиотека Академии наук, основанная еще Петром I в 1714 году, – первое научное учреждение Академии и первая государственная библиотека России, крупнейшее книгохранилище мира, объединившее 18 миллионов единиц хранения, со своим научно-исследовательским институтом по проблемам библиотековедения, книговедения, библиографоведения и автоматизации информационных процессов. В фондах хранятся ценнейшие памятники письменности V–XX веков, инкунабулы и редкие книги XVI–XVIII веков, входящие в мировую сокровищницу истории и культуры, литература на многих языках по различным областям знания.

Интерес к БАН со стороны отечественной и международной общественности всегда был огромен. Поэтому не случайно и повышенное внимание к ней после пожара 14–15 февраля 1988 года (третьего по счету за всю историю Библиотеки). Пожар в БАН СССР – еще одно подтверждение катастрофического положения, в котором находятся сегодня книгохранилища страны в целом.

Известно, что долгие годы материальная и социальная база библиотек находилась в полном забвении. Отсутствие государственной программы ее развития, остаточный принцип финансирования привели к тому, что национальные книжные богатства оказались не защищенными перед реальной угрозой уничтожения. Большинство библиотек страны находятся в плохих помещениях, в них отсутствует эффективная система сохранности книжных богатств, особенно в условиях стихийных бедствий.

Вот почему БАН СССР, являясь наряду с другими книжными хранилищами Академии основной базой информационного обеспечения научных исследований, нуждается в незамедлительной государственной поддержке и защите. Старейшая научная библиотека страны и головная АН СССР, хранительница уникальных памятников истории и культуры, одна из крупнейших в мире, она все еще находится на ведомственном попечении. В частности, до сих пор (почти сорок лет) не предоставлены ей дополнительные площади, что затрудняет работу и увеличивает вероятность повторения трагических событий. Десятилетиями мы закономерно шли навстречу этому чрезвычайному происшествию...

Огонь появился сначала в газетном фонде. Пожарные действовали энергично, и за несколько часов им удалось справиться с ним. И вдруг через короткое время – новое возгорание: теперь уже по вертикали, на четвертом и пятом этажах, где находились отечественный и иностранный фонды. Девять часов 15 февраля гасили этот пожар. Огонь шел как бы по синусоиде, выбирая одни стеллажи и не трогая другие. Между прочим, в Военно-медицинской академии в камере, где сушились наши книги, тоже произошло возгорание при температуре... тридцать восемь градусов, хотя бумага самовозгорается при четырехстах. Почему возник пожар – до сих пор не ясно. Но каковы бы ни были причины, вызвавшие пожар, главными из них, бесспорно, являются социальные.

Должен, отметить, что в своей беде мы оказались не одинокими. Одними из первых откликнулись зарубежные коллеги. Нам оказали финансовую и материальную помощь Международный фонд за выживание и развитие человечества, ЮНЕСКО, ИФЛА, Международный совет по архивам, Международный фонд друзей БАН, правительство, крупные библиотеки и общества ФРГ, ряд библиотек и университетов Соединенных Штатов, библиотеки, архивы и учебные заведения Канады, Франции, Финляндии, Бельгии, ГДР, Польши, Болгарии, Италии, Австралии, Китая, Голландии, Австрии, ЧСФР.

В феврале 1989 года во Франкфурте-на-Майне состоялось учредительное собрание Международного фонда друзей БАН, которое выработало долговременную программу помощи Библиотеке.

Пришли на выручку и многие библиотечные учреждения Советского Союза. Они также активно и бескорыстно помогали и продолжают помогать восстанавливать наши фонды. Не перечислить дары и пожертвования от небольших организаций и частных лиц.

И все же потери так велики, что своими силами Библиотеке их не восполнить. По предварительным подсчетам только консервации и восстановлению подлежат как русский (15 тысяч экземпляров), так и иностранный (свыше 180 тысяч) фонды и около 100 тысяч листов газет. Сейчас большая часть пострадавших книг и газет уже просушена, другая еще находится в морозильных камерах, ждет своей очереди на просушку, и этот процесс длится уже более двух лет.

Думаю, будет целесообразно, учитывая нынешнее состояние отечественных книгохранилищ, поделиться приобретенным опытом ликвидации последствий пожара. Не исключаю, что кому-то эти проблемы после прошедших лет могут показаться неактуальными. Не дай бог, конечно, другим, но всякое бывает. А наш опыт свидетельствует, что организация работ при катастрофах подобного масштаба принесет несомненную пользу. Собственных сил, какой бы богатой страна ни была, в экстремальных условиях крайне недостаточно, и тут жизненно необходимо международное сотрудничество, основанное на постоянном взаимодействии. Поясню данный тезис.

В Советском Союзе, как известно, библиотечное дело рассредоточено по разным министерствам и ведомствам, и библиотеки разного ранга имеют соответствующую иерархию подчинения. Управление строго централизовано, взаимодействие осуществляется, главным образом, по научной и методической линиях. К примеру, в Ленинграде – 3,5 тысячи библиотек, их книжный фонд насчитывает 190 миллионов томов, а ежегод-

ное финансирование – около 40 миллионов рублей. В библиотеках города занято 11 тысяч профессиональных работников, управляют же библиотечным делом Ленинграда 110 ведомств!

Как организовать в таких условиях взаимодействие? Вопрос непростой даже в относительно спокойное время. И вдруг беда такого масштаба: погибли около 400 тысяч книг и периодических изданий и третья часть газетного фонда.

Несмотря на подавленное состояние, первоначальную растерянность коллектива, формирование отрицательного общественного мнения, мы сумели найти в себе силы спасти гибнущий фонд.

Что мы предприняли и как оцениваем теперь наши действия? К организации спасательных работ привлекли надежных, инициативных и выдержанных людей, независимо от их возраста и занимаемой должности. Тут же создали комиссию (штаб) по управлению аварийными работами. Как сейчас представляется, оптимальное количество участников комиссии – 9–12 человек, что обеспечивает хорошую мобильность и взаимопомощь.

В цепи организационных проблем, считаем, важно определить различные косвенные звенья, контроль за решением которых не находится в прямой зависимости от руководителя. Это организация охраны помещений, круглосуточное дежурство, обеспечение надежной связи с другими организациями, от которых требуется помощь. Выделить следует и ключевые проблемы, взять их под постоянный контроль комиссии. В нашем случае – это эвакуация книг в холодильные камеры, уборка и расчистка дворов и помещений, работа в пострадавших хранилищах.

Что удалось сделать, организовав работу таким образом?

За три недели из 3,6 миллиона пострадавших изданий было высушено 1,4 миллиона, то есть около 40 процентов. Применяли вентиляцию теплым и холодным воздухом, прокладывали страницы изданий фильтровальной бумагой, сушили в различных термоустановках, вакуумных баро- и ТВЧ-камерах

в 36 учреждениях и организациях Ленинграда, а 18 тысяч книг с соответствующей инструкцией выдали читателям. Около 175 тысяч изданий поместили в холодильные камеры.

В основном здании БАН подмокли 32 хранилища. Тяжелейшая работа выпала на долю сотрудников центра экологической безопасности. Спасая фонды, они придумали свой оригинальный способ сушки.

Возникли также проблемы, связанные с заболеванием книг грибок, плесенью. Потребовались специалисты, которых нет в библиотеке, – токсикологи, микологи, биологи, а вместе с тем и специальное оборудование, материалы.

С учетом этих обстоятельств была создана еще одна комиссия, которая действовала в согласии с первой, выполняя преимущественно внебиблиотечные функции. Она сформировалась при Ленгорисполкоме через пять недель после пожара. В круг ее обязанностей вошло решение таких вопросов, как дезинфекция увлажненных книг, просушка хранилищ, ремонт пострадавших помещений, оборудование их пожарной сигнализацией, выбор методов и технических средств дезинфекции книг и помещений.

Приоритетными стали дезинфекционные (в нашем случае – фумигационные) работы. На изучение проблемы и выбор методики дезинфекции членам комиссии потребовалось чуть больше недели. (Обращаю внимание на сроки и даты – они мне представляются чрезвычайно важными, по ним можно судить об эффективности организации).

В кратчайшее время (с 28 марта по 5 апреля) были изготовлены рабочие чертежи форсунок, спроектирована установка для дезинфекции, приобретено оборудование и сделаны опытные образцы. Уже 5 апреля началась первая опытная фумигация хранилища № 16 площадью 657,4 квадратных метра и находящихся в нем 180 тысяч изданий. А впереди было еще 31 хранилище!

Учитывая масштабы предстоящих работ, члены комиссии оперативно подготовили необходимые документы, опреде-

лявшие меры безопасности и виды деятельности. В каждой библиотеке они могут быть различными, но задача их одна: быстро прореагировать на неблагоприятную ситуацию.

В течение пяти недель (с 19 апреля по 27 мая) осуществлены девять фумигаций и три ручные обработки гидропультами. Всего же обработано в двух зданиях 8,1 миллиона печатных единиц. Насколько известно, в подобных масштабах массовая дезинфекция библиотечных фондов в мировой практике была проведена впервые. Данный метод по сравнению с существующим позволил сократить время обработки материалов, как минимум, с 1,5–2 лет до 30 суток. Он получил положительную оценку представителей ЮНЕСКО, ИФЛА, Международного совета по архивам, а также президиума АН СССР, который провел по этому поводу специальное выездное заседание в Ленинграде.

Следующий этап организационных работ – согласованная деятельность двух комиссий по установлению контактов с международными организациями, консультациям и экспертизе восстановительных работ; по подготовке и поэтапному открытию Библиотеки для читателей; по информированию коллектива и общественности о ситуации в БАН.

Если первое направление представляется логическим продолжением начатых работ, то последующие требуют пояснения.

Действительно, как обслуживать читателей после такого происшествия и должна ли библиотека функционировать вообще? Вопрос принципиальный. Сторонников закрытия Библиотеки в нашем коллективе было немало, о чем свидетельствовали и выступления в печати того времени. Но высказывались и другие мнения. Суть их заключалась в том, чтобы найти приемлемые в данной ситуации формы работы, например, показ новых поступлений, предоставление текущей периодики, через абонемент и т. д. Весомо и то, что в случае закрытия Библиотеки даже на несколько месяцев она может «задохнуться» как от новой литературы, так и присылаемой

для замены сгоревших и пострадавших изданий. После долгих дебатов обе комиссии приняли решение: открыть Библиотеку. Через месяц после пожара – 15 марта 1988 года она вновь распахнула свои двери и закрывалась только на период фумигации. Жизнь показала, что в конечном счете это решение было правильным.

Постепенно мы также пришли к выводу, что во избежание разного рода ложных слухов и вымыслов, с одной стороны, и для ответа на возникавшие у сотрудников вопросы – с другой, необходимо периодически информировать коллектив о ходе восстановительных работ. Было предложено не реже двух раз в год проводить общие собрания.

В процессе восстановительных работ пришло осознание того факта, что Библиотека уже не может жить той размеренной жизнью, какой жила до пожара. Не справиться ей со своими проблемами даже при значительной финансовой помощи извне.

Знаю, не упадет нам манна небесная – ни в рублях, ни в валюте. Но выход есть. Мы ведь обладаем огромным достоянием, о котором мало знают за рубежом. И в этом плане я вижу несколько способов заработать необходимые для Библиотеки средства, например: выпуск факсимильных изданий, публикация каталогов, организация выставок за рубежом. Надо уметь сотрудничать. Настала пора действовать, преодолевать существующие препоны.

На этом пути, ввиду кризисного состояния библиотечного дела в стране, особое значение приобретает международное сотрудничество по спасению одного из ценнейших книгохранилищ мира. Видами такого сотрудничества могут стать разработка и внедрение (под руководством Библиотеки конгресса) технологии фазовой консервации пострадавших фондов; создание (под эгидой ЮНЕСКО, ИФЛА, Международного совета по архивам, Библиотеки конгресса) международного центра по консервации и реставрации документов; организация страхового фонда наиболее ценных памятников культуры путем

микрофильмирования и микрофиширования изданий, а также подготовка и планомерное внедрение программы «Безопасность библиотек. Готовность к авариям».

Хочется от души поблагодарить коллектив Библиотеки, вынесший на своих, преимущественно женских, плечах основную тяжесть восстановительных работ, всех добровольных помощников – и ленинградцев, и жителей других городов страны (а их уже в первые месяцы после пожара оказалось свыше 12 тысяч!). Особые слова признательности – друзьям и коллегам из-за рубежа, которые восприняли нашу беду как свою.

Еще несколько лет назад сама идея организации подобно-го семинара в Ленинграде выглядела бы утопичной. Сегодня же мы сообщаем, заинтересованно обсуждаем профессиональные проблемы, ищем пути взаимовыгодного сотрудничества.

Если наш опыт окажется в чем-то полезен другим, мы вправе считать, что у такого сотрудничества есть будущее.

Опубликовано: В экстремальных условиях / В.П. Леонов // Библиотекарь. 1991. № 1. С. 9–13.

7.6. Сохранение знаний в библиотеках: уроки БАН

В предисловии к «Жизни Наполеона» Стендаль писал: *«Одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес»*¹. Это мнение великого романиста и сегодня остается справедливым.

Действительно, немногие этапы почти трехвековой истории Библиотеки Академии наук нуждаются в анализе так, как пожар 14–15 февраля 1988 г. Связанная с пожаром череда бурных событий (информация не об одном, а двух возгораниях, огромные потери, расследование, повторное возгорание спустя три месяца в сушильной камере Военно-медицинской академии, поиски виновных, помощь горожан, прекращение расследования за отсутствием виновных лиц, недоверие руководству Библиотеки) не завершилась для Библиотеки ожидаемой практической помощью со стороны государства, поскольку разразившийся вскоре кризис и последовавший за ним распад СССР обернулись для БАН утратой интереса со стороны властей, резким сокращением финансирования, усиленной текучестью кадров и другими негативными последствиями.

Каким должен быть анализ этих событий спустя 15 лет, может ли он быть объективным, когда та наша боль безвозвратно осталась в прошлом? Думаю, что нет, *«... не бывает так, чтобы все стало, как было»*². В этой фразе булгаковского Мастера выражена необратимость событий во времени, уже сама по себе в каком-то отношении исключаящая справедливость. Вместе с тем, личность не может стереть прошлое из своей памяти, оставаясь личностью.

Психологами подмечено, что есть два вида негативных моментов из восприятия прошлого. Первое – это когда человек идет вперед, и прошлое давит ему на затылок. Второе – когда человек оборачивается и оно бьет его в лицо. Задумаемся над

этим. Почему одному оно просто давит на затылок, а другого наотмашь бьет в лицо? Видимо, имеется в виду разная реакция разных людей на одно и тоже событие. Мне кажется, что я смогу проиллюстрировать эти виды влияния прошлого примерами из личного восприятия нашей жизни.

Вот воспоминания о БАН, связанные с событиями совсем недавнего прошлого. Первое взято мной из книги Л.З. Аксеновой³.

«Горел БАН – гордость Ленинграда, гордость страны. Полуголодные и нищие, спасали в свое время ленинградцы книги и рукописи, хранившиеся в библиотеке, не доедали, рисковали жизнью, увозили в эвакуацию, берегли от наводнений, расплачивались валютой, которую жалели на покупку зерна, берегли, как зеницу ока, получая для научной работы, понимали, что эти книги читали Ломоносов, Пушкин, Толстой...

Каждый считал эти книги своим достоянием – и тот, кто пользовался библиотекой Академии наук, и тот, кто без всякого интереса проходил мимо этого здания. Так человек устроен: стоит у него на полке томик Пушкина, и он годами в него не заглядывает. Но захотелось – открыл заветную страницу, и снова Пушкин со мной, потому что он мой, он часть моей жизни.

Антуан де Сент-Экзюпери надеялся: кому-то нужно, чтобы на небе зажигались звезды. То, что увидели мои современники, заставило их понять: кому-то нужно обратное – чтобы звезды погибали, чтобы огромная страна осталась без своей нетленной души...

Эти и другие мысли бродили в голове Иосифа Моисеевича, когда он сидел под лампой и прокладывал папиросной бумагой страницы каждой из двенадцати книг, спасенных во время пожара и выданных ему на просушку. Он был постоянным читателем БАН. Пожар тушили водой и пеной. То, что не сгорело, могло погибнуть потом. В считанные часы книги и рукописи надо было осторожно просушить. Вчера он

вложил листочки между страницами, сегодня вынимал и новые, сухие, вкладывал, вторые сутки спасая доверенные его рукам сокровища» (С. 56–58). Вот это для меня то прошлое, когда человек идет вперед, и оно давит ему на затылок.

Теперь другое впечатление о том времени, уже не читателя, а специалиста, приехавшего впервые в Ленинград зимой 1988 г. Его имя широко известно в библиотечно-информационной среде и не нуждается в комментариях – Жак Токатлян. В 2000 г. он опубликовал путевые заметки «Вокруг света с 80 миссиями»⁴.

Мое внимание сразу же привлекла глава, описывающая события в БАН, под многообещающим заголовком *«Ленинградская битва»* (С. 121–135). Читая внимательно эту главу, где много пространных рассуждений о русской душе, обычаях, напитках, закусках и агентах КГБ (из пятнадцати страниц текста полторы страницы от силы касаются БАН), я понял одно: Жаку Токатлян, как представителю ЮНЕСКО, очень препятствовали в получении объективной информации о пожаре. Переговоры проходили сложно и трудно. Только на третий день пребывания в Ленинграде ему удалось посетить Библиотеку Академии наук и лично оценить масштабы ущерба: *«... я увидел, что пожар нанес основной ущерб и его последствия достаточно серьезны»* (С. 130). И это все. Затем, как пишет Ж. Токатлян, общаясь с *«дюжиной официальных лиц»*, он договорился об организации лаборатории для сушки и наблюдениями за пострадавшими изданиями. Отдельно обсуждался вопрос о содействии ЮНЕСКО в поездке ленинградских библиотекарей и консерваторов за границу с целью ознакомления с зарубежными технологиями восстановления фондов. На этом миссия в БАН закончилась. В путевых заметках, кроме автора и четырех его парижских спутниц, приехавших с ним в Ленинград в качестве, видимо, туристов, мелькают еще три имени неизвестных сотрудников Библиотеки и Академии наук. Это Игорь Панушкин, названный Токатляном представителем БАН, некая Ольга Ананье-

ва – гид-переводчик и Татьяна Никитина – сотрудник партийных органов.

Заканчивается *«Ленинградская битва»* патетически. Несмотря на трудности, Токатлян доволен своей миссией, но в этот город он больше приезжать не хочет. *«Все хорошо, что хорошо кончается»*, – заключает автор почему-то не только на английском, но и по-французски. И, глядя на свое отражение в зеркале ванной комнаты гостиницы, мысленно произносит: *«Ленинградская битва закончилась»*. Затем поднимает вверх правую руку и добавляет: *«Я торжественно клянусь: никогда снова! Никогда!»* (С. 135). Как к этому отнестись, читатель? С юмором, следуя совету автора во введении к книге? У меня не получается...

Замечу, кстати, что месье Токатлян нарушил свою клятву. Очень скоро. Спустя три месяца он снова приехал в наш город, но уже в составе другой миссии. В нее, кроме Ж. Токатляна как руководителя отдела ЮНЕСКО по информационным программам и обслуживанию, входили: Ганс Питер Ге – президент ИФЛА, Шарль Кешкемети – исполнительный секретарь Международного совета по архивам и Виктор Монтвиллов – сотрудник отдела ЮНЕСКО. В течение 10–12 мая 1988 г. миссия посетила БАН, осмотрела, надев для безопасности противогазы, пострадавшие книгохранилища (в это время проводилась фумигация фондов и Библиотека для читателей была закрыта) и составила свое экспертное заключение. Тогда-то *впервые* я со всеми и встретился.

После отъезда миссии Т. Келлер, заместитель генерального директора ЮНЕСКО по общим программам и программам поддержки, написал председателю Президиума Ленинградского научного центра академику И.А. Глебову: *«Учитывая большой объем материала, подвергнутого воздействию воды и испарений, насчитывающего 3,6 млн. единиц, а также мудрое решение обработать еще 3,4 млн., которым угрожал грибок, следует отметить целесообразность и необходимость принятия таких чрезвычайных мер»*. Члены миссии

«были под сильным впечатлением от солидарности и решимости, с которой сотрудники Библиотеки и ее читатели, а также власти и население решали проблемы, связанные с восстановлением пострадавшей от пожара Библиотеки»⁵.

В этом тексте все четко и ясно – читай его хоть с чувством юмора или без него. Об этом визите в книге Токатляна нет ни слова, хотя, повторяю, она вышла в свет в 2000 г. Почему? Не знаю. Описанные им факты точны, но, говоря словами Н.В. Гоголя, *«ничего нет хуже правды, которая не правдива»⁶*. Вот это для меня есть тот вид прошлого, когда человек оборачивается и прошлое бьет наотмашь его в лицо. Думаю, что и не только меня одного.

В мировой библиотечной истории, наряду с множеством фактов о строительстве и открытии новых библиотек разного уровня, имеются и сведения об их разорении, разграблении и гибели. К сожалению, причин, по которым разрушаются библиотеки, довольно много. Китайский библиотекарь Ню Хун (545–610) – главный хранитель императорской библиотеки, анализируя реальный жизненный опыт, уже на заре седьмого столетия н. э. сумел выявить пять бедствий, постоянно грозящих библиотекам. Среди них первое место занимают гонения властей, второе – пожары, третье – наводнения, четвертое – смуты, и наконец, на последнем, пятом месте – войны⁷. Железная логика! И опыт БАН подтверждает это. Ни прибавить, ни убавить.

Напомню, что в пожаре 1988 г. Библиотека по результатам документальной проверки потеряла 298 961 экз. изданий.

Сегодня, по прошествии пятнадцати лет, какие уроки можно извлечь из нашего опыта по ликвидации его последствий? Вот некоторые результаты моих наблюдений.

Справиться с последствиями трагедии только «своими» силами невозможно. Библиотечная катастрофа носит глобальный характер.

Состояние шока при всей, казалось бы, готовности к любым неожиданностям неизбежно. Наибольший урон Библиотеке наносится в первые часы пожара.

Сразу после пожара следует приступить к внутреннему расследованию его причин и первичному определению нанесенного ущерба.

Следует не торопиться с поиском виновных (это дело не библиотекарей, а специальных служб) и сосредоточиться на оказании срочной помощи.

Для рациональной организации и контроля за спасательными и восстановительными работами создать постоянный штаб с привлечением специалистов необходимой квалификации.

Ежедневно информировать сотрудников и средства массовой информации о состоянии дел, стремясь к максимальной открытости и информированности о последствиях пожара.

Целенаправленно и без спешки обращаться за помощью к коллегам внутри страны и за рубежом. Разослать письма и пригласить профессионалов для экспертизы и оценки проводимых работ.

Помнить о том, что Библиотека предназначена для читателей и заботиться о поэтапном ее открытии.

Составить текущий и перспективный план восстановления хранилищ и фондов Библиотеки, начать документальную проверку утраченных изданий. Утвердить планы в вышестоящей организации. Масштаб и последствия пожара должны быть доступны для анализа и изучения и профессионалам, и читателям.

Наконец, человеческий фактор. Работы по ликвидации последствий пожара происходят не в вакууме, не в идеальной ситуации, а в реальной среде, где проявляются лучшие и не самые лучшие человеческие качества. Надо постоянно помнить о том, что всякая дестабилизация жизни крупной Библиотеки оживляет оппозицию. Для нее это благодатная почва для дискредитации руководства, жалоб на его некомпетентность, «разоблачения» в письмах в разные инстанции. Если оппозиция достаточно сильна, то итоги таких «разоблачений» могут иметь негативные последствия не только в самом начале восстановительных работ, но даже спустя несколько лет.

Так случилось у нас с двумя международными фондами: Фондом друзей БАН в ФРГ и Фондом русского зарубежья во Франции. Вот краткая их история. Летом 1988 г. немецкий антиквар и библиофил Детлев Ауверманн, узнав о пожаре, оказал БАН безвозмездную помощь в размере 100 тыс. немецких марок. Эти деньги стали материальной основой Фонда друзей, целью которого было оказание помощи в восполнении утраченной литературы из собрания К. Бэра. Президиум АН СССР своим решением одобрил этот шаг. За короткий период с помощью Д. Ауверманна мы приобрели комплекты периодических изданий, в том числе и таких выпусков, которых ранее в нашей Библиотеке не было. Президент Фонда несколько раз приезжал в Ленинград, встречался с руководством Научного центра, с академиком И.А. Глебовым, информировал о дальнейших планах, в частности, по факсимильному изданию «Радзивилловской летописи», финансировал зарубежные поездки по линии ИФЛА и т. п. Оппозиция строила свои обвинения на том, что антиквар и библиофил не может быть порядочным человеком и что у Ауверманна имеется сговор с руководством о продаже первого издания «Капитала» К. Маркса. Пошли письма, появились публикации, стали работать комиссии ЛНЦ и АН. Ничего не подтвердилось, но имя и репутация Президента фонда оказались скомпрометированными, работать стало намного сложнее. В конце 1998 г. Фонд друзей БАН прекратил свое существование.

Другой пример. В середине 90-х гг. в Париже установились тесные контакты Библиотеки с главой фирмы «Русский библиофил» А.В. Савиным. Савин, благодаря контактам с русской эмиграцией, собрал для БАН уникальную коллекцию книг и периодических изданий русского зарубежья. Я был одним из тех, кто сумел привезти, договорившись с нашим Аэрофлотом, эту литературу в Петербург. Так у нас появилась библиотека философа Л.А. Зандера. Некоторые сотрудники БАН ездили в Париж и продолжали работу по выявлению и отбору литературы. В 1995 г. фабрикируется «дело Леонова», в основу которого

положена его деятельность якобы по отправке А. Савину книг из фондов Библиотеки. Андрея Владимировича в Париже вызывали для дачи показаний. В 1999 г. контакты с «Русским библиофилом» прекратились. После тяжелой болезни А.В. Савин скончался.

Прошло три года. Сейчас у оппозиции на очереди Международная ассоциация библиофилов (МАБ). Напомню, что в 1994 г. БАН была одним из организаторов коллоквиума МАБ в Санкт-Петербурге. С ней установились рабочие контакты, у многих библиофилов есть списки наших книг, утраченных в феврале 1988 г. По их ходатайству БАН приняли в МАБ в качестве коллективного члена (редкий случай), мы получаем все материалы и публикации ассоциации. И опять, на этот раз совсем недавно, в конце 2002 г., «наверх» ушли первые сигналы о том, что директор Библиотеки готовит к отправке очередную партию книг за рубеж библиофилам.

Ну что тут сказать? У Вацлава Гавела я нашел статью «О природе ненависти», перепечатанную, кстати, в нашем академическом журнале «Химия и жизнь»⁸. Вот что он пишет: *«Когда я вспоминаю людей, которые меня ненавидели или ненавидят, то понимаю, что можно найти, хоть и весьма общее и неполное, но все же объяснение их ненависти. Прежде всего, такие люди никогда не бывают беззаботными, бездельными, пассивными, равнодушными, апатичными. Мне кажется, их ненависть – это выражение какой-то большой, непреходящей и, по сути, неутолимой мечты, какого-то томления и неисполнимого, в общем-то желания, какой-то отчаянной амбиции... Их словно мучит жажда бесконечного почитания, уважения, любви, и они вечно терзаются от того, что окружающие, мол, неблагодарны, непростительно к ним несправедливы и не только не почитают безмерно и не любят безумно, как должны бы, а просто ими пренебрегают... Как я замечаю, для ненавидящего сама ненависть важнее, чем ее объект, и он способен очень быстро менять жертвы, хотя в его отношении к ним от этого ничего не меняется. И это*

вполне понятно: он не вынашивает ненависти именно к данному человеку как таковому, просто данное лицо представляется ненавистнику совокупностью преград на его пути к... власти...».

Теперь о проблеме сохранения знаний. Речь пойдет о знаниях, содержащихся в книгах, журналах, т. е. о знаниях не в субъективном («я знаю», «я мыслю»), а в объективном смысле. Напомню в этой связи два мысленных эксперимента выдающегося философа XX в. Карла Поппера – автора концепции «Объективного знания»⁹.

Эксперимент 1. Предположим, что все наши машины и орудия труда разрушены, а также уничтожены все наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако библиотеки и наша способность учиться, усваивать их содержание выжили. Понятно, что после преодоления значительных трудностей наш мир может начать развиваться снова.

Эксперимент 2. Как и прежде, машины и орудия труда разрушены, уничтожены также и наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако на этот раз уничтожены и все библиотеки, так что наша способность учиться, используя книги, становится невозможной..., во втором случае возрождение нашей цивилизации не произойдет в течение многих тысячелетий».

Библиотека есть мир, космос, отраженный в опубликованных знаниях. Выход книги в свет знаменует начало ее жизни. Со временем она меняется. Книги физически стареют, изнашиваются и очень важно уловить момент, когда им необходима первая помощь. Живущие сегодня ответственны за то, чтобы их сохранить и передать будущим поколениям.

Научные знания, полученные в течение ушедшего времени и отраженные в библиотечных фондах, никогда не «сливаются» со знаниями, добытыми сегодня. Знания прошлого

сохраняют свою исходную ценность для реконструкции науки, обеспечивают ее преемственность. Эта исходная ценность знания должна стать решающим критерием для специалистов по их сохранению. Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить науку нашего периода и передать ее наследникам. Мы не имеем права выступать цензорами будущего и лишать читателей будущей возможности полного доступа к печатным текстам. Поэтому, чтобы быть надежными хранителями, мы должны стать изобретательными хранителями.

Итак, по каким же направлениям идет работа в БАН по сохранению знаний? Их пять:

- Восстановление пострадавших фондов.
- Фазовая (превентивная) консервация.
- Реставрация фондов.
- Повышение безопасности здания БАН.
- Консультативная и методическая помощь.

В заключение я хочу выразить благодарность сотрудникам БАН за самоотверженную работу по сохранению знаний, поблагодарить все организации и учреждения, сотрудничающие с нами в течение 15 лет. Ведь мы здесь для того, чтобы через знания узнать и понять, зачем мы здесь. Какая еще цель достойнее?

Бессмертие творений человека, запечатленных в книге, связано с бессмертием того мира, который эти книги воплощают. Благодаря чтению значение книг становится доступно нам, и мы, не ведая порой, кто их начертал, несем их смысл в самих себе. *«Книга, – говорил поэт Иосиф Бродский в Нобелевской лекции, – феномен антропологический, аналогичный по сути изобретению колеса..., книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью переворачиваемой страницы».*

И далее, рассуждая о значении чтения в человеческой истории, он утверждал: *«... положение, в котором искусство вообще и литература, в частности, являются в обществе достоянием (прерогативой) меньшинства, представляет-*

ся мне нездоровым и угрожающим. Я не призываю к замене государства библиотекой – хотя мысль эта неоднократно меня посещала – но я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому... Среди преступлений... наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей»¹⁰.

Примечания

¹ Стендаль. Собр. соч. в 15 т. Т. 11. М., 1959. С. 5.

² Булгаков М.А. Избранное: Мастер и Маргарита: Роман; Рассказы. М.: Худож. лит., 1988. С. 280.

³ Аксенова Л.З. На том свете: Роман. СПб., 2000. 320 с.

⁴ Tocatlían J.J. Around the World in Eighty Missions. Paris, 2000. 175 p.

⁵ Леонов В.П. Библиотечный синдром. СПб.: Облик, 1996. С. 159.

⁶ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 369.

⁷ Восточная коллекция. 2001. № 4 (7). 2-я с. обложки.

⁸ Гавел В. О природе ненависти // Химия и жизнь. 1992. № 11. С. 4–8.

⁹ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 381 с.

¹⁰ Бродский И. Нобелевская лекция. 1987 // Бродский И. Стихотворения. Таллинн: Ээсти раамат: Александра, 1991. С. 11–13.

Опубликовано: Сохранение знаний в библиотеках: уроки БАН / В.П. Леонов // Библиография. 2003. № 2. С. 3–8.

7.7. В окружении искажений: (как изучать историю Библиотеки РАН?)

Уважаемые коллеги! Прежде всего я хотел бы выразить благодарность организаторам конференции за предложение принять участие в Федоровских чтениях. Сегодня мы снова говорим об Иване Федорове. Не могу в этой связи не вспомнить один эпизод. В прошлую пятницу, 26 сентября 2003 г., во время проведения в Лондоне ежегодного собрания Международной ассоциации библиофилов (AIB), мы посетили библиотеку Ламбетского дворца. Ту самую библиотеку, которую в 1699 г. с миссией русского посольства посетил и царь Петр. Там на выставке редких книг я увидел одну из первых русских печатных книг – безвыходное широкошрифтное Четвероевангелие, изданное около 1564–1565 гг. Думаю, что не всем известно, что среди подарков, взятых за границу, находилась и эта книга. В аннотации к ней сказано, что к тому времени было известно о двух экземплярах. Уверен, что дар славянской книги архиепископу Кентерберийскому в Ламбете по-новому представляет русскую миссию в Англии. Именно в этой библиотеке Петр сказал: *«Я не думал, что на свете существует так много печатных книг»*.

Отвечая на реплику С.О. Шмидта о плохом состоянии отделов рукописей и редкой книги Библиотеки РАН, скажу, что это не соответствует действительности. Именно в этих отделах в течение последних лет мы подготовили к изданию описание рукописей из библиотеки Петра, выполненное И.Н. Лебедевой. Вышли работы Н.Ю. Бубнова по старообрядческой книге и Ф.В. Панченко по певческим рукописям. Эти авторы хорошо известны не только в Петербурге.

Федоровские чтения возвращают нас к истокам. В будущем году Библиотеке РАН исполняется 290 лет – 290 лет первому научному учреждению Санкт-Петербурга. Эти годы дают достаточно информации, но «мы ленивы и нелюбопытны», как

сказал Пушкин. Порой мы просто не хотим погружаться в прошлое.

Отмечу, что в истории библиотечного дела, как и в истории России вообще, один и тот же факт можно рассматривать с двух точек зрения: научной и идеологической. С научной точки зрения изучение истории библиотечного дела преследует цели выявления, накопления и пересмотра устоявшихся знаний по мере развития общества. С идеологической – описание библиотечных событий и фактов, их толкование во многом зависят от власти, и потому история библиотечного дела подвергалась искажениям и фальсификации. К примеру, говоря об Иване Федорове, мы очень редко связываем его время со временем царствования Ивана Грозного, забывая о том, что Иван Грозный был инициатором книгопечатания на Руси и образованным человеком. В той, ламбетской, аннотации, которую я упомянул, был еще и текст, что, якобы по велению царя, наборные доски были уничтожены. Не знаю, насколько это соответствует истине, это загадка для новых исследователей. Вообще зависимость от власти, которая искажала, фальсифицировала историю, мы никогда не сможем преодолеть, она существует всегда в той или иной степени. Сегодня ученые располагают богатым арсеналом знаний, которые нам ранее были недоступны. Мы разрабатываем новые подходы к их интерпретации. Хоть и медленно, но мы готовы распутывать эти идеологические загадки, накопившиеся за прошлые годы. Я очерчу лишь некоторые. Важно хотя бы приблизиться к пониманию прошлого.

Вот один из примеров. 1714 г. – основание императорской библиотеки Академии наук. В «Описании Санкт-Петербурга» А.И. Богданова (1751 г.) подчеркивается этот факт. Что из него следует? В многочисленной литературе, посвященной БАН, я не нашел интерпретации данного факта как проявления государственного интереса, интереса первого лица к основанию библиотеки. Если есть государственный интерес, то он позже проявится в полной мере. В этом смысле Библиотека РАН служит приме-

ром для изучения. Если обратиться к более ранней истории, то первым таким лицом я назвал бы Ярослава Мудрого – основателя библиотеки Киевской Софии.

Второй момент. Начиная с маленького объявления в петербургской газете «Ведомости» (1728 г., 26 ноября) о том, что новая государева библиотека открыта каждому, вход в которую «всякому свободен» два раза в неделю, отмечу, эти «два раза в неделю» совпадали со временем работы библиотек в Европе. Это важно для понимания начала истории библиотечного процесса.

Еще один момент. Известно, что существует определенное время от основания библиотеки до ее открытия. Оно занимает в среднем 15–20 лет. Что же касается БАН, то уже в 1716 г. имеются записи о первой выдаче книг читателям. Поэтому мы можем говорить о начале формирования правил библиографического описания. Тем самым создавались условия для того, чтобы через 25 лет появился первый печатный («Камерный») каталог и другие библиографические издания. Показательным представляется факт популярности библиотеки с первых лет ее существования. Начиная с 1728 г. (я собрал данные из газеты «С.-Петербургские ведомости»), было напечатано в ней множество заметок о посещении Библиотеки и Кунсткамеры знатными людьми. Даже Дидро, еще не увидев Петербург, в своей «Энциклопедии» в статье о библиотеках (1751 г., т. 2) целый абзац посвятил нашей петербургской Императорской библиотеке.

Теперь о загадках. Почему Екатерина II, объявив себя наследницей Петра, решила при наличии БАН, ее огромного фонда, накопившегося за 80 лет, основать Императорскую публичную библиотеку? Загадка для современников осталась загадкой и для нас, и, по-видимому, так и останется неразгаданной. Это событие было документировано полно и тщательно многими его очевидцами и участниками. Но чем дальше уходит событие в прошлое, тем больше гипотез и легенд создается вокруг него. БАН оставалась верной служению науке,

вся ее деятельность была направлена на это. Возможно, академики и библиотекари не помышляли об ином.

При сравнении научного и культурного окружения библиотек того времени на первое место выходит фактор среды и его влияние на их развитие. А в этой среде вокруг новой Императорской библиотеки с самого начала, с 1814 г., формировались новые научные и культурные традиции, органично сочетавшиеся с идеологией публичной библиотеки, чего не было в академической среде. Эти традиции получили дальнейшее развитие в Москве, когда в 1862 г. стало известно о новой библиотеке публичного Румянцевского музея. Но я думаю, что дело не только в среде.

Вторая загадка. Перенесемся в 1934 год. Решение Советского правительства о переезде Академии наук в Москву. Долго не соглашается на переезд ее президент А.П. Карпинский. И тем не менее Академия переезжает. Происходит разъединение «души и тела»: главная библиотека остается в Ленинграде, аппарат и руководство – в Москве. Через два года создается библиотечная комиссия, которую возглавил академик И.В. Гребенщиков. В 1937 г. В.Л. Комаров и Н.П. Горбунов от имени президиума Академии наук в Москве обращаются с проектом записки к В.М. Молотову, председателю СНК. На этом документе стоит гриф «Не подлежит оглашению». Он содержит согласие Академии наук в лице московского президиума на перевод БАН из Ленинграда в Москву. Новое здание Академии наук и БАН поручено проектировать архитектору А.В. Щусеву. Оно должно быть железобетонным, каркасным, с кирпичным заполнением, главный фасад облицован естественным камнем. Суммарный фонд новой БАН рассчитывался на 10 млн. томов. (В Ленинграде он составил к этому времени около пяти миллионов). На 12 июня 1942 г. планировалось открытие БАН в Москве на Крымском валу, однако война помешала осуществить этот замысел. Библиотека осталась в Ленинграде. С моей точки зрения, создание в 50-е – 70-е годы системы научно-исследовательских институтов – ВИНТИ, ИНИОН, БЕН в

значительной степени компенсировало отсутствие в Москве главной академической библиотеки.

Наконец, третья загадка. Почему среди академиков имеет место недооценка библиотековедения как фундаментальной научной дисциплины? Я считаю, что истоки этого отношения уходят далеко в историю Академии наук. С момента ее зарождения наша профессия воспринималась научным сообществом поверхностно. Начиная с середины XVIII столетия, после кончины Шумахера, это противостояние только усугублялось. Сегодня библиотечная наука развивается в основном в ВУЗах, которые готовят библиотечные кадры. Теоретические вопросы в академической среде не разрабатываются, методические не обсуждаются, проблемы комплектования не решаются.

Вот только некоторые следствия этого недопонимания. БАН по-прежнему остается ведомственной библиотекой, хотя по своему составу достойна быть в одном ряду с национальными. Несмотря на неоднократные обращения, она не имеет статуса объекта национального достояния. Самое печальное, что так искажается уже современная библиотечная история. А мне, ее директору, обидно за учреждение, которым я имею честь руководить вот уже в течение 16 лет.

Опубликовано: В окружении искажений: (как изучать историю Библиотеки РАН?) / В.П. Леонов // Федоровские чтения, 2003: материалы пленар. заседания (Москва, 1 окт. 2003 г.) / отв. ред. В.И. Васильев. М., 2004. С. 33–37.

7.8. «Академическое дело» 1929–1931 гг.

«Академическое дело» – начало массовых репрессий в стране, основанных на фальсифицированных обвинениях. Исследование материалов 70-летней давности никого не может оставить равнодушным. Соприкасаясь с документальными свидетельствами, испытываешь чувства от возмущения и досады до жалости и сочувствия. Потрясающая человеческая драма, оставившая неизгладимый след в судьбах обвиняемых, еще ждет своего всестороннего изучения¹. В ней сплетены в тесный клубок идеологические ловушки и научное бескорыстие, широта души и эгоизм, порядочность и беспринципность, основательность и неразумность.

Это – трагедия Академии наук, которая в прежнем виде уже более не существовала. Произошел *«один из тех разрывов, которые составляют несчастье русской жизни и мешают ей развить настоящую преемственность, какая одна и может явиться надежным залогом жизненного творчества»*².

Я отобрал некоторые из документов, датированные октябрем 1929 – началом января 1930 г., рассказывающие о переезде Академией и ее сотрудниками, а также о том, как все начиналось.

Документ № 1³

Телеграмма С.М. Кирова и Ю.П. Фигатнера
И.В. Сталину и Г.К. Орджоникидзе

20 октября 1929 г.

Из Ленинграда

НЕМЕДЛЕННО.

МОСКВА ЦК ВКП Т.Т. СТАЛИНУ И ОРДЖОНИКИДЗЕ.

По агентурным сведениям в не расшифрованном фонде⁴ библиотеки Академии наук имеются оригиналы отречения Николая и Михаила, архив ЦК эсеров, ЦК кадетов, митрополита Стадницкого, два свертка рукописей разгона Учредительного собрания, материалы об эмиграции в 1917 г., воззвание советской оппозиции в 1918 г. и другие материалы. Об этом знают

академики Ольденбург, Платонов и другие – всего пять человек. Есть основание предполагать также в архиве в Пушкинском доме, Толстовском музее и Археографической комиссии.

Считаем целесообразным следующий порядок изъятия: Сергею как Наркомом РКИ присылает на имя Фигатнера следующую телеграмму: «Предлагаю комиссии проверке аппарата Академии Наук лично ознакомиться фактическим содержанием материалов не расшифрованного фонда библиотеки Академии Наук, содержанием библиотеки и архивов Пушкинского дома, материалами Археографической комиссии и Толстовского музея. Материалы, имеющие историко-политическое значение, под личной Вашей ответственностью направить в Москву».

Необходимо учесть, что академики могут отрицать наличие этих архивов, мы источники наших сведений им никоим образом открыть не можем. Необходимо учесть созыв сессии Академии 28-го октября. Есть опасения уничтожения и похищения этих материалов. Изъятие этих материалов может дать некоторые новые нити.

Необходим срочный ответ не позже понедельника из опасения уничтожения или похищения материалов. Сообщите Ваше согласие привлечению технического выполнению этой операции под наблюдением комиссии Фигатнера ОГПУ.

КИРОВ И ФИГАТНЕР.

Документ № 2

Телеграмма Ю.П. Фигатнера и С.М. Кирова
И.В. Сталину и Г.К. Орджоникидзе

21 октября 1929 г.

из Ленинграда

НЕМЕДЛЕННО.

МОСКВА ЦК ВКП Т.Т. СТАЛИНУ, ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Агентурные сведения подтвердились. В нешифрованном фонде библиотеки Академии Наук найдено: оригинал отречения Николая и Михаила, архив: департамента полиции, третьего департамента, канцелярия Николая, охранки, ЦК эсеров, кадетов, митрополита Стадницкого, особого совещания при

Николае, военного министерства, казначейства, герцога Макленбург-Стрелицкого, 66 томов дневника Константина Романова – каждый том закрыт специальным замком. Все это опечатано и охрана поставлена. В Пушкинском доме семь ящиков архива шефа корпуса жандармов Джунковского, часть архива Константина Романова и так далее. В Пушкинском доме опечатано два помещения с материалами. В Археографической комиссии найдено: доклад Николаю о войне и большой архив князя Михаила Николаевича. Опечатан шкаф с материалами. Завтра приступаю к подробной описи документов. Есть основания предполагать, что не все еще выявлено. Сообщите, направлять ли материалы в Москву. Считаю целесообразным создание специальной правительственной комиссии из трех человек под председательством Фигатнера для расследования несдачи материалов Академией Наук, это может помочь нам вскрыть очень многое. Кандидатов в члены комиссии представим дополнительно. Ждем указаний.

ФИГАТНЕР, КИРОВ.

Документ № 3

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б)
от 25 октября 1929 г.

№ Пб/опр.с.

Строго секретно

Опросом членов ЦК от 22.X.29 г.

Слушали

23. Телеграммы т.т.

Фигатнера и Кирова от
20.X.29 г.

Постановили

23. Принять предложение

т. Орджоникидзе о создании,
согласно предложению т.т. Кирова
и Фигатнера, комиссии РКП
для приема дел и расследования
всего дела в составе т.т. Фигат-
нера (председатель), Петерса и
Агранова.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Колесо репрессий закрутилось. В январе 1930 г. были арестованы академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, в августе – М.К. Любавский. Началось следствие по делу «Всемирного союза борьбы за возрождение свободной России», повлекшее за собой новые аресты. К концу 1930 г. из 960 сотрудников Академии наук было уволено по чистке 648. По приговору 10 февраля 1931 г. 53 человека подлежали заключению в исправительно-трудовые лагеря на срок от трех до десяти лет. 10 мая 1931 г. были приговорены к расстрелу⁵:

1. Вержбицкий Юрий Александрович. Научный сотрудник АН СССР. Арестован 19 сентября 1930 г. Расстрелян 17 мая 1931 г.

2. Зиссерман Петр Иванович. Научный сотрудник Пушкинского Дома. Арестован 19 июня 1930 г. Расстрелян 17 мая 1931 г.

3. Купреянов Яков Павлович. Служащий книгохранилища АН. Арестован 30 июня 1930 г. Расстрелян 17 мая 1931 г.

4. Пузинский Владимир Францевич. Начальник военно-хозяйственного музея Штаба ЛенВО. Арестован 18 июля 1930 г. Расстрелян 17 мая 1931 г.

5. Путилов Алексей Сергеевич. Заведующий Архивом АН СССР. Арестован 15 февраля 1930 г. Расстрелян 17 мая 1931 г.

Десятилетние сроки лагерей получили 18 человек. 8 августа 1931 г. Коллегия ОГПУ вынесла приговор главным обвиняемым. Российские академики были отправлены в ссылку в разные города:

1. Платонов Сергей Федорович в г. Самару, где и умер 10 января 1933 г.

2. Тарле Евгений Викторович в г. Алма-Ату. В октябре 1932 г. освобожден и вернулся к научной и преподавательской деятельности.

3. Любавский Матвей Кузьмич в г. Уфу сроком на 5 лет, где и умер в 1936 г.

4. Лихачев Николай Петрович в г. Астрахань. Вернулся в Ленинград в 1933 г. Умер в 1936 г.

Из лагерей и ссылки вернулось менее половины осужденных.

Коренным образом изменилась и жизнь внутри Библиотеки Академии наук: арест ведущих сотрудников, массовые чистки и увольнения, разрушение сложившейся на протяжении двух веков совокупности книжных и рукописных фондов – все это помнили только участники и свидетели событий. Сопоставив сводный список обвиняемых, приведенный в книге В.С. Брачева, со списком сотрудников БАН, составленным С.А. Рышковой в 1928 г., я выделил в нем бановцев, прошедших по «Академическому делу». В моем списке таких имен оказалось 14:

1. Арнольди Алексей Александрович. Помощник библиотекаря II Отделения. Арестован 10 февраля 1931 г. Пять лет концлагерей.

2. Бородин Аркадий Владимирович. Библиотекарь I Отделения. Профессор. Бывший полковник. Арестован 10 февраля 1931 г. 10 лет лагерей.

3. Васенко Платон Григорьевич. Ученый хранитель Рукописного отделения. Арестован 17 февраля 1930 г. Осужден к высылке на Урал сроком на 5 лет. 22 февраля 1933 г. досрочно освобожден с запрещением проживания в Ленинграде и других крупных городах СССР.

4. Еремин Степан Антонович. Научный сотрудник Рукописного отделения. Арестован 23 октября 1929 г. Три года концлагерей.

5. Заозерский Алексей Иванович. Ученый хранитель Рукописного отделения. Арестован 7 марта 1929 г. Осужден 2 сентября 1929 г. на 5 лет лагерей (Соловки). 10 февраля 1931 г. приговорен к расстрелу с заменой 10 годами лагерей. Освобожден досрочно 22 мая 1932 г. и выслан на 3 года в Алма-Ату. С середины 30-х годов проживал в деревне Ярославской области.

6. Малов Алексей Федорович. Научный сотрудник Рукописного отделения. Арестован 14 ноября 1929 г. Приговорен 10 мая 1931 г. к расстрелу с заменой на 10 лет концлагерей.

7. Пилкин Сергей Константинович. Заведующий II Отделением. Арестован 9 декабря 1929 г. Приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей (г. Кемь). Умер в 1946 г.

8. Рождественский Сергей Васильевич. Помощник директора БАН. Член-корреспондент РАН. Арестован 1 декабря 1929 г. 5 лет ссылки в г. Томске, где и умер в 1934 г.

9. Розанов Сергей Павлович. Старший библиотекарь Рукописного отделения. Арестован 14 ноября 1930 г. 10 лет лагерей.

10. Серебрянский Николай Ильич. Научный сотрудник III Отделения. Профессор. Арестован 22 декабря 1930 г. 10 лет лагерей. Досрочно освобожден в 1932 г.

11. Скрибанович Федор Федорович. Старший ученый хранитель Рукописного отделения. Арестован 7 декабря 1929 г. 10 лет лагерей.

12. Фетисов Иван Иванович. Библиотекарь Рукописного отделения. Арестован 23 октября 1929 г. 3 года лагерей.

13. Шангин Мстислав Антонович. Библиотекарь II Отделения. Арестован 14 ноября 1930 г. 10 лет лагерей.

14. Энгельгардт Борис Михайлович. Научный сотрудник Рукописного отделения. Арестован 14 ноября 1930 г. 10 лет лагерей.

За разгромом ведущего кадрового состава Библиотеки последовало расформирование ее фондов. Больше всего пострадало Рукописное отделение. Как пишут авторы «Исторического очерка...», в начале 30-х годов *«была четко определена специфика Рукописного отделения как хранилища по преимуществу рукописных книг XII–XVIII вв. Этим определялся и характер дальнейшего комплектования его фондов. Если раньше сюда принимались... исторические материалы самого различного характера (архивы учреждений и общественных организаций, рукописи и бумаги академиков, сотрудников Академии наук и писателей, а также всевозможные литературные коллекции), то теперь Рукописное*

отделение ограничило рамки своего комплектования древнерусскими и славянскими рукописными книгами»⁶.

В 1931 г. Рукописное отделение передало в другие хранилища ставшие уже «непрофильными» для БАН материалы:

В Ленинградский отдел Центрального Государственного исторического архива – материалы Сената (431 связка), статистической переписи 1897 г. (62 связки), Главного военно-судного управления (1 связка) и Константинопольского императорского посольства.

В Ленинградское отделение Центрального исторического архива – рукописи собрания Аничкова дворца, бумаги А.П. Балосогло, бумаги Р.А. Друцкого-Подбереского, архив И.П. Липранди, бумаги П.А. Монтеверде, бумаги академика С.Ф. Ольденбурга, бумаги С.Н. Палаузова, архив семьи Струковых, бумаги П.И. Кутайсова, бумаги Н.К. Срединского, архив Кемского земского суда XVIII–XIX вв., неразобренные коллекции Г.С. Саркисова, М.И. Смельского и остатки архива Петербургского дворянского собрания.

В Киевский Центральный государственный архив передано 134 тома знаменитой Румянцевской описи Малороссии.

В Архив АН СССР – архивы и собрания академиков, поступившие в Библиотеку еще в XVIII–XIX вв., и материалы, например, по юбилейной выставке Библиотеки 1929 г., письма Даггера и Ньепса, фонд И.П. Кулибина, полученный Рукописным отделением из Государственного Исторического музея в Москве.

В Архив АН СССР – планы Петербурга, составленные архитектором Ж.Б.А. Леблоном (1717 г.) и М.И. Махаевым (1753 г.), планы постройки Гостиного двора за зданием Кунсткамеры.

В Архив АН СССР – собрание диалектологических материалов в количестве 570 ед. хр., а также материалы из архива академика Н.К. Никольского.

В Архив Института литературы АН СССР (с апреля 1931 по 1934 г.) – все автографы писателей XIX–XX вв., в том числе собрания автографов А.С. Пушкина, А.И. и Н.И. Тургеневых.

В Историко-археографический институт – материалы общеисторического характера, относящиеся преимущественно к феодально-крепостнической эпохе. Теперь они находятся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В 1931 г. в Институт был принят из Рукописного отделения огромный архив Воронцовых, в мае этого же года – архив Кашкиных, столбцы М.И. Семевского, Куростровские столбцы, копии с донесений нидерландских резидентов и другие архивные материалы.

В Историко-археографический институт – архив А.Д. Меншикова, архив Архангелогородской губернской канцелярии XVIII в., дела Московской управы благочиния и другие материалы.

В Институт востоковедения АН СССР в 1933 и 1934 г. – грузинские и армянские рукописи, а в апреле 1939 г. – 68 согдийских рукописей.

В Музей книги, документа и письма АН СССР – 130 единиц хранения: преимущественно грамоты, а также архивные материалы П.А. Валуева в 114 переплетенных томах.

В Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина – рукописи композитора Н.А. Римского-Корсакова и др.

За 1931 г. из Рукописного отделения передано было в другие учреждения 248 архивных собраний (включающих 28 тыс. ед. хр.) и 5 555 отдельных рукописей⁷.

После всего происшедшего специальная комиссия Главного архивного управления в 1939 г. повторно обследовала Рукописное отделение и с удовлетворением отметила, что теперь *«профиль комплектования Отделения стал вполне выдержанным»* и что *«хранение рукописей удовлетворяет всем современным требованиям»*⁸.

Перестройке подверглась вся работа Библиотеки. Суть заключалась в том, чтобы «превратить академическое хранилище в планомерно работающее научно-вспомогательное учреждение, активно участвующее в общей производственной работе Академии наук».

При новом директоре Иннокентии Ивановиче Яковкине сформировались четыре функциональных отдела: 1) Отдел приемки, инвентаризации и хранения с подотделами обработки обязательного экземпляра и хранения; 2) Отдел каталогизации; 3) Отдел научно-библиографический, реального каталога и комплектования; 4) Отдел выдачи.

Картографическое отделение было расформировано; создан новый Отдел особых фондов (редкой книги), куда из Рукописного отделения передали инкунабулы, книги гражданской печати XVIII в., а также собрание гравюр и эстампов.

На этом последствия «Академического дела» для БАН закончились. Одно дело плавно перешло в другое. Суть его, естественно, не менялась, но оно теперь неофициально называлось «Делом славистов», а известно было как «Российская национальная партия». Его жертвами стали такие видные ученые и специалисты: В.Н. Перетц, Г.А. Ильинский, Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров, П.Н. Сычев, П.Д. Барановский и наряду с ними музейные работники, краеведы, библиотекари. Среди арестованных по делу славистов проходили и два ведущих сотрудника БАН: С.А. Щеглова и А.Б. Никольская⁹.

Вернемся к «Академическому делу». Гриф секретности со следственных материалов по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» был снят лишь в начале июля 1992 г. после соответствующего Указа Президента Российской Федерации, однако еще в апреле 1992 г. дирекция Библиотеки Российской Академии наук обратилась к руководству Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и области с ходатайством о возможности изучить данные материалы в связи с подготовкой работ по истории БАН.

Разрешение было получено, и уже в ходе первоначального знакомства со всем корпусом текстов «Академического дела» стало очевидным его бесспорное информационное значение как ценнейшего источника не только по истории БАН и Акаде-

мии наук в целом, но и по истории страны. Закономерно возник вопрос о способах вовлечения документов «Академического дела» в научный оборот. Сразу же после снятия с них грифа секретности в здании Управления МБ РФ по Санкт-Петербургу и области («Большой Дом» на Литейном проспекте, 4) 31 июля 1992 г. состоялось совещание, в котором приняли участие вице-президент РАН, председатель Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН академик Ж.И. Алфёров, С.В. Степашин (в то время – руководитель Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области), начальник пресс-службы данного Управления Е.В. Лукин и директор БАН В.П. Леонов.

На совещании было принято решение об издании всех материалов следствия по «Академическому делу» без каких-либо изъятий как ценнейшего исторического памятника; издание должно было быть осуществлено силами Библиотеки Академии наук. В состав редакционной коллегии были также приглашены сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН академик Б.В. Ананьич, доктора исторических наук В.М. Панеях и А.Н. Цамутали.

Первое заседание редколлегии, на котором шла речь о принципах издания, состоялось 4 августа 1992 г., а уже в декабре 1993 г. первый выпуск «Академического дела», подготовленный издательством БАН, увидел свет.

Здесь необходимо подчеркнуть, что ранее подобных изданий не было. Публикация следственного дела без каких-либо изъятий документов и с максимально возможной полнотой вовлечения в научный оборот сопутствовавших следствию материалов не имеют прецедентов в археографии новейшего периода отечественной истории. Данное издание не преследует никакой иной цели, кроме изучения недоступных ранее исследователям документов. При подготовке материалов «Академического дела» мы всячески старались избежать любых субъективных оценочных суждений об описываемых событиях и людях, предпочитая излагать беспристрастным языком фактов.

Отмечу мемориальное, в буквальном смысле этого слова, значение предпринятого нами издания. Мне – директору Библиотеки Академии наук, пострадавшей 14–15 февраля 1988 г. от одного из самых опустошительных пожаров в истории книгохранилищ, очевидна необходимость сохранения уникальных памятников путем воспроизведения их в любой форме. Рукописи не горят только в известной цитате, но мы никогда не сможем узнать, какого объема исторической памяти лишили нас войны, революции и пожары XX в. Что же касается издаваемых нами материалов, то, как и весь основной массив архивного фонда ФСБ, они существуют в единственном экземпляре.

Правомерен вопрос и о том, обсуждался ли нравственный аспект данного издания. В частности, допустима ли публикация показаний, где один заведомо невиновный человек оговаривает другого заведомо невиновного человека? Этот вопрос рассматривался на самом первом заседании редколлегии, где и было решено публиковать следственное дело целиком, без каких-либо изъятий, – в противном случае публикация потеряла бы значение исторического источника. Почти все привлеченные по «Академическому делу» были вынуждены давать не соответствующие действительности показания против других лиц и сами оговаривались с их стороны. Эта совокупность инспирированной следователями лжи и составляет основу дела.

В предисловии к первому выпуску подробно говорится о том, в каких условиях создавались эти тексты, и вряд ли кто-либо из читателей возьмет на себя грех осудить привлеченных по «Академическому делу». Напротив, как мне кажется, публикация всех сохранившихся документов должна положить конец рассуждениям тех, кто понаслышке знаком с этой трагической страницей нашей истории, – кто кого оговорил и кто из обвиняемых в какой степени виновен в том, что в большей или меньшей мере шел на поводу у следователей. Подобные рассуждения безнравственны. В настоящее время ни одного из участников «Академического дела» – ни палачей,

ни их жертв – нет в живых, более того, по неумолимой логике событий в конце 1930-х годов палачи сами разделили участь своих жертв.

После выхода первых двух выпусков «Академического дела» членам редколлегии и готовившим издание исследователям пришлось беседовать с людьми самых разных убеждений, прочитавшими эту книгу, – ни у кого из них «иллюзии действительного существования контрреволюционного заговора» не возникло. Нам кажется, что не стоит заранее принижать способности гипотетического «неосведомленного читателя» к критическому суждению. Вряд ли современный читатель, в руки которого попадет это малотиражное научное издание, отнесется к нему либо как к занимательному чтению, либо как к достоверному историческому источнику.

Напомню еще раз: первоначально, не имея подобного издания даже в замыслах, к «Академическому делу» мы обратились в поисках сведений по истории Библиотеки Академии наук 1920-х годов и были поражены их богатством по данной тематике. Среди этого интереснейшего и зачастую уникального материала особую ценность представляют биографические сведения о ряде наших сотрудников, а также материалы комиссии по обследованию БАН в 1929–1930-х годах. Отказаться от вовлечения их в научный оборот мы не вправе: в этом видим наш долг перед памятью предшественников и перед будущими поколениями сотрудников БАН. Собрать драгоценные крупинки исторических фактов, относящихся к прошлому нашей Библиотеки, ее сотрудники всегда считали своим нравственным долгом.

И последнее – о комментарии к публикуемым выпускам и каким он должен быть. Необходимость комментария сомнений не вызывает, но формы его должны быть соотнесены, во-первых, со здравым смыслом и, во-вторых, с архитектурной издательства в целом, а также с объемом и реальными сроками выхода в свет всех выпусков. Традиционный комментарий, включающий в себя совокупность примечаний, едва ли возмо-

жен для сопровождения каждого документа настоящего издания. Что же касается комментария реального, то он обусловлен прежде всего степенью фактографической достоверности текста. Мнения членов редколлегии и рецензентов по данному вопросу совпадают. Лишь после того, как весь текст документов «Академического дела» будет введен нами в научный оборот, появится реальная возможность в сжатые сроки создать удобный для пользователя комментарий ко всем выпускам, о принципах построения которого говорилось выше. Отмечу, что по мере продвижения нашей работы по изданию «белового» текста следствия идет работа и по накоплению необходимого для публикации и комментирования «чернового» материала, сопутствовавшего «Академическому делу».

Предпринятые нами поиски в ряде архивов, в том числе и в ранее совершенно недоступном для исследователей Архиве Президента Российской Федерации (так называемые «особые папки»), позволили значительно расширить представления об истории и методике организации «Академического дела». Тем не менее и ведомственные архивы не всегда могут дать исчерпывающий ответ.

Несколько слов о том, какова структура каждого тома и издания в целом, а также об объеме и сроках выхода в свет. Каждый выпуск состоит из предисловия, биографического очерка, корпуса документов, приложений, именного указателя, оглавления. Всего к изданию намечено около 20 выпусков, куда полностью войдут 28 томов основного и дополнительных следственных производств «Академического дела». Вышедшие первые два выпуска посвящены С.Ф. Платонову и Е.В. Тарле. Выпуски с третьего по десятый составят материалы, относящиеся к остальным 27 сотрудникам, проходившим по основному производству. Выпуск 11 будет состоять из обвинительного заключения и материалов реабилитационного производства. Последующие выпуски будут посвящены лицам, проходившим по дополнительному производству «Академического дела». Последний выпуск предполагается в качестве итогового; он бу-

дет справочным к изданию в целом, в нем, в частности, будет помещен сводный именной аннотированный указатель.

Объем каждого выпуска составит не менее 25 учетно-издательских листов. Что же касается сроков, то мы постараемся выпускать не менее одного тома ежегодно, полностью собственными силами БАН. Разумеется, в наше беспокойное время трудно с уверенностью говорить о будущем, но данная исследовательская программа рассчитана примерно на пятнадцать лет.

Примечания

¹ См. об этом: Ростов А. [Сигрист С.В.] Дело четырех академиков // Память: Сб. ст. М., 1979. Вып. 4; Париж, 1981. С. 469–495; Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопр. истории. 1989. № 5. С. 117–129; Перченков Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235; «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 96–104; Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного отдела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1993. 296 с.; Леонов В.П. Академическое дело // Библиография. 1998. № 1. С. 85–94; Брачев В.С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997. 131 с. См. также рецензии: Дворниченко А.Ю., Панях В.М., Покровский Н.Н. // Отеч. история. 1998. № 3. С. 134–145; Потапова Н.Д. // Там же. 2000. № 2. С. 196–200.

² Карпинский А.П. Письмо А.В. Луначарскому от 24 марта 1918 г. // Документы по истории Академии наук СССР: 1917–1925 гг. Л., 1986. С. 38.

³ Документы № 1–3 опубликованы в журнале: Источник: Документы русской истории. 1997. № 3. С. 108–110.

⁴ Неучтенный (нешифрованный) фонд БАН представлял собой собрание частных библиотек, завещанных Академии наук бывшими владельцами, переданных на временное хранение или свезенных туда после октябрьского переворота.

Среди коллекций были, например, библиотеки Мраморного дворца, вел. кн. Елены Павловны, И.И. Срезневского, дворян Михалковых и многие другие. К 1924 г., когда силами 24 сотрудников начался разбор и каталогизация нешифрованного фонда, он исчислялся 1 369 640 единицами.

⁵ См. сводный список обвиняемых, приведенный в книге: Брачев В.С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997. С. 104–112.

⁶ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2: XIX–XX в. М.; Л., 1958. С. 52.

⁷ Там же. С. 53–54.

⁸ Там же. С. 60.

⁹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. редактор Н.И. Толстой. М., 1994. 285 с.

Опубликовано: «Академическое дело» 1929–1931 гг. / В.П. Леонов // Феномен Петербурга: труды 3-й Междунар. конф., сост. 20–24 авг. 2001 г. во Всерос. музее А.С. Пушкина / отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 2006. С. 514–525.

7.9. «...the University of Maryland gets into your soul»¹: Интервью с В.П. Леоновым о поездке (2013 г.)

«Я еще раз убедился, что мы на своем уровне, общаясь с коллегами, независимо от того, в какой стране мы живем, говоря на одном профессиональном языке, можем сделать гораздо больше, чем это могут сделать люди, занимающие более высокие должности» – так охарактеризовал в интервью директор Библиотеки Российской академии наук Валерий Павлович Леонов свой визит в Мэрилендский университет, который состоялся в апреле 2013 г. – 40 лет спустя после его участия в программе обменов в области образования и культуры между СССР и США по межправительственному соглашению. Это интервью, как и интервью с В.П. Леоновым о его стажировке в США в 1973/74 учебном году, опубликованное в марте 2012 г. на страницах журнала «Библиотечное дело», вошли в сборник документов и материалов «Поверх барьеров: Из истории российско-американского сотрудничества в области образования и культуры: Профессиональный опыт директора БАН В.П. Леонова» (составитель А.С. Крымская). Издание, приуроченное к 55-летию подписания Соглашения об обменах между СССР и США в области культуры, техники и образования и 95-летию основания Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, вышло в издательстве «Альфарет» в 2013 г. Предлагаем вниманию читателей интервью с В.П. Леоновым по результатам его поездки в Мэриленд в апреле 2013 г.

Как Вас встретил Мэриленд 40 лет спустя?

Университет спустя 40 лет встретил меня очень тепло. Я надеялся, что встреча будет теплой, начиная от аэропорта и общения до приезда в Колледж Парк. Обстановка была очень хорошей, когда я увидел Лену Лукерт и ее коллег, с которыми

я общался в БАН в июне прошлого года, как будто это было вчера. Поразило, как они организовали мой визит. Хорошее расписание и, главное, сама обстановка, в которой все это происходило. Вот я захожу в библиотеку, висит огромный постер: «Библиотеки Мэрилендского университета представляют серию мероприятий с доктором Валерием Павловичем Леоновым, спустя 40 лет после стажировки он будет выступать 2, 3 и 4 апреля». На постере перечислены мероприятия с краткой аннотацией к каждому. Такая же информация транслировалась на дисплее бегущей строкой в библиотеке. Там я появился уже 2 апреля. 1 апреля я только прилетел. Устроился в замечательном отеле «Doubletree» в Silver Spring, который находится достаточно близко к университету.

Университет сильно изменился за эти годы?

Университет сейчас не узнать, он разросся. В нем обучается 37 тыс. студентов. Изменилась и библиотека. Здесь есть еще объективные причины. В 2011 г. было небольшое землетрясение и пришлось ее укреплять, перестраивать так, чтобы привести все в порядок. И они воспользовались этим, переоборудовали и перестроили внутри все, что нужно было. Внешне выглядит все так же, как и было, но сама начинка, так сказать, совершенно изменилась. Если я Вам скажу, что библиотека открыта 24 часа, Вы не поверите. Я даже сделал этот снимок «*Open all night*». Это удивляет, потому что в библиотеке полно студентов. В 8 утра все места уже заняты: и читальные залы, и места для индивидуальной работы. Причем в библиотеке используются как новые техника и технологии, так и традиционные каталоги. На книжных полках стоят справочные издания. Когда находишься внутри библиотеки, складывается такое впечатление, что все понимают, куда идти, что и как делать. Есть библиотекарь-консультант, который помогает, советует. Студенты свободно проходят в библиотеку, у них никто не спрашивает читательский билет, заходят – уходят, кушают, отдыхают. При этом каждый час идет постоянное слежение за безопасностью и сохранностью.

Что мне очень понравилось в библиотеке снова – это то, что остались комнаты для индивидуальной работы, в которых я занимался еще в 1973 г. Тогда, конечно, в этих комнатах не было компьютеров, стояла только пишущая машинка, лежала бумага, ручки и была небольшая полка для хранения 5–7 книг. Сейчас такие комнаты стали больше по размеру. Есть компьютеры, есть возможность пользоваться базами данных. Библиотека чем хороша для читателей? Те, кто в ней записан, имеют бесплатный доступ к базам данных, на которые библиотека подписана.

Удалось заглянуть в аудиторию? Как сейчас проходят занятия в университете?

Все сидят у компьютеров, преподаватель сидит тоже у компьютера, читает, поясняет. Студенты следят за этим на экране. Я не считаю, что это оптимальный вариант. Думаю, что когда вы используете общение не через экран, а *de visu* – это лучше. Ну, например, вы смотрите сейчас заседание правительства – каждый сидит и что-то пишет, какие-то записки, вы же не знаете, кто чем занимается. Но что поразило, на занятиях никаких мобильных телефонов, никаких выходов из аудитории. Дисциплина железная, как в самолете, когда просят отключить телефоны.

Очень хорошая система оповещения – о событиях, о лекциях. Я даже сделал снимки, касающиеся, например, моего пребывания. Один из главных снимков, это, конечно, снова отмечу, что библиотека открыта 24 часа в день. Когда я об этом рассказал в БАН, коллеги посмотрели на меня как на сумасшедшего. «Как 24?! Да не может быть! Вы шутите!» Когда я был на стажировке, она работала где-то до 3 часов ночи.

Что было в Вашем расписании?

Первая встреча касалась моей стажировки, моих впечатлений. Я удивился, что присутствовало более 50 человек.

Видели кого-нибудь из старых знакомых?

Да, на встречу пришли те, кто работал в университете в 70-е годы. Я узнал Джима Миллера – библиотекаря, которого помнил еще по 1973/74 учебному году.

В основном, конечно, присутствовали нынешние сотрудники. Интерес был обоюдный. С одной стороны, посмотреть на меня, как на человека, который когда-то учился в университете, а с другой стороны, что же он нам расскажет сейчас? Должен сказать, что я готовился к поездке и естественно все выступления и весь разговор были только на английском языке. Как я потом узнал, в целом мой английский оценили неплохо. Как сказал профессор Том Берри, за исключением нескольких ударений. Но это вполне понятно. У меня не возникало случая, чтобы имело место какое-то недопонимание. По правилам, которые существуют в американских университетах, приглашенный лектор должен быть обязательно представлен кем-нибудь из местного университета. Меня, в частности, представлял Михаил Долбилов, преподаватель исторического факультета Мэрилендского университета. Чувствовалось, что он внимательно изучил мой *background*, посмотрел и источники, и сайты, и мои публикации. Михаил Долбилов – выпускник Воронежского университета, работает в Мэриленде, по-моему, уже года три-четыре. Он меня представил перед аудиторией, а затем я вышел и стал рассказывать. Причем сразу же сказал, что это не научный доклад, не конференция, что я хочу окупнуться в атмосферу, которая была тогда в то время и поделиться своими впечатлениями и воспоминаниями.

Мне очень помог материал, который касался предыстории отношений Министерства высшего и среднего специального образования и IREX. То, как было организовано взаимодействие этих двух организаций, тогда, в 1970-е годы, мне представлялось очень разумным и правильным. Если страна тебя отправляет на стажировку и несет за тебя ответственность, ты обязан оправдать это доверие, итог должен быть плодотворным.

Я рассказывал, как мы появились в США, как мы обустроились, как нас принимали, как мы общались. Ведь тогда это были

годы холодной войны, но то, как нас приняли, эта атмосфера была хорошей. Я помню, тогда в Соединенных Штатах все бурлило. Это и отставка Р. Никсона, и окончание вьетнамской войны. Я помню, как выступала перед аудиторией Мэрилендского университета кинозвезда Джейн Фонда, вернувшаяся из Вьетнама. Мы слушали ее с интересом. Она так активно, и я бы сказал, даже иногда слишком активно, призывала прекратить эту войну, вернуться к нормальному состоянию. Иногда эти волнения передавались и нам, но нам они были в новинку, и мы – я и мой коллега Дмитрий Тигин – в этом не участвовали. Мы только наблюдали, впитывали в себя.

Когда дело дошло до рассказа уже непосредственно о самой стажировке, помню, я переключил проектор на слайды, касающиеся 1973/74 учебного года, по залу прошел такой восторженный ностальгический звук, потому что они узнали эти фотографии. Сейчас все выглядит по-другому. Я показал фотографии декана и преподавателей, рассказал об их манере чтения лекций, общении. Аудитория воспринимала это с пониманием, это не вызывало ни у кого какого-то неприятия. Когда я упомянул, что в библиотеке можно было поспать на ковре, по залу пронесся хохот, потому что сейчас там диваны, повсюду стоят автоматы – можно что-то купить.

Дагоберта Соргела, который был Вашим научным руководителем в 1973 г., видели?

Нет, Соргела не было. Но я о нем тоже рассказал, упомянул нашу совместную публикацию 1974 г. Она была процитирована позже в других работах, в частности, даже в 2008 г.²

Когда я называл имена Лоренса Хелприна, Пола Вассермана или Дональда Крафта, Клиффорда Фауста, Тома Берри, была позитивная реакция аудитории.

Какие вопросы звучали?

Вопросы были такие: что мне дала эта стажировка? Я рассказал, какие потом учебные курсы я разрабатывал в нашей стране. Ведь я привез 12 коробок материалов – мне помогли

их разбирать студенты. Первым и главным результатом стажировки было внедрение всего, что я узнал, в учебный процесс. Этого хватило только на 3–4 года. Тогда мне удалось привезти из США фасетный тезаурус по общественным наукам, который мы в те годы в НИСе только разрабатывали. ЛГИК это интересовало, чтобы не повторять то, что американцы уже прошли. Сама работа по анализу текстов потом вылилась в научно-исследовательскую работу с ВНИИ «Информэлектро», а закончилась моей докторской диссертацией, которая была защищена в 1987 г.

Их интересовало, приезжал ли я в Мэриленд? Я приезжал туда, когда был в Пенсильвании или Вашингтоне, в Йельском университете в 2003 г. Принимали ли мы кого-то из американских коллег? Персонально я не помню, но когда я стал работать в БАН, мэрилендская стажировка была для меня пропуском, чтобы преодолеть какие-то барьеры – я называл города, имена и это очень сближало. Это мне тоже очень помогло. Так же, как всегда, во время этой поездки в США, я постоянно ощущал, что за мной стоит наша великая библиотека. Мне очень хочется, чтобы было соединение академического и университетского библиотечного дела, посмотреть, в чем мы пересекаемся, в чем мы можем быть полезны друг другу. Эта тема-то глобальная! Она вызвала понимание у тех, с кем я общался. Иногда получалось, что я говорил, как я это вижу, а они соглашались. Тут, видимо, сказалась моя администраторская практика.

Меня также спрашивали, что я привез после стажировки. Когда я сказал о коллекции пластинок, все заулыбались, потому что сейчас винил снова возвращается, опять становится в моде.

Долго длилось Ваше выступление?

Первая лекция длилась где-то часа полтора, как минимум. После того как это все закончилось, был небольшой перерыв. Я осмотрел университет. Меня попросили еще раз выступить перед другой аудиторией – уже перед теми, кто изучает Рос-

сию, ее культуру, историю. Это были студенты, которые имеют степень бакалавра и готовятся к серьезным научным исследованиям. Мне пришлось это повторить уже в сокращенном виде, но я был очень доволен их реакцией. Сложилось ощущение, что они меня приняли, и я для них свой человек. В отель я вернулся достаточно поздно и, честно говоря, сразу пошел спать, потому что сказывалась разница во времени.

Какая была аудитория в первый день? Больше преподавателей или студентов?

Я бы сказал 50 на 50. А вот на второй лекции (*keynote lecture*), с которой я выступал 3 апреля, меня представляли уже мои коллеги по библиотечному колледжу с перечислением некоторых моих работ, указанием количества публикаций и т. д. На эту лекцию я также пригласил тех, с кем встречался накануне в первый день – преподавателей, которых я не знал, но которые работают и преподают в колледже. Они отвечали: «Да-да, мы придем». Начиналось все демократично, с легкого ланча с разговорами, выпили по чашке кофе.

Выступал я в специальном зале Маккелдинской библиотеки. Захожу, смотрю сидит Томас Берри, приехал специально из Балтимора. Затем вижу Кэролин Санг³ и Харольда Лайха из Библиотеки конгресса. Они приехали специально послушать эту лекцию. Потом вижу еще старых знакомых, которые были на первой лекции. В общем где-то процентов 70, кто ходил на лекции, были постоянными слушателями. Более того, они даже предлагали свою помощь: показать что-то, рассказать, чем я, естественно, воспользовался.

Чему была посвящена Ваша лекция?

В 16 часов меня представили перед выступлением. Лекция была построена по заказу Мэрилендского университета и касалась прошлого и настоящего библиотеки с точки зрения российского библиотековедения. Общение было достаточно продолжительным с показом слайдов и комментариями. Длилось около полутора часов, потом, естественно, возникали

вопросы, которые были очень интересными. Ведь я впервые там попытался представить библиотеку как живой организм, как тело, у которого есть душа. Знаете, когда я накануне своей поездки отправил текст этой лекции Тому Берри, он ответил: «Я никогда не рассматривал библиотеку как „живой организм“. У тебя пронизательные суждения, поэтому тебе не надо переживать о своей лекции». Так вот, эта душа должна быть едина, и нужно обращать внимание не только на то, что мы функционально изучаем некоторые разделы библиотековедения, а потом пытаемся это объединить, а посмотреть на это как бы сверху: что нам может дать психология, социология, что нам может дать информатика в этом плане, не то, что мы хотим у них, а то, что они могут дать как фундаментальные науки, как науки, входящие в структуру академических научных дисциплин. Потом по общению, по разговорам я понял, что они это позитивно восприняли. Я понял, что это не было пустое общение. Вообще американцы такой народ, если им неинтересно, вы их никакой манной кашей не заманите, они уйдут и все. Они найдут тысячу причин сказать: «*Sorry, I'm busy. Excuse me*» и все.

Главное, что я понял в ходе этого общения, что мы в теоретическом плане близки, вот то, что было тогда во время стажировки. Конечно, они ушли вперед с технологиями, они ушли вперед в хорошем смысле этого слова. В этом смысле они более приспособлены, более развиты к этому остались. Ведь библиотека Маккелдин по-прежнему является центром **всего** университета, хотя на каждом факультете есть своя библиотека, но именно Маккелдинская библиотека – ядро. Я помню, после первой лекции мы вышли на балкон в здании библиотеки, где открывается прекрасный вид на кампус, на черепашу, которая стоит перед входом в библиотеку – все идет из библиотеки, это все от нее.

На этой лекции присутствовали только представители библиотечного сообщества?

Нет, пришли также приглашенные со стороны. Организаторы этого мероприятия распространили информацию о нем по разным адресам. Пришли представители других факультетов. Забегая вперед, скажу, что в Мэрилендском университете в предпоследний день накануне моего отъезда было еще одно интересное мероприятие. У них есть центр культуры и искусств, который представлял программу мероприятий для преподавателей и студентов на будущий год. Позже мне Лена Лукерт сказала: «Знаете, они узнали, что Вы здесь и пригласили. Меня на эти мероприятия никогда не приглашали». Там я познакомился с президентом Мэрилендского университета.

Возвращаясь в тот день, хочу сказать, что вечер я провел с Томом Берри. Мы пошли в старый мэрилендский ресторан в Silver Spring. Поговорили о наших возможных новых встречах. Том собирается в этом году побывать в Украине, а в будущем году снова приедет в Санкт-Петербург. Кстати, когда в своем первом выступлении я показывал наши фотографии с Томом 40-летней давности и сейчас, это тоже вызвало положительные эмоции.

Приятно, что студенты, которые посещали БАН в июне 2012 г., подходили ко мне и говорили, что рады видеть меня в Мэриленде.

Вечером я решил посмотреть, где же Norwich Rd – где эта улица, где этот дом, в котором мы когда-то прожили почти год. Конечно, сегодня трудно узнать Колледж Парк за пределами кампуса, но мы нашли похожий дом и сделали несколько снимков. Меня сопровождала преподаватель Лили Грайнер.

В Вашей программе был просмотр фильма о пожаре в БАН.

Да, показ фильма состоялся 4 апреля. Очень сложный день. Но перед этим было несколько встреч. Первая встреча была с заместителем декана по учебной работе Гэрри Уайтом и касалась вопросов безопасности библиотек. На второй встрече мы обсудили возможности книгообмена БАН с Мэрилендским университетом. Поговорили о проведении семинара, о взаимо-

действии фундаментальной и университетской науки. Во время этой встречи прозвучала актуальная проблема: в погоне за технологиями библиотеки забыли о читателе, он остался один на один с собой.

Потом была интересная встреча со студентами-русистами – молодые ребята в возрасте 19–22 лет, бойкие такие, сразу включились в разговор. Они сервировали легкий фруктовый ланч, присутствовали их кураторы. Пришла даже дама из русского центра при Посольстве РФ в США. Кстати, когда в первом своем выступлении о стажировке (2 апреля) я затронул тему посольства, там был такой эпизод, что мы были приглашены на празднование Нового 1974 года в Посольство СССР в Вашингтоне на 16-й улице и нас тогда приветствовал посол СССР в США А.Ф. Добрынин. Так вот, после моего выступления ко мне подошел Михаил Долбилов, который меня представлял, и сказал: «Вы знаете, это то, чего сейчас нет». (Он имел в виду приглашение стажеров в Посольство СССР). А тогда в 1973 г. мы были в посольстве! Нас приглашали и на другие мероприятия. Мы не чувствовали себя одинокими. То есть страна заботилась о нас. Тем более, мы находились в часе езды до Вашингтона. Сейчас от Колледж Парка это еще короче, так как есть метро, через полчаса Вы уже у Капитолия и Белого дома.

Когда я встречался со студентами-русистами, один такой шустрый студент задал мне вопрос: «Не хотели ли Вы остаться в 1973 г. в США и не возвращаться в Советский Союз?» Меня удивила некая прямолинейность этого вопроса, но я ему попытался объяснить: «Вы знаете, у нас были совершенно другие цели. Меня послала страна, она потратила средства. Мы, как и американцы в Советском Союзе, находились на полном обеспечении, получали стипендию 200 долларов. Лично я не слышал, чтобы кто-то остался. Я должен был как бы отработать аванс, который был мне предоставлен. Мне только хотелось побольше посмотреть, поездить, а такая возможность существовала. Тогда мы побывали в шести штатах!» Я им рассказал смешную историю про Александрию, когда нам, как

русским, выдали сертификат на бесплатную парковку в центре города. Должен сказать, такие вещи, которые придумывают американцы, они практичны и здорово работают.

Студенты попросили меня прочитав что-нибудь на русском языке. Я, конечно, прочитал им А.С. Пушкина, отрывок из «Евгения Онегина». Они были очень удивлены, узнав, что Пушкин никогда не писал женщинам на русском языке. Язык-то был французский! Это их тоже очень удивило. Я спросил: «А что вы изучаете? Что вы читаете?» Прозвучали традиционные ответы: Достоевский, Толстой, Пушкин, Гоголь. Это, конечно, хорошо, но читать Пушкина и Гоголя на английском достаточно сложно. Наша встреча длилась около часа.

Вы с ними общались на русском языке или английском?

Я с ними общался и так, и так. Когда я чувствовал, что они не понимают русский, я переходил на английский. Иногда просил кого-то из кураторов помочь и объяснить студентам. Ведь у них разный уровень владения языком. Их объединяло только то, что все они учили русский язык. Мне понравилось, когда Том Берри сказал: «Ты знаешь, чем мне нравится ваш президент? Тем, что он сказал, что для всех, кто будет приезжать в Россию из других стран, знание русского языка обязательно. Нам так сейчас этого в Америке не хватает! Я его за это очень уважаю и ценю».

Приятно, что американские студенты учат русский язык, что у них есть к этому интерес. Они были рады пообщаться с человеком, который когда-то у них учился. Я благодарен моим организаторам за эту встречу.

Не спрашивали, почему они выбрали Россию в качестве объекта своего изучения?

Я не спрашивал. Это, кстати, хороший вопрос. Кого-то может фильм удивить, кто-то прочитал книгу или, например, вспомним достижения в сфере науки – ведь запуск Спутника в 1957 г. привлек невероятное внимание к Советскому Союзу.

Во второй половине дня состоялся просмотр фильма о пожаре 1988 года, который подготовила к 20-летию этого события Ника Стрижак на телеканале «Россия». Он длится 44 минуты, естественно, на русском языке. Меня представила библиотечка отдела консервации Карла Монтори. Я предложил сначала рассказать об этой трагедии. Присутствовало человек 60. Эта тема всегда волновала, продолжает волновать всех и сегодня. Ведь в свое время Америка тоже пережила пожар в Лос-Анджелесе в Публичной библиотеке за два года до нашего. Все эти катаклизмы (землетрясения, войны, пожары), когда гибнут книги и рукописи, оставляют зарубки в памяти. Мы договорились, что я немножко расскажу, назову ключевые имена, которые сыграли в пережитом значительную роль. Я вспомнил Арманда Хаммера, Институт консервации и фонд П. Гетти, Библиотеку конгресса и, конечно, Питера Уотерса. Приехали пять членов семьи Уотерсов, включая его супругу Шилу, двух сыновей Майкла и Джулиана, невестку Кэтти и внучку Ташу! Я с удовольствием их представил аудитории как людей, которые внесли большой вклад в восстановление БАН. Я имею в виду программу фазовой консервации, предложенную Питером Уотерсом, и технику, которую спроектировал его сын Майкл. Это было показано в самом фильме. Их очень тепло приняли и аплодировали. Хорошо приняли Кэролин Санг, Харольда Лайха из Библиотеки конгресса.

Какая была реакция аудитории на фильм?

Вы знаете, реакция была такой же, как и у нас: наступила тишина, была пауза. Бывают такие случаи, когда вы слушаете, например, шестую симфонию П. Чайковского, она заканчивается, и вы не можете сразу аплодировать. Проходит минута-полторы, пока дирижер не показывает, что оркестру можно подниматься, только тогда начинаются аплодисменты. Нечто подобное было и здесь. То есть от пережитого остался сильный осадок, хотя многие из них не понимают русскую речь, но тем не менее фильм произвел сильное воздействие на них. Около 40 минут я отвечал на самые разные вопросы. У меня

были данные по потерям, восстановлению, замене, фазовой консервации. Я отвечал на их языке о том, что удалось за это время сделать, как мы продолжаем работать. После этого был перерыв, и я пошел в отдел консервации, который есть в библиотеке университета. Мне было интересно посмотреть его, так как в БАН тоже существует отдел консервации уже 70 лет. В отделе консервации университета мне было очень легко, потому что когда я называл как пароль имена Питера Уотерса, Кеннета Харриса и других, тут уже было все понятно. Я увидел новый картон, который они сейчас производят, и новый гофр в этом картоне. Идет дальнейшее развитие технологии фазовой консервации. Я даже привез один контейнер сюда, чтобы посмотреть, сделать анализ. Потом долго ходил по самой библиотеке. Меня интересовало, как студенты сидят, как они читают, о чем друг с другом беседуют. Вы знаете, я позавидовал, по-хорошему позавидовал. Похожие чувства я испытал, когда был в Париже и по дороге в библиотеку увидел за полчаса до ее открытия метров на 50 очередь студентов, которые ждут, что библиотека откроется, и они туда зайдут. Я уже не говорю о том, что я видел в Амстердаме, когда утром уже тысячи велосипедов стоят перед входом в библиотеку.

Знаете, это мне сейчас напомнило фильм «Библиотекарь», когда в Нью-Йоркской публичной библиотеке объявлена вакансия библиотекаря, и на собеседование стоит огромная в несколько этажей очередь из кандидатов на эту должность.

Понимаю. В Америке они уже все растворились в самой библиотеке. Меня приятно удивила спокойная атмосфера, никто не кричит, не шумит, каждый занимается своим делом. Кто-то просто читает, кто-то пишет сочинение, кто-то занимается поиском в базах данных. Я ощутил эту ностальгию. Когда-то в 60-е – начале 70-х годов такое было у нас. Я помню, как сам стоял в очереди в библиотеку на наб. Фонтанки, 36, когда был студентом в Институте культуры, а затем аспирантом. Ведь тогда тоже было непросто попасть в библиотеку, это

была большая честь стать читателем Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина или Библиотеки Академии наук, хотя вроде и институт располагал хорошим фондом. Вы можете не читать, но то, что вы видите, – это уже как-то включает вас в общую атмосферу.

Кроме выступлений, обсуждались ли какие-то совместные проекты? Удалось что-то посетить?

Да, конечно. Я побывал в нескольких музеях. В Университете есть фонд редкой книги. Компактное хранение, вентиляционная система, система безопасности – все это меня интересовало. У нас было четыре деловые встречи. К сожалению, декан Пэт Стил заболела, но, тем не менее, нам удалось договориться о дальнейшей работе. Я считаю, что необходимо продолжать развитие наших отношений. Как это можно развивать? Я сделал такое предложение: в Санкт-Петербурге есть Университет культуры и искусств, Российская национальная библиотека, Библиотека Академии художеств, Библиотека Санкт-Петербургского государственного университета, БАН. Мы договорились на будущий год организовать совместный семинар. Приедет пять человек из США. Я уже с ними в принципе согласовал тематику выступлений. Меня интересуют вопросы безопасности, вопросы использования информационных технологий. Я бы хотел, чтобы они приехали и на эту тему выступили в БАН, Университете культуры, РНБ. И закончилось бы это подписанием некоего договора или соглашения о сотрудничестве. Мне бы не хотелось, почувствовав эту ностальгию спустя 40 лет, прервать отношения. Мне бы хотелось, чтобы это продолжалось дальше. Я готов взять на себя обязанность связаться с руководством наших библиотек и Университета культуры, чтобы они тоже участвовали. Наши гости познакомились бы с музеями и библиотеками Петербурга, и это осталось бы с ними навсегда. Вот, вы помните, как они писали свои впечатления о посещении Пушкинского дома, одной, второй, третьей библиотеки. Это остается в памяти.

Мы также говорили о том, что наши отношения можно развивать по двум направлениям: организовать стажировку для преподавателей – для тех, кто изучает российскую историю, российское библиотечное дело, и для студентов.

Валерий Павлович, удалось отдохнуть? Или Вы все время работали?

В пятницу я посетил Музей Холокоста в Вашингтоне. Ощущение жуткое! Вы себе не представляете, в 9 утра открывается музей, и в 9 утра в очереди стоят полторы тысячи человек! Вход туда бесплатный. Там проверяют так же, как в аэропортах. В музее сделана реконструкция концлагеря, напоминающая те времена. Вывеска «*Arbeit macht frei*» из Освенцима. Представлена обувь, женские волосы – все это они привезли из Освенцима. Это производит жуткое впечатление. Я, например, не знал, что в олимпийских играх 1936 г. Гитлер поставил условие: ни одного еврея не включать в олимпийскую команду Германии. Просто вдуматься, как было тяжело! В Музее есть очень хорошая библиотека. Заведующая библиотекой – симпатичная, деловая женщина. Она рассказала, как они занимаются оцифровкой, какие издания готовят, в том числе путеводители. Музей финансируется на 50% из бюджета страны, на 50% – из пожертвований. В этой поездке в Вашингтон меня сопровождали Стив Лукерт, куратор музея, и Бриджит Хендрикс, студентка, которая посещала БАН в июне 2012 г.

6 апреля по расписанию у меня был свободный день. Я провел его в доме Уотерсов в Пенсильвании. Я приехал где-то в половине одиннадцатого утра и уехал в десять вечера. Замечательное время! Пора цветения сакуры. Мы сидели на веранде, плюс 25 градусов! Воспоминания, общение, фильмы, фотографии – это все нас соединяло снова и снова. 19 мая – день рождения Питера, я уже отправил письмо его семье. Жена Питера Шила – молодец! Она продолжает работать. Чудный каллиграф, до сих пор в свои 84 года преподает каллиграфию.

А утром на следующий день в воскресенье был прощальный ланч. Я очень благодарен организаторам моей поездки, Мэрилендскому университету. Я понимал, что они подарили мне свой выходной день. Мы сфотографировались на память, очень тепло расстались. Я уезжал усталый, но довольный. Это было событие в жизни! Не знаю, кто бы так еще 40 лет спустя возвращался в родные пенаты. Мне говорили: «Валерий, вот это твой дом, чувствуй себя как дома». Лена Лукерт приглашала меня к себе домой на обед. По-моему, у них тоже было чувство удовлетворения от этой встречи.

Валерий Павлович, какое осталось общее впечатление от поездки в Мэриленд?

Хорошее. Вначале я, конечно, переживал, ведь прошло 40 лет. Переживал, вдруг какие-то конфликтные ситуации, которые возникали между нашими странами, особенно в последние годы, как-то повлекут за собой неуместные, провокационные вопросы. Ничего подобного! Я еще раз убедился, что мы на своем уровне, общаясь с коллегами, независимо от того, в какой стране мы живем, говоря на одном профессиональном языке, можем сделать гораздо больше, чем это могут сделать люди, занимающие более высокие должности.

Беседовала А.С. Крымская

Примечания

¹ В буклете Мэрилендского университета, посвященном его традициям, есть замечательные слова: «...the University of Maryland gets into your soul, and it's one of those places where a piece of your heart will always remain» – «Мэрилендский университет входит в вашу душу, и это одно из тех мест, где частичка вашего сердца останется навсегда».

² Müller I. Die Übersetzung von Abstracts aus translationswissenschaftlicher Sicht (Russisch-Deutsch-Englisch): eine Untersuchung am Beispiel von Abstracts aus russischen Fachzeitschriften zur Schweisstechnik und ihren Übersetzungen ins Deutsche und

Englische. Berlin: Frank & Timme, 2008: 375 S. (ссылки на с. 14, 33, 356).

³ В соавторстве с К. Санг и П. Уотерсом В.П. Леонов написал и опубликовал статью: Sung C., Leonov V.P., Waters P. Fire recovery at the Library of the Academy of sciences of the USSR // Amer. archivist. 1990. Vol. 53, № 2, spec. preservation iss. P. 298–312.

Опубликовано: «...the University of Maryland gets into your soul»: Интервью с В.П. Леоновым о поездке (2013 г.) / беседу вела А.С. Крымская // Библ. дѣло. 2014. № 12. С. 2–7.

7.10. Академик Ж.И. Алфёров и Библиотека Российской Академии наук (к 90-летию со дня рождения)

Жорес Иванович Алфёров (1930–2019) – выдающийся и всемирно известный ученый. Для многих в России и за рубежом он олицетворяет современную отечественную науку. Академик Алфёров – это планета! Вице-президент Российской Академии наук, председатель Санкт-Петербургского научного центра, депутат Государственной Думы РФ, Почетный гражданин Петербурга, ректор Академического университета РАН, декан Политехнического института, лауреат Ленинской и Государственных премий, генератор самых актуальных научных начинаний.

Высшим признанием заслуг ученого стало присуждение ему в 2000 г. Нобелевской премии в области физики за развитие полупроводниковых гетероструктур для высокоскоростной оптоэлектроники.

Масштаб его личности безграничен! Как крупный организатор науки он всегда подчеркивал, что Академия наук должна выступать главным экспертом в оценке эффективности и приоритетности государственных проектов и программ. Как блестящий пропагандист и популяризатор науки Алфёров во главу угла непременно ставил вопросы науки и образования – основы процветания России.

О личности академика Алфёрова, безусловно, будут написаны монографии и диссертационные исследования. Мне же хотелось в настоящей статье обратить внимание на малоизвестную сторону его деятельности в качестве куратора Библиотеки Российской Академии наук.

Так получилось, что главная библиотека Академии наук активно вошла в круг его обязанностей с начала 1990-х годов, спустя несколько лет после февральского пожара 1988 года. Жорес Иванович в это время стал руководителем Санкт-Пе-

тербургского научного центра РАН. Время было непростое. Помню свои первые общения с председателем Научного центра. Он внимательно все выслушивал, задавал конкретные вопросы, спрашивал, чем может помочь. Нередко сам приходил в БАН. Это вселяло надежду, за которой следовала реальная поддержка.

Особо следует отметить его заботу как вице-президента и куратора БАН о развитии материальной базы главного книгохранилища Академии наук. Сегодня можно совершенно определенно утверждать, что без его помощи и поддержки Библиотека не смогла бы получить в безвозмездное пользование участок земли на Васильевском острове для строительства второго корпуса. Он понимал, что Библиотека «задыхается» от тесноты и очень старался помочь. Этот процесс занял долгих три года переговоров, ходатайств и согласований между Президиумом РАН и Администрацией Санкт-Петербурга. В настоящее время стройка близится к завершению...

В первые годы восстановления Библиотеки после разрушительного пожара Ж.И. Алфёров активно поддержал наше международное сотрудничество. Помощь иностранных коллег и учреждений по восстановлению фондов оказалась бесценной. В частности, по приглашению М.А. Корсо, директора Института консервации им. П. Гетти в Лос-Анджелесе, Жорес Иванович, вылетев в США, принял непосредственное участие в обсуждении и подписании договора о сотрудничестве.

Повышению роли и значимости БАН в научной и образовательной деятельности способствовали лекции, прочитанные в Санкт-Петербургском академическом университете РАН. По традиции с лекциями для студентов и аспирантов университета приглашались выдающиеся деятели науки и культуры. Среди них были: Н.П. Бехтерева, Е.М. Примаков, К.Г. Скрябин, Ю.В. Гуляев, Б.П. Захарченя, А.П. Петров, М.Н. Кураев, Б.В. Спасский. Сегодня эти лекции изданы отдельной книгой¹. Жорес Иванович обязательно присутствовал на лекциях и открывал их вступительным словом.

Я имел честь четырежды выступить перед студенческой аудиторией лекторией. Приведу фрагменты одного из выступлений Ж.И. Алфёрова к лекции «Первая государственная научная библиотека России», которая состоялась 3 декабря 2004 года:

«Библиотека Академии наук имеет очень славную историю. Она, вообще говоря, старше Академии наук. Наша главная научная библиотека – Библиотека Академии, Санкт-Петербургская, Императорская, Российская, Академии наук СССР и снова Российской Академии – она старше Академии наук на десять лет. Мы недавно отмечали двести девяносто лет нашей главной научной Библиотеки.

И вот уже на протяжении семнадцати лет директором главной научной библиотеки России является Валерий Павлович Леонов. Он принял директорские обязанности в тяжелый, я бы даже сказал, трагический период работы Библиотеки. В Библиотеке случился пожар, который называли в то время (журналисты всегда придумывают массу названий) Чернобылем культуры, и много всяких других имен было по этому поводу. Действительно, это было трагическое событие, пожар был очень большой. И то, что Библиотека очень быстро вышла из этого тяжелого состояния, то, что потери нашей главной научной библиотеки были минимизированы, в этом огромная заслуга замечательного коллектива всей нашей главной научной Библиотеки.

С тех пор произошло очень много положительных изменений. При этом нужно иметь в виду, что время-то было тяжелое. В феврале 1988 года был пожар, а дальше, как говорится, реформы, отсутствие бюджета, огромные проблемы с коллективом. С коллективом эти проблемы решены, и сейчас все хорошо просто потому, что там работают энтузиасты своего дела и настоящие профессиональные библиотекари. Надо сказать, что благодаря нашей главной научной Библиотеке у нас и институты нормально работают. Потому что это не просто библиотека на Васильев-

ском острове, филиалы ее во всех наших основных институтах. Это просто подразделения нашей главной научной Библиотеки.

Я бы сказал, что мне все эти годы, поскольку распределение обязанностей в Президиуме Российской Академии наук таково, что я курирую нашу Библиотеку, мне в эти годы пришлось иметь много дел ... с сотрудниками. И я могу сказать, что, несмотря на все большие трудности, это сотрудничество всегда приносило мне большое удовлетворение. Потому что всегда приятно и радостно работать с людьми, увлеченными своим делом»².

Активное участие принимал Ж.И. Алфёров в изучении и публикации малоисследованных и труднодоступных материалов «Академического дела 1929–1931 гг.». Замысел их публикации возник в апреле 1992 г., когда Библиотеке Российской Академии наук по инициативе Управления Министерства безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области было передано около двух тысяч книг из библиотеки Дома предварительного заключения. В это же время в Библиотеке Российской Академии наук обсуждалась идея создания энциклопедического словаря «Библиотека Академии наук», в ряду персоналий словника которого присутствовал ряд выдающихся ученых, работавших в БАН и привлеченных по «Академическому делу»: директор Библиотеки академик С.Ф. Платонов, заместитель директора член-корреспондент С.В. Рождественский, ученый секретарь Ф.А. Мартинсон, сотрудники Библиотеки В.Г. Дружинин, Ф.И. Покровский, А.А. Сиверс, С.К. Пилкин и другие – всего 36 человек.

Ввиду отсутствия специальных исследований, посвященных «Академическому делу», руководство БАН обратилось к руководству Управления МБ РФ по Санкт-Петербургу и области с просьбой разрешить ознакомиться с хранящимися в архиве данного управления материалами, относящимися к этой теме. Такое разрешение было получено. В процессе работы с материалами стало очевидно, что без введения их в научный

оборот с достаточной полнотой едва ли будет возможно восстановить не только биографии отдельных лиц, но и историю развития российской науки 1920–1930-х гг. в целом.

В ходе совместного заседания, посвященного обсуждению данного вопроса, которое состоялось 31 июля 1992 г., и в котором приняли участие вице-президент Российской Академии наук председатель президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН академик Ж.И. Алфёров, начальник Управления МБ РФ по Санкт-Петербургу и области С.В. Степашин, директор Библиотеки Российской Академии наук профессор В.П. Леонов и начальник отдела внешних связей вышеназванного Управления Е.В. Лукин, было принято принципиальное решение об издании материалов следственного дела. Позднее в состав редколлегии были приглашены ведущие специалисты Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН член-корреспондент РАН Б.В. Ананьич и доктора исторических наук В.М. Панеях и А.Н. Цамутали. Для работы над данным изданием в Библиотеке Российской Академии наук была создана специальная рабочая группа в составе М.П. Лепехина, В.П. Захарова и Э.А. Фоминой³.

Подготовленный Библиотекой РАН первый выпуск материалов «Академического дела» вышел в свет спустя год после принятия решения об их издании.

Надо подчеркнуть, что изучение истории Академии наук и Библиотеки всегда входило в круг интересов Ж.И. Алфёрова. Помню, как внимательно он просматривал первый том «Летописи Библиотеки Российской Академии наук (1714–1900)», опубликованный в 2004 году. Книга произвела впечатление, и он написал Обращение к будущим читателям:

«Уважаемые читатели!

Вам предлагается книга в высшей степени интересная и полезная. В ней впервые в хронологической последовательности отражена история становления и развития первой государственной библиотеки в России. Летопись беспри-

страстно свидетельствует, что формированием Библиотеки Академии наук – БАН – (и это важно подчеркнуть) занимались первые лица государства, представители научной элиты и библиотекари-профессионалы. Поэтому библиотека была и национальной, и публичной, и научной.

Без книги нет науки. Библиотека изначально является главной исследовательской лабораторией Академии. Исходя из этого по инициативе академической Конференции устанавливались связи со старейшими научными центрами Европы и Америки, налаживались отношения с книготорговцами в столицах многих государств. В результате начавшегося международного книгообмена в Санкт-Петербург в начале 20-х годов XVIII столетия поступают уникальные научные сочинения, формируются бесценные коллекции. В БАН складываются свои особенные традиции, которые вот уже почти три столетия поддерживаются благодаря профессионализму сотрудников и компетентности руководства. И это несмотря на то, что Библиотеке пришлось пройти через войны, наводнения, пожары. В настоящее время, когда БАН переживает трудности, связанные со становлением нашего государства, она продолжает выполнять свой долг – пополнять и сохранять документальную память человечества и предоставлять свои издания читателям.

Я верю в развитие Науки и Библиотеки – у них одна судьба, и нам, ученым и библиотекарям, суждено всегда идти вместе»⁴.

Чтобы привлечь внимание ученых к БАН и библиотечной науке, Ж.И. Алфёров предложил в 1994 году обсудить на заседании Президиума СПбНЦ РАН мой доклад «О новой парадигме библиотековедения». Цель доклада была не в том, чтобы критиковать или отвергать традиционную парадигму, идеологически выдержанную, а доказать необратимость смены парадигм. Новая парадигма библиотековедения виделась созидающей, направленной на системное исследование библиотечно-библиографических процессов и библиотеки как со-

циального института. Доклад тогда вызвал живое обсуждение присутствующих и получил оценку как «чрезвычайно интересный». В Постановлении президиума были отмечены «актуальность и высокий научный уровень проводимых в Библиотеке исследований»⁵. Таким образом, сверхзадача, сформулированная Ж.И. Алфёровым, получила поддержку Президиума СПбНЦ РАН.

В памяти остался также другой доклад о деятельности Библиотеки РАН и о библиотековедении как фундаментальной науке, с которым я выступил в Москве 19 марта 2013 г. на заседании Президиума РАН. После доклада последовало выступление Ж.И. Алфёрова, который сказал много добрых слов в адрес нашей Библиотеки и проводимых ею исследований. И в первом, и во втором случае – это был прецедент, потому что проблемы библиотечной науки в академической среде никогда ранее не рассматривались. Вряд ли это могло состояться, если бы не внимание куратора БАН Ж.И. Алфёрова.

И еще в этом контексте очень важный аспект: поддержка Ж.И. Алфёрова в создании в нашей Библиотеке Совета по защите кандидатских диссертаций по специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение», который работал с 1998 по 2007 г. За девять лет более двадцати человек защитили кандидатские диссертации. Это был первый подобный совет в истории специальных научных библиотек. Путевку в научный мир получили лидеры библиотечного дела.

Открытостью, отзывчивостью, демократичностью к сотрудникам БАН академик Ж.И. Алфёров снискал большое уважение нашего коллектива. Мои коллеги с горячим желанием и ответственностью готовили в Библиотеке и Научном центре развернутые выставки к его юбилеям, а также памятным датам науки. Выставки пользовались большой популярностью. Я был горд за своих коллег, профессионализма им было не занимать!

Библиографы БАН (Е.И. Ванягина, Т.В. Кульматова, М.Ф. Парыгина) подготовили к 80-летию Ж.И. Алфёрова фун-

даментальный библиографический указатель его трудов, который был издан в 2010 году в известной серии «Материалы к биобиблиографии ученых»⁶. Указатель включил в общей сложности около 1080 названий, отразив не только научные публикации, но и авторские свидетельства и патенты, научно-популярные и публицистические книги и статьи. Кроме того, в указатель вошли публикации Ж.И. Алфёрова, посвященные многочисленным юбилеям и памятным датам, и статьи, отражающие научно-организационную деятельность. Указатель станет незаменимым справочником для тех, кто будет изучать творческое наследие академика Ж.И. Алфёрова.

* * *

В заключение несколько слов о неформальной встрече с Жоресом Ивановичем, которая случилась в декабре 2016 года, когда мы оба по причине нездоровья оказались в больнице РАН. В течение трех дней мы неспешно обсуждали настоящее и будущее БАН, а также многие другие научные и житейские проблемы. Конечно, затронули реформу Академии наук, которую он переживал с большой горечью. Я еще и еще раз убедился, что это – Великий Человек с уникальной судьбой...

Яркий, талантливый, позитивный, с незаурядным чувством юмора, академик Жорес Иванович Алфёров оставил неизгладимый след не только в истории науки, но и в памяти каждого, кто имел счастье с ним общаться.

Примечания

¹ Наука и культура: избранные лекции / сост. Ю.В. Трушин. СПб.: БАН, 2009. 208 с.

² Леонов В.П. Первая государственная научная библиотека России / вступ. слово Ж.И. Алфёрова // Наука и культура: избранные лекции / сост. Ю.В. Трушин. СПб.: БАН, 2009. С. 90–91.

³ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова: док. и материалы следств. дела, сфабрик. ОГПУ / Б-ка РАН. СПб., 1993. 296 с.

⁴ Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1: 1714–1900 / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головки. СПб., 2004. С. 1.

⁵ Леонов В.П. О новой парадигме библиотековедения // Библиотековедение. 1994. № 4. С. 31–46.

⁶ Жорес Иванович Алфёров / Рос. акад. наук; сост.: Е.И. Ванягина [и др.]; авт. вступ. ст.: Л.В. Келдыш [и др.]. М.: Наука, 2010. 363 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Физические науки; вып. 50).

Опубликовано: Академик Ж.И. Алфёров и Библиотека Российской Академии наук (к 90-летию со дня рождения) / В.П. Леонов // Науч. и техн. б-ки. 2020. № 6. С. 109–118.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ БИБЛИОФИЛОВ И БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

8.1. Международная ассоциация библиофилов (АИБ) как центр изучения мировой книжной культуры: опыт Библиотеки Академии наук

История МАБ начинается с 1959 г., когда библиофил Жан Фюрстенберг (Jean Furstenberg) и глава администрации Национальной библиотеки Франции Жюльен Кэн (Julien Cain, 1887–1974) вместе с библиофилами из Бельгии, Италии, Швейцарии, Испании, США приехали в Мюнхен по приглашению директора Баварской государственной библиотеки доктора Густава Хофманна (Gustav Hofmann) для обмена опытом и планами на будущее¹. Выбор места общения сам по себе знаменателен, поскольку Баварская библиотека, чьи истоки восходят к середине XVI в., сильно пострадала во время Второй мировой войны. В 1943–1945 гг. она потеряла четверть своих собраний. Идея собраться спустя 14 лет после трагедий, которые пережило человечество, заключалась в необходимости через прошлое заглянуть в будущее. Библиотека, книга, библиофильство представлялись собравшимся важной составляющей фундамента гуманизма, с которого может начинаться осмысление новой страницы истории книжной культуры.

Приведу фрагмент выступления премьер-министра Баварии Ханнса Зайделя (Hanns Seidel, 1901–1961)², который открывал первый конгресс: «... Конгресс библиофилов, участников которого со всей Германии и многих европейских стран мы можем сегодня приветствовать, выбрал столицу земли Баварии, пожалуй, намеренно. Мы воспринимаем этот выбор как почетное признание того значения, которое баварцы и особенно Мюнхен завоевали в книжном мире с начала появления книгопечатания, истории книги и смогли сохранить до наших дней. Повышенный интерес к хорошей книге является отраднейшим симптомом в наше небогатое обнадёживающими предзнаменованиями время. Настоящие коллекционеры проявляют себя не в возможности приобретения хороших вещей и ценностей на международных аукционах только по счетам в государственных банках, а скорее в поиске исчезнувших ценностей, стоимость которых измеряется не по международному курсу, а по оценке знатоков и собственному отношению коллекционера к своей находке. Еще одно необходимо отметить на открытии 1-го международного конгресса библиофилов. Любовь к прекрасным, ценным книгам не должна быть связана с национальными границами, а содержание книг в библиотеках читателей должно охватывать духовное и культурное богатство всех эпох, народов и стран. Таким образом, библиофилы всегда будут единой международной общиной. То, что они в первый раз встретились вместе на международном конгрессе, дает нам надежду, что объединяющая народы страсть в будущем будет развиваться еще эффективнее. Коллекционеры, по признанию известного коллекционера и библиофила Гете, счастливые люди!»³.

Первый сборник материалов конгресса МАБ, опубликованный в 1959 г., содержал 11 оригинальных статей, не считая вступительной статьи Х. Зайделя. В последующие годы с разной периодичностью выходили в свет сборники докладов. Заседание участников собрания в Мюнхене 29–31 мая 1959 г. еще не имело официального названия «Международная ассо-

циация библиофилов – AIB», но оно уже витало в воздухе. В 1961 г. эстафету Мюнхена подхватил Париж. В сентябре состоялась новая встреча.

Международная ассоциация библиофилов (МАБ) – Association Internationale de Bibliophilie (AIB), созданная в начале 60-х годов XX в. в Париже, объединила людей самых разных профессий: библиотекарей, издателей, собирателей редких книг, реставраторов, консерваторов, переплетчиков, бизнесменов, юристов, дипломатов. МАБ существует на членские взносы участников, ее численность не превышает 150 членов. С 1963 г. в Париже издается журнал «Bulletin du Bibliophile», который выходит два раза в год. Возглавляет Ассоциацию президент, а организационное руководство деятельностью осуществляет генеральный секретарь, проживающий, как правило, по месту регистрации штаб-квартиры в Париже. Обычно это специалист по редкой книге из Национальной библиотеки Франции. Общие мероприятия МАБ называются коллоквиумами или конгрессами (съездами). Проводятся они, за редким исключением, в осеннее время в течение 4–5 дней. Место проведения выбирается заранее, и программа тщательно готовится. Структурно она состоит из двух частей. Первая предполагает посещение библиотек, книжных выставок, издание каталогов, выступления со специальными докладами, а также свободное общение. Вторая часть отводится общекультурной программе – знакомство с городом, его достопримечательностями, пригородами, посещение музеев, концертных залов.

Библиотека РАН – член ассоциации с 1994 г., она стала организатором коллоквиума в Санкт-Петербурге. Это событие произошло благодаря выдающемуся ученому в области библиографии, палеографии, книжного переплета эпохи Возрождения, истории книги и рукописей, президенту МАБ Энтони Хобсону (1921–2014). В 2011 г. в свет вышла его книга «Воспоминания о конгрессах и коллоквиумах Международной ассоциации библиофилов»⁴. На обложке его книги перечислены 30 городов, начиная с Мюнхена (в 1959 г.), где проходили конгрессы и коллоквиумы библиофилов. Во многих из них он принимал активное участие.

Судьба подарила мне счастливую возможность познакомиться с Энтони Хобсоном в мае 1993 г. в стенах Библиотеки Российской академии наук (БАН) при обсуждении программы будущего коллоквиума в Санкт-Петербурге. Будучи президентом Международной ассоциации библиофилов (МАБ), он предложил мне стать одним из его организаторов.

Я с признательностью принял предложение. После разрушительного пожара 1988 г. предстоящее событие представлялось важным, прежде всего, для Библиотеки. Было острое желание показать международному библиофильскому сообществу уникальность Библиотеки Академии наук «изнутри», ее безграничные возможности, заинтересовать контактами по обмену дублетными изданиями с целью восполнения утраченного иностранного фонда. Во-вторых, такое событие мирового масштаба делало честь Санкт-Петербургу как культурной столице России. В-третьих, я по профессии библиотечкарь-библиограф, моими учителями были люди, которые искренне любили книгу, размышляли о ней, ее прошлом, настоящем и будущем, которые увлекались собиранием интересных фактов, мыслей, оригинальных высказываний, связанных с ней. Они высоко ценили библиофильство как камертон отношения к книге. По окончании нашей беседы уже как будущий стажер-организатор я получил предложение участвовать в очередном конгрессе МАБ в Мадриде. Как стало известно из мемуаров Э. Хобсона, это была его инициатива. Ее поддержал Карлос Ромеро де Лесеа (Carlos Romero de Lecea, 1910–1999) – организатор и руководитель мадридского конгресса⁵.

Так, в 1993 г. БАН стала первым российским участником конгрессов и коллоквиумов Международной ассоциации библиофилов. В качестве представителя БАН я участвовал в 11 коллоквиумах и конгрессах, которые проходили в 17 городах мира. Мой опыт участия в заседаниях МАБ позволяет утверждать, что они были и остаются в истории книжной культуры уникальным явлением, цель которого – ее сохранение и сбережение. Особо я хочу подчеркнуть, что это было не толь-

ко получение представления о деятельности МАБ, о книжных коллекциях стран, хранящихся в библиотеках и музеях, и, главное, у частных лиц. Участие в конгрессах и коллоквиумах МАБ дало возможность показать зарубежным библиофилам некоторые редкие собрания Библиотеки Российской академии наук, жизнь которой, как свидетельствует ее 300-летний опыт, неразрывно связана не только с историей России⁶.

Примечания

¹ См.: Erster internationaler Bibliophilen-Kongress. München, 29–31 Mai 1959. Ansprachen und Vorträge / hrsg. vom Berliner Bibliophilen Abend. Berlin: Berliner Bibliophilen Abend, 1961. 118 S.

² О нем см.: Ханнс Зайдель [Электронный ресурс] // Hanns Seidel Stiftung. Режим доступа: <http://www.hss.de/centralasia/ru/fond/hanns-seidel.html> (дата обращения: 16.01.2015). С 1955 г. Зайдель был избран председателем Христианско-Социального союза – партии Баварии. После его смерти был основан фонд, который носит имя Ханнса Зайделя – Hanns Seidel Stiftung.

³ Seidel H. Eröffnungsansprache // Erster Internationaler Bibliophilen Kongress. München, 29–31 Mai 1959. Ansprachen und Vorträge. Berlin: Berliner Bibliophilen Abend, 1961. S. 7–10. Перевод с немецкого с примечаниями Н.А. Ключонок (БАН).

⁴ Hobson A. Some memories of congresses & colloquia of the Association Internationale de Bibliophilie. Yorkshire: AIB, 2011. 111 p.

⁵ Там же. P. 69.

⁶ Леонов В.П. Международная ассоциация библиофилов (Association Internationale de Bibliophilie – AIB): Заметки о встречах на конгрессах и коллоквиумах / БАН. СПб.: БАН, 2015. 448 с.

Опубликовано: Международная ассоциация библиофилов (AIB) как центр изучения мировой книжной культуры: опыт Библиотеки Академии наук / В.П. Леонов // Научное и культурное взаимодействие в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 нояб. 2016 г.). М., 2016. С. 114–118.

8.2. Библиотечный Кейптаун: (по материалам коллоквиума Международной ассоциации библиофилов)

Библиотека РАН – член ассоциации с 1994 г., она стала организатором коллоквиума в Санкт-Петербурге. В качестве представителя БАН я участвовал в 11 коллоквиумах и конгрессах, которые проходили в 17 городах мира.

Учитывая, что в 2015 г. Всемирный библиотечный и информационный конгресс (ИФЛА) состоится в Кейптауне, мне показалось интересным рассказать коллегам о кейптаунском коллоквиуме МАБ, который проходил с 30 сентября по 3 октября 2002 г., и остался в памяти как яркое событие культурной жизни Южной Африки.

Вот краткая хроника тех дней.

На коллоквиум приехали 63 члена МАБ, в том числе 12 из Южной Африки. Знакомясь со списком участников, увидел, что более 20 гостей – мои старые друзья. Это и Дэвид Чемберс (David Chambers) из Лондона, Роланд и Мари-Эн Фолтер (Roland and Mary-Ann Folter) из Нью-Йорка, Роджер Стоддарт (Roger Stoddard) из Нью-Кастла, Андриана Фонтейн (Andrienne Fontainas) из Брюсселя, Конде де Оргаз (Conde de Orgaz) из Мадрида, Митсу Нита (Mitsuo Nitta) из Токио, – всех не перечислишь. Оргкомитет Кейптауна возглавил знаменитый библиофил Нил Ритчи, позже он познакомил меня со своим сыном Марком, с которым мы постоянно переписываемся.

На приеме у библиофилов я почувствовал, можно сказать, повышенное внимание к России. Был замечен живой интерес. Говорили хорошие слова о нашем городе Санкт-Петербурге, о коллоквиуме 1994 года, который в нем состоялся, о Библиотеке Академии наук. Местные библиофилы с удовольствием рассказывали мне, что около 300 русских участвовали в англо-бурской войне (1899–1902) против англичан (на стороне буров). Я этого не знал...

30 сентября, понедельник. Открытие коллоквиума в Центре книги. Очень интересное здание по архитектуре, построенное в европейском стиле. Огромный читальный зал и книжные полки на втором этаже, расположенные полукругом.

Профессор Кейптаунского университета Вивьен Бикфорд-Смит (Vivian Bickford-Smith) прочитала лекцию «Слова, войны и взгляд на мир: появление грамотности и книг в Южной Африке». Грамотность в Южной Африке – это результат сочетания военной силы, миссионерской деятельности, торговли и их влияние на культуру. Бикфорд-Смит рассказала о книгах и писателях, которые осуществляли этот процесс, в частности, о переводе произведений Шекспира Солом Плаатье (Sol Plaatje) на язык группы банту – тсвана, который распространен на юге Африки, и о потоке местных южноафриканских журналов, новелл и пьес, который сложился к началу XX века.

Потом нашему вниманию была предложена великолепная выставка всемирно известного издательства «Келмскотт-пресс». Его основателем был Уильям Моррис (William Morris) (1834–1896). Самое влиятельное частное издательство, которое создавалось в 1891 г. как «типографская авантюра», стало последним главным предприятием этого выдающегося дизайнера и восстановителя традиционных ремесел. Моррис уделял особое внимание качеству краски и бумаге ручной работы, хорошо продуманным шрифтам и иллюстрациям. Все это нашло отражение в выпуске 52 книг, которыми до сих пор везде восхищаются и коллекционируют. Спустя два года после смерти Морриса, в 1898 г., издательство было закрыто.

Напечатанные книги делятся на три категории: собственные работы Морриса, средневековые тексты и классика английской литературы.

Каталог выставки издательства «Келмскотт-пресс» включал 15 названий. Для примера назову некоторые из них:

1. Morris William, *The Wood Beyond the World*, 1894. 262 pp. Bound in limp vellum with silk ties. Stamped in gold on spine. Published: 350 paper copies; 8 vellum copies. [Моррис Уильям. *Лес*

за пределами мира, 1894. 262 с. Пергамен в мягком переплете (шелк). Тиснение золотыми буквами на корешке. Издано: 350 бумажных экземпляров; 8 – на веленовой бумаге].

2. Morris William, *A Dream of John Bull and a King's Lesson*, 1892. 124 pp. Bound in limp vellum with silk ties. Stamped in gold on spine. Published: 300 paper copies; 11 vellum copies. [Моррис Уильям. *Мечта Джона Буля и урок короля*, 1894. 124 с. Пергамен в мягком переплете (шелк). Тиснение золотыми буквами на корешке. Издано: 300 бумажных экземпляров; 11 – на веленовой бумаге].

3. Lull, Ramon, *The Order of Chivalry, and L'Ordene de Chevalerie* with a translation by Morris, 1893. 150 pp. Bound in limp vellum with silk ties. Stamped in gold on spine. Published: 225 paper copies; 10 vellum copies. [Льюль, Рамон, *Книга о рыцарском ордене* с переводом У. Морриса, 1893. 150 с. Пергамен в мягком переплете (шелк). Тиснение золотыми буквами на корешке. Издано: 225 бумажных экземпляров; 10 – на веленовой бумаге].

4. Tennyson, Alfred, Lord, *Maud*, 1893. 70 pp. Bound in limp vellum with silk ties. Stamped in gold on spine. Published: 500 paper copies; 5 vellum copies. [Теннисон Альфред, *Магдалина*, 1893. 70 с. Пергамен в мягком переплете (шелк). Тиснение золотыми буквами на корешке. Издано: 500 бумажных экземпляров; 5 – на веленовой бумаге].

Следующий раздел выставки – презентация южно-африканских экслибрисов из коллекции Е.М. Сандлера (E.M. Sandler). Самый ранний южно-африканский экслибрис, возможно, относится ко второй четверти XIX в. Экслибрисов, напоминавших о том веке, было немного. Скорее всего, они были изобретены и напечатаны в Европе. Из них некоторые принадлежали британским губернаторам в Кейптауне. Как это ни странно, губернатор сэр Джордж Грей (George Grey), наиболее заметный книжный благодетель той эпохи в Южной Африке, не имел экслибриса. Хотя в Кейптауне XIX века и существовало несколько известных частных библиотек, личный экслибрис стал знаком

местных книжных владельцев лишь к началу следующего столетия. Первые экслибрисы были главным образом гербовыми, сейчас фактически они являются редкостью.

Подготовленная для участников коллоквиума выставка представляла единственную частную коллекцию южно-африканских экслибрисов. Перечислю отдельные экслибрисы:

1. Ritchie, Neil. Ритчи Нил. Британский иностранный служащий. Библиограф и библиофил. Член МАБ. Художник экслибриса: Лида Киндерсли (Lida Kindersley) (Кэмбридж).

2. Botha, J.S.F. (Frikkie). Бота Фрикки. Дипломат, библиофил и редактор журнала Общества библиофилов в Кейптауне «Philibiblion». Почетный пожизненный президент Общества библиофилов в Кейптауне. Член МАБ. Художник экслибриса: Элсейб Шейди (Elsabe Schady).

3. Geary-Cooke, Richard. Гери-Коок Ричард. Капитан-лейтенант (Королевский морской флот). Бизнесмен и библиофил. Коллекционирует книги по ботанике и птицам. Член МАБ. Художник экслибриса: его жена Фей Андерсон (Fay Anderson). Коллекция из 16 рисунков южно-африканских птиц и диких растений из библиотеки Дика Гери-Коока (Dick Geary-Cooke) и его супруги Фей Андерсон (Fay Anderson) надолго задержала наше внимание. Каждый рисунок сопровождался краткой аннотацией о художнике.

Завершил первую часть дня доклад доктора Дональда Керра (Donald Kerr) из Новой Зеландии (Центральная городская библиотека Окленда) «Книги в готическом стиле и библии на языке хоса: коллекционная деятельность сэра Джорджа Грея в Южной Африке». Основываясь на двух документах, Керр рассказал о периоде жизни Грея, когда тот был губернатором колонии Кейптауна. Первый документ – письмо, написанное Греем в 1858 г. в адрес книготорговцев Томаса и Уильяма Бунов (Thomas and William Boone) в Лондон. Его содержание стало наглядным примером по развитию интереса к коллекционированию в регионе. Второй документ – дезидераты мест-

ных языковых материалов, напечатанные еще в 1855 г. Этот 12-страничный памфлет в форме брошюры, подготовленный Греем, был распространен среди официальных представителей церкви, миссионеров, исследователей, лингвистов и персонала армии и флота по всему африканскому континенту.

В 1861 г. Грей подарил свою первую коллекцию Кейптауну и вошел в историю как основатель библиофильской деятельности Южной Африки.

Вторая половина дня 30 сентября прошла в Национальной библиотеке. В приветствии директора Библиотеки Питера Лора (Peter Log) прозвучали очень важные слова о месте библиотеки в сохранении редких изданий и рукописей:

«На фундаменте библиофильства, любви к книгам были построены библиотеки. В то время как коллекционеры могли бы жить без институциональных библиотек, эти библиотеки не могли бы быть созданы, не будь коллекционеров. Это, конечно, относится и к Национальной библиотеке Южной Африки. Одна личная коллекция, коллекция фон Дессина (J.N. Von Dessin), первоначально была завещана голландской реформатской церкви в 1761 г. Она стала фундаментом публичной библиотеки и была передана ей в 1820 г. Эта библиотека стала основанием той, которая сейчас называется Национальной.

Библиотека служит для сохранения и поддержания своих коллекций не только в виде физических объектов, но также информации, знаний и памяти. Это открывает возможность для интерпретаций в зависимости от культурного контекста, новых интересов и акцентов. Таким образом, она предназначена для того, чтобы внести новый вклад. Библиотека содействует дальнейшему развитию знаний и росту книжной культуры в самом широком смысле.

Сегодня она выступает в роли организатора выставки некоторых самых ценных собраний для кейптаунского коллоквиума МАБ. Ценность представляется часто субъективным вопросом и чаще всего определяется соци-

ально-политическими соображениями, в зависимости от доминирующих проблем той или иной эпохи. Несмотря на то, что все коллекции Национальной библиотеки имеют ценность, в наших коллекциях есть такие единицы хранения, которые в этот период возобновления интереса к африканскому культурному наследию, воплощают гораздо больше, чем лишь фиксацию идей на бумаге. Они отражают положение и статус книг на протяжении веков, миграцию издательств и книг на наш континент, отношения между Европой и Южной Африкой, и изменение ценности, присущей ранним документам на африканском языке.

В контексте „владельца зеркала нации“ (ключевая роль Библиотеки) коллекция Грея также является важной в своем представлении ранних миссионерских импринтов материалов на африканском языке. Коллекция включает памфлеты и документы, опубликованные на южно-африканских миссионерских станциях, таких как Лавдейл, Маунткук и Куруман. Мы гордимся тем, что показываем образцы этих текстов в соответствии с нашим стремлением содействовать пониманию богатого документального наследия Южной Африки. Этот материал имеет большое значение для нового поколения южноафриканцев, которые хотят знать больше о том, откуда мы произошли, что сделало нас такими, как мы есть, и что формирует наше будущее»¹.

Гостям была предложена выставка, которая состояла из нескольких разделов:

1. Средневековые рукописи.
2. Сочинения эпохи Возрождения.
3. Инкунабулы.
4. Сочинения по филологии, издательства миссионеров и фольклор.
5. Специальные собрания по Западной и Восточной Африке, Австралии и Полинезии, Китаю, Америке.
6. Голландия в африканистике.

7. Южно-африканская политика, работоторговля.

8. Книги из коллекции Гордона Нурзе .

9. Книги из коллекции Иохима фон Дессина (Joachim Nicolaus von Dessin) (1704-1761) – немецкого резидента, чиновника и клерка на Мысе Доброй Надежды.

10. Коллекция библиофила Чарльза Феарбриджа (Charles Aken Fairbridge) (1824-1893).

11. Коллекция библиотеки Спрингбок.

Лекции и выставки первого дня оставили очень хорошее впечатление. Более того! Подобные материалы хотелось бы иметь в печатном виде, так как они содержат богатую и малоизвестную информацию. Из приветствий и лекций о грамотности в ЮАР четко прослеживалась мысль, что для местного населения книга однозначно важнее, чем компьютер.

Библиофилы Кейптауна подарили мне книгу, в которой русским мореплавателем и путешественником, вице-адмиралом, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук Василием Михайловичем Головинным (1776–1831) во время плавания на шлюпе «Диана» собраны факты о Кейптауне начала XIX в.

1 октября, вторник. Первую половину второго дня провели в Кейптаунском университете (University of Cape Town –UCT). Основан в 1829 г. Директор университетских библиотек Джоан Рапп (Joan Rapp) рассказала о сети библиотек, их истории и коллекциях. Так же, как и все современные библиотеки, библиотека Кейптаунского университета переходила в то время на современные цифровые технологии. Редкие книги, рукописи, произведения искусства и другие материалы специального характера, хранителями которых выступила библиотека Кейптаунского университета, формировали фундамент качественных исследований. Сотрудники, работавшие с этими материалами в XXI веке, соответствовали идеалу «ученого-библиотекаря» XIX–XX веков: образованные и знающие, профессионально обученные, независимые исследователи. Д. Рапп отметила, что профессионализм сотрудников библио-

теки постоянно поддерживается их участием в конференциях как в Южной Африке, так и за ее пределами. Результаты их исследований вносят весомый вклад в развитие библиофильства. Они касаются не только библиотечной тематики, но и затрагивают культуру средств массовой информации и даже детскую литературу (о чем мало кто знает).

Во время экскурсии по библиотеке университета еще раз убедился в том, что наша профессия нас объединяет, независимо от статуса страны и цвета кожи.

Особого внимания заслуживала небольшая подборка экспонатов из коллекции нобелевского лауреата 1907 г. Редьярда Киплинга (1865-1936). Основу этой коллекции сформировал Джон Скотт Иван Макгрегор (John Scott Ivan McGregor, 1887–1969) с важными дополнениями после того, как она поступила в университет. Киплинг, которого часто называют «поэтом империи», высказывал устойчивое мнение о том, что касалось британского господства за рубежом. У него были прочные связи с Южной Африкой. Он часто проводил время в коттедже «The Woolsack», построенном другом Киплинга Сесилем Родсом. Позже этот коттедж стал частью Кейптаунского университета.

Коллекция Джона Макгрегора включала более 2 000 томов – книги Киплинга и о нем, первые прижизненные издания, сборники избранных произведений, библиография. Вся коллекция каталогизирована, проанализирована и проаннотирована собственноручно Макгрегором. Как член общества Киплинга Макгрегор вел переписку с членами общества и просил у них экземпляры материалов, связанные с писателем.

Там же была представлена небольшая подборка курьезов: книга, переплетенная собачьей кожей; антипартеидные периодические издания, специально переплетенные в безобидные обложки для обмана властей; конверт с отметкой цензора времен англо-бурской войны; газета, напечатанная в условиях осады в городе Мафекинг в 1901 г.; рукопись проповеди в защиту участников Рейд Джеймсона и паспорта рабов.

Нам показали и некоторые документы об апартеиде: отчеты о чтении заключенных, их читательские билеты со штампами, письма Нельсона Манделы (очень хороший у него почерк), дневники Р. Киплинга. Книга «The Pencil of Nature» («Кисть природы») Фокса Тальбота (Fox Talbot) (Лондон, 1844–1846) – первая книга с фотоиллюстрациями (стоимостью 50 тыс. долларов).

Вторая половина дня 1 октября прошла в Замке Доброй Надежды (Castle of Good Hope). Нас встретил 92-летний библиофил, член МАБ Уолтер Мидделманн (Walter Middlemann). Он коллекционировал ботаническую литературу.

В оригинальной экспозиции Уолтера Мидделманна было представлено 40 ранних ботанических книг, описывающих капскую флору.

У. Мидделманн находился в зале, где располагались его книги и альбомы с иллюстрациями. Я подошел к нему. Мы познакомились и разговорились. После поездки в Японию, где БАН представляла ботанические коллекции К. Тунберга, Ф. Зибольда и Кейго Кавахары нам было о чем побеседовать.

После осмотра выставки Уолтера Мидделманна Николас Баркер (Nicolas Barker) (Лондон) выступил с докладом о леди Энн Барнард (Anne Barnard), ее дневниках и акварелях во время пребывания в Кейптауне. Энн Барнард (1750–1825) была дочерью графа Джеймса Линдсея (James Lindsay). Известна как автор шотландской баллады «Старый Робин Грей» («Auld Robin Gray»). Ее дневники – это картины в словах, а ее рисунки в равной степени живые комментарии о событиях жизни. По ним можно реконструировать жизнь в городе в 1800 г. (Три дневника с иллюстрациями, отреставрированные профессионалами, позволяют реконструировать часть ее жизни в 1800-е годы в Кейптауне).

2 октября, среда. Поездка в университет Штелленбош (Stellenbosch), где нас приветствовал ректор, профессор Крис Бринк, рассказав об уникальных коллекциях, подготовленных для участников коллоквиума: материалы, связанные с европейским открытием Южной Африки и с развитием африкаанс

как письменного и литературного языка. Здесь были и рукописи, и книги, и карты, и фотографии. Многие из них являются исключительной редкостью.

Выставка «Африканская коллекция в Библиотеке Дж.С. Герике» состояла из трех разделов. С 1894 года она насчитывала свыше 20 тыс. книг, которые включали редкие и текущие материалы об Африке южнее Сахары. Начавшись со скромной коллекции в читальном зале в Колледже Виктории в Штелленбош, она стремительно разрасталась в одну из самых замечательных южноафриканских коллекций.

Первый раздел – журналы о ранних путешествиях – включил 34 названия. Второй раздел выставки содержал сведения о картографическом фонде африканской коллекции. Последний, третий раздел объединил издания по развитию африкаанс как письменного и литературного языка.

3 октября, четверг. Посещение грота Шуур и библиотеки Сесилия Джона Родса (Cecil John Rhodes, 1853–1902), английского и южноафриканского политического деятеля, диктатора, инициатора английской колониальной экспансии в Южной Африке, основателя Фонда Родса.

Его библиотека размещена в гроте Шуур, резиденции, построенной для его семьи в 1893 г. по проекту сэра Герберта Бейкера (Herbert Baker), известного архитектора профсоюзных зданий в Претории. Особого внимания в библиотеке Родса заслуживает уникальная коллекция переводов на английский язык латинских и греческих текстов оксфордскими учеными. Они были заказаны Родсом, чей интерес к труду Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» вызвал потребность знакомства с работами, процитированными Гиббоном. После смерти Родса в 1902 г. его семья передала дом народу Южной Африки в качестве будущей резиденции премьер-министра страны. Подробная статья о содержании библиотеки появилась в январе 1994 г. в ежеквартальном журнале Общества библиофилов в Кейптауне «Philobiblon». В ней автор Аннет ван дер Хеевер (Annette van der Heever) написала о Родсе, его деятельности и собирании книг.

Впечатляет дом, где жил Родс, позже туда приезжал и Нельсон Мандела. В нем есть помещения для экскурсантов, а есть места, куда вход воспрещен, например, для осмотра ванной из цельного куска зеленого гранита весом в несколько тонн. Для участников коллоквиума было сделано исключение...

В Кейптауне Нил и Марк Ритчи пригласили меня подняться на фуникулере на Столовую гору. Зрелище неопишное! Твоему взору открывается место, где заканчивается африканский континент, где пересекаются Атлантический и Индийский океаны, откуда всего 6 тыс. километров с небольшим до Антарктиды. Сделал много снимков...

Остались приятные воспоминания от общения с ними, от посещения дома и великолепной библиотеки, которую Нилу удалось перевезти из Италии, где он жил до переезда в Кейптаун. В ней я увидел «Анатомию библиомании», изданную в Лондоне в начале 30-х годов прошлого века. Позднее мой друг, швейцарский библиофил Ганс Нойбауэр помог мне найти это первое издание, за что я ему очень благодарен. Книга редкая и актуальная сегодня². На память остались удивительные африканские сувениры, подаренные Нилом!

Закрытие коллоквиума произвело незабываемое впечатление. На большой общей фотографии мои друзья оставили свои автографы. Смотрю на них – и все было как будто вчера.

Примечания

¹ Lor P. Introduction // Association internationale de bibliophilie. Colloque (2002 ; Cape Town). Colloquium Capensis 2002: the catalogues a. papers of the colloquium. Cape Town: Intern. assoc. of bibliophiles, 2002. P. 24–25.

² Holbrook J. The anatomy of bibliomania. London: Faber & Faber Ltd., 1930. 668 p.

Опубликовано: Библиотечный Кейптаун: (по материалам коллоквиума Междунар. ассоц. библиофилов) / В.П. Леонов // Библиотековедение. 2015. № 3. С. 89–94.

8.3. Серендипность: О британском библиофиле К. Франклине

*Я не пишу своей биографии. Я к ней
обращаюсь, когда того требует другая.*

Б. Пастернак. «Охранная грамота»¹

Впервые с Колином Франклином мы встретились в 2002 году в Кейптауне на Международном коллоквиуме библиофилов. Нас познакомил мой друг – антиквар и книгопродавец Ганс Нойбауэр. Именно так, думалось мне, и должен выглядеть настоящий англичанин. Никаких особых эмоций на лице, полное спокойствие, не меняющийся голос: вопросы, ответы, открытость и ясность во взгляде, предрасположенность к диалогу. Позднее, в Йоханнесбурге, в доме библиофилов Миранды и Алана Фейнстайн я увидел некоторые его книги, подаренные Алану. По книгам нетрудно определить незаурядность человека. Мне тоже повезло: один из первых экземпляров монографии его сына Саймона «*Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*» Колин преподнес по случаю нашей встречи.

Потом были беседы в Венеции (накануне его 80-летия), в Санкт-Петербурге, в Лондоне, разговоры о библиофилах, авторах, издателях, библиотеках. Колин – прекрасный рассказчик. Сам того не замечая, он делал для меня удивительные открытия – это тот самый феномен, который Хорас Уолпол назвал *серендипностью*.

Вот некоторые примеры. На очередном коллоквиуме мы затронули тему о профессиональных качествах, которыми должен обладать библиограф и библиофил. Я предложил воспользоваться определением английского поэта-романтика XIX века Джона Китса (1795–1821) – «отрицательная способность»². Реакция Колина была мгновенной. Он сразу уловил смысл и привел несколько примеров. Потом на эту же тему мы обменялись письмами³.

Март 2006 года. По дороге домой, в предместье Оксфорда – Кулем, я рассказал ему о замысле новой книги, где, в частности, хотелось бы уделить место Маршаллу Маклюэну – автору «Галактики Гутенберга».

Услышав имя Маклюэна, Колин посмотрел на меня и, улыбувшись, произнес: «*The medium is the message*» (Это одна из ключевых формул «Галактики Гутенберга» – средство передачи сообщения само является сообщением).

Видя мое удивление и восхищение, Колин пояснил. В 60-е годы он работал в издательстве «Routledge», которое решило опубликовать некоторые разделы «*The Gutenberg Galaxy*», вышедшей в 1962 году в «University of Toronto Press». Для переговоров Колин прилетел в Торонто; сказывалась усталость после длительного перелета из Лондона, хотелось отдохнуть и ни о чем не думать. Вскоре в номере гостиницы раздался звонок: «Я – Маршалл Маклюэн, нам надо встретиться и поговорить». Тон был уверенный и категоричный. Колин попытался отказаться, тогда Маклюэн по телефону стал объяснять ему некоторые положения книги, особенно смысл формулы «*The medium is the message*». Колин молчал и только слушал. С тех пор эта фраза прочно осталась в его памяти. А я подумал о странных совпадениях: Маршалл Маклюэн, Колин Франклин и пишущий о послании Маклюэна в 2006 году.

Благодаря общению, за эти годы каждый из нас стал богаче. Я получил его интересные книги: «*Shakespeare Domesticated. The eighteen-century editions*» (1991); «*Exploring Japanese Books and Scrolls*» (1999). Две мои книги «*The Library Syndrome*» (1999) и «*Libraries in Russia: History of the Library of the Academy of Sciences from Peter the Great to Present*» (2005) теперь в его библиотеке⁴.

Особо хочу сказать о его дружбе с поэтом Евгением Евтушенко, в результате которой появилось редкое издание на русском языке, на бумаге, изготовленной вручную, тиражом 130 экземпляров, 100 из которых были подарены поэту, – «*A Choice of Poems by Yevgeny Yevtushenko*» (Culham, 1978).

Люди, подобные Колину Франклину, рождаются, чтобы украсить род человеческий и осветить какую-то часть мироздания. Колин, несомненно, посмеялся бы по поводу этих высоких слов, – вряд ли он ощущает себя «украшением». И, тем не менее, свет его жизни дошел до многих из нас и обогревает своим теплом и дружбой...

P.S. Колина Франклина не стало 17 мая 2020 года. Он покинул наш мир во сне после непродолжительной болезни (не Covid-19). Ему было 96 лет⁵.

Для новых поколений читателей, издателей и собирателей редких книг осталась его удивительная автобиография «Obsessions and confessions of a book life» (New Castle, Delaware: Oak Knoll Press, Books of Kells, and Bernard Quaritch, Ltd., 2012).

Примечания

¹ Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Пастернак Б.Л. Избр.: в 2-х т. Т. 2. Проза. Стихотворения. М., 1985. С. 146.

² В письме к своим братьям Джорджу и Томасу от 22 декабря 1817 года Китс рассуждает о формировании у писателя специального качества, которое служило бы залогом успеха будущих сочинений и называет его, выделяя курсивом, «*Negative Capability*». Отрицательной способностью, пишет Китс, в высочайшей степени обладал Шекспир, но известная мера необходима всякому поэту. Тот, кто ею наделен, способен пребывать в неопределенности, тайне, сомнении вместо того, чтобы нетерпеливо искать факты и разумные основания. Всякое ослабление отрицательной способности для поэзии – ущерб (см.: *The Letters of John Keats / ed. by H.B. Forman. London, 1895. P. 57*).

³ Эти письма и рассуждения Колина Франклина опубликованы в специальном сборнике, посвященном его 83-летию. По просьбе его супруги – Шарлотты – я написал для сборника за-

метку «Серендипность» (р. 35–37). См. об этом: Colin Franklin: Complete Bookman. London: BAS Printers, 2006. 141 p.

⁴ Письмо Колина Франклина о моей книге “Libraries in Russia: History of Library of the Academy of Sciences from Peter the Great to Present” (Munche: K.G. Saur, 2005. 245 p.) опубликовано в петербургском журнале “Библиотечное дело” (2005. № 9. С. 4).

⁵ In Memory of Colin Franklin 1923–2020 // Bodleian Libraries, University of Oxford. URL: <https://www.bodleian.ox.ac.uk/news/2020/may-19>.

Опубликовано: Serendipity / V. Leonov // Colin Franklin: complete bookman. Marlborough, 2006. P. 35–37. [О британском библиофиле К. ФранкLINE].

«ИЗ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ ВОСПОМИНАНИЙ...»

Памяти Владимира Александровича Филова (1930–2006)

20 октября 2006 г. ушел из жизни Владимир Александрович Филлов – крупнейший специалист в области хемобиокинетики, руководитель первой в России лаборатории онкофармакологии НИИ онкологии, директор Библиотеки Академии наук СССР с 1980 по 1988 гг., доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Являясь действующим директором Библиотеки Российской академии наук, я с 1987 г. и до последних дней жизни В.А. Филова поддерживал с ним дружеские отношения. Долго не мог прийти в себя после известия о его смерти. Так уж устроен человек: в памяти одно за другим всплывали мгновения наших встреч, каждое сказанное им слово, и все воспринимаемое уже по-другому. На часто возникавший вопрос: «Наведем ли мы когда-нибудь должный порядок в любимой БАН?», он отвечал: «В жизни надо думать о том, что есть, а не о том, что должно быть». Не случайно сказал «в жизни», ведь Библиотека была значительной частью его жизни, которой он отдал себя в полной мере.

Владимир Александрович Филлов родился 23 декабря 1930 г. в семье агрономов в Ленинграде. Годы Великой Отечественной войны провел в эвакуации в Сибири и Средней Азии. Он получил два высших образования физика и биолога: в 1955 г. окончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института, а в 1959 г. – биологический

факультет Ленинградского государственного университета. Уже в 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию («Материалы к токсикологии некоторых сложных эфиров»), а через девять лет – докторскую («Вопросы статики и динамики чужеродных соединений в организме»). В 1979 г. В.А. Филову было присвоено ученое звание профессора.

По сложившейся практике Библиотеку Академии наук СССР почти всегда возглавляли ученые-естественники. Владимир Александрович был разносторонним специалистом и человеком глубоких научных познаний, поэтому в 1980 г. по предложению академиков АН СССР В.А. Котельникова и Ю.А. Овчинникова он был избран на должность директора Библиотеки Академии наук СССР. Начался новый этап в его профессиональной жизни. Скажу сразу: Библиотеку он видел как лицо всей Академии и стремился продолжить то лучшее, что было сделано до него.

...1983 год. Впервые за советское время по инициативе В.А. Филова на Президиуме Академии наук СССР обсуждалась работа ее библиотеки. Доклад В.А. Филова получил положительную оценку академиков М.С. Гилярова, В.В. Меннера, А.С. Хохлова и Ю.А. Овчинникова¹. Президиум счел целесообразным оказать поддержку в реализации в 1982–1990 гг. программы дальнейшего развития Библиотеки. Так в 1983 г. появилось Распоряжение Президиума АН СССР о комплектовании всех академических библиотек малотиражными академическими изданиями. В середине 1980-х гг. Библиотека получает статус научно-исследовательского института Академии наук и становится главным методическим центром академических библиотек СССР.

В развитие решений Президиума АН В.А. Филлов вместе с коллегами публикует ряд материалов по вопросам совершенствования деятельности Библиотеки. Под его редакцией выходят библиографический указатель «Вредные вещества в окружающей среде», ежегодник «Библиография изданий Академии наук», а также ряд других работ².

В 1987 г. Владимир Александрович пригласил меня в Библиотеку на должность заместителя директора по научной работе. Трудиться с ним было очень интересно, он поощрял мои инициативы, давал четкие советы и рекомендации по самым разнообразным библиотечным вопросам. Он был Профессионалом, поэтому активно поддерживал разумные нововведения в организации комплектования фондов, обслуживания читателей и др. При его непосредственном участии был открыт читальный зал академических изданий, оживилась научно-методическая работа, большое внимание уделялось сохранности фондов. Время летело незаметно...

В конце 1980-х в Библиотеке случился пожар, третий в ее истории и самый разрушительный. Окончательно причина пожара так и осталась не установленной, но дирекция стала объектом безудержной критики за то, что якобы пыталась скрыть реальные цифры потерь, избегала общения с прессой и т. д.³

Здоровье Владимира Александровича не выдержало такой нагрузки, он заболел, и в июне 1988г. я был назначен исполняющим обязанности директора Библиотеки Академии наук. Но наша дружба и общение не прерывались, мы постоянно встречались и в Библиотеке, где у него осталось много друзей, и за ее пределами...

В.А. Филов прожил яркую, насыщенную жизнь. Он был разносторонне одаренным человеком с широким кругом интересов. Стены его квартиры украшали работы художников питерского андеграунда 1970–1980-х гг., с которыми он был знаком лично. Имел великолепную (не только по специальности) библиотеку. Был гостеприимным хозяином, обаятельным в быту и требовательным в работе, с уважением относился к мнению других людей. Ценил друзей и умел дружить. Любил походы пешком (был мастером спорта по туризму), на автомобиле, на байдарке, в горы. Идти с ним в связке было надежно...

Память о Владимире Александровиче Филлове, замечательном человеке и ученом, навсегда останется в сердцах его коллег и друзей.

Примечания

¹ См. об этом: Библиотека Академии наук СССР: Информационно-библиографическая деятельность, наука, перспективы // Вестн. АН СССР. 1983. № 7. С. 17–24.

² Данченко Т.Н. Автоматизированная библиотечно-информационная система Библиотеки Академии наук СССР / Т.Н. Данченко, В.А. Крайзмер, В.А. Филлов // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1983. № 4. С. 1–4; Егоров П.И. Проблемы управления формированием библиотечного фонда / П.И. Егоров, Т.В. Зверева, К.В. Лютова, К.А. Свиридова, В.А. Филлов // Научные и технические библиотеки СССР. 1985. № 10. С. 3–10; Филлов В.А. Библиотека Академии наук СССР и исследования в области истории книги // Книга в России до середины XIX века. 2-я Всесоюз. науч. конф. Ленинград. 23–25 апр. 1981 г.: тез. докл. Л., 1981. С. 3–5. (БАН СССР); Филлов В.А. Состояние и перспективы информационно-библиотечной деятельности Библиотеки Академии наук СССР / В.А. Филлов, М.А. Тарасов, Г.В. Бахарева // Проблемы информационного обеспечения фундаментальных и прикладных научных исследований в свете решений XXVI съезда КПСС. Т. 1: тез. докл. всесоюз. конф. М., 1982. С. 21–24; Филлов В.А. Совершенствование информационного и библиографического обслуживания в Библиотеке Академии наук СССР // Проблемы библиотечного и информационно-библиографического обеспечения научно-исследовательских работ академий наук социалистических стран. Материалы международного симпозиума. Москва. 12–16 окт. 1981 г. М., 1982. С. 43–50. (БЕН АН СССР).

³ Подр. см. об этом: Леонов В.П. Библиотечный синдром: Записки директора БАН. СПб.: Облик, 1996. 629 с.

Опубликовано: Памяти Владимира Александровича Филова (1930–2006) / В.П. Леонов // Библиотековедение. 2007. № 1. С. 134–135.

Три принца из Серендипа: памяти В.В. Худолея

Моя дружба с Вениамином Викторовичем Худолеем началась в 1987 году. Незадолго до этого я пришел работать в БАН СССР в качестве заместителя директора. А директором был Владимир Александрович Филлов – известный физик и биолог. Он-то и познакомил меня с Вениамином Викторовичем.

В.В. Худолей – крупный специалист в области онкологии и экологии, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН. Был избран действительным членом Американской академии наук и искусств. В 1995 году Американский биографический институт назвал В.В. Худолея «Человеком года» за выдающуюся общественную деятельность и профессиональные достижения. А для нас, его друзей, он был просто Веня.

Я знал, что Вениамин Викторович – книжник, крупнейший коллекционер и пропагандист графики. Его собрание насчитывало более 36 тысяч книжных знаков. Я знал, что он возглавляет в Петербурге Клуб экслибристов и любителей графики при Доме ученых им. М. Горького и был настроен на встречу с необычным человеком. А когда увидел, что этот человек к тому же открыт и дружелюбен, принял его сразу и окончательно. Между нами возникло то, что я называю «химией». Появилось чувство взаимной признательности, которое всегда приходит по отношению к интересному и симпатичному тебе человеку.

Буквально в начале нашей дружбы жизнь предоставила Вениамину Викторовичу возможность проявить себя в качестве товарища. В феврале 1988 года в Библиотеке случился страшный пожар, в котором погибло много ценных изданий. Владимира Александровича сразил сердечный приступ, и он вынужден был уйти из Библиотеки. Со временем вернулся в свой институт.

Я оказался в сложном положении. Дело в том, что за пять лет до этого наша Библиотека получила статус научно-иссле-

довательского института Академии наук и стала подчиняться непосредственно президиуму в Москве. Согласно уставу АН, директора Библиотеки выбирают в несколько этапов. Сначала кандидатуру выдвигает ученый совет института, потом за нее голосуют на общем собрании коллектива, а затем ее рассматривает президиум Академии наук. В ноябре 1988 года в БАН состоялись выборы нового руководителя. Несмотря на тяжелую и непредсказуемую борьбу между кандидатами, коллектив отдал предпочтение мне. Президиум же принял решение об избрании меня директором только накануне 275-летия Библиотеки – то есть чуть ли не год спустя. Все это время Вениамин Викторович поддерживал меня и словом, и делом. Его советы, как лучше сушить залитые водой книги и бороться с грибковой плесенью, оказались поистине бесценными.

Вениамин Викторович органически не мог делать что-то плохо. Изучение, описание и систематизация экслибрисов давно уже стали его второй профессиональной деятельностью. Наша Библиотека, хранящая в своих научных коллекциях собрания книжных знаков, была для него серьезной исследовательской базой. Вслед за Владимиром Александровичем я предложил Вениамину Викторовичу продолжать изучать фонды Отдела рукописной и редкой книги. Он очень быстро подружился с работниками Отдела, и они ценили его профессионализм.

Вениамин Викторович был благодарным человеком. Он не просто сказал «спасибо» и ушел. Он никогда не забывал тех, кто оказал ему хотя бы незначительную помощь. И мне было очень приятно, что в Вениных публикациях и выступлениях всегда звучали слова благодарности в адрес Библиотеки и, в частности, Отдела рукописной и редкой книги.

Его в БАН любили. Любили за его скромность, интеллигентность, доброжелательность, простоту. Он не оценивал людей по их положению и был одинаково любезен что с научным сотрудником, что с вахтером. Для каждого он находил добрые слова и улыбку.

Нам всегда было что обсудить и о чем рассказать. Но Веня умел ценить и мое, и свое время. Пробыв у меня 15–20 минут, он раскланивался и летел по своим надобностям дальше. Другое дело, когда нам случалось вместе идти от Дома ученых до метро – тут уж мы могли наговориться всласть. А еще мы отводили душу в гостях у В.А. Филова, у которого была замечательная коллекция авангардных картин и литературы на эту тему. В определенном смысле они с Веней были людьми универсальных интересов, что их и притягивало друг к другу.

Я не помню случая, чтобы Вениамин Викторович отказался выступить у нас в Библиотеке. А слово у него было необычайно крепкое. Раз уж обещал, придет во что бы то ни стало. Свой последний доклад в нашем Славянском зале о состоянии петербургского экслибриса он сделал буквально за месяц до смерти. И доклад, и сопровождавшая его небольшая выставка всем очень понравились, и Вене долго аплодировали. Приглашали мы Вениамина Викторовича и на заседания Ученого совета БАН, посвященные обсуждению итоговых работ. Его замечаниям, оценкам и советам полностью доверял.

Наша Библиотека, как известно, была создана в 1714 году. В то время книга являлась главным инструментом познания, и библиотека служила ученым самой настоящей лабораторией. Однако ни один профессиональный библиотекарь никогда не был членом Академии наук. Владимир Александрович Филлов и Вениамин Викторович – один руководитель, а другой член медико-биологической секции Российской академии естественных наук – решили исправить эту несправедливость и дали мне необходимые рекомендации. Так я стал членом-корреспондентом РАЕН и руководителем секции «Российская энциклопедия». Я часто приглашал Веню на заседания нашей секции, в которых участвовали известные люди нашего города – книговеды, искусствоведы, библиофилы, историки, социологи.

Веня не оставался в долгу и, в свою очередь, звал меня на заседания секции книги и графики Дома ученых, где люди рассказывали о своих находках и открытиях, делились новыми

зарубежными контактами, показывали свои коллекции. Конечно, с особенным удовольствием я приходил послушать интереснейшие доклады самого Вени.

Был у нас с Веней и еще один повод для встреч в стенах Дома ученых – совместная работа в президиуме. Эта общественная организация во главе с академиком Александром Даниловичем Ноздрачевым сделала немало полезных дел. Но одним из них мы гордимся особенно: нам удалось отстоять автономию и независимость нашего Дома.

Это красивое здание на Дворцовой набережной, 26, было предметом вожделения для многих. С одной стороны, одолевали питерские власти с требованием передать дом на баланс города, с другой – пытались проникнуть различные торговые и общепитовские фирмы. Получив ряд консультаций у опытных юристов и экономистов, группа из пяти членов президиума, среди которых были и мы с Веней, разработала новый устав Дома ученых, не позволяющий вывести его из системы Российской академии наук. А Веня даже обратился за помощью к общественности по телевидению.

Я уже говорил о том, что Вениамин Викторович был великолепным другом. Я чувствовал его надежное плечо и во время перевыборов директора БАН, и в период еще более тяжелых испытаний. В сентябре 1995 года меня обвинили в том, что, воспользовавшись ситуацией с пожаром, я продаю библиотечные книги за границу. Больше полугода я находился под следствием. Никогда не забуду, как Веня, ни на секунду не усомнившийся в моей порядочности, за меня переживал и пытался порадовать то забавной историей, то интересной книгой.

Надо ли было показать кого-либо из родственников врачу, достать ли лекарства или ускорить процесс госпитализации – Веня с Владимиром Александровичем Филовым всегда оказывались на высоте. А когда Владимир Александрович умер, Веня совершил во имя дружбы самый настоящий подвиг – взял сотрудников его лаборатории к себе. Это при Вениной-то загруженности!

Если бы Веня не был ученым-фундаменталистом, который внес мировой вклад в развитие экологии, он стал бы выдающимся библиографом-книговедом. Точно! Наша профессия подразумевает неторопливое, основательное вхождение в тему и требует постоянного образования, обучения. У Вени же ко всему был научный подход, который предполагает и то, и другое.

Книгу он любил как носитель экслибриса, а экслибрис – как принадлежность к книге. Но если книга может существовать без экслибриса, то экслибрис без книги – нет. А коли так, экслибрис нужно рассматривать в общем контексте развития книговедения – и как часть библиографии, и как часть библиофильства, которое является совершенно особой сферой деятельности.

В одной из своих новелл Стефан Цвейг нарисовал блестящий образ библиографа – Менделя-букиниста, который знал абсолютно все формальные признаки книги: автора, заглавие, издательство, цену, тираж, вид обложки и прочее – и держал все это в памяти. Он был уникалом и универсалом, но он не был библиофилом. Потому что у библиофила совершенно иная психология отношения к книге, чем у библиографа.

У меня часто спрашивают: библиофильство – это образование или состояние души? Ну, конечно, второе! Вот я держу в руках тибетскую рукопись. Я не умею читать по-китайски. Но своей формой, цветом, запахом она доставляет мне неповторимое наслаждение. Даже своей семантической недоступностью! Человеку непосвященному, наверное, это покажется странным. Но библиофильство – это особый склад ума, особая логика, которая отличается от привычной. Мы с вами можем обращаться к одним и тем же источникам, но находить в них новую информацию. Например, в «Евгении Онегине» не написано, когда состоялась дуэль Онегина с Ленским. Зато сказано, что это произошло на второй день после именин Татьяны, то есть 27 января. Подмечать подобные детали, улав-

ливать всевозможные оттенки для истинного библиофила – несравнимая радость.

История свидетельствует, что императрица Екатерина Вторая «пустила под нож» весь тираж «Путешествия...» Радищева. И Пушкин заплатил 200 рублей – сумма по тем временам огромная! – чтобы приобрести уцелевший экземпляр. Сегодня он считается уже не только библиографической, но и библиофильской редкостью. Или вы видите издание «Реквиема» Моцарта. После слова «Реквием» не стоит точка. И вы понимаете, что перед вами не первое издание, а второе. Библиофил может оценить стоимость книги гораздо выше, чем ее оценили в магазине, потому что он умеет предвидеть будущее этого издания.

Все, что сейчас есть уникального в библиотеках, сохранилось во многом благодаря библиофилам. В одной из частных коллекций я увидел небольшую серебряную плату. Судя по выбитому на ней тексту, эту плату изготовили в честь закладки в 246 году до нашей эры второго здания Александрийской библиотеки в Египте. Ну где еще такое найдешь, кроме как в библиофильском собрании знаменитого обладателя «Библии» Гутенберга американца Ганса Крауса?!

В библиофильство, как и в библиографию, человек приходит не сразу. Подобно музыкальности, книжность спрятана в каждом из нас. Но если музыкальность может проявиться в человеке чуть ли не с пеленок, то книжность приходит с возрастом, с опытом. Одной любви к книге мало – нужны еще и знания.

Увлеченность библиофильством проходит разные стадии. Существует стадия влюбленности в Книгу: «Всемирным хорошим во мне я обязан книгам». Затем появляется потребность изучать и собирать книги. Кто-то коллекционирует разные виды переплетов, кто-то – издания о царской охоте, кто-то – телефонные справочники. А дальше библиофильство может превратиться в высокое искусство, стать тем самым состоянием души, о котором я говорил. Если, конечно, не перейдет в свою противо-

положность – библиоманию, при которой человек полностью подчиняется книге и погибает как личность.

Однажды я разговорился со старейшим коллекционером из Великобритании Колином Франклином о том, какими качествами должен обладать библиограф и библиофил. И вот к какому выводу мы пришли. Во-первых, у них должно быть такое свойство, как *отрицательная способность*. Это значит, что библиофил и библиограф должны не верить в неудачу до конца. Безвыходных ситуаций не бывает. Путем логических рассуждений вы приходите к выводу, что должно быть именно так. Но у вас ничего не получается. И вдруг на вас нисходит озарение, в свете которого вы видите и свои ошибки, и способ их исправления. Вот это, второе, важнейшее качество библиофила называют *серендипностью*.

Термин «*отрицательная способность*», как я потом узнал, принадлежит английскому поэту-романтику первой четверти XIX века Джону Китсу. В нашей Библиотеке оказалась переписка Джона Китса 1895 года издания. Эта книга была даже не разрезана. Представляете, столько лет она пролежала нечитанной, и вот я ее первый открываю!

Второй термин – *серендипность* – изобрел английский писатель XVIII века Хорас Уолпол. Серендип – это древняя столица Цейлона. Есть сказка, уходящая корнями в XIII век, которая называется «*Три принца из Серендипа*». Когда их светлости путешествовали по стране, они, сами того не желая, делали для себя удивительные открытия. Например, по одной стороне дороги трава была выщипана, а по другой – нет. Принцы пришли к выводу, что пасшийся у дороги мул был слеп на один глаз. Потом понятие серендипности вошло в науку как интуитивное озарение.

Я прошу прощения, я отвлекся от темы моих воспоминаний, но мне кажется, что это во многом объясняет, каким человеком был Вениамин Викторович. А был он библиофилом от Бога. Я не раз задавал ему вопрос, когда пришла увлеченность экслибрисом. Как я и думал, все началось еще в моло-

дые годы – с какого-то порыва, с движения, которое уже было не остановить. Веня последовательно прошел все стадии вхождения в библиофильство – от любопытства и простого собирательства до очень серьезных аналитических обобщений. Наука об экслибрисах весьма своеобразная. Несмотря на то, что эта область деятельности существует очень давно, она по-прежнему требует пристального внимания, тщательного анализа и системного осмысления. Вениамину Викторовичу удалось не только закрыть многочисленные белые пятна, но и внести огромный вклад в ее развитие. Недаром он стал лауреатом премии FISAE/UNESCO им. Дж. Мантеро «За пропаганду искусства экслибриса» и премии им. У. Иваска «За вклад в исследования в области книжного знака».

Становление Вениамина Викторовича как библиофила происходило на моих глазах. Со временем я почувствовал, что Вене уже тесны и трибуна секции книги и графики Дома ученых, и кафедра специальных заседаний Российской ассоциации библиофилов. Я хорошо помню тот переломный момент, когда от изучения, расшифровки и введения экслибрисов в научный оборот Веня перешел к активной просветительской деятельности.

В 1994 году впервые в БАН проводили коллоквиум Международной ассоциации библиофилов, на который съехались известные любители и знатоки книги со всего мира. Сначала Вениамин Викторович выступил вместе с другим известным библиофилом Вилли Александровичем Петрицким, а потом сделал еще отдельный прекрасный доклад. Это был успех, и успех заслуженный. Но ему было уже явно недостаточно этих разовых выступлений. Его душа жаждала или специального журнала, или сборника материалов, который бы выходил периодически. Ах, как он был счастлив и горд, когда принес первый номер своего библиофильского журнала и подарил его Библиотеке!

У него были абсолютно все качества, которыми должен обладать библиофил. Он умел заглядывать в будущее того или

иного книжного знака и оценить его перспективы. Никогда не забуду, с каким упоением Веня показывал мне свои последние приобретения и рассказывал, как он нашел вот этот экслибрис и что ему пришлось предпринять для того, чтобы заполучить вот тот.

Я с удовольствием дарил Вениамину Викторовичу свои книги. Мне очень нравилось, как мы их обсуждали. У него не было никакой зависти, что данное открытие принадлежит не ему. Напротив, появлялось чувство удовлетворения и радости, что мы думаем похоже. И надо было видеть Венины глаза, когда я рассказывал ему о своих поисках. В них были и азарт, и сопереживание, и подлинное удовольствие.

В конце января 2007 года друзья Владимира Александровича Филова собрались в бане, чтобы вспомнить очередной день его ухода. Выпили по стопке водки, пообщались. В тот день Веня был за рулем. Мы сказали ему, чтобы в следующий раз он приезжал без машины. Однако следующего раза не случилось. Накануне нашего похода Вениамин Викторович вдруг звонит мне таким будничным голосом, как будто пересказывает чью-то чужую историю, говорит:

– Знаешь, Валера, у меня инфаркт, и поэтому сейчас я с вами пойти не смогу. А вот выпишусь из больницы, и дней через 8–9 мы обязательно сходим.

Я ему в ответ:

– И ты так легко об этом говоришь?! Ну, ты напугал меня!

А он:

– Да нет, Валера, ты не переживай. Все будет хорошо...

И вдруг неожиданно его не стало.

Мне Вениamina Викторовича очень не хватает. Не хватает его толерантности, его благородства, умения сопереживать. В каждом человеке он видел и находил только лучшее. Иногда я говорил ему, что мне не очень симпатичен тот-то и по таким-то причинам. А он отвечал: «Представляешь, я с ним недавно встречался, и он показался мне довольно приятным человеком». В этом был весь Веня. У него осталось много друзей!

Много людей, искренне его любивших! Моя жена, хоть и мало Веню знала, всегда говорила: «Ну зачем он носит эти затемненные очки? У него такие добрые глаза!»

Санкт-Петербург, июль 2007 г.

Опубликовано: Три принца из Серендипа / В.П. Леонов // Искренне Ваш В. Х.: книга воспоминаний о В.В. Худолее – ученом, коллекционере и человеке / сост.: К.В. Худолей, Е.И. Петрова. СПб., 2009. С. 22–29.

Питер Уотерс и Библиотека Академии наук: вспоминая февральский пожар 1988 г.

Поводом для настоящей статьи стали итоговые даты трагических событий в жизни двух крупнейших библиотек мира. Одно из них связано с 50-летием со времени наводнения 4 ноября 1966 г. в Национальной центральной библиотеке Флоренции (BNFC). Второе – с приближающейся датой 30-летия пожара 14–15 февраля 1988 г. в Библиотеке Академии наук в Ленинграде.

В обоих событиях по спасению книжных фондов ведущим экспертом и одним из главных действующих лиц стал Питер Уотерс (1930–2003). В первые дни после пожара он был приглашен по инициативе Арманда Хаммера в Библиотеку Академии наук. Его система «фазовой консервации» оказалась на тот момент единственным реальным способом спасти 3,6 млн. поврежденных водой и огнем книг. В качестве первого необходимого шага Питер Уотерс предложил использовать технологию фазового хранения. Попытка оценить в устной или письменной форме его уникальный вклад в восстановление БАН всегда будет неполной. Питер Уотерс вошел в жизнь нашей Библиотеки настолько естественно и органично, что навсегда стал частью ее коллектива и ее истории.

Напомню краткие вехи его биографии.

Питер Годфри Уотерс родился 19 мая 1930 г. в графстве Суррей (Англия). В 14 лет он поступил в школу, где обучали переплетному делу, быстро постиг его азы и стал лучшим ее учеником. С 1945 по 1949 г. в Гилфордском колледже искусств Питер изучал переплетное дело под руководством Уильяма Мэтьюса. Затем он продолжил это обучение и увлекся графическим дизайном в Королевском колледже искусств (Лондон). Там он встретил Шилу Солт – авторитетного каллиграфа, с которой прожил в браке почти 50 лет. Они вырастили трех пре-

красных сыновей: Джулиана, Майкла и Криса, которые подарили им четырех внуков.

По окончании Королевского колледжа искусств в 1953 г. Питер Уотерс преподавал переплетное дело и технику теснения в Фарнамской школе искусств в Суррее. С 1955 по 1971 г. (до отъезда в США) он работал партнером Роджера Пауэрлла, известного английского книжного переплетчика, отреставрировавшего «Book of Kells» – рукопись 800 г. н.э. Совместно с Р. Пауэрллом Питер исследовал «Стоунхертское Евангелие» – коптское рукописное Евангелие от св. Иоанна, датированное VII в. Они пересмотрели заключение специалистов о переплете редкой книги, предоставив убедительные доказательства того, что он был подлинный.

В 1966 г. от наводнения пострадала Национальная библиотека во Флоренции, был нанесен ущерб тысячам бесценных сокровищ. П. Уотерса пригласили в Италию, где он возглавил группу реставраторов из 120 чел. После лиссабонского наводнения 1967 г. он работал консультантом по реставрации в Музее фонда Гулбенкяна. Обобщив этот опыт, Уотерс написал одно из самых известных своих сочинений – «Методику спасения библиотечных материалов, поврежденных водой». Этот труд был переведен на испанский, французский и японский языки.

П. Уотерс 24 года (1971–1995) проработал в созданном им Отделе консервации Библиотеки конгресса, был членом Консультативной комиссии по сохранению национального архива США, а также Консультативной комиссии по сохранению Хартии вольностей. Он входил в состав советов Международного института консервации и Американского института консервации исторических и художественных ценностей, занимал ряд ответственных должностей, связанных с восстановлением коллекций, пострадавших от огня или воды...

* * *

В 2016 г. в издательстве «The Legacy Press» к 50-летию наводнения во Флоренции вышла книга супруги Питера Шилы Уотерс «Waters Rising: Letters from Florence»¹. В ней содер-

жится переписка Питера и Шилы, которая велась на протяжении многих месяцев после наводнения. Его письма, около 50, были его главным дневником и теперь стали достоянием общественности. Помимо переписки, в книге свыше 280 фотографий поврежденных фондов и процедур их восстановления. Предваряет издание обстоятельная вводная статья о личности Питера Уотерса и его деятельности по сохранению книжного наследия, написанная заведующим Отделом сохранения Марриот библиотеки Университета Юта (США) в Солт Лейк Сити Рэнди Силверманом (р. 2–20).

Презентация книги Шилы Уотерс, сопровождаемая лекциями, проходила в течение всего 2016 года на конференциях Американского института консервации в Монреале (Канада), затем в Нью-Йорке, Мичиганском университете и Калифорнийском университете (Лос Анджелес, Малибу).

* * *

Приведу некоторые особенно запоминающиеся фрагменты выступления Шилы Уотерс, относящиеся ко времени, когда они жили в Лондоне².

«В пятницу днем 25 ноября 1966 г. Питеру позвонил Говард Никсон (Howard Nixon), хранитель коллекции печатных книг библиотеки Британского музея. С Никсоном связался директор BNFC Эмануало Кассамасима, которому срочно нужны были рекомендации по восстановлению более чем 110 тыс. сильно поврежденных водой редких печатных изданий XVI–XVII вв. В их число входили 90 тыс. томов из коллекций Палатинской библиотеки (Palatina) и Мальябекианы (Magliabechiana) – главных источников по европейской науке, составляющих ядро библиотеки.

Надо подчеркнуть, что Говард Никсон хорошо знал работы Питера. Когда ему был всего 21 год, Никсон заказал переплет для выставки «Le Livre Anglais» в Париже в 1951 г. Для этой цели Питер возродил традицию переплета со слепым тиснением, восходившей к периоду до

XV столетия, и Никсон приобрел книгу для постоянной коллекции Британской библиотеки.

Понимая важность звонка Э. Кассамасима, Г. Никсон срочно попросил Питера пригласить еще двух коллег и вылететь во Флоренцию уже на следующий день! Тони Кейнс (Tony Cairns), квалифицированный частный переплетчик и Дороти Кампстей (Dorothy Cumpstey), преподаватель-эксперт переплетного дела смогли оставить на время все дела и полететь с ним. Трое прибыли во Флоренцию, захватив резиновые сапоги, и без какого-либо толкового объяснения были размещены в Форте ди Бельведере в ожидании очередной партии заплесневелых или высушенных книг.

В Форт на грузовиках с зерновых и табачных сушильных заводов Италии ежедневно доставлялись книги. Влажные, загрязненные, они сушились навалом и неминуемо многие еще больше пострадали от повышенной температуры. В Форте рабочие условия были некомфортные: не было отопления, не хватало воды, студенты-волонтеры занимались соскабливанием засушенной грязи с книг.

Кроме того, студенты-волонтеры все еще продолжали выкапывать книги из цокольного этажа BNCF, вытирая излишки грязи влажными губками. За три недели после наводнения свыше 400 грузовиков книг было отправлено на сушильные заводы и электростанцию».

В статье «Book restoration after Florence floods» Питер описывает их состояние:

«Несмотря на хорошую внешнюю очистку перед сушкой и мудрое руководство директора в самом начале, чтобы ни одна из книг не была открыта до прибытия на сушку, многие из них, по прибытии на Форт, имели сходство с абстрактными скульптурными формами. Обложки из пергамена и кожи были изуродованы и сморщены.

Книгохранилища в библиотеке имели в каждом конце особые проходы, вследствие чего переплеты из пергамена, хранящиеся изначально в концах книгохранилищ, прогнили, по ним текла вода, которая с пергаменом образовывала клеевую массу.

Другие обложки книг, испорченные смесью из грязи, опилок, масла и плесени, были забиты желатином, грязью и древесными опилками.

Для сушки в сушилках с подогревом книги стояли вертикально, давая воде и желатину стечь. В проемах между секциями концентрация желатина делала их хрупкими. Обложки, которые были наспех сорваны, повлекли за собой разрыв корешков тетрадей. Вода ускорила и повреждение тетрадей.

Корешки книг начала XVI века пострадали меньше, потому что были склеены преимущественно крахмальной пастой, а не клеем. Листы книг, переплетенные мягким пергаменом, выдержали наводнение лучше, чем большинство других»³.

Это стало важным открытием, поскольку вело к разработке процедур безклеевой технологии переплета из мягкого пергамена.

Через четыре дня после приезда команды Питера состоялось совещание с руководством города. Оказалось, что после сухой чистки у руководства вообще отсутствовали планы на будущее. В таком состоянии книги будут недоступны для читателей на неопределенное время. Питер выслушал их рассуждения и предложил свой вариант: разработать конструктивный план по сухой чистке, тиснению, промывке, сушке и прессовке на специальной установке. Несмотря на внутреннюю оппозицию, директор Э. Кассамасима поддержал британскую команду и план Питера.

Было решено, что вся серия операций будет выполнена в самой библиотеке.

В течение ноября 1966 года около 100 еще необученных студентов работали круглосуточно по 8 часов в смену. Они очищали книги большого формата, причиняя порой больше им вреда, разделяя на листы, пока они были влажными – техника, которая обычно требует большого навыка. Команда Питера взяла на себя труд по обучению студентов новой системе очистки (не во влажном состоянии, а после того, как высушенные книги были разделены на тетради).

С ноября 1966 г. до апреля 1967 г. Питер оставался во Флоренции. Дома в Лондоне Шила стала связующим звеном между переплетчиками и реставраторами. Вот как Питер описывает эту работу:

«Стало ясно, что нужно очень много дополнительной помощи, и мы обратились к британским реставраторам и переплетчикам, в частности, к тем, кто имел возможность обучать работающих в Форте.

В последующие месяцы более 40 человек прошли обучение продолжительностью от двух недель до нескольких месяцев. Команда экспертов включала членов отдела Stationery Office Bindery Британского музея и самых известных частных реставраторов, переплетчиков и преподавателей переплетного дела в Британии.

Этот поток помощи был организован Говардом Никсоном и поддержан «British Italian Art and Archives Rescue Fund», чье главное усилие во Флоренции сконцентрировалось на BNCF. Время от времени к команде присоединялись реставраторы из многих других стран.

Консультации по химическим вопросам давали специалисты исследовательской лаборатории Британского музея в сотрудничестве с Институтом патологии книги в Риме».

Затем Питер описывает сделанные им приготовления с декабря 1966 г. по март 1967 г. для переезда в BNCF. Стало ясно, что экспертный отбор для подходящего «лечения» понадобится

ся для каждой книги. По его просьбе Роджер Пауэлл, которому в то время уже исполнилось 70 лет, приезжает во Флоренцию в начале декабря, чтобы сосредоточиться на этой квалифицированной работе и обучить большее количество экспертов по отбору. Питер так описывает процесс:

«Перед тем как книга входит в систему реставрации, она должна быть паспортизирована в соответствии с ее ценностью и последующим лечением, в котором она нуждается. В течение нашей первой недели в Форте для студентов была разработана схема процесса транспортировки книг и обращения с ними.

Например, помета «OK» (okay) показывала, что студент мог обращаться с книгой, в то время как международный дорожный знак «Stop» свидетельствовал, что она была очень ценной и предназначена для передачи специалисту.

Вначале эти обозначения были написаны на листках бумаги, теперь имеется подробная печатная карточка и фотографии оригинального переплета с важными дополнениями и указаниями по его реставрации».

Питер завершает описание существенным заключением: *«Эти обозначения защищают от соблазна сделать систему важнее книг, которые поступают в нее».*

Далее Шила Уотерс добавляет, что в течение мая 1967 г. она разработала структуру картотеки, рисовала обозначения и писала все формулировки простым, четким, разборчивым почерком. Их можно воспроизводить в печати тысячами, причем одна карточка была на английском языке, другая – на итальянском.

«По воскресеньям, – вспоминает Шила, – Питер фотографировал поврежденные книги, его персональная коллекция слайдов насчитывала 1100 снимков. Он настаивал на том, что прежде, чем начать лечение, следует фотографировать каждую книгу. Меньше чем за два года около 50 тыс. томов,

чтобы сохранить свою историю возрождения, были сфотографированы».

Далее шло описание фактических процессов лечения. Первым была очистка.

«Насколько возможно удаляется запеченная грязь с помощью сгибания краев, и остаток отслаивают шпателем и острыми лезвиями.

Затем книга детально сличается с описанием, а секции (блоки, тетради) разделяются осторожным срезанием от корешка. Обложки, капталы, тетради, нити, фрагменты, учетная карточка и т. д. помещаются в конверты и каталогизируются. Тетради готовятся для мытья путем прокладки влагоустойчивой бумагой. Рисунки ручной раскраски защищаются там, где было необходимо, 3% раствором растворимого нейлона в спирте».

Потом следовали влажная очистка и сушка.

«Каждый лист на плавающей деревянной доске очищается отдельно мягкой щеткой в теплой воде, содержащей насыщенный раствор топана (2-гидроксицифенил). Потом следует бережное сжатие целой книги, которая прессуется для того, чтобы убрать остатки жидкости. Отбеливание и изменение размеров осуществляется при необходимости.

Для просушки на электростанции тетради развешивались на териленовых веревках, а в Библиотеке – раскладывались ровно на тележках в специально сделанных и автоматически контролируемых сушильных шкафах. Окончательное сличение производится библиотекарем, и затем книга заворачивается для последующего хранения».

Шила добавляет, что Сэнди Кокерелл, инженер и известный частный переплетчик, реставратор рукописных книг был главным консультантом по дизайну и изготовлению больших

сушильных шкафов, тележек, стеллажей. Он тесно работал с Питером во время своих нескольких приездов во Флоренцию.

Статья Питера продолжается описаниями новых реставрационных и переплетных зон, созданных в Главном читальном зале. Это был беспрецедентный случай в Национальной библиотеке страны!

«Несмотря на то что первоначальным намерением было отправить подготовленные книги переплетчикам по всему миру для реставрации и переплета, к апрелю 1967 г. стало очевидным, что это было бы неосуществимо, главным образом из-за широкого разнообразия стандартов и невозможности установления должного контроля.

Поэтому было решено, что реставрацию следует проводить в самой Библиотеке. Реставрационный отдел для размещения в Главном читальном зале Библиотеки был обустроен на 30 рабочих мест для сотрудников (максимальное число, для которых можно было найти рабочее место и заработную плату), по крайней мере, на год. Все было завершено в августе 1967 г., и начато обучение по пять сотрудников в неделю.

Методы реставрации разрабатывались, исходя из объемов работы и состояния бумаги».

Шила Уотерс отмечает, что когда она работала во Флоренции в течение пяти недель, Питер разработал реставрационные схемы, а она рисовала планы и подъемы для их конструкции. Каждый блок имел маленький световой короб, вставленный в рабочий стол, и места для хранения на каждой стороне.

Они провели во Флоренции девять месяцев. Шила с удовлетворением наблюдала, как организовывались рабочие места, как устанавливались стеллажи в Читальном зале.

«Мы, – вспоминает она, – оставили нашего младшего сына Криса у его бабушек в Англии, а с собой взяли Джулиана (10 лет) и Майкла (7 лет). Мальчики наслаждались изучением

всей Библиотеки и особо подружились с одним электриком, которого они прозвали «Sparks» (Искра)!»

Отдел реставрации печатных изданий, с последующим химическим анализом, примыкал к Главному читальному залу. Работа велась под руководством Уильяма Баустеда, главного консерватора Национальной художественной галереи в Сиднее. Финансировало работу правительство Австралии, а Уильям обучал рабочих реставрации печатных изданий.

После октября 1967 г. Питер Уотерс передал техническое руководство системой реставрации Тони Кейнсу. Работа финансировалась в течение последующих трех лет Американским комитетом по спасению итальянского искусства (CRIA – Committee to Rescue Italian Art). Вернувшись в Англию, Питер возобновил сотрудничество с Роджером Пауэллом.

Мечта о создании международного учебного центра в BNCF, о котором говорили в начале, не была осуществлена из-за недостаточного финансирования и отсутствия опытных реставраторов. Вместе с тем, опыт BNCF дал стимул для формирования новой профессии «библиотечный консерватор» и был осуществлен в Библиотеке конгресса.

«Питеру, – пишет Шила, – было поручено создание в Библиотеке конгресса большого комплексного отдела практически с нуля. С 1969 по 1971 г. он ездил из Англии в Библиотеку конгресса 10 раз, пока семья окончательно не эмигрировала в Соединенные Штаты». В течение последующих двух лет он смог убедить кураторов Библиотеки конгресса использовать предложенные им термины «фазовая консервация», «превентивная консервация» вместо традиционной отправки отдельных изданий в помещение для переплета. Как известно, с тех пор по всему миру были созданы лаборатории консервации, многие из них управлялись и укомплектовывались консерваторами, прошедшими обучение в Библиотеке конгресса, а позже и в других центрах.

Трагедии и катастрофы часто выявляют лучшие человеческие качества, и наводнение во Флоренции тому пример...

Питер Уотерс ушел из жизни в 2003 году в возрасте 73 лет от мезотелиомы (воздействие асбеста на организм). Впервые он обогатил опытом Мастера широкий мир библиотечной консервации и использовал то, что называл «думать около» («sideways thinking») при решении проблем. Он не исключал, что необдуманное лечение может принести больше вреда, чем пользы.

«Для меня большая честь, – пишет в заключение Шила, – что я также принимала активное участие в этой важной работе».

Обстоятельная рецензия на уникальную монографию Шилы Уотерс была опубликована специалистом по консервации Отдела обучения консервации Библиотеки конгресса Мэри Ойе⁴.

* * *

Вернемся теперь к ленинградскому пожару 14–15 февраля 1988 года.

В 2005 г. в издательстве Библиотеки РАН вышел в свет сборник работ, посвященный памяти Питера Уотерса по вопросам сохранности библиотечных и архивных материалов⁵. Центральное место в нем занимают материалы по ликвидации последствий пожара.

Считаю, что сегодня, особенно после трагедии 2015 года в библиотеке ИНИОН, публикация Питера Уотерса «От Флоренции до Санкт-Петербурга: поучительный и наводящий на размышления опыт»⁶ продолжает оставаться чрезвычайно актуальной. Привожу ее текст:

В этом году, 4 ноября исполняется 29 лет со времени флорентийского наводнения 1966 г. Что касается меня и многих моих коллег, участвовавших в организации реставрационного центра в Национальной библиотеке Флоренции, то это событие заставило многих из нас еще раз серьезно осмыслить сферу нашей профессиональной деятельности.

Вскоре после моего назначения в Библиотеку конгресса на должность руководителя службы сохранности передо мной встала задача подготовить первый вариант «Методики спасения библиотечных материалов, поврежденных водой». Это было вызвано последствием урагана «Агнесса», нанесшего урон нескольким коллекциям. Работа вышла через три недели, и я хорошо помню чувство неудовлетворенности, которое она у меня вызвала. Я сознавал, что осталось много нерешенных вопросов, касающихся методики эвакуации огромных массивов библиотечного материала с места бедствия, их сушки и содержания в определенном порядке во избежание хаоса. Для всего этого у меня не хватало опыта. Поэтому все, что оставалось, это употребить здравый смысл, следуя примеру моей матери, которая сушила одежду в морозный день на улице, и преподать некоторые уроки из того, о чем мы узнали во Флоренции.

Теперь общепризнано, что флорентийское наводнение явилось поворотным пунктом в развитии сохранности библиотечных фондов. На основе опыта, полученного при восстановлении сильно поврежденных коллекций редких книг Национальной библиотеки, разработан ряд методов и подходов к консервации, которые перенимаются и используются многими учреждениями. (За подробной оценкой флорентийского опыта читатель может обратиться к докладу, сделанному мною в Харрогейте на собрании Британской библиотечной ассоциации).

Национальная библиотека размещается через улицу от реки Арно. То обстоятельство, почему много ценных коллекций хранилось ниже обычного уровня реки, остается загадкой. После того как римляне уничтожили естественную систему лесов, окружавших флорентийский бассейн, город пережил множество наводнений. После обильных дождей поднимался уровень воды, вся ее

сила и объем, проходя по реке, сдерживались лишь узкой аркой Понто Веккио.

Подвалы наполнялись речной водой, грязью и другими отходами до уровня в 16 футов. Переноска книг в такой ситуации стала кошмаром для библиотечной администрации. Книги на другие этажи читальных залов перемещались студентами, где потом пересыпались опилками и складывались друг на друга на высоту человеческого роста. Затем их, в пачках, передавали по живой цепочке в армейские грузовики, где их опять укладывали и развозили по различным сушильным установкам, включая электростанции, кирпичное и табачное производства. Доступных холодильных или вакуумных морозильных установок для сушки не существовало, а если бы они и были, то вряд ли кому-либо пришло в голову ими воспользоваться. (Следует помнить, что в Европе не применялась практика хранения поврежденных коллекций в холоде или их сушка при помощи вакуумных систем.)

Нет никаких сомнений в том, что способ, которым книги вывозились из здания, и последующие методы сушки при высокой температуре способствовали их повреждению, и в результате тратилось много времени и средств на их реставрацию. Изданий до 1840 г. было повреждено приблизительно 430 тыс. томов. Сегодня, 29 лет спустя, реставрационные работы еще не закончены. В них нуждаются около 15 тыс. томов, большая часть которых промыта и упакована в грубую оберточную бумагу и по этой причине до сих пор недоступна для читателей.

В прошлом Национальная библиотека пережила два главных бедствия: первое – само наводнение, второе – результат способов перевозки и сушки коллекций. Это был «классический случай», когда необходимость вывезти и высушить материал как можно быстрее преобладает над заботами об их последующей реставрации. Тем не

менее флорентийский опыт дал участникам ликвидации последствий наводнения ряд рекомендаций. В том числе: 1) никогда не пытаться вывозить книги из пострадавшего хранилища, пока нет хорошо продуманного плана действий; 2) никогда не складывать влажные книги друг на друга; 3) укладывать книги в контейнер корешками вниз, чтобы их можно было вынимать руками, не нанося физических повреждений; 4) обеспечивать максимальный контроль за всеми рабочими; предоставлять им время для отдыха и восстановления сил.

Первым большим пожаром, с которым мне и моему коллеге д-ру Роберту Маккомбу (Robert McComb) пришлось иметь дело в качестве представителей Библиотеки конгресса, был пожар в Юридической библиотеке Клейна (1978) – событие поистине чрезвычайное. Казалось, директор библиотеки пребывал в состоянии длительного шока. После нашего появления на рабочем месте, спустя 72 часа после начала пожара, мне удалось получить копию планов этажа с коллекцией редких книг и ее местоположения в здании. Мы спросили у него, контролируется ли ситуация в целом? Он предложил нам проверить самим. Увидев полностью выгоревший главный читальный зал, мы были поражены, обнаружив полное бездействие. Когда мы попросили его показать нам собрание редких книг, которое размещалось под бетонными балками пола разрушенного главного читального зала, он сказал, что не собирался входить туда, по крайней мере, до ближайшего понедельника.

В тот же вечер, в пятницу, к нам присоединился наш коллега Уильям Спон (William Spawn) и благодаря его тактичным, но настойчивым уговорам директор предпринял шаги к тому, чтобы открыть дверь подвала. Перед нами предстало на редкость удивительное зрелище. Как и следовало ожидать, книги с нижних полок были сброшены, но те, что там оставались, были покрыты пле-

сенью толщиной, по меньшей мере, в полсантиметра. Можно себе представить, как бы она разрослась, если бы дверь оставалась закрытой еще три дня. Пока организовывалась группа для переноски коллекций в установки хранения в холоде, были приняты меры по доставке оборудования для стабилизации условий. Это было проделано в течение следующих двух недель – переписанные тома передавались по живой цепочке через узкое окно, выходящее прямо на мостовую, где они по отдельности заворачивались в специальную бумагу для последующего вымораживания, нумеровались, упаковывались в коробки и отправлялись в холодильник. Так мы пытались на практике применить некоторые положительные уроки, полученные во Флоренции!

За последние 30 лет я был привлечен к работе по ликвидации последствий наводнения во Флоренции, затопления музея Гулбенкяна, пожаров в Юридической библиотеке Клейна, в Центре военных документов, Центральной публичной библиотеке Лос-Анджелеса и Библиотеке Российской Академии наук в Санкт-Петербурге (1988). Случившееся в Юридической библиотеке Клейна представляет собой пример потенциальной угрозы поврежденным коллекциям со стороны администраторов, видимо, испытавших потрясение и поглощенных эмоциями. Поэтому они были не в состоянии принять правильные решения или начать что-то делать, пока их не вынудила к этому профессиональная оценка потерь, с которыми им пришлось бы столкнуться, если бы они бездействовали.

Тот факт, что обширная плесень выросла за 72 часа, предполагает, что окружающая среда помещения, существовавшая до пожара, содействовала скорости ее роста и распространения.

Это наводит на подозрения о причине пожара. Вся библиотечная коллекция была застрахована. Строилось новое библиотечное здание, примыкавшее к старому. Ад-

министрация хотела сменить старое здание на новое, но городские власти отказали ей. Пожар мог быть делом рук поджигателя, может быть, кого-то еще, кто был сторонником перевезда в новое здание, но как бы то ни было, старое здание, столь жестоко пострадавшее от огня, было наконец снесено!

Пожар в Центре военной документации в Сент-Луисе (1976) был, конечно же, делом рук поджигателя и очень заинтересовал Библиотеку конгресса, поскольку корпус Джеймса Медисона, находившийся тогда в процессе строительства, по своим размерам похож на здание в Сент-Луисе. В результате изучения имевшихся сведений в проект корпуса Медисона были внесены изменения, касающиеся объема канализации первого этажа; это также помогло разрешить тогдашний спор и, как проявление здравого смысла, установить противопожарную систему. Пожар в Центре военной документации можно было предотвратить или уменьшить его разрушительную силу, если бы все следовали рекомендациям начальника пожарной команды. В течение ночи предлагалось регулярно патрулировать все здание. Как предположение, некоторые свидетели не исключают, что в ночь пожара лица, ответственные за ночное патрулирование, играли в подвале в карты и уже было слишком поздно, чтобы воспрепятствовать главному очагу возгорания на шестом этаже здания. Тысячи документов были полностью уничтожены, а несколько миллионов повреждены огнем и водой.

Стоянка автомашин стала промежуточным местом для распаковки изданий и отправки их на сушильные установки. Большая часть сушки осуществлялась поблизости на мощностях фирмы «MacDonnel Air and Space», но, поскольку основную часть коллекций представляли записи на бумаге, не было сделано никаких попыток применить вакуумную сушку с замораживанием. Взамен использова-

лись импульсные сушильные системы: документы помещали в вакуумную камеру и снижали давление в течение двух часов, затем камеру открывали и снова на два часа в нее подавался воздух с очень низкой влажностью. Цикл повторялся до тех пор, пока материал не высохал.

Пожар в Центральной библиотеке Лос-Анджелеса тоже явно был работой поджигателя, устроившего еще один пожар три недели спустя после первого и оставившего сообщение в книгохранилище, – «Не поймали в первый раз, не поймаете и сейчас» или что-то в этом роде. Мало что можно противопоставить решившемуся на все поджигателю, кроме усиления мер безопасности, установки и содержания в исправности огнестойких перегородок с надежной противопожарной системой вместе с датчиками и телекамерами для определения размеров пожара и слежения за ним.

Пожар уничтожил несколько тысяч томов, 750 тыс. книг было повреждено огнем и водой. Библиотеке была оказана немедленная помощь компанией по восстановительным работам – их много в Соединенных Штатах, но не все они одинаково эффективны. Книги подготавливали для стабилизации в холодильных установках с тем, чтобы позже высушить их высокотехнологичными методами.

Администрация распространила сообщение, что материал будет высушен по технологии вакуумной сушки при низкой температуре. В течение последующих двух лет перед тем как приступить к сушке, сумма арендной платы только за содержание материала в охлаждаемых хранилищах вплотную подошла к миллиону долларов. Администрация библиотеки сочла целесообразным просушить все издания, пусть даже окажется, что большая часть поврежденной коллекции могла быть заменена. Интересно, что критики в адрес предпринятых мер было мало, хотя руководству потребовалось более девяти

месяцев для подготовки ходатайства о стоимости контракта на сушку.

Салли Бьюкенен (*Sally Buchanan*), Дональд Этерингтон (*Donald Etherington*) и я были приглашены Библиотекой в качестве консультантов, и по нашим рекомендациям для сушки был избран вакуумный метод с последующим замораживанием. Кроме нас, были привлечены две компании, предлагавшие: одна – вакуумную сушку с замораживанием, а другая – сушку с помощью специальной воздушной системы. Я изучил результаты этих методов после того, как книги вернулись в Библиотеку. Оказалось, что книги, высушенные только воздухом, «чувствовали» себя хуже высушенных в условиях вакуума. По совету Салли Бьюкенен сотрудники Библиотеки решили поместить обратно на полки большую часть книг, возвращенных из сушильных установок, несмотря на то, что некоторые из них являлись «полными инвалидами». По-моему, это был правильный совет, поскольку позже Салли объяснила, что это являлось формой фазовой консервации. Когда читатель находил непригодное издание, администрация либо заменяла его, либо оплачивала расходы на восстановление.

В 1988 г. один из крупнейших в мире пожаров обрушился на Библиотеку Академии наук СССР в Ленинграде – ныне это Библиотека Российской Академии наук (БАН) в Санкт-Петербурге. Она была основана Петром Великим в 1714 г. и за свою историю пережила, по меньшей мере, два пожара. Во время блокады Ленинграда Библиотека работала все 900 дней и ночей; половина ее сотрудников умерла тогда от истощения и сопутствующих болезней.

Отмечу, что некоторые библиотечные здания уязвимы для большого бедствия. Представители властей обычно ищут виновников катастрофы и в редких случаях приводят факты для оправдания своих нападков. Состояние здания перед бедствием может быть таково, что

возникновение реальной катастрофы является лишь вопросом времени. Так, видимо, случилось и с Библиотекой Академии наук, но с двумя важными исключениями. Форма здания в виде вытянутой буквы «U» и строгое соблюдение правил закрытых пожарных выходов препятствовали общему разрушению всего строения, ограничивая огонь внутренней секцией, выходящей во двор. Доступ пожарных к зданию со двора стал ключевым фактором в борьбе с огнем. Пожар спонтанно вспыхнул в двух разных местах на третьем этаже, что дает все основания считать оба возгорания умышленными. Незадолго до пожара Библиотеке было отказано в установке противопожарной системы, отсутствовала и система обнаружения задымления.

Через три дня после пожара с директором Библиотеки В.А. Филовым случился сердечный приступ, возглавил работу его заместитель доктор Валерий Леонов. В деле помощи восстановления БАН мне выпала честь представлять Библиотеку конгресса. Во время своих посещений БАН за последние примерно шесть лет я без всяких колебаний утверждаю, что доктор Леонов со своими сотрудниками разработал наиболее эффективный восстановительный процесс из всех, что я видел, организованный в самых тяжелых обстоятельствах, под постоянными испытующими взорами тех, кто ищет виновных.

Существует ряд видимых сходных черт между управленческими качествами директора Национальной библиотеки во Флоренции и директора Библиотеки Академии наук. Оба они столкнулись с необходимостью принятия решений по вопросам, в которых прежде не имели никакого опыта, и оба прошли через испытания, которые я охарактеризовал бы следующим образом:

– степень человеческой реакции и ответные действия на нее в условиях стресса;

– мера ответственности руководителя, который, в состоянии или не в состоянии владеть ситуацией, способен отделить порядок от хаоса и имеет силу и мужество действовать решительно, без страха и взаимных упреков в будущем;

– использование современных методов определения оценки потерь и повреждений; создание плана действий, влияющего, в конечном счете, на издержки по восстановлению, замене и реставрации;

– ситуация, в которой руководство может разработать стратегию, чтобы справляться с неуместными, привлекающими внимание и просто неверными сообщениями в прессе;

– степень решимости и сила характера, несмотря на негативную критику тех, кто стремится найти виновных в катастрофе;

– методы, использованные для подготовки и высушивания материала, и готовность администрации открыто делиться опытом восстановления с теми, кто заинтересован в выработке планов подготовки к бедствиям.

Библиотекари и архивисты, пережившие большое бедствие, знают, что на самом деле происходит после шока. Можно ощущать и выражать гнев, расстройство, чувство крайней безнадежности, полную потерю самоуважения, просто страх и, кроме всего, панику. После этих первоначальных эмоций наступает время размышлений, осознание того, что есть работа, которую необходимо сделать, и тогда возникает план действий. Может быть, именно благодаря тяжелым испытаниям, выпавшим на долю наших русских коллег во время второй мировой войны, они оказались более подготовленными, чем ожидалось? Я почти не видел шока и гнева непосредственно после пожара – только профессиональную решимость наилучшим образом справиться с ситуацией.

Сразу же после бедствия следует стремительная атака со стороны средств массовой информации: они могут не заботиться о том, какого рода сведения способны раздобыть, лишь бы они были важны и сенсационны. Эти люди часто пытаются найти очевидцев, многие из которых могут быть совершенно измотаны круглосуточной работой. Столь тяжелые обстоятельства – не лучшее время для правдивой информации.

Первая оценка того, что утрачено и повреждено, может быть преувеличенной или заниженной. Столько неразберихи, не говоря уже о напряженной работе, просто визуального и физического впечатления от разрушений – все это затуманивает рассудок. Имеет место естественная человеческая реакция, она понятна, но очень редко понимаемая другими.

Большая часть вышесказанного относится к ситуации, с которой столкнулся коллектив БАН. С самого начала нашлись такие люди, которые настаивали на полной инвентаризации утраченных и поврежденных томов прежде, чем была обеспечена помощь международных организаций. Подготовка полной описи потерь сразу после пожара невозможна и недостойна тех, кто на ней настаивал, поскольку это может отнять несколько лет, особенно, если, по опыту БАН, имелись книги и газеты, остававшиеся на хранении в холодильных установках в течение двух лет после пожара. Кроме того, имелось большое количество книжных фрагментов, нуждавшихся в идентификации и присоединении к соответствующим оригиналам – долгий и утомительный процесс, который требует годы для своего завершения.

Появились подозрения относительно отсутствия печатного каталога, что ряд материалов мог быть украден или уничтожен. При подобном положении единственно приемлемым решением было бы сравнение печатных каталогов библиотек по всему миру. Обнаружилось, что

ни одна библиотека не застрахована от вандализма и воровства и не может предложить каталог, где были бы отражены все фонды. Это справедливо и по отношению к Библиотеке конгресса, которая, как видно из опубликованных отчетов о вандализме и воровстве и мерах противостояния им, переживает подобное на своем опыте. (См. статью в «Вашингтон Пост» за 17 августа 1995 г. «Расследование воровства в Библиотеке конгресса наращивает обороты?»).

В настоящее время БАН завершила документальную проверку, составила списки утраченных и поврежденных изданий и в течение этого длительного процесса создала несколько передовых технологий. Сюда входит уникальная система сушки, при которой небольшие замороженные пачки книг заворачиваются в жилеты, наполненные опилками; затем их помещают на полки в помещении с окнами, оборудованными большими нагревателями, подающими воздух и регулирующими процесс сушки. Во время процесса применяются различные циклы подогретого воздуха и осушения. В результате создается режим rain forest (лес под дождем) внутри обернутых книг, способствующий равномерному их высушиванию. Возникает малая деформация книг, при которой не происходит рост плесени; вода испаряется из книжных пачек. На вид этот метод кажется низкотехнологичным, но он был разработан большой группой талантливых специалистов по бумаге, связанных с БАН, и дал хорошие результаты. Они также создали систему фумигации на основе формальдегида и двуокиси углерода для обработки помещений, наполненных влажными книгами. Только около 10% из 3,5 млн. книг поврежденной коллекции могли быть помещены в холодильные установки. Оставшиеся 90% были высушены либо прямо на месте, либо читателями – жителями Санкт-Петербурга.

Совместные усилия Библиотеки конгресса и БАН были сконцентрированы на сильно пострадавшей иностранной коллекции редких книг, известной как фонд Бэра. Из оригинального собрания примерно в 510 тыс. томов, изданных в XVII–XIX вв., 180 тыс. экземпляров сильно пострадало от огня и воды. Не уцелел почти ни один кожаный корешок, около 6 тыс. томов были полностью уничтожены. Я посчитал, что для завершения реставрации оставшихся 172 тыс. томов потребовалось бы, по меньшей мере, двадцать самых опытных консерваторов для работы в течение пятидесяти лет. Как и в случае Флоренции, в Петербурге имелось давление на библиотекарей в поддержку развертывания массовой обработки этой коллекции в наикратчайшее время. Хотя и существовала надежда, что некоторые книги, изданные в XIX в., можно заменить, основные книги собрания, около 60 тыс. томов XVII в., являлись уникальными, а многие из них имели на полях пометки ученых. Мне объяснили, что фонд Бэра не пользовался особым читательским спросом, однако администрация Библиотеки показала всему миру, что БАН предприняла все необходимые меры для сохранения ценной коллекции редких книг на иностранных языках.

После ряда дискуссий по данной теме с коллегами БАН было решено выбрать способ сохранения, примененный в Библиотеке конгресса и названный «**фазовой консервацией**». Он состоял в разделении элементов полной консервационной обработки и требований к окружающей среде на фазы, где первая фаза имела целью физическую защиту всей коллекции от отрицательных условий в книжных хранилищах с помощью особых контейнеров для книг. Это дало бы Библиотеке время, чтобы определить приоритеты для отдельных книг на основе их ценности и потребности в них. Для согласованной работы по этой программе БАН создала компьютерную базу (паспорт)

данных для регистрации: состояния издания, полных библиографических и исторических сведений о нем и других характеристик, предназначенных для реставрации. Это наиболее сложная база данных такого рода из ныне существующих.

В отличие от системы, принятой во Флоренции (тогда с большинства пропитанных грязью книг были сняты переплеты, затем все их промыли и запаковали в грубую оберточную бумагу перед ремонтом и полной реставрацией, исключив, тем самым, возможность доступа к ним читателя), фазовый подход, принятый БАН, избегает попыток обширной реставрации, а также необдуманных методов реставрации и, кроме того, обеспечивает профилактическую сохраняющую защиту и доступ к коллекции в целом. Это еще один пример того, как применяются на практике уроки, полученные во Флоренции!

Первое, за что мы ухватилась, – сделанные вручную футляры, часто называемые фазовыми контейнерами. Они добавляли около 9 мм к толщине каждого тома. Для всей коллекции потребовалось бы дополнительно 5 тыс. метров книжных полок. БАН не могла обеспечить ни необходимую рабочую силу для изготовления контейнеров вручную, ни возможностей для установки дополнительных полок.

Анализ первых 20 тыс. измерений показал, что толщина книг – величина непостоянная. Это исключало изготовление определенного числа стандартных штампов, так как их потребовалось бы более 5 тыс. штук по цене примерно 120 долл. за каждый.

Иногда, слишком увязнув в вопросе и отчаянно пытаюсь найти решение, упускаешь очевидное. В нашем случае мы упустили то, что весь поврежденный фонд Бэра был пропитан водой и, естественно, значительно разбух. После сушки книги не обретали свою первоначальную толщину.

Из 20 тыс. томов 60 произвольно отобранных экземпляров обмерили вторично, устанавливая килограммовую гирю на каждый том. Было обнаружено, что сжатие в среднем достигало 4 мм, оставалось лишь придумать технологию изготовления, посредством которой можно производить плотно прилегающие контейнеры, добавляющие не более 4 мм к толщине каждого тома, и тем самым ликвидировать потребность в добавочных полках. Подобной технологии найдено не было.

Я с удовлетворением могу сказать, что проблема была решена в 1990 г. с помощью «Custom Manufacturing Inc.», Fairfield PA, USA (CMI) – компанией, владельцами которой являлись мой сын Майкл и его жена Кармен. Они изобрели технологию автоматического изготовления контейнеров под управлением компьютера для производства высококачественных архивных книжных контейнеров, увеличивающих толщину книги не более чем на 4 мм. В конце 1990 и начале 1991 г. CMI произвела первые 11 тыс. контейнеров для БАН, в результате чего потребовалось меньше полметра дополнительных полок.

В сентябре 1993 г. в БАН была установлена приобретенная по гранту Института консервации им. П. Гетти машина для изготовления контейнеров CMI. Она может производить по меньшей мере 200 специально подогнанных контейнеров в день из картона с гофром E и B или из однородного картона. При помощи этой технологии БАН продолжает изготавливать контейнеры для фонда Бэра, а также обеспечивает ими родственные учреждения города Санкт-Петербурга.

Кажется, что 30 лет подобной деятельности – это долгий путь. В 1966 г. термины «консерватор книг» и «книжная консервация» еще не имели широкого распространения, а само это занятие не признавалось в качестве самостоятельной профессии. Быть может, все мы становимся упрямее в своих подходах к решению проблем

сохранения, кроме тех, кто еще настаивает, что «массовая» обработка снимет большинство вопросов. Фазовая консервация практикуется во многих учреждениях мира, и ее оригинальная понятийная основа закладывалась во Флоренции, чтобы позже воплотиться в жизнь в Библиотеке конгресса. Мы больше не можем находить оправдание ведомственным программам консервации, основанным на обработке отдельных экземпляров. Причина вполне очевидна, поскольку ни одно учреждение не может позволить себе роскошь нанять несколько десятков квалифицированных профессионалов для консервации отдельных экземпляров, тогда как большинство их продолжало бы разрушаться.

Фазовая консервация, или новый, чаще употребляемый сегодня, термин **«превентивная консервация»**, имеет наибольший смысл при том условии, если она правильно подходит ко всем вопросам, затрагивающим окружающую среду, безопасность, возможные бедствия и готовность к ним, заботу о коллекциях на глобальной, а не индивидуальной основе.

Если бы фазовая консервация была общепринятой технологией во время флорентийского наводнения, это могло бы серьезно повлиять на методы обработки поврежденных водой коллекций. Например, мы могли бы не обрабатывать все коллекции, снимая, в первую очередь, переплеты и промывая книги, а хранить их в защитных контейнерах и обрабатывать в порядке срочности и необходимости, обеспечивая тем самым некий уровень контролируемого читательского доступа.

* * *

В феврале 2008 г. в Библиотеке Российской Академии наук прошла научная конференция, посвященная 20-летию пожара. Одним из ее участников был заведующий Отделом сохранения Марриот библиотеки Университета Юта (США), коллега и друг П. Уотерса Ренди Силверман. В статье «Biblioteka

Akademii Nauk Fire: Twenty Years on» он дал высокую оценку восстановительных работ в БАН, завершив следующими словами: *«Спустя 20 лет после ленинградского пожара этот памятный симпозиум предоставил важную возможность оглянуться назад и оценить полученные уроки. Огромное и комплексное восстановление охватывало весь диапазон накопленного опыта, от потрясающей щедрости, потрясающего творчества и стойкой силы духа до грубого человеческого неуважения. Сотрудничество между доктором Леоновым, директором Института консервации им П. Гетти Мигелем Ангелом Корсо и Питером Уотерсом останется выдающимся примером, которому нужно следовать, где это возможно. Их сотрудничество и обмен опытом дали результаты, которые иным способом не могли быть достигнуты. Их работа переступала институциональные и международные границы, чтобы выйти на неожиданные и иногда блестящие решения. В то время как мы продолжаем оплакивать разрушение, возможности, которые оно породило, продолжают вдохновлять»*⁷.

* * *

Питер Уотерс останется в моей памяти непревзойденным Мастером, символом науки о консервации и профессиональной этики конца XX – начала XXI века.

Чувство глубокого уважения и искренней благодарности Питеру я пронес через все пятнадцать лет нашего общения и нашей дружбы. Условия такой дружбы предполагали особые отношения. Для Питера главным являлось ощущение «*chemistry*». Если оно у собеседников возникало, то уже отпадала необходимость в лишних словах. У нас ощущение «*chemistry*» появилось сразу же после первого разговора в марте 1988 г. Оно не оставляло нас все время нашего общения. Друзья Питера стали моими друзьями. До сих пор мы храним верность этой дружбе.

Дом Питера и его супруги Шилы обладал удивительными свойствами изменяющегося пространства. В нем можно было и

читать, и думать, и слушать музыку, и делать какие-то записи, и вести интересную беседу. Здесь постоянно шла работа ума и сердца – осмысливалось то, что было сделано, намечались новые планы. Внедрение фазовой консервации, обучение библиотекарей методам превентивной консервации, будущее реставрации в электронную эпоху – вот только некоторые из таких идей. Потом это обретало форму семинаров и конференций. Питер искал докладчиков повсеместно, причем отбирал самых авторитетных, с увлечением оппонировал им на заседаниях. Умел видеть доклады в широком контексте, с высоты своего опыта и кругозора, что вдохновляло и авторов, и слушателей. Так, благодаря ему, и мы в БАН постепенно вовлекались в интереснейшую и до сих пор малоизученную сферу библиотековедческих исследований – сохранение книжных собраний.

Его будут помнить таким, каким он был, – мягким, доброжелательным, интеллигентным и обаятельным, уважение к которому испытывали все, кто с ним был знаком. Дружья будут вспоминать его как человека, постоянно стремившегося к совершенству в своей профессиональной деятельности и в личной жизни. Мало кому известно, что он был превосходным пианистом и поклонником классики, искусным мастером-краснодеревщиком и талантливым фотографом, а в юности еще и неистовым игроком в крикет, капитаном местной команды Фроксфилда.

В 2003 году смерть прервала жизнь Питера, когда он занимался работой по систематизации и описанию слайдов, запечатлевших внедрение программы фазовой консервации в Библиотеке Академии наук...

Портрет молодого Питера стоит на моей книжной полке. Каждый день я мысленно приветствую его, а в трудный час – обращаюсь к нему за советом.

Примечания

¹ Waters Sh. Waters rising: letters from Florence: Peter Waters and book conservation at the Biblioteca Nazionale centrale di Firenze after the 1966 flood / Introduction by Randy Silverman.

Ann Arbor, Michigan: The Legacy Press, 2016. 482 p.: ill. (some colour) + DVD.

² Письмо Шилы Уотерс автору от 3 июня 2016 г.

³ Waters P. Book restoration after Florence floods // Penrose annual. 1969. № 62. P. 83-93.

⁴ Oey M. Waters Rising: Letters from Florence – Peter Waters and Book Conservation at the Biblioteca Nazionale Centrale Di Firenze After the 1966 Flood // Jour. of the American Institute for Conservation. 2017. doi: 10.1080/01971360.2016.12770064.

⁵ Уотерс П. Сохранение культурного наследия библиотек: избранные работы / пер. с англ. Н.И. Яшугина, И.М. Беляевой, Л.Г. Левашовой; сост., отв. ред. и предисл. В.П. Леонова; послесл. И.М. Беляевой. СПб.: БАН, 2005. 124 с.

⁶ Перевод осуществлен по рукописи: Waters P. From Florence to St. Petersburg: An Enlightening and Thought – Provoking Experience. Paper read at the conference «Redefining Disasters: A Decade of Counter Disaster Planning», Library of New South Wales, September 1995. 12 p. Уотерс П. Сохранение культурного наследия библиотек: избранные работы / пер. с англ. Н.И. Яшугина, И.М. Беляевой, Л.Г. Левашовой; сост., отв. ред. и предисл. В.П. Леонова; послесл. И.М. Беляевой. СПб.: БАН, 2005. С. 76–86.

⁷ Silverman R. Biblioteka Akademii Nauk Fire: Twenty Years on // International Preservation News: A Newsletter of the IFLA Core Activity on Preservation and Conservation, 2008. № 45 (August). P. 27–29; Silverman R. Biblioteka Akademii Nauk Fire: Twenty Years on // The Academy of sciences library: episodes of biography / compiled and ed. by Valerii P. Leonov. Saint Petersburg: The Russian academy of sciences library, 2014. P. 150.

Опубликовано: Питер Уотерс и Библиотека Академии наук: вспоминая февральский пожар 1988 г. / В.П. Леонов // Петерб. библиотеч. шк. 2017. № 3 (59). С. 50–64.

О библиофильской деятельности Энтони Хобсона

Энтони Хобсон (5 сентября 1921 г. – 12 июля 2014 г.) останется в нашей памяти как образец выдающегося ученого в области библиографии, палеографии, книжного переплета эпохи Возрождения, истории книги и рукописей. Им опубликовано более 200 статей и рецензий, 8 монографий. С 1985 по 1999 г. Э. Хобсон был президентом Международной ассоциации библиофилов. Свободно владел французским, немецким, итальянским и испанским языками. При жизни его считали одним из классиков библиофильства, он прочно занимал место в первой десятке ведущих библиофилов мира¹.

В июле 2014 г. две известные британские газеты «The Independent» и «The Telegraph» поместили на своих страницах посвященные ему статьи и некрологи². К сожалению, в отечественной литературе имя Энтони Хобсона известно небольшому кругу специалистов. Поэтому мне хотелось бы, ссылаясь на материалы историка книги Николаса Баркера и другие источники, кратко рассказать о нем, о его работе как эксперта аукционного дома Сотби, о формировании библиофильского опыта и мировоззрения, принесшего ему мировую известность³.

Энтони Роберт Элвин Хобсон (Anthony Robert Alwyn Hobson) родился в городе Рил в фермерской семье, несколько поколений которой занимались хлопковым бизнесом. Его отец Джефффри Хобсон (Geoffrey Hobson, 1882–1949) был первым в семье, кто проявил интерес к искусству и редким книгам, став специалистом по книжным переплетам. Он возглавлял аукционный дом Сотби. От отца Энтони получил первые сведения о каталогизации книг и переплетном искусстве.

В возрасте семи лет он пошел в частную подготовительную школу Сэндرويد, а в 13 – в Итонский колледж как *Oppidan Scholar*⁴. В библиотеке колледжа Энтони проявил интерес к средневековым европейским рукописям и однажды попро-

сил разрешения показать ему итонский Апокалипсис. Ректор, вспоминал Э. Хобсон, «... держал его открытым так далеко от меня, насколько было возможно»⁵. Вероятно, с тех пор уже ничто не мешало ему смотреть на книги независимо от того, насколько они были удалены и труднодоступны.

В 1940 г. Энтони поступает в Нью Колледж в Оксфорде для изучения европейских языков и литературы, особенно французской. После обучения в течение четырех семестров он, с началом войны, присоединился к шотландским гвардейцам и прошел всю итальянскую кампанию. В депешах от 7 июня 1944 г. Энтони Хобсон был упомянут за получение под огнем близ Чивита-Кастеллана (итальянская коммуна) немецкой карты с точным курсом Готской линии. Войну он закончил в звании капитана разведки и демобилизовался в 1946 г. Еще год ушел на изучение итальянского и испанского языков.

В 1947 г. он принимается на работу в аукционный дом Сотби и в возрасте 27 лет становится одним из самых молодых директоров в книжном отделе и зале продаж. Наставником Э. Хобсона в научной и организационной деятельности (после смерти отца в 1949 г.) теперь выступает Карл дес Грац (Carl des Graz). Безукоризненно одетый, дисциплинированный до предела, он научил Энтони как проводить продажи быстро, не пропуская поступающих предложений. После ухода Граца в 1953 г. он взял на себя ответственность за распределение обязанностей в дирекции. Хобсон разработал новые стандарты для каталогов, которые сам и описал, а его продажи с трибуны били все рекорды аукционов.

Отмечу две знаменитые продажи, сделанные Э. Хобсоном.

Первая – средневековые иллюминированные рукописи из коллекции библиофила Чарльза Уильяма Дисона Перринса (Charles William Dyson Perrins, 1864–1958)⁶. В собирании книг и произведений искусства Ч.У. Дисон Перринс заслуживает особого внимания. Начиная с 1897 г., будучи мэром Вустера и главным шерифом Вустершира, он стал приобретать иллюминированные рукописи и первые печатные книги, которые

сформировали одну из самых ценных и больших частных коллекций в Британии. В 1946–1947 гг. Дисон Перринс продает часть своего собрания ранних печатных книг на аукционе Сотби⁷. Эти продажи, одни из первых книжных аукционов после войны, привлекли многих американских покупателей, в том числе из Библиотеки конгресса и Гарвардского университета. После его смерти в 1958 г. многие учреждения – Британская библиотека, Музей Виктории и Альберта, Национальная галерея получили от Дисон Перринса щедрое наследство. Оставшаяся часть коллекции в 1958–1960 гг. была продана на аукционе Сотби.

Вторая значительная продажа, связанная с именем Э. Хобсона, – это остаток большой рассеянной с 1880-х годов коллекции Томаса Филлипса (Thomas Phillipps). Она была передана в Сотби в 1965 г. Энтони Хобсон руководил чередой продаж, которая длилась 12 лет.

Еще один штрих к его профессионализму. В качестве уже известного и опытного эксперта Дома Э. Хобсон возглавил продажу наследия короля Египта Фарука (Farouk), смещенного в 1954 г. Эту работу от Сотби он выполнил безвозмездно.

В 1971 г. Э. Хобсон покидает пост директора Сотби, разочаровавшись в его новой политике, и занимается научной и преподавательской работой. Сначала в Кэмбридже, а потом в Оксфорде он выступает в качестве ридера⁸ по библиографии.

Ридерство – структурное подразделение библиотеки «The Sandars Readership in Bibliography». Оно было учреждено в 1895 г. по завещанию Самуэля Сандерса (Samuel Sandars, 1837–1894) из Тринити колледжа. Для ежегодного чтения лекций по библиографии, палеографии, переплету, книжной иллюстрации, истории книги и рукописей выделялась сумма в 2000 фунтов стерлингов. Обязанности ридера сформулировал сам Сандерс в письменном дополнении к завещанию. В частности, он описал процедуру выбора ридера, сроки и частоту чтения лекций (одна или более ежегодно). Обязательным условием была передача «письменного или напечатанного эк-

земпляра каждой лекции в университетскую библиотеку, а также в библиотеку Британского музея»⁹.

За период с 1895 по 2014 г. ридерами были 105 человек¹⁰. Чтение лекций приостанавливалось лишь три раза в истории «The Sandars Readership in Bibliography». В 1906 г. в связи с болезнью и смертью британского юриста и историка Ф.У. Мейтленда (F.W. Maitland, 1850–1906), в 1916–1920 и 1940–1946 гг. в связи с мировыми войнами. Интересный факт: в 1973–1974 гг. ридером был британский славист, библиотекарь славянского отдела Оксфордской библиотеки Джон Саймон Габриель Симмонс (John Simon Gabriel Simmons, 1915–2005) с лекцией «Russian printing from the beginnings to 1917: a view from the West» («Русская печать: от истоков до 1917 г.: взгляд с Запада»)¹¹.

Аналогичное подразделение «The Lyell readership in bibliography» существует и в Оксфорде¹². Оно было создано по завещанию адвоката, книжного коллекционера и библиографа Джеймса Патрика Роналдсона Лайела (James Patrick Ronaldson Lyell, 1871–1948) в 1952 г. Ежегодно избирается выдающийся ученый для чтения лекций (обычно их число составляет шесть) по любому аспекту библиографии. Число ридеров за всю историю «The Lyell readership in bibliography» составило 57 человек. Так же, как и в Кэмбридже, все лекции печатаются.

Но вернемся к Энтони Хобсону. В Кэмбридже (1974–1975 гг.) он читал лекции на тему «Some book collectors, booksellers and binders in sixteenth century Italy» («Коллекционеры книг, книготорговцы и переплетчики в Италии XVI в.»). В Оксфорде (1990–1991 гг.) выступал с лекциями «Two Renaissance book-collectors: Jean Grolier and Diego Hurtado de Mendoza, their libraries and bookbindings» («Два коллекционера эпохи Возрождения: Жан Гролье и Диего Уртадо де Мендоса, их библиотеки и переплеты»).

В 1977–1979 гг. Э. Хобсон был президентом Библиографического общества; в 1992 г. избран членом Британской академии. Он входил в число попечителей Итонского колледжа, а

также в состав членов совета по сохранности коллекций Итонского колледжа и библиотеки Ламбетского дворца.

В числе его монографий такие книги, как:

1. «French and Italian collectors and their bindings, illustrated from examples in the library of J.R. Abbey» (Oxford: Printed for presentation to the members of the Roxburghe Club, 1953. xliii, 190 p.) («Французские и итальянские коллекционеры и их переплеты с иллюстрациями примеров из библиотеки Дж.Р. Аббея»).

2. «Great libraries» (London, Weidenfeld & Nicolson, 1970. 320 p.; New York: Putnam, [1970]. 320 p.) («Великие библиотеки»).

3. «Apollo and Pegasus: an enquiry into the formation and dispersal of a Renaissance library» (Amsterdam: Van Heusden, 1975. xviii, 250 p.) («Аполлон и Пегас: исследование по формированию и распространению библиотек эпохи Возрождения»).

4. «The art and life of J.W. Waterhouse, RA, 1849–1917» (New York: Rizzoli in association with Christie's, 1980. 208 p.) («Искусство и жизнь Дж.У. Уотерхауса, члена Королевской академии искусств (1849–1917)»).

5. «Cyril Connolly as a book collector» (Edinburgh: Tragara Press, 1983. 24 p.) («Сирил Коннолли – книжный коллекционер»).

6. «Italian and French 16th century bookbindings = La reliure en Italie et en France au XVIe siècle» ([Brussels]: Bibliotheca Wittockiana, 1991. 189 p.) («Итальянские и французские переплеты XVI в.»).

7. «Renaissance book collecting: Jean Grolier and Diego Hurtado de Mendoza, their books and bindings» (Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 1999. xix, 275 p.) («Книжное собирательство в эпоху Возрождения: Жан Гролье и Диего Уртадо де Мендоса, их книги и переплеты»).

8. «Some memories of congresses & colloquia of the Association Internationale de Bibliophilie» (Yorkshire: AIB, 2011. 111 p.) («Воспоминания о конгрессах и коллоквиумах Международной ассоциации библиофилов»).

4 июля 2014 г., за несколько дней до смерти (12 июля), вышла последняя рецензия Э. Хобсона на каталог французских книг XVIII в. из коллекции барона Фердинанда де Ротшильда¹³. Имя Энтони Хобсона останется в истории библиофильства и книжности как символ бескорыстного им служения.

Примечания

¹ Bookbindings & other bibliophily: essays in honor of Anthony Hobson / ed. by Dennis E. Rhodes and foreword by Frederick Adams. Verona: Edizione Valdonega, 1994. 368 p.

² Barker N. Anthony Hobson: historian, auctioneer and scholar who followed his father as a leading figure in the study of book-binding // The Independent. 2014. 22 July; Anthony Hobson – obituary // The Telegraph. 2014. 23 July.

³ Выражаю огромную благодарность Шарлотте Марсден (Хобсон) за внимательное прочтение вступительной статьи и за существенные дополнения.

⁴ Oppidan Scholar – ученик Итонского колледжа, живущий на частной квартире.

⁵ Barker N. Anthony Hobson...

⁶ Charles William Dyson Perrins [Электронный ресурс] // Museum of Royal Worcester [сайт]. Режим доступа: <http://www.museumofroyalworchester.org> (дата обращения: 30.01.2015).

⁷ C.W. Dyson Perrins (1864–1958) [Электронный ресурс] // Library of Congress [сайт]. Режим доступа: <http://www.loc.gov/exhibits/heavenlycraft/heavenly-exhibit.html> (дата обращения: 30.01.2015).

⁸ Ридер – университетская должность в британских университетах, стоящая между профессором и старшим преподавателем (Gordon P., Lawton D. Dictionary of British education. London: Routledge, 2003. P. 199).

⁹ Duties of the Sandars Reader [Электронный ресурс] // University of Cambridge [сайт]. Режим доступа: <http://www.lib.cam.ac.uk/sandars/duty.html> (дата обращения: 30.01.2015).

¹⁰ Если с 1895 г. ридеры выбирались на один год, то с 1972 г. уже на два. Лекции с 2006 г. размещаются на сайте библиотеки.

¹¹ Bell A. J.S.G. Simmons: Bibliographer and Slavonic scholar [Электронный ресурс] // The Independent. 2005. Sept. 23. Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/obituaries/j-s-g-simmons-314463.html> (дата обращения: 30.01.2015).

¹² The Lyell lectures [Электронный ресурс] // Centre for the study of the book / Bodleian libraries, University of Oxford [сайт]. Режим доступа: <http://www.bodleian.ox.ac.uk/csb/lyell> (дата обращения: 30.01.2015).

¹³ Hobson A. Morocco bound // The Times Literary Supplement. 2014. July 4. Режим доступа: <http://www.waddesdon.org.uk> (дата обращения: 30.01.2015).

Опубликовано: О библиофильской деятельности Энтони Хобсона // Леонов В.П. Международная ассоциация библиофилов (Association Internationale de Bibliophilie – AIB): Заметки о встречах на конгрессах и коллоквиумах; Библиотека РАН. Санкт-Петербург: БАН, 2015. С. 11–16.

Вспоминая Юджина Гарфилда: по материалам публикаций и личной встречи

26 февраля 2017 г. на 92 году жизни скоропостижно скончался Юджин Гарфилд – один из классиков современной наукометрии...

В рецензии на коллективную монографию отечественных ученых «Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии»¹ я особое внимание обратил на раздел, написанный заведующей отделением научно-информационного обслуживания РАН и регионов развития ВИНИТИ доктором педагогических наук В.А. Маркусовой. В нем представлена история становления наукометрических исследований в США и СССР, начиная от индекса цитирования Гарфилда (1955 г.) и импакт-фактора (1972 г.) журналов. Первый являлся инструментом мониторинга состояния любой науки, второй – обоснованием отбора и формирования ядра периодических изданий в библиотеках и информационных службах...

Путь американского ученого начался в химической лаборатории, где он стал трудиться после получения степени бакалавра. Узнав о старейшем реферативном журнале «Chemical Abstracts» (выходит с 1907 г.), Гарфилд создал обширный указатель химических препаратов, имеющихся в лаборатории. Изучая научную литературу, он *«обратил внимание на обзорные статьи, каждый параграф которых подтверждался соответствующей ссылкой. Этот факт привел его к пониманию ассоциативной связи между новой публикацией и работой предшественников»* (с. 16). Затем было участие в проекте Welsh Machine Project по машинному индексированию в Медицинской библиотеке Университета Дж. Хопкинса, призванному решить проблему «информационного кризиса» в медицине и разработать новый способ обработки литературы с помощью машинных методов. Благодаря знакомству с экс-вице-президентом юридической компании «Шепард» У. Адейром (компания издавала с 1873 г.

Shepard's Citations – Указатель ссылок Шепарда) у Гарфилда возникла идея о создании указателя научной литературы.

В июле 1955 г. в журнале «Science» была опубликована статья Гарфилда «Citation Indexing for Science». Как подчеркивает В.А. Маркусова, «Идеи, заложенные в этой статье, в частности, соображения о возможности создания мультидисциплинарного указателя цитирования, самым непосредственным образом касались решения проблемы поиска научной литературы. То есть появилась реальная возможность реализовать мечту о «мировом мозге», которая со времен Г. Уэллса занимала многих выдающихся ученых» (с. 17).

В 1956 г. Гарфилд открыл фирму Eugene Garfield Associates, Information Engineers и начал выпускать первое в мире недельное сигнальное издание библиографической информации «Current Contents», содержащее оглавления только что вышедших научных журналов в области фармацевтики и биомедицины, а также пермутационный и авторский указатели. Издание имело огромный успех. В 1960 г. Гарфилд переименовал свою компанию в Institute for Scientific Information. Название учреждения было выбрано под впечатлением от созданного еще в 1952 г. в структуре АН СССР Института научной информации, позже переименованного в ВИНТИ.

О сильном взаимовлиянии американской и советской науки в наукометрии свидетельствует хотя бы тот факт, что одной из причин оказания финансовой поддержки Институту Гарфилда в издании Указателя научных ссылок стал запуск советского спутника 4 октября 1957 г., повлекший создание в Национальном научном фонде отдела научно-технической информации (с. 19). Другой пример – предложение термина «наукометрия» советским ученым профессором В.В. Налимовым. Его книга «Наукометрия», опубликованная в 1969 г. в соавторстве с З.М. Мульченко, была переведена в США на английский язык и распространялась бесплатно как технический отчет (с. 31). Именно Налимову журнал «Scientometrics» обязан своим названием.

Если в первые десятилетия администраторы науки и финансирующие органы с недоверием относились к библиометрическим показателям, то сегодня, по выражению Гарфилда, они стали «злоупотреблять цитированием». Предложение использовать импакт-фактор журнала в качестве критерия оценки роста ученого и результатов научных исследований дало старт публикационной гонке «Publish or Perish» («Публикуйся или погибнешь»). *«Мы являемся свидетелями, – продолжает Гарфилд, – превращения библиометрических исследований в новую отрасль индустрии – оценку результативности научных исследований, выполняемых в университетских и научных коллективах»* (с. 45). Эти наблюдения ученого отражают новый этап развития наукометрии.

С точки зрения профессиональных специалистов по библиометрии, которую я полностью разделяю, индексы цитирования и импакт-факторы являются вспомогательным библиографическим инструментом и предназначены для того, чтобы отслеживать состояние науки и тенденции в ее развитии.

Особо хочу отметить творческие связи, которые сложились у Юджина Гарфилда с Библиотекой Академии наук СССР. Вот как об этом пишет В.А. Филов – директор БАН в 1980–1988 гг.: *«В это же время возникли взаимные творческие отношения с Юджином Гарфилдом, основателем и руководителем Института научной информации в Филадельфии, ведущим специалистом в области наукометрии. Институт выпускал ряд информационных и наукометрических изданий, среди которых известный Science Citation Index. Ежегодно в Ленинграде организовывались лекции Гарфилда, собиравшие большую аудиторию. Резко увеличилось поступление изданий Института в Библиотеку»*².

Лично для меня стала незабываемой встреча с Юджином Гарфилдом, которая состоялась 30 августа 2006 г. в Филадельфии. При содействии The University of the Arts и поддержке ректора Мигеля Ангела Корсо была достигнута договоренность о моем визите в легендарный (со студенческих лет!) Институт

научной информации. Все было организовано прекрасно. После впечатляющей экскурсии по Институту мне предложили зайти в кабинет его директора Юджина Гарфилда. Несмотря на свою занятость, он был очень любезен и уделил нашей беседе около часа. Ю. Гарфилд с удовольствием вспоминал поездки в Ленинград, выступления в Ленинградском научном центре АН СССР, дружеские контакты с БАН и В.А. Филовым.

Я рассказал о том, как мы восстанавливаем фонды БАН после пожара в феврале 1988 г., как сотрудничаем с американскими библиотеками и институтами³. На память об этой встрече у меня осталась историческая фотография...

И еще об одном, но уже заочном общении. В 2014 г. в Санкт-Петербурге отмечали 300-летнюю годовщину основания БАН. К этому событию был выпущен юбилейный сборник статей, который в знак уважения потом удалось передать Ю. Гарфилду⁴.

В июле 2015 г. от него пришло электронное письмо:

Письмо Ю. Гарфилда:

Dear Valerii, Thank you for sending me "Episodes of Biography". Yes, I remember well your visit to Philadelphia in 2006. Best wishes to you and your colleagues at the BAN in St. Petersburg. If my health is ok we may be visiting St. Petersburg in October 2015 after I attend a conference in Mons, Belgium. Best wishes, Eugene Garfield.

Перевод письма:

Дорогой Валерий, спасибо за то, что Вы прислали мне «Эпизоды биографии». Да, я хорошо помню Ваш визит в Филадельфию в 2006 г. Наилучшие пожелания Вам и Вашим коллегам в БАН в Санкт-Петербурге. Если у меня будет все в порядке со здоровьем, мы возможно посетим Санкт-Петербург в октябре 2015 г. после моего участия

в конференции в Монсе в Бельгии. С наилучшими пожеланиями, Юджин Гарфилд.

Вспоминая сегодня Юджина Гарфилда, его уникальные научные достижения и человеческое обаяние, хотелось бы сослаться на один исторический факт. На памятнике Шарлю Фурье (1772–1837) в Париже его ученики поместили изречение, которое в их глазах подытожило всю его жизнь и его учение:

**«Les attractions sont proportionnelles aux destinées»
(«Притяжения пропорциональны судьбам»)**

Примечания

¹ Леонов В.П. [Рецензия] // Вестн. РАН. 2015. Т. 85. № 10. С. 949–951. Рец. на кн.: М.А. Акоев, В.А. Маркусова, О.В. Москалева, В.В. Писляков. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / ред. М.А. Акоев. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. 250 с.

² Филов В.А. О моей работе в Библиотеке Академии наук СССР // Петербургская библиотечная наука СССР. 2013. № 3 (43). С. 10.

³ Напомню, что в 1989 г. БАН получила в дар от информационной службы «Chemical Abstracts Service» (CAS) 111 томов реферативного журнала «Chemical Abstracts» с момента его выхода в свет в 1907 г.

⁴ The Academy of sciences library: episodes of biography / compiled and ed. by Valerii P. Leonov. Saint Petersburg: The Russian academy of sciences library, 2014. 176 p.

Опубликовано: Вспоминая Юджина Гарфилда: (по материалам публикаций и личной встречи) / В.П. Леонов // Науч. и техн. б-ки. 2017. № 6. С. 111–117.

Благодарная память: к 100-летию со дня рождения И.В. Гудовщиковой

Ирина Васильевна Гудовщикова (девичья фамилия Ломакина) (1918–2000) вошла в историю библиотечного факультета Ленинградского государственного института культуры (ЛГИК) как ученый-энциклопедист, как талантливый библиограф и замечательный педагог, как человек огромной энергии, редкого обаяния и просто красивая женщина. В памяти коллег, друзей и учеников сохранились ее искренность, доброжелательность, неподдельный интерес к людям, теплота ее гостеприимного дома, где полки с книгами начинались от порога.

Доктор педагогических наук, профессор, автор учебника, учебных пособий и многочисленных публикаций по истории, теории и методике отечественной и мировой библиографии, она разработала оригинальный авторский курс иностранной библиографии, стала ведущим экспертом в этой области и на протяжении полувека систематически знакомила всех заинтересованных специалистов с новинками мировой библиографической литературы¹. Жизненный путь Ирины Васильевны был непростым, но успешным. Родилась она 14 декабря 1918 года в Минске, в русско-польской семье интеллигентов. В 1924 г. семья переехала в Ленинград и поселилась на Васильевском острове. Окончив в 1936 г. среднюю школу, Ирина Васильевна без экзаменов (как отличница) поступила на биологический, затем на филологический факультет Ленинградского государственного университета, где слушала лекции ученых первой величины (М.К. Азадовского, Г.А. Бялого, В.М. Жирмунского, С.Д. Балухатого, Б.М. Эйхенбаума и др.).

В студенческие годы Ирина Васильевна проявила большой интерес к фольклору, но особенно к русской поэзии начала XX века. В 1940 г. была опубликована ее первая работа – рецензия на изданные в Париже воспоминания Э. Триоле о В. Маяковском.

Получив диплом с отличием и квалификацию русиста-филолога, Ирина Васильевна была рекомендована в аспирантуру, однако начавшаяся Великая Отечественная война нарушила все планы. В 1941 г. поездом молодых специалистов она приехала в г. Новокузнецк (тогда г. Сталинск), где стала работать переводчицей в научно-технической библиотеке Кузнецкого металлургического комбината (КМК), которую создал и курировал академик А.А. Байков. Встреча с библиотекой оказалась судьбоносной. С этого времени Ирина Васильевна навсегда попала в библиотечный мир, где нашла себя и собственный путь в науке и в жизни.

Вернувшись в город на Неве в 1946 г., Ирина Васильевна поступила на работу в Библиотеку АН СССР (БАН), в которой сначала трудилась в отделе иностранного комплектования, а затем в справочно-библиографическом. Руководство БАН высоко оценило ее работоспособность, профессионализм и предложило через некоторое время возглавить отдел иностранного комплектования. Повседневная работа с широким потоком библиографических источников, которые использовались в отделе комплектования для выявления иностранной литературы, позволили Ирине Васильевне стать настоящим знатоком современной иностранной библиографии.

Дальнейшая работа в справочно-библиографическом отделе БАН с его уникальными библиографическими ресурсами еще более расширила библиографический кругозор Ирины Васильевны. Очень полезной оказалась работа по выполнению библиографических и фактографических запросов читателей. С того времени библиографическая эвристика стала одним из любимых направлений ее научной и практической деятельности. Этому Ирина Васильевна затем учила и студентов. Много лет по воскресеньям она проводила учебные занятия по библиографическому поиску в справочно-библиографическом отделе БАН. Студенты изучали настоящие поступившие отказы, уточняли читательские заявки, выполняли настоящие справки. Занятия проходили в дружеской профессиональной

атмосфере и поэтому так нравились, и так запомнились студентам.

Уже в период работы в БАН Ирина Васильевна остро ощутила отсутствие пособий по иностранной библиографии и приняла смелое решение – подготовить такое пособие для сотрудников отдела. Одновременно определились и ее научные интересы: библиография библиографии, национальная библиография, проблемы истории и теории библиографии. Она начинает читать курс лекций по иностранной библиографии для сотрудников БАН (1952–1954 гг.) и Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, теперь – РНБ) (1954–1960 гг.).

В 1954 г. И.В. Гудовщикова поступает в аспирантуру Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской (ЛГБИ), после окончания которой ее оставляют преподавателем на кафедре общей библиографии. В 1958 г. Ирина Васильевна успешно защитила в Московском библиотечном институте кандидатскую диссертацию «Национальная и отраслевая библиография и вопросы библиографической теории в Польской народной республике». Официальными оппонентами были приглашены два библиографических корифея: К.Р. Симон и Б.С. Боднарский. Оба оппонента высоко оценили научное исследование Ирины Васильевны. Б.С. Боднарский при этом, шутя, заметил, *«что больше всего интриг происходит не среди актеров, как все считают, а среди библиографов»*².

В дальнейшем Ирина Васильевна всегда остро чувствовала дружескую поддержку К.Р. Симона, который внимательно следил за публикациями младшей соратницы. В своем фундаментальном труде «История иностранной библиографии» (М., 1963) он сделал ссылки на ее статьи, в частности, по истории библиографии Польши и оценил их как важнейшие работы.

Работая на кафедре общей библиографии сначала в должности старшего преподавателя, затем доцента и профессора, дополнительно руководя в течение 10 лет аспирантурой,

Ирина Васильевна сделала все возможное и невозможное для восстановления курса иностранной библиографии, чтение которого было прекращено с 1941 г.³

Издания, которые использовались на практических занятиях, по мере возможности в дальнейшем обновлялись. Однако были в фонде отдельные раритеты, которые могли сделать честь научной библиотеке. Например, первое издание «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера в 28 томах или «Библиографическая библиотека» Ю. Петцхольда (1866). Как впоследствии писала Ирина Васильевна, в то время заниматься этим предметом было очень непросто. Достигнутым успехам она во многом обязана была активной поддержке ректора института Н.П. Скрыпнева и заведующего кафедрой И.А. Мохова.

Подвижническая деятельность И.В. Гудовщиковой по становлению и развитию курса «Иностранная библиография» сопровождалась подготовкой учебных пособий: «Библиография в Соединенных Штатах Америки» (1988. 81 с.), «Библиография в европейских странах народной демократии» (1960. 92 с.), «Общие зарубежные энциклопедии» (1963. 87 с.), «Общая международная библиография библиографии» (1969. 105 с.). Далее была дважды разработана «Программа курса» (1966, 1982) и издан в содружестве с любимой ученицей К.В. Лютовой учебник «Общая иностранная библиография» (1978. 224 с.), удостоенный премии Министерства культуры РСФСР.

Полный список публикаций И.В. Гудовщиковой насчитывает 140 названий. Они свидетельствуют о продуктивной научной деятельности автора. Впечатляют масштаб тематики и широта ее исследовательской деятельности. В работах представлены характеристики новейших универсальных библиографических путеводителей и национальных сводов библиографической литературы. В связи с актуальностью вопроса о сохранении уникального фонда русской библиографической литературы глубоко изучена проблема учета указателей библиографических пособий и неопубликованных отечественных библиогра-

фических материалов, а также проблема совершенствования ежегодников «Библиография советской библиографии». Чрезвычайно интересными явились теоретические работы о соотношении понятий «национальная», «краеведческая» библиография и «патриотика», о моделирующей функции библиографии библиографии. Нашла отражение в ее публикациях и наступившая эпоха автоматизированных информационно-поисковых систем 1970-х годов.

Основная концепция исследовательской деятельности Ирины Васильевны – рассмотрение всех явлений библиографии в контексте единого мирового информационного процесса. Такой подход определялся ее пониманием новых технологий как средства оптимизации библиографической деятельности. При этом она предупреждала о необходимости не только интеллектуальной, но и моральной готовности профессионалов к новым документальным коммуникациям. В целом высоко оценивая информационную индустрию, Ирина Васильевна подчеркивала, что *«самую сущность библиотеки составляет отнюдь не прибыль, а благородное и бескорыстное служение всему обществу книгой... и информацией о ней»*⁴.

Значительную часть публикаций И.В. Гудовщиковой составляли статьи в энциклопедических изданиях (40 названий) и с блеском написанные биографические очерки, посвященные выдающимся деятелям мировой библиографии (Г. Бестермену, Т. Борову, Л.-Н. Мальклес, М.В. Машковой, Н. Михову, К.Р. Симону, Х.И. Тренкову и др.). Со многими из них долгие годы она поддерживала дружеские связи. Среди них: С. Вртель-Верчиньский, Г. Савоняк, М. Дембовска, Г. Глеб-Кошаньска в Польше; Т. Боров, З. Петкова, К. Зотова, Е. Савова в Болгарии; Ф. Нестлер в Германии; И. Кабрт, Я. Дртина, К. Рутткайова в Чехословакии; Л.-Н. Мальклес во Франции; Р. Коллисон и Дж. Симмонс в Англии; Г. Оттервик в Швеции; Х.Э. Сабор в Аргентине; О. Пинто в Италии.

В 1977 г. в научной жизни Ирины Васильевны состоялось большое событие – ее звездный час – защита докторской

диссертации «Универсальная библиография библиографии (История, современное состояние, перспективы развития)». Подобные события в рамках библиотечно-библиографической деятельности в те годы происходили исключительно редко. В работе выявлена динамика развития международной библиографии библиографии, установлена главенствующая роль жанра библиографического путеводителя в ретроспективном учете, определена перспектива совершенствования текущего учета. Рассмотрены история, границы и состояние национальной библиографии библиографии в 55 странах. Разработан ряд важных теоретических положений, показано становление видовой структуры библиографии библиографии, предложена классификация пособий этого вида библиографии, доказана ее моделирующая функция. Список изученных библиографических источников составил около 1000 названий.

Редактирование библиографических указателей – другое важное направление деятельности Ирины Васильевны, которой она занималась не только с большим интересом, но и с большой требовательностью. Под ее редакцией вышли фундаментальные указатели библиографических пособий, подготовленные в БАН и ГПБ, в частности, многие труды видного библиографа ГПБ Б.Л. Канделя.

Владение иностранными языками позволило Ирине Васильевне принимать участие в создании хрестоматий библиотечных текстов, которые готовила кафедра иностранных языков ЛГИК. Особое место заняла «Хрестоматия текстов на французском языке о книгах, читателях, библиотеках» (1967. 336 с.), составленная совместно с В.А. Бравиной.

Ирина Васильевна как ведущий специалист по иностранной библиографии была широко известна благодаря многочисленным публикациям. Она участвовала в зарубежной поездке в составе делегации ЮНЕСКО, посетила Швецию, Англию, Швейцарию, Италию, где познакомилась со спецификой деятельности разных библиотек и их богатыми фондами. Неоднократно выезжала для чтения лекций, организации курсов

по иностранной библиографии, для приема государственных экзаменов в разные города нашей страны, где были созданы институты культуры. Ирина Васильевна тесно сотрудничала со многими профессиональными учреждениями г. Ленинграда (Санкт-Петербурга), особенно с БАН и ГПБ. Много раз приглашалась в качестве официального оппонента на защиты кандидатских и докторских диссертаций, была членом Ученых советов (ЛГИК, БАН, ГБЛ), участником многих научно-практических конференций. Особо надо отметить полемический талант Ирины Васильевны. Ей пришлось немало выступать с критикой чужих взглядов и защитой собственных. В большинстве случаев победа была на ее стороне.

За долгую творческую жизнь И.В. Гудовщикова создала собственную научную школу. Под ее руководством в 1973–1992 гг. 12 соискателей защитили диссертации по вопросам теории и методики библиографирования различных источников информации и проблемам совершенствования справочно-библиографического обслуживания. Она учила работать аспирантов тщательно и дотошно, как работала сама. *«Аспиранты много часов провели в нашей квартире, – вспоминает муж и соратник Ирины Васильевны, известный биолог Даниил Владимирович Лебедев. – Таких руководителей, требовательных и в то же время щедрых, не щадящих своих сил, чтобы помочь ученикам, не забывают»*⁵. Однако феномен научной школы, как правило, не ограничивается только числом защищенных диссертаций. Существуют понятия «влияние школы», «преемственность школы» и т. д. Поэтому к школе И.В. Гудовщиковой относят себя многие выпускники кафедры библиографии ЛГИК⁶.

Завершая обзор жизни и деятельности Ирины Васильевны Гудовщиковой, хочется подчеркнуть, что она заслуженно считается первопроходцем в разработке и становлении курса иностранной библиографии в ЛГИК, является основателем ленинградской школы исследователей иностранной библиографии.

Ее труды вошли в золотой фонд профессиональной литературы. Все они собраны в посвященном ей биобиблиографическом указателе, которые составили ученики Ирины Васильевны⁷.

Ее помнят и будут помнить все, кто у нее учился, кто рядом с ней работал, слушал ее лекции. Ирина Васильевна щедро делилась знаниями и профессиональными тайнами со студентами и молодыми специалистами. Ее учеников можно встретить не только в разных уголках России, но и в ближнем зарубежье, а также в Болгарии, Венгрии, Германии, США, Канаде, Израиле, Литве и других странах. Ее литературное наследие хранится на библиотечных полках, и будет еще долго служить библиографии, которой она отдала свою жизнь.

Примечания

¹ Гудовщикова Ирина Васильевна // Книговедение: энцикл. словарь. М., 1982. С. 163; Куманова А. Профессор Ирина Васильевна Гудовщикова // *Cog cordium*: портр. ученых в стиле интервью. СПб., 1994. С. 26–46; Тищенко М.Н. Ирина Васильевна Гудовщикова. Юбилей учителя // Петерб. библиотеч. шк. 1998. №3/4. С.59–62; Полотовская И.Л. Традиции визучении и преподавании иностранной библиографии в Ленинграде: (к юбилею И.В. Гудовщиковой) // Информ. бюл. РБА. 1998. № 12. С. 113–116; Полотовская И.Л. Родоначалница научной школы // Библиография. 1999. № 1. С. 139–141; Лебедев Д.В. Счастливый выбор / Д.В. Лебедев, К.В. Лютова, В.П. Леонов // Библиография. 2000. № 6. С. 84–92; Лютова К.В. Памяти Ирины Васильевны Гудовщиковой // Информ. бюл. РБА. 2000. № 16. С. 124–127; Куманова А.В. Штрихи к творческому портрету профессора И.В. Гудовщиковой // Петерб. библиотеч. шк. 2001. № 2. С. 78–80; Лебедев Д.В. Ирина Васильевна Гудовщикова (1918–2000) // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2002. Вып. 9. С. 120–148; Тищенко М.Н. 85-летие И.В. Гудовщиковой // Библиография. 2003. № 6. С. 69–71; Полотовская И.Л. Гудовщикова Ирина

Васильевна // Библиотечная энциклопедия / РГБ. М., 2007. С. 333–334; Колесникова М.Н. Вспоминая Ирину Васильевну Гудовщикову: (к 90-летию со дня рождения) // Информ. бюл. РБА. 2009. № 51. С. 106–108.

² Лебедев Д.В. Ирина Васильевна Гудовщикова (1918–2000) // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2002. Вып. 9. С. 121.

³ Гудовщикова И.В. Становление и развитие курса «Общая иностранная библиография» в ЛГИК // История и перспективы библиотечного образования: сб. науч. тр. / ЛГИК. Л., 1988. С. 82–88.

⁴ Куманова А. Cor cordium. Портреты ученых в стиле интервью. СПб., 1994. С. 33.

⁵ Лебедев Д.В. Ирина Васильевна Гудовщикова (1918–2000) // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2002. Вып. 9. С. 133.

⁶ Тищенко М.Н. 85-летие И.В. Гудовщиковой // Совет. библиогр. 2003. № 6. С. 69–71.

⁷ Ирина Васильевна Гудовщикова: биобиблиогр. указ. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1992. 34 с.

Опубликовано: Благодарная память: к 100-летию со дня рождения И.В. Гудовщиковой / В.П. Леонов // Гудовщикова И.В. Избранные труды / науч. ред. В.П. Леонов, М.Н. Колесникова; предисл. М.Н. Колесникова, Н.В. Пономарева. СПб.: БАН, 2020. С. 8–14.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*Нас повело неведомо куда,
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы поднимались по реке,
И небо развернулось перед нами...
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.*

Арсений Тарковский. «Первые свидания»

Уже почти закончив книгу («Библиотечный синдром», 1996. — В.Л.), я поймал себя на мысли, что в когорте последних директоров БАН я один принадлежу к поколению, которое родилось в годы войны. Между В.А. Филовым и мной возрастная разница в двенадцать лет. Наше детство, юность, взгляды и мировоззрение относятся, как недавно говорили, к разным советским периодам. И он, и я отдали Библиотеке Академии наук часть жизни, но каждый из нас чувствует ее по-своему, так, наверное, и должно быть. Двенадцать лет! Их же прожить надо. Для размышлений срок достаточный.

Не знаю подробностей, как прошло детство Владимира Александровича, но моим детским годам вряд ли можно позавидовать. В маленьком Почаеве, известном всему миру прекрасной Почаевско-Успенской лаврой, жить в конце со-роковых было тяжело и страшно. Семья наша после войны не случайно перебралась из Западного Казахстана на Запад-

ную Украину – надо было уцелеть и выжить. Приехали – и ни кола, ни двора, как у многих в то время. В небольшом сельском доме выделили одну маленькую комнату с оконцем. В ней поместился весь привезенный скарб: сундучок с нехитрой одеждой и немного посуды. Из книг была одна, но зато какая: большой однотомник Пушкина, изданный в тридцатые годы! Потом удалось достать две кровати, стол, – пожалуй, все. В сенях складывали дрова, стояли ведра с водой (идти до колодца далеко). Около огорода, метрах в двадцати от дома, была уборная.

Мама, окончившая Уральский пединститут, с трудом устроилась на работу бухгалтером в промкомбинат. Отец воевал с бандеровцами, иногда не бывал дома по нескольку недель. Ночью в Почаеве стреляли, днем хоронили убитых. На бандеровцев часто устраивали облавы. После таких облав убитых под присмотром охраны оставляли на несколько суток в центре города для устрашения местного населения. И мы по дороге в школу и обратно видели изуродованные трупы, замечали снятые с пальцев кольца, кем-то утащенные с мертвого домой сапоги. Страх незаметно, но властно и надолго вползал в наши души. Богу молились все – и стар, и мал.

Я пошел в школу в сорок девятом, как и положено, в семь лет. Школа одна – семилетка, язык только украинский. Со мной учились ребята лет на шесть-семь старше меня. Начиная с четвертого-пятого класса, некоторые из них, по возрасту мало отличающиеся от учителей, довольно резко реагировали на плохие отметки. Правда, обходилось без «разборок», образованных все-таки уважали. До одиннадцати лет бабушка водила меня в лавру, там было очень интересно: прекрасное хоровое пение, крестный ход... Молитвы заучивались легко, в смысл произносимых малознакомых слов особо не вникал.

Запомнилась учительница начальных классов Ольга Ивановна Бобрик – молодая, красивая, всегда очень чисто одетая. Второй урок у нее, после знакомства с классом, был пение. И она запела, просто запела без всякого сопровождения укра-

инскую песню. Мы подхватили мелодию и очень старались ей помочь.

Школа располагалась в нескольких конфискованных у лавры помещениях, добротных и теплых. Во время перемен бежали в Успенский или Троицкий (в зависимости от времени года) собор, рассматривали иконы, обрамленные золотом, книги, наблюдали за службой. Иногда, если удавалось, поднимались и на высокую колокольню. Вид на Почаев оттуда незабываемый.

Вечером все торопились в кино. Шли великолепные американские, немецкие или французские трофейные фильмы. Как только, еще без звука, на экране появлялись титры «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома Советской армией немецко-фашистских войск под Берлином в 1945 году», все вокруг замирало и исчезало. Незаметно чужая речь и музыка входили в сознание, хотелось об этом прочитать, еще раз услышать. Пересказ фильмов и книг для сверстников был одним из любимейших моих занятий.

В двадцати пяти километрах от Почаева проходила железная дорога на Львов. Небольшая станция называлась романтично «Радзивиллов», потом ее переименовали в «Червоноармейск». Там же располагалось одно из поместий тех самых Радзивиллов, в семейной библиотеке которых находилась летопись, получившая название Радзивилловской. (Ничего этого я, естественно, не знал тогда и не думал, что судьба сведет меня в БАН с Радзивилловской летописью. Запомнил то, что знали все – в поместном саду очень вкусные яблоки.)

Во втором классе тех, кто уже мог бегло читать, повели записываться в школьную библиотеку. Нас было немного, библиотека тоже маленькая, но своего первого школьного библиотекаря, Елену Никитичну Кондратьеву, запомнил на всю жизнь. Аккуратно одета, заплетенные в косу волосы завязаны узлом на затылке. Елена Никитична внимательно осмотрела наши руки, ногти, разговаривала с каждым отдельно.

– Фамилия, – спросила она, когда подошла моя очередь.

– Чкалов, – ответил я.

– Как Чкалов?

– Нет, я Валерий Павлович Леонов, но хочу быть Чкаловым.

Кто-то засмеялся. Она, оставаясь серьезной и никак не комментируя сказанное, взяла со стола небольшую книжку и подчеркнула, что дает ее только на пять дней. Через пять дней предстояло подготовить пересказ прочитанного с оценкой, что понравилось, а что нет. Так началось внеклассное чтение, интересное, но с обязательной проверкой.

По дороге в лавру располагалась и единственная районная библиотека. В нее записывали школьников после рекомендации Елены Никитичны и с согласия родителей. Что такое почтаевская районная библиотека в начале пятидесятых годов? Много читателей, мало книг, долгие с отметкой очереди за той или иной книгой. Помню, два месяца дождался своей очереди, чтобы прочесть «Белого вождя» Майн Рида (только-только начал выходить его прекрасный шеститомник). А ожидание перерегистрации в конце года, чтобы получить заветный читательский номер в первой десятке! Вроде бы, и игра, а вместе с тем нет – стихийно формировался читательский актив. В санитарный день все приносили из дома клей, бумагу и занимались лечением книг. Высшее доверие, когда тебя просят пойти в фонд и посмотреть, на месте ли стоит разыскиваемая книга.

С электричеством, как и с водой, были перебои. Работал движок. Вечерами, после кино, читали у керосиновой с закопченным стеклом (стекла – огромный дефицит) лампы, а иногда, чтобы не мешать родителям, даже с фонариком в кровати (а что делать, сроки сдачи подошли, а книга еще не прочитана). За это, правда, попадало от старших.

...Я никогда не думал, что стану библиотекарем, музыка влекла сильнее, в моду входили небольшие инструментальные трио, квартеты, квинтеты. Даже на третьем году службы в армии, отдавая себе отчет, что время для профессионального музыкального образования ушло, хотел быть ближе к музыке.

Таким вузом оказался институт культуры. Вопрос какой: московский или ленинградский? Осенью шестьдесят четвертого напросился в эшелон, который вез нам, «старикам», на смену призывников из Коломны для службы в Закавказье. Выкроил день, приехал в Химки, посмотрел московский институт. А поступать решил в ленинградский.

В конце июля шестьдесят пятого впервые приехал в Ленинград для сдачи экзаменов. Поселили нас в спортзале на 4-й Красноармейской улице в Доме Плеханова (спортзал и потом напоминал огромную солдатскую казарму, только одноярусную). Документы подал на отделение технических библиотек: привлекло изучение двух иностранных языков. На техническое отделение был конкурс: четыре человека на место. Сдал экзамены, из возможных пятнадцати набрал двенадцать баллов. После этого Нина Григорьевна Чагина – первый любимый декан – назначила меня старостой шестой группы. Группа оказалась хорошей, больше всего мужчин (трое после армии). Еще абитуриентом записался в читальные залы на Фонтанке, 36, так началось мое постижение библиотечной профессии.

...Первое знакомство с БАН произошло в 1965 году. В курсе «Общего библиотековедения» предполагалось посещение лучших библиотек города. Мы пришли пораньше, я примостился у входа с правой стороны, прочитал расписание работы Библиотеки, смотрел, как по главной лестнице вверх и вниз сновали читатели (тогда думал, что по ней ходят только читатели). Сидя в вестибюле, невозможно было даже вообразить, что когда-то наступит день, и я стану директором этой Библиотеки. В истории библиотечного факультета Института культуры такого случая не было, зато был пример другого рода. Как легенду из года в год студентам рассказывали историю назначения одного из выпускников прошлых лет не кем-нибудь, а дипломатом. Из увиденного в тот день в БАН первокурснику запомнился справочно-библиографический отдел и кабинет библиотековедения. Второй привлекал своей доступностью для студентов.

Скажу честно, входил в постижение специальных дисциплин медленно. Вкус к библиотечному делу и библиографии прорезался где-то к середине третьего года обучения. Мне повезло. Сравнивая то время с сегодняшним, убежден, что успел застать таких учителей в институте, которые были великими педагогами. Георгий Гаврилович Фирсов, Борис Владимирович Банк, Михаил Аркадьевич Брискман, Ирина Васильевна Гудовщикова, Борис Юрьевич Эйдельман, Людмила Вениаминовна Зильберминц, Гертруда Васильевна Гедримович, Аркадий Васильевич Соколов, Анатолий Иванович Манкевич – каждый в отдельности и все вместе сумели как-то без нажима, ненавязчиво, тактично и уважительно приоткрыть дверцу и увлечь в обманчивое своей кажущейся простотой, а в действительности неимоверно сложное и малоизученное библиотечное пространство. Они были мастерами своего дела.

Г.Г. Фирсов читал курс алфавитного каталога. В 307 аудиторию он входил с неизменным полустаканом воды и читал лекцию на одном дыхании, казалось, наизусть. Удивительная память, интересные примеры, хороший юмор. Вместе с Б.Ю. Эйдельманом, преподававшим систематический каталог, они были как две первые скрипки в библиотечном оркестре. Ну где еще, как не в лекционном курсе Эйдельмана, вы могли узнать, что Мельвиль Дьюи, создатель известной на весь мир десятичной классификации, для ее пропаганды в США организовал библиотекарям, принявшим его классификационную систему, бесплатные дома отдыха? А знаменитые пять библиотечных законов Шиали Ранганатана? Впервые – у Георгия Гавриловича.

М.А. Брискман общую библиографию чаще всего читал нам почему-то в 216 аудитории. Помню, был сражен наповал, хотя и мало что понимал, его интерпретацией понятия «библиография». Он раскладывал свои «четвертинки» (лист бумаги, разрезанный на четыре части), испещренные нечитаемым почерком, давал пять-шесть определений и каждый раз, глядя на нас, убежденно говорил: *«Это не библиография... И это*

тоже не библиография». Входивший тогда в литературу термин «библиографоведение» не принимал вообще.

И.В. Гудовщикову впервые услышал еще в студенческом общежитии на проспекте Смирнова, 9. Этого оказалось достаточно. Она рассказывала о поездке по странам Европы в качестве стипендиата ЮНЕСКО. С трудом верил, слушая Ирину Васильевну, что можно наизусть запомнить такое количество иностранных источников и имен. Потом через ее курс иностранной библиографии мы вышли на библиографию технической литературы.

Легендарная Л.В. Зильберминц и очень требовательная Г.В. Гедримович дали мне незабываемый урок на защите курсовой работы. Я понял простую истину: библиотечное дело вечно, ему надо учиться всю жизнь... Так постепенно, но основательно происходил поворот в сторону специальной внеаудиторной подготовки.

Когда А.В. Соколов и А.И. Манкевич стали читать информатику, я был, что называется, готов для ее восприятия. Прекрасное впечатление осталось не только от их лекционных, но и от практических занятий, особенно по экспериментальным оценкам традиционных и нетрадиционных информационно-поисковых систем, которые проводились в кабинете библиотековедения БАН. Во многом благодаря занятиям А.В. Соколова, заведующего кафедрой информатики и его коллег А.И. Манкевича, А.М. Соркина, Т.Н. Колтыпиной был переброшен мостик в сферу моих будущих научных интересов – библиографическому анализу текста, в частности, реферированию и аннотированию научно-технической литературы.

И на факультете, и в научно-исследовательском секторе Института шел процесс формирования профессиональной библиотечной среды, внутри и вокруг которой мы вращались. Думали о дальнейшей учебе в аспирантуре, о преподавательской работе, административными должностями почти не интересовались. Наше поколение до таких высот, как Н.С. Карташов в Новосибирске, который стал директором крупной

академической библиотеки, а затем Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина тогда еще не поднималось. В то время критерии были другие.

Огромное влияние на меня оказала совместная исследовательская работа с московским ВНИИ Информэлектро. Великолепная творческая атмосфера способствовала не только получению нетривиальных научных результатов, но и возникновению многолетней дружбы с Делиром Гасемовичем Лахути, Игорем Степановичем Добронравовым и Евгением Борисовичем Федоровым.

...Директоров библиотек не готовят ни в одном вузе. Ими или становятся, или нет. Причем статус директора Библиотеки Академии наук, как я теперь четко вижу, отличается от статуса директоров Российской национальной или Государственной библиотек не только аббревиатурой. Несмотря на универсальный характер фондов этих библиотек, имеется между ними существенное отличие, возможно, не всеми признаваемое. Из семейства трех крупнейших библиотек России, работающих в Москве и Санкт-Петербурге, Библиотека Академии наук – единственная по своему основному назначению призвана обслуживать фундаментальную науку. Не даром у нее самое большое число (больше трех с половиной тысяч) зарубежных партнеров по книгообмену, не даром в ее коллекциях почти половину всего фонда составляет литература, опубликованная на иностранных языках. Благодаря этому БАН одной из первых чувствует неблагополучие, возникающее в отношениях между наукой и обществом. Я сравниваю ее с мощной рекой, стремительно прокладывающей себе сложную и беспокойную дорогу в горах и ущельях. В постоянном беге ей некогда остановиться, посмотреть на себя, оглянуться; потеря темпа и ритма для нее – вещь опасная. Поэтому каждый входящий в этот дом новый директор вначале должен ощутить БАН словно живой организм, услышать частоту пульса, узнать запас ее прочности, поверить в людей, служащих в ней.

Как директор Библиотеки Академии наук я формировался в очень трудный, сложный и, пусть не покажется странным, двусмысленный период жизни БАН. В конце восьмидесятых продолжался объективный процесс развала библиотечной системы как составной части идеологической деятельности КПСС. Неоднозначная сущность меняющихся лозунгов и призывов проглядывала уже достаточно четко, касалось ли это новой кампании по демократическим выборам руководства или требований полной открытости и доступности библиотечных фондов. Моим предшественникам нужно было обладать сильной волей и твердостью в отстаивании подлинных интересов БАН, чтобы не допустить ее превращения в политическое учреждение.

На фоне распада библиотечных традиций осуществлялось давление и на авторитет руководителя. В частности, описанный мной мощный прессинг В.А. Филова я рассматриваю прежде всего как попытку, направленную на снижение авторитета директора академической библиотеки.

Уже позднее, занимаясь подготовкой к печати материалов «Академического дела. 1929–1931 гг.», обнаружил в деле академика Сергея Федоровича Платонова любопытную выписку из протокола заседания президиума Академии наук от 30 ноября 1927 года. Привожу ее полностью.

«П. 95. Доложено: по вопросу об избрании одного представителя от О<бщего> С<обрания> в Президиум А<кадемии> Н<аук>».

Положено: признать необходимым приравнять должность Директора Библиотеки ввиду ее исключительного значения и связанных с нею многочисленных и сложных административных обязанностей в смысле оплаты к должности Академика-секретаря. Просить Распорядительное Заседание Президиума приглашать в заседания Директора Библиотеки ввиду особого значения этой должности».

...Я давно пришел к выводу, что библиотечная работа как профессиональная область человеческой деятельности по

своему назначению есть работа исключительно артельная, то есть коллективная. В любом артельном производстве, чтобы дело шло эффективно, должны быть отлажены механизмы взаимодействия. Каждый, кто трудится в нашем профессиональном сообществе, ориентируется не только на общие для всех библиотечные нормы и правила, но и на особенности, определяемые статусом библиотеки, составом коллекций, сформировавшимися традициями, накопленным опытом. В этом смысле в Библиотеке Академии наук имеется «свой» фонд, «свой» читатель, свои традиции обслуживания, есть своя популярность – спокойная, деловая, уважительная, без всплесков и отрицательных эмоций.

Тем не менее, многое из того, что я вижу вокруг, мне очень и очень не нравится. К болезненному состоянию библиотечного дела мы как-то привыкли, уже не замечаем и самой болезни. А ведь болезненное состояние определяется не только нищенским финансированием и низкой заработной платой. Это есть следствие. Причины мне видятся в другом. Одна из них лежит на поверхности и заключается в том, что в нашем государстве, несмотря на каскад принятых официальных документов, отсутствует продуманная библиотечная политика, а такого нашествия дилетантов и непрофессионалов, как в библиотечном деле, уверен, в мире больше нет нигде. Это печально, ибо их усилиями создается иллюзия, что дилетанты могут все. Они «знают» все ответы, в том числе на непростые вопросы комплектования, обслуживания, сохранности библиотек. Кажется, предоставь очередному оракулу командное кресло – и завтра все пойдет по-новому. Трагично для нашей культуры, что в ускоренные терапевтические меры все еще верят, и такие назначения, даже на самом высоком уровне, еще происходят. Потом, когда туман рассеивается, ищут и находят виновного, заменяют его другим узким специалистом, а болезнь все дальше и все сильнее загоняют вглубь библиотечного организма.

Я чувствую эту болезнь как свою собственную. Перманентное болезненное состояние отечественного библиотечного

дела не принимаю и не хочу принимать как должное. Наблюдая, анализируя и непосредственно участвуя в библиотечном процессе, я часто испытываю ощущение, что среди руководителей наших библиотек я все-таки «белая ворона». То, что нравится мне, и чему по-хорошему завидую, вижу, к сожалению, не у нас, а в других странах. Артельное дело, как и любое другое, познается в сравнении.

И во время преподавательской работы, и в БАН я стремился следовать советам и заветам своих учителей. Много ездил, смотрел, изучал библиотеки, постоянно учился сам, испытывая недостаток нужных знаний. Ни за одну из научных работ мне не стыдно, они не конъюнктурны, некоторые до сих пор не потеряли своей актуальности.

Помню свои первые впечатления в начале семидесятых годов во время годичной стажировки в США, когда меня в буквальном смысле потрясли американские библиотеки своей функциональной приспособленностью для обслуживания читателей. Потом были библиотеки Венгрии, Канады, Польши, Голландии, Вьетнама, Японии, Швейцарии, Германии, Финляндии, Италии, Швеции, Мексики, Испании, Франции, Китая. Если говорить о библиотечном обслуживании, то, безусловно, прав был В.И. Ленин, назвав «американо-швейцарскую» библиотечную систему, сформировавшуюся еще в начале XX века, лучшей в мире. Она и сейчас по-прежнему вне конкуренции.

С точки зрения сохранности фондов нет конкурентов у Японии. Эта функция у них доведена до абсолюта. В идеальные условия хранения (климат, влажность, температура, системы защиты) они привнесли и свои, чисто японские детали. В Парламентской библиотеке в Токио, например, при переходе из одного хранилища в другое, чтобы не разносить микроорганизмы, надо менять специальную обувь, она разного цвета. Если вы попросили посмотреть рукопись, вам, с разрешения хранителя, ее дадут, но другую уже не позволят: руки надо вымыть.

Написав это, вспомнил реплику одного из американских библиотекарей, посетившего БАН. *«У вас очень много редких*

и ценных изданий, – сказал он, – но почему на полках они стоят так тесно прижавшись друг к другу? Они заслуживают большего уважения». Что ему ответить? Мы, действительно, уже не отдаем отчета даже самим себе в том, что мы имеем и что так плохо храним. Устали бить в колокола, покорно смирились, ждем, пока гром не грянет. Симптомы же запущенной болезни развиваются. Формируется уже синдром, который я назвал бы библиотечным синдромом. Библиотечный синдром, как ни прискорбно, явление не локальное, а общее, поразившее всю библиотечную жизнь страны, во всех ее видах и проявлениях, начиная от разрушения старых непригодных для хранения книг зданий до распада системы профессиональной подготовки библиотекарей.

...Февральский пожар 1988 года стал мощным катализатором, ускорившим созревание синдрома в БАН, и одновременно тяжелейшим испытанием на прочность для руководителя Библиотеки. То, что произошло потом со мной, я тоже оцениваю как одно из проявлений библиотечного синдрома. Попытаюсь кратко его описать.

До моего избрания директором на общем собрании сотрудников, в Библиотеке Академии наук инициативу традиционно удерживало трио – два зама по науке и ученый секретарь. Так сложилось исторически. Директор приглашался со стороны, назначался без согласия бановцев президиумом Академии, являясь, как правило, специалистом другого профиля. Его представляли коллективу, и потом все зависело от степени согласованности действий трио. Оно фактически господствовало на вершине пирамиды управления Библиотекой. Директор особенно глубоко в дела не вникал, продолжая заниматься собственной научной деятельностью. Изредка выступал в печати, чаще всего соавтором, если это были библиотечные проблемы. Интересовался финансированием, в частности, валютным, для приобретения иностранной литературы, международными делами. При относительно устойчивом денежном довольствии отлаженные механизмы работали четко, под

ногами ощущалась твердая почва, особенно если директор лично или через свое профильное отделение был вхож в коридоры президиума Академии наук. Библиотечными узкими специалистами он не занимался вообще, это делали замы.

Со мной так не произошло по двум причинам. Я пришел в БАН не из академической среды, а из вузовской. Следовательно, многое было в новинку. Добавьте еще, что и научный мой багаж принадлежал к другой сфере, где преимущественно развивалось библиотеко- и библиографоведение. Вторая причина была обусловлена чрезвычайными обстоятельствами. Пожар поставил вопрос ребром: или управление будет сконцентрировано в одних руках со всей полнотой ответственности за происходящее, или новая беда опять не за горами. (Сейчас-то я определенно знаю, что если бы и не случилось страшной трагедии, все равно переворот в бановской пирамиде управления был неизбежен.)

Новую дирекцию было предложено формировать на других принципах, а именно – на принципах единоначалия с инициативой, исходящей прежде всего от директора. После первых поездок в другие библиотеки и за границу, возникших новых контактов трио оказалось в замешательстве. Главные роли от них ускользали, а сами они превращались в членов команды одного лидера. Это была уже не просто другая расстановка сил, но другая психология управления, чреватая их отдалением от власти. Росло недовольство перераспределением отделов, переменами в курировании научных направлений. Участились жалобы на непонимание и на недостаток самостоятельности. Это был естественный процесс: ведь раньше они работали бесконтрольно, никому не подчиняясь и устанавливая удобные для себя сроки, «гибкие графики».

Развитие болезненного синдрома начиналось с малого: сначала активная утечка информации из администрации. Кто-то из трио выходит на первые контакты с узкими специалистами. У них появляются общие интересы. Затем на заседании, например, Ученого совета организуется «интеллекту-

альный саботаж» при обсуждении новых тем, предлагаемых руководством. Параллельно распускаются слухи о преобладании личных интересов директора над интересами родной библиотеки.

Следующий более серьезный шаг – переход с одного уровня недовольства на другой, из директорской команды к отделам, в первую очередь, к так называемым элитным, где меньше библиотекарей, а больше научных сотрудников и небиблиотечных специалистов. Процесс этот длительный, он характеризуется сочетанием «интеллектуального» саботажа с обычным, когда предлагаемые темы уже не только подвергаются сомнению, а просто отвергаются под любым предлогом: из-за отсутствия ключевых специалистов, вакансий в штатном расписании, денег, свободного времени, наконец. Многое, конечно, зависит от силы влияния объединенной оппозиции на другие отделы, от числа активных и пассивных ее сторонников.

Если директор оказался слаб духом, он сдается и на этом все затихает. Оппозиция внешне признает его лидером, находит ему удобную нишу, например, поручает «выбивание» денег, представительство на крупных мероприятиях. А на деле все нити управления – кадровые и научные, определение разрядов по тарифной сетке, надбавок и прочего – все сконцентрировано в ее руках. Этот симптом очень опасен для руководителя, поскольку надолго и прочно повязывает его с оппозицией. (А что делать? Хочешь остаться директором, хочешь подольше продержаться в кресле – терпи!)

В случае игнорирования директором условий оппозиции проявляется последний симптом синдрома, условно названный мной «поиски компромата». На этом этапе все становится предельно ясно, игра в слова закончена. Крайности сошлись, независимо от занимаемых должностей. Для оппозиции хороши любые средства: запускается лавина лжи и подтасовок, свидетельствующих о якобы ущемлении интересов учреждения и личной выгоде директора. Активно используются для давления все возможные «крыши». Во все инстанции летят

разоблачительные письма. Бесконечной чередой идут и идут проверки, учреждение постоянно лихорадит.

Наконец, когда выясняется, что ничего не подтвердилось, все кончилось, можно возвращаться к запущенным делам, выпускается из недр злых душ на волю последнее, «секретное», до поры до времени тщательно скрываемое от всеобщего внимания оружие – обвинение в уголовном преступлении. Механизм такого обвинения описан в предисловии, а его этапы – в третьей части моего повествования.

...В этой книге («Библиотечный синдром». – *В.Л.*) я попытался рассказать о том, как мне удалось пройти вместе с Библиотекой через неимоверно трудные восемь лет. Читатель, видимо, заметил, что все эти восемь лет, названные «годы вверх ногами», показаны только с одной стороны, с той, которой они обрушивались на БАН, и соответственно, на меня всей своей силой. Часто волею судьбы, шагающей вслед за нами, мы оказывались в гуще событий. Этой же судьбе было угодно провести меня и Библиотеку через испытание уголовным обвинением и следствием.

Материалов накопилось столько, что множество даже не очень мелких фактов и публикаций пришлось отбросить. Нужен был строгий отбор. Я оставил все девяносто девять документов без пропусков и лишь частично прокомментировал то, что способствовало сохранению моей внутренней независимости. Допускаю, что в чем-то мог ошибиться, возможно, в чем-то был не прав и субъективен. Но уверен в одном. В книге нет лжи. Об остальном судить уже читателю.

* * *

...И вновь передо мной, как и семь с половиной месяцев назад, на Биржевой линии Васильевского острова стоит Дом. Серый как фантом гигант, где трудится огромный коллектив – около девятисот человек и хранятся двенадцать миллионов книг и рукописей. Но для меня он уже не тот Дом, который я хорошо знал, как наивно предполагал ранее, а другой – жесто-

кий и беспощадный, где могут всеми доступными способами унижить, оболгать и уничтожить.

Постановление о прекращении уголовного дела подействовало на большинство жителей Дома как отрезвляющее лекарство. Мои родные, друзья и единомышленники восприняли происшедшее, словно освобождение от кошмара.

У меня в душе не было ликования. На протяжении долгого уголовного марафона я изменился. Я стал другим – что-то потерял, в чем-то разочаровался, что-то растратил. Но каковы бы ни были мои сокровенные мысли, к коллегам надо идти с надеждой и свою роль доиграть до конца.

...А мысли постоянно возвращаются назад, в тот старый Дом, в ту мою Библиотеку Академии наук, которую я как прежний директор оставил уже навсегда.

Санкт-Петербург

Август 1995 г. – февраль 1996 г.

Опубликовано: Библиотечный синдром: Записки директора БАН / В.П. Леонов. СПб.: Облик, 1996. С. 600–616.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аббей Дж.Р. 511
Абрамов К. 98
Аврамеску 162
Агапкин В.И. 67
Агранов А.С. 405
Адейр У. 514
Азадовский М.К. 250, 519
Азгальдов Э.Г. 92, 188
Азрилиян А.Н. 263
Акимова О. 242
Акоев М.А. 518
Акопян Л.О. 83, 327, 328
Аксенова Л.З. 387, 396
Аксфорд Г. 85
Александр Македонский,
царь 319
Александрова Н.О. 252
Алексеева Г.А. 251
Алексей Петрович, царевич
342, 354
Алешин Л.И. 229
Аллахвердов В.М. 140
Алпатов В.М. 417
Алфёров Ж.И. 98, 108, 412,
435–443
Алфёрова Л.Н. 251, 252
Амбарцумян З. 98
Амлинский Л.З. 156
Амман И. 326
Ананьич Б.В. 412, 439
Андерсон Ф. 452
Андреев А.И. 357
Андреева В. 83
Андрей Кесарийский, арх. 9, 29
Анна Иоанновна, имп. 338,
350, 357
Анна Петровна, цесаревна
342
Анохин К.В. 288, 289, 292–
295, 298, 299
Анохин П.К. 270
Антопольский А.Б. 313,
315–317
Аполлоний Родосский 125,
322
Аполлоний Эйдограф 322
Арановский М.Г. 269, 273, 274
Арескин Р.К. 324, 330, 338,
341, 342, 346, 356, 362
Аристарх Самосский 126
Аристарх Самофракийский
322
Аристотель 42, 320
Аристофан Византийский
125, 322

- Арнольди А.А. 407
Артемов В.А. 203, 211
Архимед 126, 319
Асафьев Б.В. (Глебов И.А.)
272, 273
Асеев Ю.А. 287, 299
Астахова Л.В. 300
Ауверманн Д. 373, 392
Афанасьев М.Д. 212
Ахматова А. 64
Ахмеров Ф.Р. 155
Ашнин Ф.Д. 417
- Б**
Бабий З. 65
Байер Г.З. 326, 333, 345
Байков А.А. 520
Бакмейстер И.К. 324, 332,
336, 365
Балосогло А.П. 409
Балухатый С.Д. 519
Банди М. 87
Банк Б.В. 533
Барановский П.Д. 411
Барг А.М. 203, 212
Барг М.А. 203, 211
Баркер Н. 457, 507
Барнард Э. 457
Барсук А.И. 193, 194, 200,
248
Бассетт Д. 299
Батлер П. 84
Батлер С. 77
Баустед У. 487
Бахарева Г.В. 467
Бейкер Г. 458
Бейль П. 358
Бекенштейн И.С. 345
Беккет С. 212
Белоногов Г.Г. 169
Беляева И.М. 506
Беляк Н.В. 81
Бередников Я.И. 366
Берестова Т.Ф. 300
Бержье Ж. 25, 32, 327
Берк К.Р. 346, 357
Бернал Дж. 319, 327
Бернулли Д. 326, 335, 345
Берри Т. 421, 422, 424–426,
428
Бертолеро М. 299
Берхгольц Ф.В. 330, 336
Беспалова Э.К. 251, 300
Беспярых Ю.Н. 336, 337, 357,
417
Бестермен Г. 523
Бех М. фан дер (Фандербек)
333
Бехтерева Н.П. 436
Беше С. 66
Бибиков А.И. 337
Бизе Ж. 65
Бикфорд-Смит В. 450
Биллингтон Дж. 223, 263, 373
Блистен М. 83
Блюменау Д.И. 201
Блюментрост Л.Л. 324, 325,
338, 342, 344, 349, 352, 363
Бобрик О.И. 529
Бобров Д.С. 262

- Богданов А.И. 126, 338, 365, 399
Богданов С.В. 48, 56
Бодике М. 228
Боднарский Б.С. 250, 521
Боккаччо Дж. 126
Болес М.Д. 229
Бомарше П. 81, 82
Бонерт Г. 178
Бонфельд М.Ш. 273
Борисов Ю.А. 33
Боров Т. 523
Бородин А.В. 369, 407
Бородкин Ф.М. 211
Борухович В.Г. 29
Борхес Х.Л. 77, 83, 118, 126, 289, 291, 292, 298
Бота Фрикки Дж.С.Ф. 452
Ботл Р. 150, 151, 179
Бравина В.А. 524
Брамс И. 61
Брачев В.С. 376, 407, 416, 417
Бринк К. 457
Брискман М.А. 248, 533
Бродский И. 74, 83, 395, 397
Брокгауз Ф.А. 355
Брюс Я.В. 324, 342
Бубнов Н.Ю. 398
Буксбаум И.Х. 326, 345
Булгаков М.А. 396
Бун Т. 452
Бун У. 452
Буссе И.Ф. 364
Буш В. 175, 231, 232, 240
Бьюкенен С. 495
Бэр К.Э. 19, 25, 31, 366, 367, 392, 499, 501
Бюльфингер Г.Б. 326, 334, 345, 358
Бюргер М. 345
Бялый Г.А. 519
- В**
Вавилов С.И. 370
Валуев П.А. 410
Ванеев А.Н. 98
Ванягина Е.И. 441, 443
Васенко П.Г. 369, 407
Василевич А.Ф. 197
Василенко Г. 263
Васильев В.И. 402
Василькова А. 32
Вассерман П. 87, 422
Вдовин А. 285, 298, 310, 316
Вебер Х.Ф. 362
Веласкес К. 60, 82,
Велихов Е.П. 227
Венгеров С.А. 250
Вержбицкий Ю.А. 406
Вернадский В.И. 19, 21, 24, 25, 31, 33
Веррет С. 347, 348
Виллис Р. 162, 163, 166
Винар Б. 88, 89
Виниус А.А. 324, 342
Виноградов В.А. 372, 411
Винцгейм Х. 326
Виролайнен М.Н. 81
Витгенштейн Л. 284, 287, 296, 299

- Витрувий, рим. архитектор 320
Вишнякова С.М. 155
Владиславлев И.В. 250
Волкова Н.А. 355
Володин А.Ю. 309, 316
Володин Б.Ф. 109
Вольф Х. 326
Ворнет М. 255
Воробьев Г.Г. 146, 155
Воронцова Е.А. 212
Вохрышева М.Г. 300
Вртель-Верчинский С. 523
Выготский Л.С. 36, 267, 273
- Г**
Гавел В. 393, 396
Галич А.А. 248
Гарелин Н. 327
Гаррисон Г. 85
Гарфилд Ю. 514–518
Гаспаров М.Л. 65, 282, 286
Ге Г.П. 373, 389
Гебенштрейт И.Э. 351
Гевелий Я. 333
Гедримович Г.В. 533, 534
Гей Н.К. 286
Гейнсиус Г. 326
Герасименко А.Ю. 316
Герике Дж.С. 458
Гери-Коок Д. 452
Гери-Коок Р. 452
Герман Я. 345
Герье В. 354
Гете Й. 445
Гёте И.В. 126
Гиббон Э. 458
Гизетти А.А. 369
Гиляревский Р.С. 146, 155, 169, 209, 212
Гиляров М.С. 465
Гинтовт С. 327
Гиппарх 126, 319
Гладковская К. 62
Глеб-Кошаньска Г. 523
Глебов И.А. 230, 372, 389, 392
Глухов А.Г. 251
Гмелин Ф. 342
Гоголь Н.В. 390, 428
Голдхор Г. 87, 89
Головко Г.В. 443
Головнин В.М. 455
Гольдбах Х. 345, 358
Гомер 148, 307
Гомолицкая Т.С. 141
Горбачева Р.М. 373
Горбунов Н.П. 401
Гордин М. 356
Горностаев Ю.М. 191
Городецкий Б.М. 250
Грайнер Л. 426
Грасиа А. де 176
Грац К. дес 508
Гребенщиков И.В. 401
Грей Дж. 451, 452, 453, 454
Гречихин А.А. 41
Григорьев Ю. 98
Гришкин И.И. 154
Гролье Ж. 510, 511

Громов Н.Н. 237, 242
Гросс Х.Ф. 345
Губарева М. 83
Гудовщикова И.В. 190, 519–
527, 533, 534
Гуляев Ю.В. 436
Гутенберг И. 32, 79–81, 224,
225, 228, 235, 473
Гутенмахер Л.И. 177, 188
Гущин А.Д. 154
Гюго В. 44, 55
Гюйссен Г. фон 342

Д

Д'Аламбер Ж.Л. 332, 522
Данте А. 78, 83
Данченко Т.Н. 467
Дарвин Ч.Р. 24, 32
Двинский С. 264
Дворниченко А.Ю. 416
Делиль Ж.Н. 326, 331, 333,
338, 345, 350
Делоне Р. 238
Дембовска М. 523
Деметрий Фалерский 320,
321, 324
Демосфен 323
Деревицкий А.Н. 320, 323,
327, 327
Дессин И. фон 453, 455
Джиго А.А. 263
Джоссельсон Г. 158
Джуисон Н. 221
Дибдин Т.Ф. 43
Дидро Д. 332, 522

Диккенс Ч. 396
Диоген Лаэртский 323
Диоклетиан 322
Дисон Перринс Ч.У. 508, 509
Дифил 323
Добронравов И.С. 127, 128,
190, 201, 535
Добрынин А.Ф. 427
Довгаленко Н.В. 211
Дойл Л. 161
Дойч К. 188
Долби Дж. 164
Долбилов М. 421, 427
Достоевский Ф.М. 22, 396, 428
Дракер П. 213
Дридзе Т.М. 145, 154
Дриккер А.С. 286
Дртина Я. 523
Дружинин В.Г. 438
Друцкий-Подбереский Р.А. 409
Дурново Н.Н. 411
Дусбург Т. ван 238
Дынкин А.А. 227
Дьюи М. 367, 533
Дэвис У. 175, 176
Дювернуа И.Г. 333, 345
Дюмулен И.И. 227
Дюрер А. 9, 10, 33

Е

Евклид 319
Евтушенко Е. 461
Егоров П.И. 467
Екатерина I, имп. 331, 338,
345

Екатерина II, имп. 126, 331,
332, 400, 473
Елена Павловна, вел. кн. 417
Елизавета Петровна, имп.
338, 359, 364
Еремин С.А. 407

Ж

Жданова Г.С. 150, 156
Жебелев С.А. 370
Жинкин Н.И. 15, 30
Жирмунский В.М. 519
Жукова Г.К. 273

З

Заботкина В.И. 211
Заварзин Г.А. 42
Зайдель Х. 445, 448
Залеман К.Г. 367
Залуский И. А. (Й.А.) 353, 360
Замора А. 165
Замятин Е.И. 248
Зандер Л.А. 392
Заозерский А.И. 407
Захаров В.П. 439
Захарченя Б.П. 436
Зверева Т.В. 467
Здобнов Н.В. 98,250
Земсков А.И. 229
Зенодот Эфесский 125, 321
Зибольд Ф. 457
Зильберминц Л.В. 533, 534
Зинченко В.П. 37, 42, 135,
136, 139, 141
Зиссерман П.И. 406

Зотова К. 523
Зубков Н.Н. 56
Зубов Ю.С. 270, 274
Зуляр Ю.А. 263

И

Иван IV, царь 126, 399
Иванов Вяч.Вс. 203, 211
Иверсен Ю.Б. 357
Ийон Тихий 68
Ильинский Г.А. 411
Ильф И. 215, 228
Инге-Вечтомов С.Г. 108
Иноземцев В.Л. 228
Инфельд Л. 119, 140
Иоанн Богослов 9, 33

К

Кабрт И. 523
Кавалло Г. 52, 56
Кавахара К. 457
Казаков С.В. 155
Кайзерлинг Г.-К. 350
Калезер С. 333
Каленов Н.Е. 315, 317
Калинин С.Ю. 263
Каллимах Киренский 122, 123,
125, 321, 322, 325, 327
Каменев Л. 248
Кампстейд. 480
Кандель Б.Л. 524
Каневский Б.П. 98
Карабчиевский Ю.А. 31
Каракс Хулиан 138
Каратыгина Т. 98

- Карл II Станислав Радзивилл, кн. 336
Карпинский А.П. 401, 416
Карташов Н.С. 98, 534
Карьер Ж.-К. 242
Касабова Б.Н. 251, 252
Кассамасима Э. 480, 482
Кауфман И.М. 250
Кверини А.М. (Дж.) 353, 360
Квиллиан М. 161
Кейнс Т. 480, 487
Келдыш Л.В. 443
Келлер Т. 389
Керр Д. 452
Кешкемети Ш. 373, 389
Киндерсли Л. 452
Киплинг Р. 456, 457
Киров С.М. 403, 404
Китс Дж. 460, 462, 474
Китс Т. 462
Климанов Л.Г. 43
Ключонок Н.А. 448
Кнорозов Ю.В. 201
Кобрин К.Р. 240
Ковтун Е.Ф. 241
Коган Е.И. 251
Коган Н. 55
Коготков Д.Я. 212
Козлов У.И. 227
Козлова М.С. 31, 287, 299
Кокерелл С. 485
Колесникова М.Н. 527
Коллисон Р. 523
Колпакова Н.В. 443
Колтыпина Т.Н. 534
Коль Г. 373
Коль И.П. 342, 345
Комаров В.Л. 401
Конан Д.А. 314
Кондоиди А. 342
Кондратьева Е.Н. 530, 531
Кононова М. 68
Константин Константинович, Романов, вел.кн. 405
Конторович А.Э. 261
Копелевич Ю.Х. 360
Корберон М.Д. де 333
Коркунов М.А. 366
Корнеев С. 229
Корсо М.А. 436, 504, 516
Корчагин К. 281, 282, 286, 306, 310
Коршунов О.П. 248, 300, 309
Костыгов В. 336
Котельников В.А. 465
Котельников С.К. 364
Котляревский Н.А. 368
Котов Р.Г. 169
Кохен М. 176, 178
Коэн М. 278, 305, 310
Крайзмер В.А. 467
Краус Г. 473
Крафт Г.В. 326
Крафт Д. 422
Крейденко В.С. 98
Кристи А. 314
Кричевский Г.Г. 201
Кручёных А.Е. 236
Крымская А.С. 418, 433, 434
Ксенобия, имп. 322

- Кувер Р. 219
Кузнецова Н.И. 29
Кулаева Л.М. 31
Кулибин И.П. 409
Кульматова Т.В. 441
Куманова А. 526, 527
Куник А.А. 354, 366, 367
Купреянов Я.П. 406
Куприянов И.Ю. 263
Кураев М.Н. 436
Кутайсов П.И. 409
Кутузов М.И. 220
Куфаев М.Н. 34, 41, 250
Кэн Ж. 444
- Л**
Лазарев С.С. 211
Лайел Д.П. Р. 510
Лайх Х. 424, 429
Ланг Л. 342
Лауфер Ю.М. 248
Лафонтен А. 174, 175
Лахути Д.Г. 31, 83, 190, 191,
201, 309, 327, 396, 535
Лебедев Д.В. 370, 525–527
Лебедева И.Н. 398
Леблон Ж.Б.А. 409
Левашова Л.Г. 506
Левин Г.Л. 264
Левитанский Ю.Д. 239
Лейбниц Г.В. фон 126, 340,
353, 354
Лейтманн И.Г. 345
Леликова Н.К. 212
Лем С. 59, 68, 173, 187, 220,
- 229
Ленин В.И. 538
Ленский Б.В. 43
Леонтьев А.Н. 36, 42, 267, 274
Лепехин М.П. 439
Лепорская А.А. 242
Лесеа К.Р. де 447
Лефевр В.А. 11, 21, 22–24,
29, 31
Лефорт П. 341
Лефорт Ф. 341, 358
Ли С. 178
Лившиц Б. 241
Ликлайдер Дж. 103
Линдсей Д. 457
Липранди И.П. 409
Лисицкий Л. 241
Литвак Л. 226
Лихачев Н.П. 406
Лиховид Т.Ф. 300
Лобачевский Н.И. 126
Лозинский М.Л. 83
Ломоносов М.В. 338, 347,
350, 358, 361, 387
Лопатина Н.В. 300
Лор П. 453
Лукерт Е. 426, 433, 418
Лукерт С. 432
Лукин Е.В. 412, 439
Лун Г. П. 158–160, 163
Луначарский А.В. 416
Льюль Р. 451
Лэндри Ч. 124, 140
Любавский М.К. 406
Лютлова К.В. 371, 467, 522, 526

М

- Майер Ф.Х. 345
Макаров В.Л. 227
Макаров И.М. 93
Макгрегор Дж.С.И. 456
Маккомб Р. 491
Маклюэн М. 461
Малевич К.С. 236, 237, 238,
241, 242
Малеин А.И. 250
Малов А.Ф. 407
Мальклес Л.-Н. 523
Мальябекки А. 40
Мамардашвили М.К. 32, 140
Манген А. 239
Мангуэль А. 56
Мандела Н. 457, 459
Мандельштам О.Э. 17, 37, 38,
42, 135, 139, 141
Манкевич А.И. 533, 534
Маринетти Ф.Т. 45, 47, 55
Маркс К. 24, 32, 257, 263, 392
Маркусова В.А. 514, 515, 518
Марсден (Хобсон) Ш. 512
Мартини Х. 345
Мартинсон Ф.А. 438
Марчук Г.И. 93
Матвеев В.Д. 257, 263
Матюшин М.В. 236, 241
Махаев М.И. 409
Махлуп Ф. 213, 227
Махов А.Е. 285
Машкова М.В. 250, 523
Маяковский В.В. 22, 31, 519
Маяцкий М. 316
Межов В.И. 250
Мейтленд Ф.У. 510
Менандр 323
Мендоса Д.У. де 510, 511
Меннер В.В. 372, 465
Меншиков А.Д. 356, 410
Мертон Т. 57, 60, 68
Мец А.Г. 141
Мидделманн У. 457
Микелотти 326
Миллер Г.Ф. 326, 338, 351, 354
Миллер Д. 421
Мирская Е.З. 208, 212
Михаил Александрович,
Романов, вел.кн. 403, 404
Михайлов А.И. 146, 155, 169,
209, 212
Михайлова Н.И. 263
Михеева Г.В. 251
Михов Н. 523
Модзалевский Б. 355
Можаева Г.В. 316
Моисеев Н.Н. 19, 21, 24, 31
Моисеева А.А. 98, 370
Молотов В.М. 401
Мондриан П. 238
Монтвиллов В. 373, 389
Монтеверде П.А. 409
Монтори К. 429
Моргенштерн И.Г. 43, 300
Моретти Ф. 276–288, 295–299,
305–308, 310, 311, 313, 316
Моррис У. 450, 451
Москалева О.В. 518
Москович В.А. 155

Мотрэ О. де ла (Ламотрэ)
334, 337
Мотылев В.М. 207, 212
Мохов И.А. 522
Моцарт В.А. 70, 81, 82, 360,
473

McMullen Н. 86
Мульченко З.М. 207, 208, 212,
515
Мусоргский М.П. 67
Мэтьюс У. 478
Мясников А.С. 286

Н

Набоков В.В. 12, 13, 14
Нагумнова С.Ф. 298
Надашковская Т.А. 56
Налимов В.В. 207, 208, 212,
271, 274, 515
Наполеон I 220, 386
Нарский И.С. 153
Нартов А.К. 338, 350
Некрасов А.Д. 32
Нельсон Т. 177, 188, 191
Немировский Е.Л. 224, 229
Нестеренко М. 285, 285
Нестлер Ф. 523
Николай II 369, 403–405
Никольская А.Б. 411
Никольский Н.К. 368, 409
Никольский Н.Н. 114
Никсон Г. 480, 483
Никсон Р. 422
Нита М. 449
Новиков Ю.А. 155

Ноздрачёв А.Д. 471
Нойбауэр Г. 459, 460
Нурзе Г. 455
Ньютон И. 105
Ню Хун 390

О

Обухова Л.Ф. 273
Овсиевич Б.А. 109
Овчинников Ю.А. 95, 465
Оганесян М.О. 327, 328
Ойе М. 488
Ольденбург С.Ф. 368, 404, 409
Оргаз К. де 449
Орджоникидзе Г.К. 403, 404,
405
Орехов Б.В. 276, 285, 298, 299
Орлова Е.М. 273
Освальд В. 160, 161
Осипов Ю.С. 228
Остерман А.И. 324, 342
Острой О.С. 251
Откупщикова М.И. 200
Отле П. 174, 175, 187, 188,
222
Оттервик Г. 523

П

Павич М. 229
Павлов И.П. 294, 295, 299
Палаузов С.Н. 409
Палиевский П.В. 286
Панеях В.М. 412, 416, 439
Панов Д.Ю. 155
Панушкин И. 388

- Панченко Ф.В. 398
Парыгина М.Ф. 441
Пастернак Б.Л. 460, 462
Пастернак Л.О. 22
Паузе И.В. 342
Пауэлл Р. 479, 484, 487
Пахтер М. 124, 140
Певзнер Б.Р. 127–129, 134
Пейсли В. 88
Пекарский П.П. 351, 356, 360
Перетц В.Н. 411
Перченоч Ф.Ф. 416
Петерс Я. 369, 405
Петкова З. 523
Петр I, имп. 126, 324, 325, 332,
334–338, 340–345, 347,
348, 351, 353–359, 362,
363, 365, 378, 398, 400
Петр II, имп. 324
Петрарка Ф. 126
Петрицкий В.А. 475
Петров А.П. 436
Петров Е. 228
Петров М.Т. 43
Петров Ф.А. 347, 357
Петрова Е.И. 477
Петрушанская Е.М. 83
Петцхольд Ю. 522
Пиаф Э. 83
Пилкин С.К. 408, 438
Пильщиков И. 281, 286, 306,
310, 312, 313, 316
Пинто О. 523
Писляков В.В. 518
Питкарн А. 324, 342
Плаатье С. 450
Платонов С.Ф. 369, 370, 376,
404, 406, 415, 416, 438,
442, 536
Плисецкая М.М. 65
Плутарх 320
Подковырова В.Г. 9
Покровский Н.Н. 416
Покровский Ф.И. 438
Полилова В.С. 317
Полонников Р.И. 30
Полотовская И.Л. 526
Полунина Г.В. 227
Полушкин В.А. 150, 156
Пономарев Я.А. 268, 274
Попова Л. 238
Поппер К.Р. 23, 24, 31, 118,
140, 394, 396
Потапова Н.Д. 416
Призмент Э.Л. 190
Примаков Е.М. 436
Приходько Н.Н. 263
Пруст М. 32
Птолемей I Сотер 319–321,
324
Птолемей II Филадельф 319,
321, 322
Птолемей Лаг 319
Пузинский В.Ф. 406
Путилов А.С. 406
Пушкин А.С. 30, 33, 48, 64,
68, 70, 81, 82, 343, 387,
399, 409, 428
Пятигорский А.М. 30, 140

Р

Равич Л.М. 250, 251
Радзивилл, кн. 333
Радищев А.Н. 473
Радциг С.И. 156
Райт Ф.Л. 238
Ранганатан Ш.Р. 136, 141, 533
Рапп Д. 455
Рассел Б. 50
Ратнер А.В. 251
Раш Д. 165, 166
Ревель Ж. 62, 69
Резников Г. 164
Рейворд Б.У. 187, 188
Рейтблат А.И. 277, 285
Реомюр Р.А. 326
Ривлин З.И. 98
Рид М. 531
Рильке Р.М. 73
Римский-Корсаков Н.А. 410
Рис А. 117
Ритчи М. 459
Ритчи Н. 452, 459
Рихман Г.В. 326, 331, 347
Рихтер С. 33
Робинсон Г. 164
Рогов С.М. 227
Родс С.Дж. 456, 458, 459
Родченко А. 238
Рождественский К.И. 242
Рождественский С.В. 369,
370, 408, 438
Розанов С.П. 408
Розенталь Е.И. 227
Розов М.А. 23, 32

Рорти Р. 226, 230
Ростов А. 416
Ротшильд Ф. де 511
Рубакин Н.А. 36, 42, 139, 141
Рубашкин В.Ш. 190
Рубисов Г.В. 230
Рудзитский А.И. 242
Рудин Б. 164
Рузвельт Ф. 231
Рунова М.А. 56
Рутткайова К. 523
Рух А. 241
Рыков А. 248
Рышкова С.А. 407
Рюйш Ф. 336

С

Сабор Х.Э. 523
Савельева Е.А. 356
Савин А.В. 392, 393
Савова Е. 523
Савоняк Г. 523
Саган К. 14, 26, 30, 33
Садецкий Ежи 229
Садовский В.Н. 31, 396
Сальвадор Р. 165
Сальери А. 70, 82, 81
Самарин А.Ю. 212, 264
Санг К. 424, 429, 434
Сандерс С. 509
Сандлер Е.М. 451
Сарабьянов Д.В. 242
Сарацевич Т. 150
Саркисов Г.С. 409
Сафиуллина З.А. 270, 274

- Сафон К.Р. 136, 141
Сахаров А.Д. 9, 29
Сахаров В.Ф. 98, 196
Свидзинская М.С. 69
Свиридова К.А. 467
Свифт Д. 15, 30, 217, 218, 228
Селищев А.М. 411
Семевский М.И. 410
Семенова С.Г.
Семеновкер Б.А. 327
Сент-Экзюпери А. де 387
Сергеев А. 30, 33
Сердобольский В.И. 155
Серебряков В.А. 315, 317
Серебрянский Н.И. 408
Серов Н.К. 203, 205, 206, 211
Сеченов И.М. 269, 274
Сиверс А.А. 438
Сигрист С.В. 416
Сидоренко Н.А. 355
Сидоров В.Н. 411
Силверман Р. 480, 503
Симмонс Дж.С.Г. 510, 523
Симон К.Р. 201, 521, 523
Симони П.К. 250
Скарлато О.А. 107
Скворцов В.В. 91, 92
Скиолино Э. 223
Скрибанович Ф.Ф. 408
Скрыпнев Н.П. 522
Скрябин К.Г. 436
Скулачева Т.В. 286
Слоан Г. 326
Слуховский М.И. 329, 335–337
Сляднева Н.А. 300
Смельский М.И. 409
Смирнова М. 141
Смит Б. 279, 280
Соболева Т.Н. 263
Собчук О. 276, 282, 285, 286,
298, 310, 312, 316
Сокальский А.С. 156
Соколов А.В. 112, 115, 190,
248, 300, 309, 533, 534
Соколов П.И. 366
Соколова Е.В. 285, 287, 299,
310, 316
Соколова Л.В. 274
Соловьев В.И. 150, 151, 156,
198, 201
Соловьев В.С. 22
Соловьев С.В. 256, 258, 263
Солт Ш. 478, *см. также*
Уотерс Ш.
Сонькин В. 229
Соргел Д. 179, 422
Соркин А.М. 534
Сосин Е.В. 191
Сотников А.Н. 315, 317
Софокл 323
Спасский Б.В. 436
Сперанский М.М. 356
Спивак Г. 276
Спон У. 491
Срединский Н.К. 409
Срезневский В.И. 367, 368
Срезневский И.И. 417
Сталин И.В. 403, 404
Старкина С.В. 29
Стендаль 386, 396

- Степашин С.В. 412, 439
Стил П. 431
Стоддарт Р. 449
Столяров Ю.Н. 98, 347, 357
Стрижак Н. 429
Суворов С.Г. 140
Суетин Н.М. 242
Сумароков Л.Н. 191
Сухотина-Толстая Т.Л. 396
Сычев П.Н. 411
Сычева Л.С. 309
Сэведж 167
- Т**
Табб У. 223
Таллер М. 309, 316
Тальбот Ф. 457
Тарасов М.А. 467
Тарковский Анд.А. 18, 30
Тарковский Арс.А. 30, 31, 528
Тарле Е.В. 406, 415
Татищев В. 342
Татлин В. 238
Тауберт И.К. 324, 331, 354, 364
Теггерт У. 179, 180
Тейлор Р. 88
Тейяр де Шарден П. 19, 20,
24, 31
Темнов В. 141
Теннисон А. 451
Теплицкая А.В. 264
Теплов Б.М. 36, 43
Теплов Г.Н. 351
Теплов Д.Ю. 248
Тер-Ованесян Д.В. 370
- Тигин Д. 422
Тищенко М.Н. 526, 527, *см.*
также Колесникова М.Н.
Токатлян Ж. 373, 388–390
Толстой Л.Н. 22, 387, 428
Толстой Н.И. 417
Томсинов В.А. 355, 356
Тоннака Ж.-Ф. де 242
Тонони Дж. 293
Тренков Х.Й. 523
ТриолеЭ. 519
Троповский Л.Н. 250
Тропп Э.А. 105, 116
Троцкий Л.Д. 248
Троякова Т.Г. 262
Трушин Ю.В. 442
Тунберг К. 457
Тургенев А.И. 409
Тургенев Н.И. 409
Туровский А. 242
Тутатина Е.А. 314, 317
Тюлина Н. 98
Тюхтин В.С. 156
- У**
Уваров С.С. 365
Удальцова Н. 238
Уилсон С. 38, 39, 42
Украинцев Б.С. 143, 154
Ульянинский Н.Ю. 250
Умберто Э. 219
Уолкер Р. 86
Уолпол Х. 460, 474
Уотерс Д. 429, 479, 486
Уотерс К. 429, 479, 486, 502

- Уотерс М. 429, 479, 486, 502
Уотерс П. 429, 430, 432, 434,
478–506
Уотерс Т. 429
Уотерс Ш. 429, 432, 479, 480,
483, 484, 486–488, 506
Уотерхаус Дж.У. 511
Урнов Д.М. 279, 286
Урсул А.Д. 153, 154, 156
Уткин Б.Т. 43
Ухтомский А.А. 271, 274
Уэлз Р. 144, 154
Уэллс Г. 118, 173, 223, 515
- Ф**
Фаддеев Л.Д. 107
Фарук, король 509
Фауст К. 422
Феарбридж Ч. 455
Федоренко Н.П. 154
Федоров Е.Б. 309, 535
Федоров Н.Ф. 21, 22, 31, 40,
126
Федосеев П.Н. 372
Фейнштейн А. 460
Фейнштейн М. 460
Феофан Прокопович 342
Ферсман А.Е. 369
Фетисов И.И. 408
Фигатнер Ю.П. 403, 404, 405
Фик Г. 342, 356
Филиппов М.М. 25
Филиппов М.С. 370
Филиппова Т.А., 68, 69
Филипченко Ю.А. 31
Филлиппс Т. 509
Филов В.А. 371, 464–468,
470, 471, 476, 496, 516–
518, 528, 536
Филохор 323
Фирсов Г. 98
Фирсов Г.Г. 327, 533
Фиршайн О. 164
Фишлер М. 164
Флеров Г.Н. 372
Фокеев В.А. 300
Фокеродт И.Г. 349
Фокин Н.И. 263
Фокин П.Н. 263
Фолтер М.-Э. 449
Фолтер Р. 449
Фомина Э.А. 439
Фонда Д. 422
Фонотов Г.П. 140
Фонтейн А. 449
Франклин К. 460–463, 474
Франклин С. 460
Франклин Ш. 462
Франковский А. 30
Френ Х.Д. 366
Фрост Р. 338, 353
Фурье Ш. 55, 56, 518
Фюрстенберг Ж. 444
- Х**
Хаммер А. 373, 429, 478
Харди Г.Г. 50, 56
Харитонов В. 264
Харрис К. 430
Хеевер А. ван дер 458

Хелприн Л. 422
Хельмут Я. 121
Хендрикс Б. 432
Хлебников В.В. 29, 236
Хобсон Д. 507
Хобсон Э. 446, 447, 507–509,
511
Хобсон Э.Р.Э., *см.* Хобсон Э.
Хованович Е. 141
Хокинг С. 57, 68
Хофманн Г. 444
Хохлов А.С. 465
Худолей В.В. 468–477
Худолей К.В. 477

Ц

Цамутали А.Н. 439, 412
Цвейг С. 40, 43, 472
Цедеркрейц 331
Цезарь Ю. 322
Целищев В.В. 230
Циолковский К.Э. 22

Ч

Чагина Н.Г. 532
Чайковский П.И. 64, 68, 429
Чебанов В. 263
Чеботарев Г.А. 370
Чемберс Д. 449
Чернухина М.А. 211
Черный А.И. 146, 155, 169,
209, 212
Черчман С. 176
Чихольд Я. 240
Чичерин А. 29

Чкалов В.П. 531
Чубарьян О.С. 98, 99
Чумаков В. 298, 299

Ш

Шаламов В.Т. 248
Шамурин Е.И. 200, 201, 250
Шангин М.А. 408
Шапиро Д.И. 155
Шартье Р. 52, 56
Шафиров П.П. 331, 342
Шахматов А.А. 367, 368
Шварц Юл. 321
Шварцландер Г. 178, 179, 184
Шварцман М.Е. 263
Шебунин А.Н. 353, 355, 356
Шегрен А.М. 366
Шейди Э. 452
Шекспир У. 58, 450, 462
Шеля А. 276, 282, 285, 286,
298, 310, 312, 316
Шеннон К.Э. 143, 144, 154, 293
Шира Дж.Х. 51, 56
Шмидт С.О. 398
Шопен Ф. 62
Шостакович Д.Д. 69
Шрайберг Я.Л. 241
Шрейдер Ю.А. 141, 145, 146,
154, 155, 298, 309
Штейн В.С. 190, 191
Штелин Я. 326, 343, 354, 356,
Штернгарц М.З. 227
Шульц Д. 117
Шумахер А.-Д. 351
Шумахер Д. 351, *см. также*

Шумахер И.Д.
Шумахер И.Д. 59, 126, 323–
325, 327, 331, 334, 338,
339, 341–344, 346–354,
356–360, 362, 364, 402

Щ

Щеглова С.А. 411
Щедрин Р. 65
Щусев А.В. 401

Э

Эвклид 126
Эдмундсон Г. 162, 163, 166,
167
Эйдельман Б.Ю. 98, 533
Эйлер Л. 326, 347, 358
Эйнштейн А. 48, 105, 119, 140
Эйхенбаум Б.М. 519
Эйхенгольц А.Д. 250
Эко У. 228, 242
Эльзон М.Д. 251
Энгельгардт Б.М. 408
Энгельс Ф. 32, 263
Эннис Ф. 85, 88
Эпштейн М.Н. 217, 228
Эратосфен Киренский 322
Эрл Л. 164, 165
Эртель В.А. 366
Этерингтон Д. 495
Эфрон И.А. 355

Ю

Юнг К.Г. 36, 42, 71, 83, 326,
327

Юнгер Е. 83
Юнгер М. 56
Юсупов Р.М. 30

Я

Яковкин И.И. 370, 411
Яковлев В.П. 203, 211, 212
Ярослав Мудрый 400
Ярхо Б.И. 281, 282, 285, 286,
297, 299, 306–308, 310
Яшугин Н.И. 506

А

Abbey J.R. 511
Adams F. 512
Alt F.L. 169
Anderson F. 452
Asheim L. 91
Avramescu A. 170
Axford H.W. 91

В

Baker H. 458
Barker N. 43, 457, 512
Barnard A. 457
Bell A. 513
Berwick Sayers W.C. 141
Bickford-Smith V. 450
Blumentrost L. 325
Bohnert H. 189
Boone Th. 452
Boone W. 452
Borko H. 170
Botha (Frikkie) J.S.F. 452
Bottle R.T. 150, 156, 189

Buchanan S. 495
Bundy M.L. 92
Bush V. 188, 231, 240
Butler P. 91

C

Cain J. 444
Cains T. 480
Carnap R. 187
Chambers D. 449
Churchman C.W. 188
Cohen M. 286, 310
Cumpstey D. 480
Current R. 86

D

Dashkova E. 355
Davis W. 188
Dessin J.N. von 453, 455
Dolby J.L. 164, 170, 171
Doren Ch. Van 188
Doyle L.B. 161, 169
Drucker P.F. 227
Dyson Perrins C.W. 508, 512

E

Earl L.L. 169, 170, 171
Edmundson H.P. 169–171
Ennis R. H. 91
Etherington D. 495

F

Fairbridge Ch.A. 455
Farouk 509
Firschein O. 164, 170, 171

Fischler M.A. 164, 170, 171
Folter M.-A. 449
Folter R. 449
Fontainas A. 449
Forman H.B. 462
Franklin C. 463
Freeman Ch. 327
Furstenberg J. 444

G

Garfield E. 515, 517
Geary-Cooke D. 452
Geary-Cooke R. 452
Gerits A. 43
Getty P. 43
Goldhor H. 91, 92
Gordon P. 512
Graz C. des 508
Grazia A. de 188
Grey G. 451
Grolier J. 510, 511

H

Hagler R. 86
Heever A. van der 458
Hinz W. 355
Hobson A. 448, 512, 513
Hobson A.R.A., см. Hobson A.
Hobson G. 507
Hofmann G. 444
Holbrook J. 459
Holley E. 86

J

Jackson H. 43

Josselson H.H. 169

K

Kajberg L. 92

Keats J. 462

Kenneth L. 227

Kerr D. 452

Kindersley L. 452

Kochen M. 187–189

Kraus H.P. 43

L

Land A. 86

Lash S. 228

Lawton D. 512

Lecea C.R. de 447

Lee S.Y. 189

Leibniz G.W. von 353

Levinas E. 42

Lindsay J. 457

Lipski A. 355

Lor P. 453, 459

Luhn H.P. 169, 189

Lull R. 451

Lyell J.P.R. 510

M

Machlup F. 227

Maitland F.W. 510

Mangen A. 239, 242

Markham S. 43

Massarik F. 188

Mathis B.A. 171

McComb R. 491

McGregor J.S.I. 456

Mendoza D.H. de 510, 511

Merton Th. 68

Middlemann W. 457

Morris C.W. 187

Morris W. 450

Muddiman D. 229

Mueller M. 287, 310

Müller I. 433

N

Neurath O. 187

Nitta M. 449

Nixon H. 480

O

Oey M. 506

Orgaz C. de 449

Oswald V.A. 160, 169

P

Peter des Grossen 355

Phillipps T. 509

Plaatje S. 450

Q

Quillian M.R. 161, 170

R

Ranganathan S.R. 141

Rapp J. 455

Rath G.J. 171

Ratoosh P. 188

Rawski C. 91

Rayward W.B. 229

Resnikoff H.L. 164, 170, 171

Resnick A. 171
Rhodes C.J. 458
Rhodes D.E. 512
Rilke R.M. 83
Ritchie N. 452
Robinson H.P. 164, 170, 171
Rothkopf C.Z. 43
Rubinoff M. 169
Rudin B.D. 164, 170, 171
Rush J.E. 165, 171
Russel B. 56

S

Salvador R. 165, 171
Sandars S. 509
Sandler E.M. 451
Savage T.R. 171
Schady E. 452
Schumacher J.D. 356, 360
Schwarzlander H. 189–191
Sciolino E. 223
Seidel H. 445, 448
Shakespeare W. 461
Shera J.H. 91
Silverman R. 506
Simmons J.S.G. 510, 513
Sivaswami Aiyer P.S. 141
Smith B.H. 285, 286
Soergel D. 189
Spawn W. 491
Spivak G.Ch. 285
Stevens R.E. 92
Stoddard R.E. 43, 449
Sung C. 434
Saracevič T. 156

T

Taggart W.M. 189, 190
Talbot Fox 457
Tennyson A. 451
Tishkin G.A. 355
Tocatlian J.J. 396
Tononi G. 293

W

Walker R.D. 91
Wasserman P. 92
Waterhouse J.W. 511
Waters P. 434, 506
Waters Sh. 505
Wells R. 144
Wells H.G. 187, 229
Werret S. 360
William M. 451
Wissmann S. 43
Wynar B.S. 92
Wyllys R.E. 169, 170

Y

Yevtushenko Ye. 461
Young C.E. 171

Z

Zamora A. 165, 171

Научное издание

Леонов Валерий Павлович

ИЗБРАННОЕ

Оригинал-макет *Л.К. Соколова*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 26.01.2021
Формат 60 x 841/16
Тираж 300 (1-й завод – 100 экз.)
Усл. печ. л. 35,5. Заказ № 6.

Отпечатано в ОПП БАН
199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1